Азиза Джафарзаде

ЗВУЧИТ ПОВСЮДУ ГОЛОС МОЙ

Исторический роман

Copyright – Издательство «Советский писатель», Москва 1981 г.

Авторизованный перевод с азербайджанского М. Гусейновой.

Данный текст не может быть использован в коммерческих целях, кроме как с согласия владельца авторских прав.

Этот роман посвящен жизни и деятельности выдающегося азербайджанского поэта, демократа и просветителя XIX века Сеида Азима Ширвани. Поэт и время, поэт и народ, поэт и общество - вот те узловые моменты, которыми определяется проблематика романа.

Говоря о судьбе поэта, А. Джафарзаде воспроизводит социальную и духовную жизнь эпохи, рисует картины народной жизни, показывает пробуждение народного самосознания, тягу простых людей к знаниям, к справедливости, к общению и дружбе с народами других стран.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Ширван начинается с дорог. Дороги... Бесконечные, бескрайние дороги...

Ведущие в Ширван дороги с незапамятных времен известны торговцам всего мира. И поныне на Востоке вспоминают о караванных путях в Шемаху - сердце Ширвана. До сих пор живут выражения: «караванная дорога в Ширван», «Шемахинская дорога», «Ширванское ханство», «Шемахинский салтанат», «дворец Ширваншахов»...

Приходившие из Индии караваны проделывали долгий путь от левого берега Ганга через Иран, другая дорога шла через Сирию и Месопотамию, по долине Аракса через Армению. Индийские купцы привозили шемахинским красавицам сотканные в Бенаресе тончайшие, переливающиеся всеми цветами радуги шелковые шали, нежную воздушную ткань, предназначавшуюся в Индии для сари.

От берегов Черного моря караванные дороги вели через Грузию к Белокану и Нухе, а уж затем в Шемаху. Из Кафана и Тифлиса везли медь и серебро, из Дагестана свинец и олово. Из близкой Кабалы по этой дороге привозили орехи грецкие, фундук и каштаны.

Сухопутные дороги перемежались водными. Сначала по Волге до Астрахани, а уже из Астрахани через Баку везли в Шемаху шерстяные сукна, красильные материалы, бумажное и холстинное полотно, листовое железо, хозяйственную металлическую утварь.

Ширван пересечен дорогами. Идущие по этим дорогам путники останавливаются на привалы у источников Сеюдлю, Нанели, Гюллю, Минахор, расположившихся с четырех сторон света вокруг Шемахи, ках будто специально для того, чтобы под сенью купы деревьев путешественник мог смыть с себя пыль долгих дорог, привести в порядок одежду.

Да... Ширван начинается с дорог... Шемаха начинается с Базара...

Мы входим в Шемаху тех лет, когда ее еще не потрясли землетрясения 1859, 1872 и 1902 годов, превратившие в развалины лучшие здания и мечети столицы Ширвана, лишившие крова большинство жителей, вспучившие мощенные камнем некогда ровные улицы...

Да, вы вошли в Шемаху, славящуюся веселыми работящими мастерами, из ста пятидесяти тысяч жителей здесь только четыре тысячи мастеров-ремесленников, ткущих полотно, шелковые платки-келагАй, красочные ковры и паласы, ковровую узорчатую ткань для хурджинов и многое, многое другое.

Жители Ширвана славятся гостеприимством, радостными свадебными празднествами, талантом народных певцов и поэтов.

Зайдем в Шемаху тех лет, и если нам повезет, то услышим похожие на легенды рассказы Зейналабдина Ширвани о его путешествиях в Индию, Афганистан, Иран и Аравию. Молодые ширванцы стремились проехать по его следу... Зато чужестранцы из Кашмира, купцы-огнепоклонники облюбовали Шемаху для постоянного места жительства, хотя и не порывают связей с родиной, - закупают в Шемахе разнообразные экзотические для Индии товары и с караванами отправляют.

Шемаха начинается с Базара... Здесь много базаров... Бакалейный и мануфактурный, башмачный и медный, столярный и портновский и даже... Грузинский базар. На Грузинском базаре местные жители общаются с русскими, армянами, молоканами и грузинами, короче говоря, с иноверцами, что не очень-то поощряется в те далекие годы.

Нередко сюда заглядывают подсматривающие и подслушивающие... Стоит появиться здесь молодому мусульманину, как по Базару ползет слух: «Ада, клянусь тобой, чтобы ты увидел мой труп, если вру, только что видел сына Гаджи Мухаммеда, он выходил с Грузинского базара, чтоб он развалился, да еще в обнимку с тем армянином. Чтоб мой язык отсох, если хоть малость наврал!»

Базар... Он похож на живое существо... У него есть голова, сердце, руки... Сердце Базара - Весовая площадь...

Весовая площадь непрерывно работает с утра и до вечера, от вечернего намаза - молитвы до утреннего азана - призыва к молитве.

Главный весовщик Базара Ага Расул держит в памяти все что проходит перед его глазами, о чем просят его купцы и мастера. Он наблюдает за своими учениками, взвешивающими и распределяющими грузы. Первый помощник Ага Расула - Мирза Саттар, заносит сведения в учетную-тетрадь, чтобы потом подсчитать поступающие товары, хотя цепкая память Ага Расула фиксирует все: и что нужно продать завтра, и что следует подготовить для погонщиков верблюдов, и какая часть пошлины с проданного и перевешенного товара пойдет в казиу, а какая останется служащим Базара.

Честность и правдивость Ага Расула стала притчей во языцех. И грамотные, поднаторевшие в вычислениях купцы, и безграмотные погонщики верблюдов доверяют Ага Расулу: «Главный весовщик еще не присвоил крошки чужой!» Даже если забыть у него что-нибудь, можешь быть абсолютно спокоен и заниматься своими делами, а по возвращении, хотя бы по прошествии года, Ага Расул встретит тебя и скажет: «Брат, товар твой я дал такому-то продать, вот твои деньги за вычетом весового сбора, а мешки твои у меня дома, подожди, сейчас пошлю мальчишку - принесет». Или: «Знаешь, брат, цены настоящей за твой груз не давали, так я не продал, подумал, а может, до твоего возвращения подождать, вдруг и цена повысится? Вот я и припрятал твои мешки в хранилище. Эй, Алмардан! Тащи-ка на весы товар нашего приятеля!»

Все знают, что доброе имя дороже всего на свете для Ага Расула. Он готов пойти на смерть, если понадобится защитить свою честь.

Шемаха начинается с Базара... Медные ряды слепят глаза ярким блеском изделий лагичских мастеров: здесь и казаны для плова, с круглым дном, здесь и похожие на шлемы рыцарей высокие крышки для сохранения горячими приправ для плова, дуршлаги огромных размеров, в которых можно промыть целый пуд риса, а у ряда кувшинов мы должны задержаться подольше. Каких только форм не придумали древние художники по меди: похожий на лебедя, вытянувшего тонкую шею, весь устремленный вперед люлеин; гююмы, удобные для переноски на плече; крутобокие пузатые серниджи с двумя ручками по бокам, в них удобно хранить масло, молоко; афтафа - кувшинчик с носиком для ритуального омовения; кувшины и кувшинчики, маленькие и многоведерные, украшенные орнаментом и арабскими и фарсидскими письменами... Рисунки и орнамент восхищают и сегодня.

Да... Ширван начинается с дорог... Шемаха - с Базара... Есть у Базара свои горести, свои тайны, свои печали и радости. Конечно, с непривычки здесь можно и обмануться, ошибиться... Может подвергнуться осмеянию то, что для иного сокровенная тайна, человеческая беда... Но чаще Базар справедлив. Здесь помогут кроткому, беспомощному, неумелому, а негодяй, попытавшийся обмануть, будет с позором отторгнут, изгнан с Базара.

Базар - это живой единый мир. У него свои неписаные законы, свои обычАй, возведенные в ранг закона...

У Базара есть свои постоянные обитатели, свои продавцы, свои покупатели, свой мошенник и юродивый, свой поэт и мудрец, свой толмач и аксакал, свой адвокат и своя

стража, свой староста... Базар - это громадная семья с родными детьми и пасынками, с близкими родственниками и приезжими гостями, с умными детьми и горе-детьми, уродами в семье... У него свое горе, свои хвори, свои праздники и радости. Но чужаку этого не понять, не увидеть, и горе тому, кто захочет поведать чужаку эти тайны.

Страшен гнев его обитателей... И мы не раз увидим, как порой послушна толпа какому-нибудь невежде.

Вы чувствуете ароматные запахи Бакалейного ряда? Пахнет пряностями и свежими чуреками! Из халвовой лавки, что на углу, вышел босоногий высокий мужчина с лотком на голове, по его застиранной, выцветшей одежде вы сразу догадались, что он из бедняков. Его господин держит в Бакалейном ряду лавку восточных сластей, а он служит у господина лотошником: зимой и летом в любую погоду на протяжении всего дня не снимает лоток с головы, У него вы можете купить исфаганские пряности, кун-жутовую и ореховую халву из Нухи, тающую во рту пахлаву и другие сладости, а летом вдобавок ко всему он продает лед. В обязанность лотошника входит обслуживание Мануфактурных рядов. Переходя из лавки в лавку, он распродает свой товар.

Невозможно представить себе Мануфактурные ряды без лотошника Гусейна, прозванного Етимом - Сиротой. Возраст его никому не ведом, у кого ни спросишь, каждый кажет: «Я знаю Сироту Гусейна с тех пор, как открыл глаза» Сирота Гусейн всегда что-то напевает, лоток раскачивается в такт его шагам, и, если вы хотите узнать самые новые шемахинские песни, прислушайтесь к неразборчивому бормотанию лотошника.

Поспешим за Сиротой Гусейном и войдем в шемахинский Базар середины прошлого века...

На небольшой открытой площади в самом начале Базара под огромной развесистой шелковицей на камне сидит красивый, аккуратно одетый человек, которого знает вся Шемаха. Он - распорядитель всевозможных празднеств. Зовут его Джавад, но в Шемахе он известен как Джинн Джавад, Бес Джавад, так его прозвали за остроумие и находчивость. Вокруг Джинн Джавада всегда толпится народ, вот и сейчас к нему не пробраться, он совсем не бывает в одиночестве. С Джинн Джавадом мы еще встретимся не раз, а сейчас поспешим за Сиротой Гусейном в Мануфактурные ряды, которые для Шемахи всегда были главными в ее торговых делах. Из многолюдного Ширвана, с шемахинского Базара по многим дорогам Азии и Европы везли знаменитый шелк-сырец. Везли генуэзские и венецианские купцы, везли в Италию и Францию, где из него ткали отличный бархат, плотный шелковый репс, тончайший, как паутинка, фай.

Постоянный поверенный английского двора не покидает Шемаху. Из вытканных здесь шелков он придирчиво отбирает самые нежные, самые красочные, тщательно их проверяет и лишь тогда покупает. Молодая королева Виктория, только недавно вышедшая замуж, очень любит рядиться в шемахинские шелка, да и фрейлины двора следуют моде, диктуемой королевой.

В Мануфактурных рядах идет бойкая торговля шелком-сырцом и изделиями ширванцев.

Мануфактурный базар - длинная улица, не наспех вымощенная речным камнем умельцами камнетесами. По обеим сторонам ее ряды лавок. Здесь сравнительно чисто. Метельщик, труд которого сообща оплачивается купцами, каждое утро тщательно метет улицу, поливает в жаркое время, а за специальную плату протирает окна и застекленные двери лавок.

Самая нарядная лавка, не лавка, а магазин, принадлежит Гаджи Асаду. Богатей Гаджи Асад первым в Шемахе расширил окна и вставил в витрины толстые стекла с белым выгравированным рисунком. Витрины привлекали шемахинцев образцами товаров. На широких прилавках внутри было удобно раскладывать и показывать парчу, шелк, муслин, полотно, бенаресские шали.

Гаджи Асад вел торговлю на широкую ногу. Его лавка славилась товарами, привозимыми из далеких стран. Здесь и марселин - легкая шелковая ткань из Марселя, фай - прозрачный, изготовляемый из крученой шелковой пряжи из Лиона, откуда привозят и блестящий, глянцевитый, чисто шерстяной люстрин, который по карману лишь богатому беку. Из Нанкина караванщики доставляют Гаджи Асаду нанку - плотную бельевую ткань, оттуда же и блестящий, плотный, переливающийся всеми цветами радуги муар. Из России привозят плис и пике, изготовляемые из отбеленного тонко выделанного льна.

Гаджи Асад не доверяет приказчикам, он предпочитает, чтобы за прилавком стоял его собственный сын Тарлан.

«У кого пастух свой, у того овцы двойней ягнятся!» - любит говаривать он. Гаджи Асад мечтал видеть сына удачливым купцом, для этого он вводил Тарлана в курс своих дел, знакомил с нужными людьми.

Шемахинцы, славящиеся умением метко характеризовать людей, приклеили Гаджи Асаду кличку «Закрытый», то ли за скаредность, то ли за замкнутость; и то, и другое было очень присуще Гаджи Асаду. Но он не обижался и даже гордился кличкой. «Купец должен быть закрытым», - говорил, а иногда, разозлившись, бил себя ладонью по широкой мясистой груди: «Меня Закрытым зовут!»

Как и подобает правоверному мусульманину, Гаджи Асад начисто сбривает волосы с головы, кажется, что она приставлена к мощному торсу: короткая шея состоит из множества нависающих жирных складок. Когда Закрытый сердится, лицо его, без единого волоска, не считая кустистых рыжеватых бровей, заливает багровая краснота, как будто медный казан начистили до блеска песком. Широченные брюки и просторная белая рубаха не могут скрыть огромного живота. Поверх рубахи на Закрытом всегда надет архалук, приталенный и стянутый шерстяным кушаком.

Однажды у ближайшего соседа Гаджи Асада по Мануфактурному ряду - Гаджи Кадыра - спросили, откуда появилась кличка «Закрытый». На что Гаджи Кадыр ответил: «Ей-богу, не знаю, «открытый» он или «закрытый», о что я знаю точно: язык у него не на замке, как услышит что-нибудь, тотчас разнесет по всему свету».

У самого Гаджи Кадыра лавка не такая роскошная, как у Гаджи Асада, она и поменьше, и победнее, хотя совсем недавно ее хозяин отремонтировал старое помещение. В противоположность соседу, Гаджи Кадыр худой как жердь. Кривой длинный нос, подобно клюву орла, нависает над толстыми лиловыми, как баклажаны, губами, постоянно шепчущими молитвы. Гаджи Кадыр красит густые волосы, усы и лохматую бороду хной и басмой, оттого у него не отыщешь ни одного седого волоска. Он постоянно носит похожую на халат длиннополую чуху из верблюжьей шерсти, которую подвязывает куском тонкой шерстяной ткани, привезенной им из Мекки. И Кадыр, и Асад совершили паломничество в Мекку, священный город мусульман, и в Медину, к могиле пророка Мухаммеда, поэтому их и называют Гаджи Кадыр и Гаджи Асад. Каждая мусульманская святыня, если ее посетить, прибавляет к имени владельца уважительное «Гаджи» -

побывавшему в Мекке и Медине, или «Мешади», если посетил Мешхед, где похоронен имам Рза, или же «Кербалаи» и «Кебле» за паломничество к могиле имама Гусейна в Кербелу.

Гаджи Кадыр, как говорится, больше самого аллаха верит в чудодейственную силу священных мест. У него заветная цель - посетить все мусульманские святыни, поклониться им. Гаджи Кадыр очень религиозен и строго совершает намаз, как и положено мусульманину, пять раз в день. И хоть вера его в святыни безмерна, в делах торговли он ничему не верит, каждую сделку много раз обдумывает, проверяет и никому никогда не перепоручает своих финансовых операций.

Лавка напротив Гаджи Кадыра принадлежит потомственным купцам. Дед нынешних владельцев, правоверный мусульманин Ганбар, в свое время посетил Кербелу и поклонился мавзолеям святых имамов, оттого его называли Кербалаи Ганбар. Его сын Гаджи Гусейн торговал в этой же лавке, а теперь лавку после смерти деда и отца унаследовали трое братьев - Исмаил, Вели и Мухаммед. Старшему, Исмаилу, двадцать лет, но он уже настоящий купец, ему помогает в торговле Вели - молчаливый скромный подросток, а смуглый мальчик Мухаммед, любимец семьи, только начал ходить к молле, учиться писать и читать.

Друзья покойного отца помогают молодому купцу советами, но самый горячий благожелатель Исмаила Главный весовщик Ага Расул. Когда путь его проходит через Мануфактурные ряды, он обязательно заходит в лавку Исмаила, помогает ему наладить связи с погонщиками верблюдов, когда есть необходимость, дает поручительство за молодого купца. Очень верный друг!

Ниже лавки Исмаила располагаются чайхана и питихана чайханщика Мануфактурного ряда Алмухтара.

Алмухтар очень аккуратный и чистоплотный человек, каким и должен быть чайханщик. Его чайхана славится прекрасно заваренным чаем. Этой обязанности он не доверяет никому. Заваривает чай всегда сам Алмухтар. Один из его помощников - ученик Сейфи - кипятит у дверей гигантские медные самовары. На крики купцов: «Ага Алмухтар, два чая!», «Ага Алмухтар, один чай!» - откликается Сейфи. Он ловко выстрАйвает на медном подносе чайники, предварительно налитые Алмухтаром, и пиалы и бежит на голос заказчика. Сейфи собирает и моет посуду, Алмухтар занят только завариванием чая и сбором выручки. В питихане второй помощник Алмухтара наливает готовый пити в горшочки и ставит горшочки в тендыр и по мере необходимости по указанию Алмухтара устанавливает горячие горшочки на поднос Сейфи, а тот разносит пити заказчикам.

Огромные самовары заливает водой и поднимает сам Алмухтар. Он хотя и невысокий, но очень сильный человек, гигантские самовары кипящими устанавливает на деревянную подставку. В молодости он много раз участвовал в богатырских схватках на свадьбах, он и сейчас любит борьбу, но теперь это не подобает его положению и возрасту. Чайханщик очень набожный человек, подобно Гаджи Кадыру у него есть мечта: собрать необходимое количество денег, чтобы отправиться на поклонение мусульманским святыням. Во время мухаррама - месяца траура по убиенному имаму Гусейну - Алмухтар, как и другие фанатически верующие, с таким рвением истязает себя, что целый месяц после траура с его спины и груди не сходят синяки и ссадины.

В самом центре Мануфактурного ряда стоит заглянуть в небольшой магазин, который ничего общего не имеет с аршинными товарами, с торговлей шелком и полотном. Этот

магазин принадлежит торговцу книгами Мешади Гуламу. Он тоже поклонялся святым местам, но посетил не Мекку и не Кербелу, а совершил паломничество в Мешхед, и оттого Гулама зовут Мешади Гулам. У Мешади Гулама есть и прозвище. Со своей неизменной склонностью дарить всем новые клички шемахинская публика называет Мешади Гулама «Золотой Гулам» за меткое, сказанное вовремя золотое слово.

В магазин Мешади Гулама приходят поэты и любители поэзии. И хоть Шемаха во многих странах славится своим шелком, любители книг и поэзии в этих далеких странах знают книготорговца Мешади Гулама. В самых крупных городах Востока каллиграфы, составители диванов - сборников стихотворений, принадлежащих одному автору-поэту, переписчики дорогостоящих коранов и красочно орнаментированных книг заочно знакомы с Мешади Гуламом. С караванами торговцы книгами пересылают ему для продажи в Шемахе жизнеописания великих людей, книги по истории и географии, знаменитые поэмы Фирдоуси и Навои. Мешади Гулам заказывает у местных каллиграфов из Шемахи, Гянджи и Шуши «Хамсу» Низами Гянджеви - пять знаменитых поэм, и снова караваны везут книги, но теперь от Мешади Гулама в дальние страны.

Мешади Гулам знает вкусы своих клиентов. Хотя прибыль у Мешади Гулама невелика, торговля у него не в застое, ничего не залеживается на полках. В книжном магазине всегда много народа: здесь и купцы, прибывшие с грузами в Шемаху, здесь и шемахинцы - любители поэзии. В зимние месяцы, когда покупателей на Базаре немного, к Мешади Гуламу приходят и соседи-лавочники, послушать стихи, которые книготорговец охотно читает. У Мешади Гулама было одно увлечение: эпиграммы и памфлеты. Стоит ему услышать или прочитать у кого-нибудь новую эпиграмму, как Мешади Гулам записывает ее, а потом просит шемахинского каллиграфа и «немножечко поэта» Наджафгулу переписать красивым почерком. Книготорговец держит в тайне имена любителей этих эпиграмм, которые покупают у него переписанные Наджафгулу листки. Копии эпиграмм он хранит у себя. Продавая ценителю, Гулам просит сохранить в тайне и свое имя.

Специально для Мешади Гулама купец Гаджи Асад заказывает у своих знакомцев, караванщиков-арабов, марокен - тисненый сафьян из Марокко, идущий на переплеты я дорогих коранов и сборников знаменитых поэтов.

Я думаю, что достаточно познакомила вас с обитателями Мануфактурного ряда, впрочем, нет, я совсем забыла об одном человеке. Хотя он и не владелец чайханы или мануфактурной лавки, и вообще у него нет собственности ни на одном из рядов Базара, но вся жизнь этого человека связана с Базаром, с жизнью самой Шемахи. Это водонос Багы, прозванный, так уж водится в Ширване, где каждый имеет прозвище, Сарча - воробей. Сарча Багы разносит воду по домам и лавкам. Никак не можешь себе представить, как маленький, хилый, тщедушный человек поит водой целый город. Его босые растрескавшиеся красные ступни без устали снуют за покорным ослом в течение всего года от родника по улицам Шемахи к базарным рядам и обратно. Подумайте, сколько ему предстоит перелить воды в казаны, тазы! Наполнив у родника свои кувшины, Сарча Багы осторожно устанавливает их в хурджины, висящие с обоих боков осла, закрывает крышками и везет в город. Как только у входа в Базар раздается пронзительный крик Сарча Багы, ученики лавочников тотчас выносят к дверям посуду для воды. У дверей и ворот его поджидают хозяйки и служанки. Заслышав призывный клич водоноса, они проворно выставляют за ворота посуду и благодарят Сарча Багы.

Ну, теперь, кажется, наше знакомство действительно состоялось. Запомните только большое двухэтажное здание в самом конце Мануфактурных рядов. Это шемахинский караван-сарай, принадлежащий местному аристократу Махмуду-аге. Перед ним на

возвышении разбит цветник, садовник Махмуда-аги присматривает за цветами. И Махмуду-аге, и гостям караван-сарая нравятся цветы под окнами.

От караван-сарая Махмуда-аги до Грузинского базара рукой подать. Налево от цветника в гору идет улица. Чуть ниже Джума-мечети и начинается Грузинский базар, начинается двухэтажной аптекой с огромными светлыми окнами. Известно, что аптека принадлежит образованной грузинской госпоже, но никто ее никогда не видел. Верхний этаж с большими светлыми комнатами арендует армянин-фармацевт, в нижнем этаже - питейное заведение. Оно привлекает к себе молодых шемахинцев. И хотя события, о которых я хочу рассказать, происходили не здесь, но влияние на жизнь Шемахи это питейное заведение все же оказывает.

А теперь, я надеюсь, наше предварительное знакомство с Базаром, а заодно и с городом, хоть и затянулось, но было все же необходимым, - и оно подошло к концу. Вы узнали кое-кого из тех, кому предстоит сыграть свою роль в нашем повествовании. Но мы совсем не говорили о наших главных героях, жизнь которых заставила меня взять в руки перо. Моих главных героев вы увидите потом. Итак, как говорится у нас в народе, желаю вам терпения, а себе - умения.

ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН

Десяти - и тридцатилинейные керосиновые лампы, только войдя в моду в Шемахе, загорелись и в доме Махмуда-аги. На высоких и низких подставках, сделанных из розового, салатного, голубого фарфора и фаянса, сверкали начищенные стекла. Широкие фитили, ровно подрезанные, горели ярким пламенем. Похожие на вазы лампы украшали гостиную Махмуда-аги. Сегодня здесь ждали гостей.

У стен просторной комнаты стояли шкафы, украшенные ажурной резьбой. На полках теснились большие и маленькие фарфоровые пиалы, сосуды из молочного стекла, вазы, графины, сахарницы из цветного стекла, вставленные в серебряные подставки. Горкой высились английские фаянсовые плоские тарелки, специально для плова купленные хозяином в Баку. Полы гостиной устланы пушистыми коврами, вокруг ковров направо и налево от входной двери специально для гостей приготовлены мутаки, подушки, тюфячки в расшитых бархатных чехлах. В одной из ниш стенного шкафа высятся стопкой сложенные одеяла, стеганные по пестрому муару и атласу. На мраморной надкаминной полке - кальян ширазской работы. Перед камином в ожидании гостей расположилась группа музыкантов и танцовщиц. Музыканты - тарист, зурнач, кеманчист, барабанщик, - усевшись на низкой тахте, тихонько настрАйвали инструменты, слева от них присели на ковер восемь девушек-танцовщиц, совсем рядом с ними устроилась на тюфячке певица с бубном в руках.

Хозяин дома Махмуд-ага приветствовал каждого входящего гостя и любезно показывал место, куда приглашенный усаживался. Согласно обычаю, хозяин собственноручно передавал вновь пришедшему стакан чаю, принесенного слугой, как только гость переступал порог гостиной. Гость выпивал чай, и Махмуд-ага любезно беседовал с ним.

Когда Сеид Азим впервые переступил порог гостиной Махмуда-аги, он тотчас отыскал взглядом своего приятеля Рза-бека, пригласившего его на торжество к Махмуду-аге.

Молодой человек пришел сюда втайне от матери только по настоянию Рза-бека и своего друга Тарлана - сына купца Гаджи Асада.

Рза-бек, наклонившись к Махмуду-аге, что-то ему сказал, тогда хозяин с доброжелательной и сердечной улыбкой обратился к Сеиду Азиму и предложил ему сесть рядом с Тарланом. Передавая молодому человеку стакан чаю, Махмуд-ага внимательно всмотрелся в нового гостя. По его лицу угадывались и волнение, и смущение. Молодой мусульманин из достойной, принадлежащей к потомкам пророка семьи, на что указывает обращение «Сеид», никогда не видел чужих женщин, сидящих рядом с мужчинами с открытыми лицами. От стыда Азим покраснел, он чувствовал какое-то странное волнение. Не знал, куда девать руки. Все, что Сеид Азим увидел в гостиной Махмуда-аги, никак не вязалось с теми наставлениями, которые он выслушивал постоянно от своей матери. Ей определенно придется не по душе его сегодняшний визит. Он украдкой оглядел молодых мужчин, сидевших рядом с ним, по их возбужденным лицам угадывалось нетерпение. Гости пили чай, вполголоса беседовали, но музыка и танцы пока не начинались. Видимо, кого-то ждали.

У дверей возник какой-то шум, Махмуд-ага поднялся с мутаки, за ним и другие гости поднялись на ноги, кто-то прошептал на ухо Сеиду Азиму:

- Сегодня настоящий меджлис! У Махмуда-аги заграничный гость, то ли француз, то ли русский. Наверно, это его ждали!

Махмуд-ага пошел навстречу человеку, стремительными шагами вошедшему в комнату. Он отличался от всех присутствующих одеждой, внешним обликом, манерой держаться. Хозяин встретил гостя посреди комнаты, пожал протянутую ему руку и заговорил с ним на непонятном Сеиду Азиму языке. Продолжая держать гостя за руку, Махмуд-ага подвел его к широкому низкому табурету, покрытому ковровой тканью, и усадил.

- Господа, мой гость - князь Григорий Григорьевич Гагарин. - И тут же обратился к князю по-русски: Извините, князь, я вас хочу представить нашей публике. - И продолжил на своем языке: - Наш гость очень уважаемый человек, объездил всю Европу, жил в Париже, Риме, Стамбуле. Он - представитель профессии, которой у нас нет, которая недоступна нам, мусульманам. Князь Гагарин - художник, портретист. Я сейчас попытаюсь объяснить, что это такое. Наша религия запрещает воспроизводить человеческие лица, поэтому наши художники свое мастерство вкладывают в оформление кораноов, книг. Кто был в лавке у Мешади Гулама, тот видел красочно орнаментированные сборники стихов. Наш гость приехал к нам на Кавказ не впервые. Еще в годы войны с горцами он сам отважно сражался с мятежниками и, как художник, сохранил потомкам лица героев и сцены боев. Сейчас князь - гость царского наместника на Кавказе, князя Воронцова. Мы рады, что он приехал к нам, чтобы нарисовать нас, шемахинцев, запечатлеть на картинах наши лица, приметы нашего быта и жизни. У христиан это разрешено.

Новопришедший приковал к себе взгляды всех присутствующих. Он понимал, что хозяин дома Махмуд-ага рассказывает о нем, и прислушивался к звучанию незнакомого языка. Будто чувствуя вину за то, что внес сумятицу, князь смущенно улыбался. Светлоглазый и светловолосый, с тонким нервным лицом, он с интересом разглядывал комнату и гостей. Задержал взгляд на высоком молодом человеке с добродушной улыбкой и горящими щеками.

Костюм князя резко контрастировал с одеждой шемахинцев. На госте был светло-серый сюртук, застегнутый на все пуговицы. Лишь он один сидел с непокрытой головой, в

отличие от остальных, не снявших папахи. Видимо, знакомый с местными обычаями, туфли он снял у входа. Цепкий взгляд его перебегал с одного лица на другое, с одного предмета на другой. Он внимательно осматривал все, каждую вещь, красочные одежды женщин и музыкантов. Присутствующие видели гостя впервые, но его пытливый взгляд не смущал их, казалось, что он каждому предлагает свою дружбу.

Сеид Азим понял, что меджлис-торжество началось, слуги собрали пустые стаканы на подносы и унесли. Махмуд-ага дал знак, и музыканты зАйграли. Одна из девушек поднялась и вышла на середину комнаты. Танцевальная мелодия повела ее за собой. Сеид Азим услышал громкий шепот: «Сона! Сона!» Тарлан тихо сказал на ухо Сеиду Азиму: «Сона - лучшая из чанги».

«Чанги». Сеид Азим не раз слышал это ругательное слово. «Чанги - развратница, чанги - бесстыжая, чанги - злодейка». Так вот она какая - «чанги».

Тонкое красивое лицо девушки, казалось, светилось изнутри. Нежная, как лепесток чайной розы, кожа, чуть розовые губы. Наряд девушки только подчеркивал удивительную грациозность ее походки и движений. Поверх светлой шелковой блузы с широкими разлетающимися рукавами был надет из кармазина, красной тонкой шерсти, архалук - туго стягивающий стан жилет с короткими рукавами. Из-под длинной темно-вишневой атласной юбки выглядывали маленькие ступни в пестрых шерстяных носочках. Узкий серебряный поясок подчеркивал тонкую талию. Прозрачная бенаресская шаль, подхваченная изящной золотой диадемой, ниспадала на плечи вместе с длинными черными косами. Лоб обрамляли мелкие кудри. Наряд Соны дополняли золотые ожерелья, висящие подобно тычинкам цветка, серьги прекрасной работы.

Разговоры прекратились, все взгляды были устремлены на Сону. Убедившись в том, что привлекла внимание всех участников меджлиса, Сона, приложив правую руку к груди, низко поклонилась и начала свой танец. Сначала, слегка покачивая бедрами, она сделала первый круг, потом, все убыстряя темп, поплыла по комнате. Легкий шелк юбки не скрывал очертаний высоких стройных ног, взлетели над головой тонкие руки, соединились изящные кисти, и вот они уже под подбородком, блестящие миндалевидные глаза только следят за движениями рук, горделивая голова не шевельнется.

Девушки-танцовщицы, не скрывая интереса, следили за каждым движением Соны. Их красочные наряды заметно уступали наряду Соны, только на двух чанги - Ганди и Бадам - было так же много золотых украшений, но красотой с танцующей чанги могла сравниться лишь самая молодая - Ниса. Девушки покачивались в такт движениям Соны, тихонько подпевали.

Гости с восхищением следили за танцем красавицы. В такт мелодии прищелкивали языками и ударяли в ладони, то и дело слышались возгласы: «Ай, молодец!», «Прекрасно!», «Великолепно!»

Гость Махмуда-аги князь Гагарин неотрывно следил за всем происходящим. Он незаметно открыл альбом и зарисовал в него все, что привлекало его внимание: позы танцующей Соны, непринужденно сидящих девушек, одежду слуг и гостей. Лицо его раскраснелось, он стремительно делал зарисовки, переворачивая страницу за страницей. Все надо сохранить в памяти, впитать как губка на будущее. Его покорили и музыка, и танец, необычная, яркая красота женщин, степенность в поведении молодых мужчин, таких свирепых с первого взгляда. Он непременно создаст галерею восточных красавиц.

А Сона будто не слышала голосов, не видела следящих за ней глаз. Музыка, набирая силу, от плавной, текучей мелодии перешла к буре. И Сона, чувствуя ее переходы, всем существом передавала их в танце. Бедра ее описывали быстрые ритмичные круги, теперь ноги ее не бежали куда-то, а помогали телу вибрировать. Показалось, что нежная истома сменилась бурной страстью, теперь танцевала каждая клеточка женского тела. Пара извивающихся вокруг нее как змеи кос, завитки волос на лбу взлетали в такт движениям бедер. Щеки пылали, глаза были полуприкрыты, тело источало возбуждающий запах мускуса - восточных благовоний. На висках и у насурьмленных бровей появились мелкие капельки пота, но усталости не чувствовалось в танце.

Молодой Сеид Азим был покорен чарующим танцем красавицы. Он понимал, что видит совершенство и тела, и танца. Именно так должна выглядеть пери из сказок, принцесса из снов, гурия, которую суждено увидеть правоверному мусульманину в миру ином. А тут гурия во плоти. Меджлис в доме Махмуда-аги показался уголком воображаемого рая.

Сеид Азим ощущал двойственность, разлад с самим собой. В мозгу жили догмы, считающие грешным этот танец, грешной женщину, танцующую перед другими людьми. Но разве может такая красота и гармония быть грешной? Сеида Азима потрясло увиденное и услышанное им впервые. Сомнения смущали его душу: «Если ты приносишь человеку радость, на время заставляешь его забыть о заботах повседневной жизни, почему, почему твое искусство, твой дар - это грех? Сона! Почему ты считаешься низшим существом? Почему «чанги - развратница»? Почему «чанги - бесстыжая»? Почему грешно смотреть на тебя, наслаждаться твоим волшебным танцем? Чем райские гурии отличаются от тебя? Только тем, что они обещаны на том свете, а ты, Сона, здесь, рядом... Сеид Азим понимал, что мысли его богохульство, но не мог не сомневаться. В нем будто спорили два различных человека, противоречивших один другому, то, что один утверждал, другой отбрасывал.

Вопросы... Вопросы без ответов. Он не мог найти правильный ответ. Это вопрос не из тех, о котором можно посоветоваться с кази - мусульманским судьей. И у ахунда ответа не получишь. Разве мало Азим наслушался советов, когда к его деду - ахунду приходили религиозные люди за нравоучительной беседой. Особенно запомнился Мешади Имамгулу, старик, чья память с возрастом ослабела, и он ошибался при сотворении намаза. Мешади Имамгулу часто приходил в комнату деда. Скинув в дверях шлепанцы, переступал порог, держась рукой за стену, с трудом, кряхтя, как старый верблюд, переваливаясь, опускался на колени. Подпихнув другой рукой под свои тощие ноги тюфячок, он долгое время приходил в себя, успокАйвал учащенное дыхание, потом, не сразу, проводил узловатой рукой по белой как снег бороде, привычно осенял лицо ритуальным молитвенным прикосновением перед началом беседы с высоким по положению и знаниям мусульманским священнослужителем:

- Ахунд-ага, да будет аллах милостив к тебе, сомнение у меня между второй и третьей молитвой...

Дед долго и терпеливо объяснял. Мешади Имамгулу, не надеясь, что запомнит на будущее объяснения ахунда, начинал подряд повторять всю фразу, произнесенную дедом:

- Если сомневаешься между второй и третьей молитвой, нужно... - Но что нужно, он уже запомнить не мог.

И ахунд терпеливо повторял все сначала. А маленький Азим, сидящий в углу и учивший до того с дедом азы мусульманской премудрости, еле сдерживался, чтобы не сказать

гостю: «Эй, сын покойного, лучше лишний раз помолись, чем столько раз переспрашивать!»

Однажды Мешади Имамгулу пришел выяснить очень странный вопрос. Едва переступив порог, он начал причитать:

- Ахунд-ага, да поместит аллах твоего высокочтимого отца в рай, со мной несчастье приключилось, несчастье приключилось...

- Снова сомнения одолели? - чуть слышно спросил ахунд...

- Нет, нет, ахунд-ага, с тех тор, как, по совету дочери Кербалаи Расула, подавая хлеб нищему, я от этого хлеба отломил кусочек, разделил на две части, один тут же съел, а другую половину положил под подушку, память у меня улучшилась, я больше в намазе не ошибаюсь, и сомнения покинули меня.

- Так что же привело тебя, почтенный, ко мне?

- Ох, несчастье случилось, ох, несчастье случилось! Господин ахунд! Сейчас я поведаю тебе все. От ночного дождя дорогу развезло, ни пройти, ни проехать. Вышел я поутру из дому вниз к площади весов. Впереди меня шел молоканин, ну тот, что на мельнице мастером, молоканин Василь, он шел, с трудом выдирая ноги из месива, в которое превратилась дорога, а я старался не наступать на его след. Но вдруг из-под ноги этого неверного брызнула фонтаном грязь и попала на мою чистошерстяную длиннополую абу, а эту абу я купил и освятил в святых местах, в Мешхеде, у могилы имама Рза. Теперь не знаю, как быть: вычистить, когда грязь высохнет, или постирать? Если вычистить грязь, вдруг останется частичка, незаметная глазу, и тогда аба будет все равно осквернена, а это мне не по сердцу, вот я и пришел к тебе за советом, ахунд-ага. Ведь и стирать верхнюю одежду трудно! А без абы мне в холодное время не обойтись...

Чтобы успокоить Мешади Имамгулу, ахунд сказал:

- Абу следует почистить так, чтобы ничего не осталось. От сухого сухому ничего не будет, слава аллаху...

Но Мешади Имамгулу не мог успокоиться.

- Но ведь грязь попала вместе с водой, а вода промочила ткань! А ткань чистошерстяная, ручной выделки, из Мешхеда!

Тут уж раздражение овладело не только маленьким Азимом, но и самим ахундом. С сожалением взглянув на жалкого, невежественного собеседника, ахунд терпеливо сказал:

- Конечно, вода была, но она испарилась, ее больше нет.

... Сеид Азим на мгновенье увидел давних собеседников, услышал их голоса, увидел в углу той комнаты маленького Азима. Где та комната и где сегодняшний меджлис?

Пока Сеид Азим возвращался в прошлое, Сона закончила свой танец и села к девушкам. Музыканты отдыхали, настрАйвали инструменты.

Стихли разговоры, полилась мелодия мугама. Печальная прекрасная мелодия потрясла русского гостя. Наклонившись к хозяину дома, он тихо спросил:

- Что это за чудесная симфония? Я слышал народных музыкантов и на Северном Кавказе, и в Тифлисе, еще в свой первый приезд на Кавказ в действующую армию, но подобной музыки мне слышать не доводилось.

- Да, вы правы, наши народные мугамы - это симфонии со своими музыкальными темами. Иногда это целый рассказ о подвиге, иногда лирическая поэма о любви. Случается, что в мугаме одна тема сменяет другую и тогда мугам особенно близок к симфонии. Вот сейчас музыканты исполняют лирический мугам под названьем «Кабили».

Теперь запел Наджафгулу, о котором мы говорили как о прекрасном каллиграфе и поэте. Но исполнявшийся певцом мугам был переложением на музыку известного фарсидского стиха:

Долго ль мне в тишине горевать и шептать:

«О да буду я жертвой твоей!»

О позволь наконец тебе громко сказать:

«О да буду я жертвой твоей!»1

И снова Сеидом Азимом овладели мысли о Соне. Слова фарсидской газели натолкнули на новую для него рифму, незаметно для него самого начала рождаться газель с новым редифом2 и размером. Слова звучали все яснее и яснее, и он не заметил, как музыканты и девушки-танцовщицы покинули комнату. Мысли теснились в его голове: «До каких пор человек должен будет скрывать свои чувства? Разве сокровенные желания обязательно греховны? Почему воспрещается говорить о любви и прекрасных женщинах? Даже восторженное признание «да буду я твоей жертвой» можно сказать во всеуслышанье только на таких вот меджлисах, о посещении которых не расскажешь даже у себя дома! Когда мусульманину будут дозволены любовные мечты? Почему стольких вещей следует стесняться? Почему страх перед старшим останавливает его в признании истины? До каких пор летучие мыши будут затмевать яркие лучи солнца своими черными крыльями? До каких пор, да буду я твоей жертвой?»

Новая газель, воспевающая земные радости, отдавалась ударами сердца, он обращался к символу красоты, который с этого дня, по его убеждению, мог связываться лишь с красотой только что увиденной танцующей чанги.

Махмуд-ага незаметно руководил меджлисом. Слуги принесли и унесли воду в кувшинах и тазы для споласкивания рук. Расстелили на коврах скатерти.

На больших фарфоровых блюдах исходит душистым паром шафранный плов с тмином. На скатерти теснятся большие пиалы с гарнирами и приправами к плову, разноцветные кувшины с прохладительными напитками.

Махмуд-ага особенное внимание уделял князю Гагарину, не знакомому, как казалось хозяину, с обычаями Востока, но не упускал из поля зрения ни одного из гостей. Особенно его занимал молодой Сеид Азим. Казалось, что молодой человек не замечает, что ест, что делает; видно было, что мысли его далеко. Рза-бек рекомендовал его как тонкого поэта. «Надо получше с ним познакомиться», - подумал Махмуд-ага.

Уже убрали посуду, принесли кувшины и тазы для споласкивания рук, когда Махмуд-ага обратился к Сеиду Азиму:

- Говорят, вы пишете стихи, Ага, нам будет приятно, если вы прочтете что-нибудь, соответствующее нашему сегодняшнему, меджлису любителей поэзии и музыки.

Сеид Азим понял, что общество устраивает ему нечто вроде экзамена... Тут неуместны ни смущение, ни излишняя скромность. Не он ли сам минуту назад задавался вопросом: «До каких пор мы будем опасаться произнести собственное суждение, выразить собственное желание?» Ему представился случай вслух произнести то, что родилось только что на этом меджлисе. Пусть родившаяся здесь газель прозвучит впервые тоже здесь. Жаль, Сона не услышит этих строк, не узнает, что Сеид Азим сочинил их, вдохновленный ее танцем...

Если господа позволят... - начал он, заливаясь краской.

Со всех сторон отозвались голоса:

- Просим!

- Пожалуйста!

- Начинай!

Он приподнялся на коленях и постепенно нарастающим, усиливающимся голосом начал газель.

Князь Гагарин с интересом прислушивался к мелодии незнакомой речи. Это не было похоже на чтение русских или французских стихов. В том, что читал молодой человек с умными, внимательными глазами, не чувствовалось ритмики, знакомой князю, скорее всего это напоминало морской прибой: волна то ударяет, то откатывается и затихает... Что-то в этом стихосложении напоминало мугам, который давеча исполняли музыканты. Он улавливал в конце каждого периода повторяющиеся слова:

Зашатался, упал, потерял я сознанье и речь, как Муса,

Потому что божественный свет, как и он, пред собой увидал.

Был рожден мусульманином я, стал красавицы нежной рабом,

Потому что сиянье Мухаммеда в ней лишь одной увидал.

Не увижу я больше ее, вот и плачу теперь день и ночь,

Словно только вчера, как во сне, все, что было со мной, увидал.

Как только затих голос Сеид Азима, раздались восторженные отклики:

- Какой талант!

- Молодец, хорошим поэтом будет!

- Не «будет», а уже есть поэт!

- Ах, земля Ширвана! Кто выпил глоток ее воды - уже поэт...

- Ты из каждого родника по целому озеру выпиваешь, что ж поэтом не становишься?

- Откуда знаешь, что не становлюсь?..

- Да, и в самом деле красоту меджлиса Махмуда-аги можно сравнить разве что с прекрасным сном!

Но были и другие голоса:

- Детка, как скоро ты отрекся от мусульманства и решил стать шейхом Сананом, полюбившим христианку? Может быть, тоже собираешься пасти свиней своей возлюбленной?

Шутки и смех усилились. Махмуд-ага торопливо переводил князю сначала содержание газели, а потом и разговоры по поводу нее. О шейхе Санане, влюбленном в христианку и согласившемся ради нее пасти стадо свиней, он тоже рассказал... Во время перевода губы художника мягко подрагивали в улыбке. Как только Махмуд-ага кончил, князь поднялся, подошел к поэту и крепко пожал ему руку.

Сеид Азим, ожидавший слов одобрения от Махмуда-аги, растерялся от рукопожатия князя, сердце его колотилось, ему казалось, что все это слышат. Но он понял, что экзамен при госте сдал успешно.

Махмуд-ага, молча наблюдавший эту сцену, медленно и не без довольства проговорил:

- Браво, Сеид, если бы я услышал эту газель от другого, если бы не увидел в ней примет нашего меджлиса, то подумал бы, что она принадлежит перу великого Физули. Молодец, клянусь памятью покойного отца, ты прославил наше сегодняшнее торжество, возвысил нас перед князем. Вот и он восхищен гармонией ее звучания. Его, как и всех нас, восхитило то, что газель эта сочинена экспромтом, у нас на глазах. Прошу тебя, Ага, запиши ее, и пусть Наджафгулу ее перепишет и заучит для наших будущих меджлисов!

Гости расходились под впечатлением прекрасного вечера: великолепный танец красавицы Соны, неожиданные стихи Сеида Азима, такие мелодичные и смелые...

Сеид Азим и Тарлан вышли вместе. Оба были взволнованы... Для поэта это был особенный день. Впервые он вынес на публичный суд свои стихи, да еще такие неожиданные для него самого; впервые он присутствовал на подобном собрании ценителей муз. Музыка звучала еще в его ушах, перед глазами все еще танцевала Сона... Его сравнили с великим Физули, перед чьей поэзией он преклонялся. Только от одного этого сравнения может закружиться голова. В душе его зрели новые надежды... Его произведения будут нравиться, их будут заучивать нАйзусть, подобно тому как он заучивал полюбившиеся строки Низами и Физули...

Дед Сеида Азима - Ахунд Гусейн часто говорил внуку: «В Ширване под каждым могильным камнем лежит поэт... Я заметил, сын мой, что ремесел ты сторонишься. Увлекаясь науками, изучая серьезно богословие, ты и моллой не хочешь стать. По своему характеру ты не сможешь стать слугой этого пути. Но быть слугой пера значит быть слугой правды. Чем правдивее ты будешь писать, тем больше будешь нуждаться. Если не будешь клонить голову перед владетельными беками, жизнь твоя пройдет в мучениях и бедности, как у великого Хагани, похороненного на чужбине, как у царственного шейха Низами Гянджеви, как у служителя в мавзолее имама Гусейна в Кербеле могучего Физули. Ты будешь вечно виноват перед своей семьей, которую не сможешь накормить. Берясь за перо, ты прежде должен подумать о грядущих днях, заранее быть готовым на страдания, унижения, попреки. А мало ли хулителей-невежд? Ты будешь живым распят на кресте, как Иисус, тебе отрубят голову, как имаму Гусейну в Кербеле! Жизнь истинного поэта всегда кончается трагически. Выдержишь ли ты все это? Пути поэта устланы не цветами, они заросли колючками... Ради одного пуда пшеницы, одного мельничного помола муки нельзя сочинять незаслуженные оды-восхваления, это недостойно настоящего поэта. Это к лицу только грамотным бакалейщикам, которые, выдумав себе пышный псевдоним, принимаются между делом за стихотворство... В Ширване есть поговорка, что каждый бакалейщик мнит себя поэтом. Но поэт не должен думать, что он бакалейщик, он не должен свою поэзию взвешивать на весах и продавать! Поэзия, поэтический дар - великое сокровище. Коран сочинен в стихах, поэтому быстро овладевает умами. Пророк благословенный хорошо постиг эту прекрасную особенность поэзии... Но не все рифмованное есть поэзия... Если, сын мой, у тебя талант большого поэта, не делай его товаром для продажи!» Сеид Азим и сейчас, спустя годы, не осмелился бы прервать деда... Губы его шептали:

В день, когда мне четырнадцать минуло лет,

Не о роскоши, блеске стал думать я, нет.

Светом знания жизнь озарилась моя.

С тех пор поэт замкнулся в своем мире, мире воображения и поэзии. Не знал и не предвидел тогда юный поэт, что сбудутся пророчества деда: жизнь его пройдет в постоянной нужде и лишениях. Не только о красоте, о прекрасном будет петь его муза - напишет он и такие едкие сатиры, как «Поминки по псу», «Проповедь духовника», «Эпиграмма на шемахинских беков», и наживет своим творчеством сотни врагов, что вынудит его бедность писать стихотворные письма-подношения, полные похвал приятелям бекам... Но в эту минуту ни о чем подобном Сеид Азим не помышлял, будущее он видел в розовом свете.

Идущий с ним рядом Тарлан был погружен в свои собственные думы, жил в своем мире. Перед его глазами танцевала Сона, Тарлану казалось, что он читал каждый жест ее, каждое движение прекрасных рук, чувствовал, что взгляд ее выражает боль и страдание. Он был полон любви, но кто согласится признать эту любовь?! Как заявить о ней? Не говоря о фанатично религиозных родителях, он не может признаться в своей любви к Соне даже такому редкому человеку, как его друг Сеид Азим... Тарлан готов был скитаться ради любимой по пустыне подобно Муджнуну, как Фархад киркой пробить туннель в скале... Но имя назвать ее он не смел. На чанги лежал позор, запрет. Никому на всем белом свете он не мог признаться, что хочет жениться на Соне, что ради нее готов на смерть... «Я горю на медленном огне, но никто не знает о моем горе... И хорошо, что не знает, иначе начнут смеяться, издеваться надо мной».

Внезапно Тарлан прервал затянувшееся молчание:

- Ага, прошу тебя, напиши для меня газель!

- Как это «для меня»?

- Я ее... - он замялся.

- Ты хочешь, чтобы я посвятил ее тебе или кому-нибудь другому?

- Я пошлю ее одному человеку...

- Кому, если не секрет? - Сеид Азим внимательно взглянул в глаза Тарлана. Из-под густых сросшихся бровей на поэта смотрели ясные светлые глаза, наполненные невысказанной мукой. «Э, да парень, видно, влюблен и скрывает это...» - Не волнуйся, брат, я разве не знаю, что наши мужчины тщательно скрывают имя своей любимой... Но если сердце твое полнится любовью, это прекрасно... Очень добрая весть, да поможет аллах, и свадьба не заставит себя долго ждать. А от меня подарком будет газель, не осуди за малость, как говорится, подарок дервиша - лишь зеленый листок.

Тарлан лишний раз оценил деликатность друга. Он не мог сказать, для кого просит сочинить газель. Даже во сне не дай аллах произнести имя своей любимой, чтобы об этом не узнали мать и отец.

Друзья вышли к берегу реки. Оба умыли прохладной водой раскрасневшиеся лица, сели на камни. У самых ног бились о валуны журчащие воды Зогалавай.

Сеид Азим задумчиво смотрел на бегущую пенящуюся реку.

- Если сам любишь и знаешь, что тебе отвечают тем же, - это великое счастье! А как быть тем, кто должен беспрекословно исполнять родительскую волю, надеясь только на россказии и домыслы свахи, советы близких и дальних родственников, которые не знают, что творится в сердце того, кто женится или выходит замуж! Меня оторопь берет, когда подумаю о своей будущей женитьбе... Кого для меня сосватают? Уродину или красавицу - не столь важно... Каким она будет человеком, добрым или злым, покладистым или упрямым? Как много тяжелых последствий тянется за такими женитьбами вслепую! Ах, что я тебе голову морочу, ты и сам все прекрасно знаешь, надеюсь, у тебя так не произойдет... Не хмурься понапрасну, напишу для тебя газель.

Они помолчали.

- Эх, друг мой, наступит ли такое время, когда каждый молодой человек сам сможет решить свою судьбу? Увидит девушку, полюбит, женится. Выберет по своему вкусу, и если не повезет, то никого винить за свои неудачи не станет. И мед его, и горечь его. Не будет посредников-сватов. Человек сам построит семью, сообразуясь со своими желаниями и вкусами, а не представлениями о счастье своих родственников. Я так им завидую, молодым людям будущего, которые будут свободны от плена обычаев и невежества, и посылаю им через годы свой привет!

Тарлан восхищенно выслушал эту пламенную речь и, поддавшись возвышенному состоянию духа молодого поэта, воскликнул непроизвольно:

- Привет!

Оба внезапно рассмеялись и встали с облегчением, на минуту им показалось, что будущее почти рядом.

... Во время вечернего азана они вошли в район Галабазара. Звонкий голос Кебле Мурвата сзывал правоверных к вечернему намазу: «Идите к лучшему из дел!»

Подходя к дому Сеида Азима, молодые люди встретили ближайшего соседа его по кварталу Мешади Ганбара. Держа в руке узелок из домотканой разрисованной материи, он возвращался из бани после вечернего омовения.

Пять ежедневных молитв обязательны для всякого мусульманина, но прежде чем приблизиться к богу, правоверный должен непременно очиститься от скверны. Омовение должно всегда предшествовать молитве: чистой, не оскверненной водой нужно омыть лицо, руки до локтей, голову, ноги, иначе молитва считается недействительной. А уж затем можно и помолиться. Не обязательно совершать это в мечети, можно молиться и дома или даже под открытым небом на специальном ритуальном коврике. Мешади Ганбар никогда в жизни не пропустил ни ритуального омовения, ни молитвы. Неодобрительным взглядом одарил он своего соседа и сына Гаджи Асада: только больные и потерявшие здравый ум могут пренебречь намазом! Чистое, свежее после бани лицо старика от негодования покраснело. Не сказав молодым людям ни словечка, он закрыл за собою свои ворота. Пройдя в угол двора, он привычным движением расстелил джанамаз - ритуальный коврик - и замер на миг, подняв руки до уровня плеч. Мешади проникновенно произнес: «Аллах превелик!» Вложив левую ладонь в правую, он начал читать первую суру корана, потом склонился так, что его ладони коснулись колен, снова выпрямился и с надеждой произнес: «Аллах слушает того, кто воздает ему хвалу!» Старик стал коленями на свой коврик, приложил ладони к земле и наконец распростерся плашмя на ковре, снова приподнялся на колени и снова распростерся. Когда он сел, поджав под себя ноги, лицо его было умиротворено, а губы шептали: «Да будет на вас милосердие аллаха...» Он посмотрел сначала направо, потом налево и снова произнес последние слова.

... Алое утро вставало над Шемахой. Природа окрасила близлежащие окрестности всеми оттенками красного - от бледно-розового до густо-малинового. Но вот небо засветлело, засинело, яркое солнце поднялось над зелеными лугами.

Сеид Азим спустился к зарослям ивняка на берегу Зогалавай. Здесь он часто договаривался о встрече с Тарланом, они часами беседовали под неумолчный шум реки. Когда же он приходил сюда один, то не тяготился безлюдьем: тотчас безудержное воображение занимало его ум... Печальный ритм, отбиваемый волнами реки, незаметно настрАйвал его на ритм газели. Он ощущал ритмику и в контрастном чередовании кипарисов и длинноволосых ив на берегу Зогалавай, ему грезился танец стройных высоких кипарисов с печальными ивами - танец дочерей и сыновей его родного Ширвана.

Сеида Азима часто посещали мысли о быстротечности жизни. Все проходит, как бегущая перед ним река... Но она текла по этим местам и тысячи лет назад, только капли воды каждую секунду другие. Так и жизнь... Жизнь, вечная жизнь продолжается, лишь люди в каждую эпоху другие... Человечество похоже на реку, а люди - на капли в ней... Только о некоторых тысячелетия сохраняют память, о тех, кем человечество гордится...»

Поэт записывал только что рожденную газель на листках, разложенных на коленях. С ним всегда была чернильница с сухими чернилами и тростниковая ручка. Вдруг его внимание привлекла тень вдалеке. «Кто бы это мог быть?» Он ожидал Тарлана, если бы тому удалось вырваться из лавки отца, но Тарлан не мог прийти с того берега реки... Сеид Азим поднялся и подошел к самой воде, чтобы рассмотреть, кто находится на противоположном скалистом берегу.

С первого взгляда Сеиду Азиму стало ясно, что человек, расхаживающий по плоской, будто срезанной огромным ножом, вершине скалы, уроженец чужих краев. Короткий черный плащ развевался на ветру. Незнакомец то подходил к вертикально стоящему щиту, то отходил от него. Приближаясь к щиту, он трогал его какой-то палкой, отдаляясь, прикладывал палку к другой руке. Непонятные движения незнакомца разбередили любопытство Сеида Азима. Он спустился чуть ниже по течению, где поперек русла можно было по мелководью перейти реку по крупным черным камням. Перепрыгивая с одного камня на другой, он легко преодолел преграду и по извилистой тропке поднялся на скалу. Только тут он узнал в незнакомце гостя Махмуда-аги, с которым давеча познакомился.

«Князь Гагарин» - называл его Махмуд-ага. Как правильно к нему следует обращаться? Просто назвать его «князем» или с фамилией? Интересно, как в России обращаются к незнакомому человеку? Вот у нас не всегда нужно называть имя человека; если хочешь оказать уважение старшему или молодому, но уже заслужившему почет, то можно назвать его «ага», и самому приятно, и тому, к кому обращаешься, ясно, как ты к нему относишься».

Князь Гагарин обернулся на шорох шагов. При виде молодого поэта на сухощавом, бледном лице его появилась легкая улыбка. Сеид Азим тоже улыбнулся. Этот первый обмен улыбками мгновенно сблизил их. Князь положил на землю небольшую круглую дощечку, на которой соседствовали холмики жирных красок, завернул в мокрую тряпицу тонкие кисти, те, что Сеид Азим издали принял за палки, и пошел навстречу поэту. Он протянул приветственно руки, но тотчас опустил их: вспомнил, что мусульманам запрещено религией касаться иноверцев. Но Сеид Азим сам взял художника за руки. Они молча трясли друг другу руки и улыбались. Голова художника была не покрыта, горный ветерок шевелил светлокудрые, доходящие до плеч шелковистые волосы.

Понимая, что молодого мусульманина привело сюда любопытство, художник, хоть и не любил показывать кому бы то ни было неоконченную работу, подвел Сеида Азима к мольберту. Изумление и восторг овладели поэтом. Перед ним воскресла сцена в доме Махмуда-аги: танцующая Сона смотрела прямо ему в глаза, другие девушки следили за ее

танцем... «О аллах, какое чудо совершает этот белолицый человек! Как похожи эти девушки, они просто живые, а Сона, кажется мне или нет, сейчас поднимет руки и замашет ими, как голубка крыльями...» Он приблизился вплотную к картине и, едва не касаясь пальцами, стал называть девушек по именам: «Иззет... Гэнди... Ниса... Сона...»

Князь довольно рассмеялся: «Узнал, значит, получилось... Видно, что нравится моя работа...»

- Ну как, хорошо?

Сеид Азим понял, что художник ждет от него слов, оценивающих его труд. От молокан и русских на Базаре он не раз слышал слово «хорошо», понимал его значение, поэтому сразу же отозвался на вопросы:

- Хорошо, хорошо, много хорошо!

Он потрогал раму, на которой был натянут холст, и князь тотчас сказал: «Мольберт, это мольберт». Сеид Азим улыбкой дал понять, что оценил догадливость художника. До этой минуты он никогда в жизни не видел, как рисуют картины, не видел и сами картины. Обучаясь письму, он много часов просидел рядом с каллиграфом Наджафгулу, ему привелось наблюдать за орнаментовкой коранов и диванов иллюстратора Гаджи Гафура-эфенди. Его восхищала тонкая изощренная роспись, которая так украшала рукописные сборники стихов. Но то, что он увидел сегодня, перевернуло его представления о возможностях человеческого таланта. Художник смог передать точный облик Соны, хотелось потрогать рукой тончайший шелк ее блузки, угадывался более плотный атлас на юбке. Сеиду Азиму чудилось, что еще минута - и полные пунцовые губы Соны разомкнет улыбка: и она заговорит с ним, расскажет о своих мечтах, желаниях... «О аллах, будь милосердным! Почему грешно оживлять образ дорогого человека, почему не следует изображать красивых людей? Наши моллы говорят, будто ты, о великий и всемогущий, за каждый портрет, нарисованный вживе, в мире ином потребуешь душу художника, вынудишь оживить изображенного человека... Как прекрасна Сона, но она чанги, а это тоже грешно... Почему все прекрасное - грех?»

Художник внимательно следил за выражением лица молодого человека. «Как он красив! Вот бы попросить его немного попозировать мне. Но как ему это объяснить? У него умное одухотворенное лицо, лучшей натуры придумать невозможно! Как жаль, что не знаю языка». Он обвел рукой вокруг лица Соны и раздельно произнес: «Портрет». Сеид Азии понимающе кивнул. Князь показал рукой вдаль и сказал: «Пейзаж», но в глазах поэта не прочел понимания... К сожалению, не все можно объяснить мимикой, жестами.

Молча любовались поэт и художник этим удивительным уголком Ширвана. Ежеминутно под тенью стремительно летящих облаков меняли свою окраску горы, ущелья, покрытые цветами луга, листва деревьев вдоль дорог и берегов журчащей Зогалавай. Не было рядом переводчика, который мог им рассказать, что оба с одинаковым восторгом созерцали открывающиеся перед ними картины, и хоть родились они в местах, далеких друг другу, поклонялись разным богам, но чувствовали и думали в эту минуту одинаково.

... Им мог бы помочь Махмуд-ага, но в этот час под звуки печального мугама, исполняемого на тонкоструннoй кеманче, он пребывал в послеобеденной полудреме; только смена музыкальных инструментов и ритм мелодии пробудит его от приятного сна. Выпьет пиалу прекрасно заваренного чая и будет готов к приходу гостей. И снова музыка, танцы и стихи усладят слух пришедших на меджлис...

Давайте оставим новых друзей на приречной скале, ведь мы не в силах им помочь, и поспешим в другое место, к другим нашим героям, посмотрим, как складываются их судьбы...

Нас ждут прекрасные цветы Ширвана, нежные и пугливые девушки.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

На рассвете девушки, предводительствуемые их хозяином и учителем танцев Адилем, вышли из города. Они поднялись вверх по течению реки к тем лесистым берегам, где не встретишь ни пешехода, ни всадника. Дойдя до знакомой ему глубоководной излучины реки и удостоверившись в безопасности выбранного места, Адиль оставил девушек одних, перешел на соседнюю полянку и, расстелив палас в тени огромного граба, улегся спать.

Солнце еще не добралось до зенита, когда девушки, перекидываясь шутками и смехом, принялись за стирку. Сона, Иззет и Гэнди выкатили из воды крутобокие речные камни и разложили на них свою одежду. Размочив в воде кусочки белой глины, специально принесенной с собой, втирали пенистую смесь в ткань, терли, мяли, били о камень, и, лишь проделав всю процедуру несколько раз, споласкивали в чистой прозрачной речной воде. Выстиранную одежду девушки развешивали на кустах вдоль опушки леса.

Ниса вслед за Соной замочила в речных струях простыню и тут же бросила с силой ее на камень. Сона не заметила движения подруги, склонив голову к воде, она застыла с простыней в руках.

- Ты что, заснула или ждешь кого-то? - окликнула ее Гэнди.

- Жду.

- Кто-нибудь возвращается из дальних странствий?

- Кто может ко мне вернуться, кого бы ты не знала, о всезнайка!

Прямые тонкие брови Гэнди птицей взлетели над большими округлившимися черными, глазами:

- Не такая уж я всезнайка... Хоть и многие тайны мне доверены, да только в твое сердце я так и не заглянула.

- В мое сердце? Что ты там найдешь?

Гэнди подмигнула Иззет, осторожно мягкими движениями перебирающей в воде белую шелковую шаль:

- Тайну найду...

Нет у меня никакой тайны.

- Еще как есть! Думаешь, мы не знаем, для кого ты в последнее время танцуешь, о ком вздыхаешь! На кого загадываешь во время ворожбы с кольцом!

- Ради бога, перестань.

Гэнди прищурилась и проговорила в раздумье:

- Знаешь, Иззет, как мне кажется, подозрение падает на двоих, а ты как полагаешь?

Иззет никак не откликалась на слова Гэнди, а юная Ниса не могла скрыть волнение. Она очень любила Сону, но понимала, что девушки только шутят. Нельзя, чтобы раскрылась тайна подруги, но и очень хочется показать девушкам, что у Соны от Нисы нет секретов. С детской непосредственностью она воскликнула:

- А я знаю, знаю...

Сона нахмурилась и с осуждением остерегла девочку:

- Ты ничегошеньки не знаешь, лучше повесь простыню.

Улыбка сбежала с пухлых, красиво очерченных губ Нисы - чуткость на сей раз изменила ей, она доставила неприятность любимой подруге. Девушка выпрямилась, с мокрого подола стекала вода. Когда Сона передавала Нисе выжатую простыню, девушки взглянули в глаза друг дружке, и Ниса увидела муку, горе, страдание. Ей стало стыдно, тяжелый камень лег на сердце, губы задрожали, готовые скривиться в плаче.

- Ну, будет, перестань, только запомни: лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя...

- Прости меня, - тихонько прошептала Ниса, взяла свернутую жгутом простыню, отошла к прибрежным кустам, расправила, встряхнула и набросила на один из них.

Гэнди и Иззет сделали вид, что ничего не заметили.

- Ты подумай только, Иззет, кое-кому известно, а нам не говорят! Ради бога, Ниса, девочка, скажи нам, что тебе известно!

- И не стыдно тебе, Ниса, от нас что-нибудь скрывать! - поддержала Иззет Гэнди.

«Лучше хорошо молчать, чем плохо говорить», - подумала Ниса, но рта не открыла. Теперь ее хоть убей, она не выронит ненужного слова.

- Хватит, отстаньте от ребенка, - пыталась Сона урезонить старших подруг. - Солнце печет, вода уже нагрелась, давайте купаться!

Сона распустила черные блестящие косы, словно черная шаль закрыла плечи и спину. В медную пиалу разбила два яйца, добавила немного подогретой под палящими лучами солнца воды и взбила веточкой. Пригоршнями пенистую смесь вылила себе на голову и начала втирать в волосы.

- Ниса, полей мне, будь добра...

Все еще не оправившись от недавней перепалки, Ниса медленно поднялась, подошла к одному из казанчиков с водой, стоящих на солнцепеке, с осторожностью и не торопясь принялась зачерпывать пиалой и поливать подруге.

Тщательно промыв волосы, Сона с трудом разделила их пробором, приглаживая рукой, расчесывала высоким гребнем с редкими зубьями. По ее лицу и обнаженным по локоть рукам стекала вода. Ей казалось, что вместе с водой уходит усталость. Когда волосы чуть подсохли, девушка заплела их в две тяжелые косы, доходившие почти до колен, легким взмахом обернула несколько раз вокруг головы, связала концы в узел и лишь после этого завязала блестящую черную высокую корону красным платком с белыми цветами. Щеки девушки пылали, огромные глаза влажно поблескивали. Небрежно сбросив с себя мокрую блузку и липнущую к ногам отяжелевшую юбку, Сона осталась в длинной белой ночной рубашке, напоминающей арабский хитон.

Остальные девушки тотчас последовали ее примеру. Полетели в сторону блузки и юбки, и вот уже все четверо, как белые птицы, бегом кинулись к воде, чистая гладь заводи рассеклась под взмахами крыльев четырёх лебедей, капли воды, как драгоценные камни, рассыпались под лучами солнца, тишина огласилась смехом, вскриками, плеском воды. Девушки забыли обо всем на свете, они были уверены, что во всей округе никого нет. И напрасно. Уже давно с противоположного берега за ними следила пара глаз, этим глазам они казались сказочными птицами. Для того чтобы узнать, кто был этим соглядатаем, давайте перенесемся на другой берег реки.

... То, что Тарлан оказался в столь отдаленном от города месте в час, когда здесь резвились ученицы танцовщика Адиля, не было ничего случайного. Он уже давно следил за домом, где жили и учились девушки. Любовь сжигала Тарлана, любовь толкала его «на безрассудные поступки. Молодому человеку уже было недостаточно каждый вечер смотреть на танцующую Сону в доме Махмуда-аги. Он жаждал встречи с ней наедине, ему хотелось слышать ее голос, внимать ее словам, ощущать ее дыхание, осязать тепло ее рук. Не перебороть эту потребность, не осилить... Она сильнее любви к матери, к отцу. Мысли о Соне испепелили сердце, наполнили горечью душу. Сона была магнитом, который притягивал его. Куда? Он и сам не знал... Тарлан не находил себе вместе с Соной места в этом мире...

Он ходил за группой чанги по свадьбам, не пропускал возможности прийти в гости в дом к Махмуду-аге. Если группу приглашали на празднества в другие города, Тарлан на коне сопровождал фургон с девушками, он знал, когда танцовщицы ходят в баню для иноверцев, куда они могли пойти после вечернего азана, и поджидал их, спрятавшись в тени какого-нибудь строения, чтобы незаметно проводить домой. Иногда он прятался у арыка чуть выше того места, где девушки мыли посуду или брали воду для стирки, и пускал по течению фрукты, в зависимости от сезона, то это была черешня, то алыча, то яблоки, то груши. Девушки со смехом ловили подарки, приносимые водой, и тут же съедали. Тарлан мечтал, а вдруг и Сона что-нибудь поймает в воде и поднесет к своим губам.

- Интересно, для какой счастливицы предназначены эти подарки? - звонкий голос Гэнди.

- О ты, прекрасный даритель, пусть у тебя вечно в достатке будут фрукты для нас! - нежный голосок Малейки.

- Возьми и ты что-нибудь, Сона, подсласти язык! - тихий говор Нисы.

Сона никогда ничего не брала. Откуда было догадаться Тарлану, что его любимая хотела бы съесть что-нибудь из того, что приносит вода от Тарлана, но боится наговора. Она сама умирает от любви к юноше, знает, что фрукты куплены для нее, но боится, что они заколдованы, и это колдовство сведет ее с пути, а ей надо быть сильной, стойкой, плохо, когда оба обезумеют от любви, быть беде! Если родители Тарлана догадаются, то забросают его камнями. Не допусти, о великий аллах, чтобы о Тарлане говорили: «В чанги влюбился, с чанги связался!» Она не хочет стать причиной несчастий любимого. Хотя в душе Сона непрерывно повторяла имя, но уста никогда не называли его.

Тарлану казалось, что о его тайне никто не догадывается. Но только казалось... Были видевшие, были слышавшие... Где огонь, там и дым...

Но сегодня Тарлан забыл обо всем на свете, он не думал об опасности, которая подстерегает неосторожных влюбленных. Прежде его любимая представала перед ним всегда в праздничных красивых одеждах, а сегодня вместо пери из сказок он увидел обыкновенную девушку, которая ловко занималась привычным женским делом: стирала и развешивала белье, как это делала его мать и другие женщины Шемахи. Тарлан испытывал радость от сознания того, что Сона умеет делать простые вещи, оставаясь при всем том такой же красивой и естественной. Она и в работе выделялась среди девушек изяществом и умением. «Вот ты, оказывается, какая, Сона!»

Когда девушка распустила косы, сердце Тарлана готово было выскочить из груди. Боясь, что его увидят, он не шевелился, хотя длинные колючки впились в его затекшие от неудобной позы ноги. Он завидовал Нисе, стоявшей рядом с Соной, завидовал девушкам, которые слышали голос его любимой, до него не долетали звуки их голосов. Ему хотелось самому расчесывать ее блестящие длинные волосы, хотелось трогать косы. Он увидел, как Сона повязала голову красным платком, а потом быстро сняла блузку. Он понял, что девушки собираются купаться. «У нее бы разорвалось сердце, если бы она знала, что за ней наблюдают. Я и втайне не позволю себе увидеть Сону обнаженной. Ни за что! Если бы узнал, что кто-нибудь другой себе такое позволил, назвал бы бесстыдника негодяем!» Он резко отвернулся и сквозь колючий кустарник пробрался чуть поодаль. Теперь он отчетливо слышал голоса и девичий смех, но не видел купающихся. Через некоторое время до него донесся голос Соны:

- Хватит плескаться! Не успеем одежду высушить!.. Когда Тарлан снова появился в прибрежных кустах, девушки успели переодеться и развешивали на опушке снятые с себя рубашки. Они переворачивали ранее выстиранные вещи, сухие складывали, аккуратно разглаживая и расправляя руками на сухих прибрежных валунах.

- Если Адиль-ага выспался, можно будет поесть! Пойдемте посмотрим!

Девушки удалились от берега, вошли в лес. На берегу остались медные казаны и пиала, на кустах сохла одежда. А Тарлан все еще видел распустившую косы Сону. «Я должен сегодня с ней поговорить. Непременно! Я должен во что бы то ни стало сказать ей все!» Что заключалось в слове «все», он еще сам не знал...

Судьба пришла на помощь Тарлану. Перекусив, девушки расположились на паласе в тени дерева. Сону не оставляло беспокойство. Она предложила Нисе пойти за лесным кизилом. Тихо переговариваясь, они двигались в сторону Тарлана. Сочные ягоды окрасили губы, Сона из пригоршни брала ягоды и по одной отправляла в рот, Ниса прямо с куста рвала и тут же съедала. В это время Тарлан и вышел на тропинку:

- Добрый день!

Ниса вздрогнула всем телом, пугливо оглянулась на испуганную Сону и, повинуясь неосознанному побуждению, не оглядываясь больше, пошла дальше по тропинке, на ходу срывая ягоды кизила.

Молодые люди остались одни лицом к лицу. Глаза в глаза. Впервые им выпало такое счастье. Но оба ожидали этой минуты, оба чувствовали, что рано или поздно они должны встретиться наедине. От волнения у Соны подкосились ноги, силы оставили ее, она опустилась на траву. Тарлан сел рядом с нею. Воцарилось долгое молчание, оба не могли говорить, не находили слов от растерянности. Вместо замкнутых уст разговаривали две пары глаз, наполненные горестной тоской, печалью и болью. Разговаривали сердца... К огню с какой стороны ни подойти, все равно обожжет...

Сона оглядывала стройное тело Тарлана, облаченное в приталенную, обшитую золотыми галунами чуху. Без страха впервые глядела в светлые глаза под прямыми сросшимися бровями. «О аллах, дай мне силы удержать себя и не поцеловать эти глаза, у меня нет права! Но как трепещет мое сердце! Один раз, один-единственный раз коснуться бы губами очей моего любимого, неужели из-за этого погибнет мир! И губы мои дрожат от желания! О аллах! Если и мои глаза, подобно его, - зеркало моей души, то я погибла! Он может разгадать, что у меня на сердце. Что еще можно ждать от чанги, кроме низменных желаний? От бесстыжей, танцующей перед посторонними мужчинами чанги!... Он еще совсем молодой, имею ли я право портить ему жизнь? Неужели страсть к чанги заставила его забыть страх перед людьми!»

Под гнетом черных мыслей лицо девушки помрачнело, брови сошлись над погасшими глазами. Тарлан, читавший в лице Соны смену мыслей, не на шутку опечалился. «Ведь в начале она обрадовалась мне, я видел, что и она полна любви ко мне, что же произошло? Отчего взгляд ее потух и сердце закаменело? Как же красива Сона, что гнев и злость ее не портят! Ой, Сона! Не вонзай в мое сердце стрелы гнева! Я понимаю, ты боишься... Не бойся, моя любовь! Что такое одна жизнь, одна голова, чтобы не пожертвовать ею ради любимой!»

Вдруг он услышал, как девушка заговорила. Едва лишь шевельнулись губы, как Тарлан насторожился: «Неужели я услышу ее голос?» Еще не слыша ее голоса, он тосковал по нему. В первое мгновенье ему казалось, что он оглох: «О аллах всемогущий! Ты, верно, наказал меня, сделал глухими мои уши, чтобы я не слышал ее...» Но тут же до него донеслось:

- Как ты не побоялся прийти сюда, Тарлан-ага, ведь ты попадешь в беду...

- Почему, Сона? - непроизвольно спросил он, восхищенно вслушиваясь в звучавший музыкой и нежностью мелодичный голос.

- Если отец твой узнает, что ты разговаривал со мной, с тобой случится беда.

- Сколько человек живет, столько он и надеется.

- Мне надеяться не на что. Тебя убьют, если узнают, что ты был со мной.

- Пускай, зачем мне жить без тебя, Сона! Мне бы лишь раз положить голову на твои колени, а потом пусть приходит ангел смерти Азраил, и я скажу ему: «Возьми мою жизнь, я достиг желаемого...»

Пылкая наивность речи любимого заставила девушку забыть все предостережения, которыми она сама останавливала себя. С безграничной любовью внимала она голосу Тарлана, исполненному искреннего волнения, подлинного движения сердца. Как это не походило на те высокопарные комплименты, которые Сона ежедневно выслушивала во время своих выступлений перед беками и господами! Комплименты этих господ сопровождались похотливыми взглядами и пошлыми предложениями.

Тарлан с обезоруживающей откровенностью раскрыл давно вынашиваемые в его сердце мечты и планы:

- Нам нужно примкнуть к каравану, отправляющемуся с торговым грузом в дальние страны, с погонщиками я сам договорюсь. Аллах милостив, уйдем отсюда в какую-нибудь далекую страну, в которой никто не запретит нам быть вместе. Заживем своим домом в чужом дальнем селе, не умрем с голоду...

Речи любимого звучали волшебными сказками для Соны, они околдовали девушку... Да, у чанги Соны будет свой собственный дом, чистая непорочная жизнь, будут муж и дети. Никогда она не услышит обращения «недостойная чанги», «беспутная чанги»... Никто не будет с презрением смотреть на нее; в прекрасном мире, нарисованном воображением Тарлана, будут жить прекрасные люди... Как хотелось во все это верить... Но у этих пустых мечтаний не было ничего общего с действительностью. Более опытная в делах житейских Сона хорошо это знала. К кому бы ни обратился за помощью Тарлан, предпочтут ему его отца - богатея Гаджи Асада. И деньги его, и товар его, как говорится... Никто не захочет связываться с чанги. Да если кто-нибудь и отважился помочь несчастным влюбленным, то не пройдет и трех дней, как на одной из четырех караванных дорог, связывающих Шемаху с остальным миром, один из гонцов, посланных Гаджи Асадом, настигнет их. И не успеют они добраться до какого-нибудь пристанища, как Сону разрубят на куски! Если они не пойдут с караваном, то их найдут в любом горном ущелье, найдут в селенье, расположенном даже в заоблачной вышине.

За свою жизнь Сона не боялась, если бы была уверена, что ее смерть избавит Тарлана от позора и мучений. Закрытый - отец Тарлана. Кто не знал в Ширване его характера! Не приведи аллах, что сделает он с сыном за связь с чанги! Она представила себе, как тащат связанного Тарлана за конем... Проклятья несутся со всех сторон... А там женят на нелюбимой насильно. На все способен Закрытый! «... Будем жить вместе» - просто сладкий сон... Одна отрада для сердца, что Тарлан хотел сделать ее своей женой по законам шариата, хотел видеть ее матерью своих детей, одни лишь желания эти были для Соны счастьем. Но она сама не смела и думать об этом... Ее любимый не должен связать свою жизнь с чанги ни за что на свете! Чанги навечно навлечет на него позор, сверстники отвернутся от него, единоверцы проклянут. Она твердила: «Нет, нет, я не соглашусь, чтобы он был опозорен, чтобы уехал с чанги...» Эти слова она повторяла с такой убежденностью и настойчивостью, будто эта чанги была не она сама, а ее злейший враг.

Она понимала, что достойна любви, вот и молодой поэт Сеид Азим из знаменитой, принадлежащей к потомкам пророка Мухаммеда, ветви любит ее, Сона могла бы поклясться... Он писал ей нежные газели, называл ее «царицей пери», не побоялся сказать об этом на меджлисе в доме Махмуда-аги. Поклонение талантливого юноши льстило ей, но она не променяет своего Тарлана ни на кого другого.

Волшебный голос юноши, нежность и ласка, звучащие в нем, когда он звал ее с собой в дальние страны, захватили Сону, она не могла преградить путь бурному течению реки, а может, и не хотела...

- Только бы сбылись твои мечты, ага Тарлан...

Тарлан схватил девушку за руку, он понял ее слова как согласие:

- Ты мне веришь, Сона, скажи, веришь?

Прикосновение Тарлана заставило ее затрепетать:

- Верю, верю, но какой прок от моей веры?

- Ты только мне верь! И наберись терпения! Я хорошо подготовлюсь, а потом дам тебе знать, когда... Да поможет нам аллах, мы убежим...

- А как же твоя семья, Тарлан? Покинув дом, ты лишишься всего...

- Только бы ты была со мной! Мой мир - это ты, больше мне ничего не нужно, Сона!

В стороне послышался голос Нисы. Она тихонько напевала песню, которую выучила вместе с девушками:

Глянет солнце с высоты,

Улыбнется с высоты.

Шлет судьба что пожелает –

Хочешь иль не хочешь ты.

День за днем, за годом год,

Это вечный хоровод,

День иной дороже года,

Дня иной не стоит год.

Ниса кружила поодаль от молодых людей, казалось, она поет специально для них.

Ты куда влечешь, судьба,

Что ты в чаши льешь, судьба?

Ты сама того попробуй,

Что другим даешь, судьба!

Я ни в чьей родне - никто,

В неродной стране - никто.

Я тону в разливе горя –

Не поможет мне никто3.

Внезапно голос Нисы оборвался, будто песня в горле застряла. Тарлан и Сона прислушались, но девушка не продолжила.

- Знаешь, Сона, я попросил Агу, чтобы он сочинил для тебя газель. Не бойся, я не назвал твоего имени, я просто сказал, что газель для моей любимой. А он будто в моем сердце побывал.

Сона знала о дружбе Тарлана с Сеидом Азимом и теперь, как только услышала «ага», поняла, о ком речь. Большинство газелей Сеида Азима расходилось по Ширвану, Сона не пропускала ни одной и заучивала их наизусть. Она взяла листок, протянутый ей Тарланом, лицо озарилось нежной улыбкой, она услышала голос поэта:

Будь хоть сто цветников ароматных, - душа моя хочет тебя,

Сто красавиц, для глаза приятных, - душа моя хочет тебя,

Сто подобных луне, чья любовь зажигает сердца,

Сто сияющих звезд незакатных, - душа моя хочет тебя.

О царица красавиц, душа лишь тебе отдана,

Благодатная из благодатных, душа моя хочет тебя.

- Ага сказал, даря мне свою газель, что, прочитав ее, моя лань не убежит, не испугается... Он только посетовал, что девушка не сможет сама прочитать сочиненную для нее газель, и очень обрадовался, когда я сказал ему, что ты умеешь читать. «Слушай, Тарлан, какой ты счастливец, твоя любимая умеет читать! В наше время это большое богатство, у нас и среди мужчин не много найдется таких...» И я счастлив... Сона, любимая моя...

Он снова взял Сону за руки. Неожиданный шум напугал обоих. Сквозь ветки кустов, цепляющиеся за одежду, к ним продралась запыхавшаяся Ниса. Она дрожала от страха. Задыхаясь от волнения, она проговорила:

- В лесу бродит кто-то чужой. Сначала я услышала ржание коня, решила, что кто-то проезжает лесной дорогой мимо, но потом шорохи приблизились, я увидела тени каких-то людей... За нами следят!

Вот что оборвало песню Нисы.

Действительность неумолимо обрушилась на молодых людей. Прекрасные мечты развеялись как дым. Теперь Соной руководил страх. Она схватила руки Тарлана и с силой встряхнула:

- Ага Тарлан, да буду я твоей жертвой, беги! Не дай аллах кому-нибудь увидеть нас вместе! Беги! Если прольется твоя кровь, и мне не жить!

Тарлан торопливо произнес:

- Жди меня, Сона, я обязательно приду за тобой... - Кустарник стеной сомкнулся за гибкой фигурой юноши.

Исчезли глаза, смотревшие с любовью на Сону, исчезли губы, произносившие слова, полные надежды, веры и радости... Сладостный сон развеялся. Осталась реальная жизнь. Он беспокоился лишь о том, чтобы она согласилась быть с ним, и не думал, что кто-нибудь сможет помешать им бежать. Ему казалось, что его тайну знает он один, а о ней знали и другие... И знал не кто-нибудь, а Молла Курбангулу, пекущийся не столько о делах правоверных, сколько о собственном кармане.

Признаться, сегодня он набрел на влюбленных случайно. Молла был приглашен в соседнее с Шемахой село на раздел имущества, оставшегося после умершего, между его тремя женами. Известно, что коран разрешает иметь правоверному мусульманину не более четырех законных жен и предписывает содержать всех своих жен в достатке. Несколько дней потребовалось Молле Курбангулу, чтобы распределить имущество между всеми наследниками покойного. Изрядный куш получил священнослужитель за свои труды, но так устал, что по дороге решил свернуть в лес, чтобы немного отдохнуть. Он сполз с седла, надел путы на передние ноги коня и отпустил попастись на зеленой траве. А сам решил спуститься к берегу реки, чтобы умыться и освежиться после трудов праведных. Вот тут он и набрел на Сону и Тарлана. Он присел на корточки, чтобы его не заметили беседующие. «Пах, пах, пах! Вот и сынок господина Гаджи Асада развлекается с чанги... Чтоб мне пропасть, хорошенькое дельце для Гаджи, ничего не скажешь... Вот на что идут заработанные трудом честным денежки... Здорово ты задаешься, Гаджи, посмотрю на тебя, когда ты узнаешь, на кого твой сынок тратит твои деньги...»

Молле Курбангулу очень хотелось узнать, о чем беседуют молодые люди, он и так и сяк прикладывал руку к уху, но ничего услышать не мог. Тогда он решил подобраться

поближе. Но проклятый тюрбан зацепился за куст и упал. Молла наклонился поднять его, ноги обо что-то споткнулись, и он упал ничком на землю, не сдержав крика. Вот тут-то Ниса и поняла, что за ними наблюдают чужие глаза. Опрометью, с криком бросилась она к Соне. Молла Курбангулу поднял голову с земли:

- Ах, сукина дочь, у нее и сторожа есть!

Проворно поднялся с земли, испугавшись, что его узнали. «Аллах милостив, может, и не узнали, а то на нынешнюю молодежь разве можно надеяться! Схватит, негодяй, за глотку, задушит и закопает в лесной чащобе. Иди потом, шуми сколько хочешь, кто узнает! Нет, лучше убраться, пока цел». Он бегом вернулся к коню, освободил его от пут, торопливо взобрался в седло и поскакал в Шемаху.

СОВЕТ

Узнав, что сын посещает сборища у Махмуда-аги, Гаджи Асад сначала не поверил, вернее даже, не придал значения слухам. Но когда разговоры об этом участились, он забеспокоился. Вначале он пытался выведать у самого Тарлана, правда ли, что о нем говорят, но тот делал вид, что не понимает намеков отца. Разозлившись, Гаджи излил свой гнев на жену Бирджа-ханум.

- Послушай, жена, запрети своему щенку показываться в доме Махмуда-аги, это я тебе говорю!

- Ай, Гаджи, ведь это дом Махмуда-аги, что там может быть плохого?

- Лучше бы аллах разорвал твой живот в день, когда ты рожала этого щенка! Не заставляй меня повторять дважды, чтобы он не ходил в этот притон!

- По правде говоря, я много раз его корила, ругала, но он совсем ребенок, говорит, туда все знатные молодые люди города ходят, почему и ему не ходить?

- Да покарает аллах вас обоих! - У Гаджи Асада глаза были готовы выскочить от злости из орбит. - Если другой что-то дурное делает, он тоже должен, что ли? Каждый, кто туда ходит, будет гореть в аду! Ты не слыхала, что молла говорит?! Не знаешь, что играть на таре и слушать его - грех! Я уже не говорю об этих бесстыжих чанги Когда у сына твоего глаза ослепнут, тогда ты будешь лучше соображать! Чтоб у него, проклятого...

Женщина задрожала от страха:

- Ай, Гаджи, ради всего святого, не проклинай ребенка, ничего тяжелее нет родительского проклятия, будь милосердным, накличешь на моего ребенка беду...

Бирджа-ханум горько заплакала.

Гаджи Асад разозлился:

- Ты траур здесь не разводи! Подумай сама, если он меня, своего отца родного, не слушает, что я должен делать? Набрать в рот воды и молчать? Пусть остерегается божьего гнева и, пока не поздно, одумается!

Он бы еще долго ворчал, но тут прозвучал вечерний азан. После вечерней молитвы в комнату вошел слуга и сказал, что пришел Молла Курбангулу. Гаджи Асад встретил его в дверях:

- Пожалуйте, Молла Курбангулу, пожалуйте в дом.

Молла Курбангулу скинул в дверях шлепанцы, подобрал развевающиеся полы привезенной ему из Мекки Гаджи Асадом в подарок египетской абы из черной тонкой шерстяной ткани, прошел на почетное место в комнате и сел на предложенный Гаджи тюфячок. Сам хозяин сел рядом с гостем.

- Начало холодать, Гаджи-ага, на улице такая стужа, можно подумать, разгар зимы, а на самом деле только первый месяц осени.

- Да, первый месяц, но днем я выходил на Базар, было довольно тепло.

Гаджи Асад взял с подноса, принесенного слугой, пиалу с чаем, поставил перед гостем, из второй отхлебнул большой глоток.

- Эй, Сафи, растопи камин.

- Слушаюсь, Гаджи-ага, сейчас же разожгу.

Как только дверь за слугой закрылась, Молла Курбангулу начал:

- Гаджи-ага, пришел я к тебе по одному делу, хочу посоветоваться. От хорошего совета платье шире становится...

- Пожалуйста, слушаю тебя...

- Гаджи-ага, как думаешь, отчего наша молодежь сворачивает с правильного пути? Что толкает ее на дурные поступки? А, что?

- Да, пусть аллах оценит твою мудрость, ты и сам знаешь лучше меня, что мир переменился, испортился... То ли дело при покойном хане, порядок бы навели за один час. Но теперь... Со всеми нововведениями большие люди связаны... И еще что скажу тебе: из-за суда урусов, их власти, открыто ничего ни сделать, ни сказать нельзя. Вот это и сводит с пути молодежь...

Молле не понравились сомнительные разговоры Гаджи Асада. Он, конечно, намекает на Махмуда-агу, но никто в Ширване не станет связываться со столь известным человеком, можно даже сказать, благодетелем Ширвана... Молла и сам немало кормился от щедрот Махмуда-аги... Сегодня он пришел сюда не для того, чтобы обсуждать богатых и уважаемых граждан Шемахи, если честно сказать, как ни богат и прочен Гаджи Асад, и у него не хватило бы сил бороться с таким человеком, как Махмуд-ага, да это и не нужно. Молла не за тем пришел.

- Гаджи-ага, у меня цель иная... Этот урус, да обрушится его дом, не знает наших людей, обычаев, привычек, ничего не знает, не ведает, а вознамерился здесь школу открыть на манер своих. Молодежь в других краях бывает, сейчас мир такой: увидел - перенял. На что им русский язык? На что им новая школа? У нас уже есть медресе, на что нам другое? Только изучая законы шариата, мы пойдем по дороге, предначертанной нам всемогущим. Этого нам вполне достаточно...

- Ты все правильно сказал, Молла Курбангулу, но ты не тревожься, из наших никто не отдаст детей в русскую школу...

- Отдадут, Гаджи-ага, почему не отдадут? В Шемахе сколько угодно отвернувшихся от религии, да разразится над ними проклятье аллаха... Возьми хотя бы Рза-бека. Только вернулся человек из Тифлиса, обучился там «ишто-пишто» говорить, теперь ему мало, пошел к нашему губернатору и через этого уруса получил разрешение открыть школу какого-то нового типа... И Махмуд-ага, как всегда, тут же и деньги дал на эту самую новую школу. Губернатор ему очень доверяет, очень любит его...

- Такие события происходят, а я ничего не знаю.

- Да, да, я и сам только что услышал! Прийти к тебе я собирался еще и по другому поводу, еще со вчерашнего дня собирался, даже сегодня у меня было намерение задержать тебя в мечети после полуденного намаза. Но я решил, что божий дом не место для таких разговоров... Но как только надежные люди мне сообщили о визите Рза-бека к губернатору, я уже не мог усидеть на месте, пришел вот к тебе...

Молла Курбангулу внимательно посмотрел на Гаджи Асада, дошел ли до него намек. Он не хотел говорить, что сам видел Тарлана с чанги, но не хотел упускать возможность поживиться за счет Гаджи.

Последние фразы ударили Гаджи Асада по больному месту: он понял, что молла пронюхал что-то, но не подал виду, что встревожен.

- Мой дом - твой дом, когда бы ты ни пришел, всегда тебе рады здесь...

- Да будет здоров хозяин дома, дай тебе аллах всяческих благ, ты никогда меня не забываешь, верно, знаю...

- Да будет на то воля аллаха, да будет крепкой твоя вера, а позволь тебя спросить, откуда ты узнал про новую школу?

- От Искандер-бека, Гаджи, очень способный молодой человек, ты не смотри, что он ходит на сборища Махмуда-аги, он строго соблюдает все, что положено мусульманину: держит пост, пятикратно совершает намаз, никогда не забывает о поминках по ближним... И неприятную весть, касающуюся моего друга, к сожалению, он мне принес, по этому поводу мы поговорим позднее, вместе погорюем...

И снова заныла рана Гаджи Асада, и снова он не стал любопытствовать, нарочно не спросил, будто хотел оттянуть время.

- Искандер-бек говорит, что и Рза-бек посещал сборища в доме Махмуда-аги и привел туда этого нечестивца Сеида Азима, сына покойного Сеида Мухаммеда... Когда стало известно о разрешении открыть школу, все они очень радовались, вот тут-то Махмуд-ага

пожертвовал большую сумму на это дело, а голодранец Сеид Азим сказал, что намалюет каракули для учеников...

- Это же надо! Я просто удивляюсь этому Махмуду-аге, никто ему не скажет: «Послушай, уважаемый, есть у тебя деньги - трать их во имя аллаха, детей хочешь выучить - отдай их в медресе или пошли в духовную семинарию в Наджаф. Наконец, пошли деньги бедным голодным семинаристам, которые еду получают через день...»

- Он и это делает, Гаджи, и это... У него на все денег хватает... Знаешь, это сословие с самого начала самовольничало, государственная власть избаловала их - освободила ото всех податей, вот они свои деньги тратят, куда хотят. А Махмуд-ага водит дружбу, ко всему прочему, с урусами и армянами, с самим губернатором. А ему иначе нельзя... Да и вообще шемахинцы падки на все новое: где что в моду войдет, они обязательно должны подхватить, или одежду, сразу начинают носить такую же, или еду, сразу же попробовать хотят. И школа - тоже новая мода.

- Даст аллах соизволение, и это выйдет из моды...

Молла поднялся со своего тюфячка. От жара, исходившего от пылающих дров в камине, и выпитого чая его пробило потом. Сняв с головы тюрбан и бывшую под ним белую ермолку, он вытер лоб и бритую голову платком, который достал из кармана одежды, прятавшейся под шерстяной абой. Сложив платок, он протер мокрую шею, всю в толстых мясистых складках. Провел рукой по блестящей, как агат, бороде и усам: молла никогда не забывал покрасить их хной и басмой. Прокашлявшись, он с горячностью прервал Гаджи Асада:

- Нет, нет, Гаджи-ага, нельзя уповать на моду, младенца надо задушить прямо в колыбели. Время упустим, а потом ни за что не преградить ему дорогу... Битый осленок в гумно не залезет!

Гаджи не оставляли тяжелые предчувствия, и он не мог целиком сосредоточиться на том, о чем говорил Молла Курбангулу:

- А что же делать?

- Я и спешил к тебе для этого. Завтра же, как только освобожусь от утреннего намаза, я поговорю с моллами кварталов, чтобы они обошли своих прихожан... А ты, Гаджи, возьми на себя купцов из Мануфактурных рядов, пусть никто не соглашается пускать своих детей в новоявленную школу, открываемую этим нечестивцем. Разве, мол, мы не видим, чем все это кончится? Разве не видим?

- Обязательно завтра же на Базаре потолкую со своими приятелями, позовем купцов и ремесленников, и я передам им твои слова.

После небольшой паузы молла добавил:

- Знаешь, Гаджи, каждый падишах - тень аллаха на земле... Губернатор же послан сюда самим царем... Э, так что я хочу сказать: этот нечестивец получил разрешение от самого губернатора, поэтому о наших беседах ты никому не рассказывай, пусть ни мое, ни твое имя не произносится. Сделаем все по-тихому, исподволь. Иначе эти урусолюбы донесут: мол, такие-то выступают против указа царя, против правительства. Дойдет до ушей губернатора. Ты уважаемый человек, я уважаемый человек, зачем нам неприятности?

Зачем губернатору узнавать наши имена таким образом?.. Лучше все сделать чужими руками, исподтишка... исподтишка лучше, так я понимаю.

Гаджи согласился:

- Верно, хороший совет... Исподтишка...

- Да, да, пусть шум поднимет темный народ... Какое наше дело? Ни у тебя нет малолетних детей, ни у меня... Мы не за себя стараемся, все делаем - ради нашего шариата, чтобы дети не отворачивались от веры. Не шли бы против воли родителей... Ты только подумай, даже теперешние юнцы - еще не учились в новой школе, а такие фортели выкидывают... Ежедневно в каком-нибудь саду вечеринка под звуки тара, у каждого родника - сборище поэтов, чуть ли не в каждом доме меджлис, для украшения которого приглашаются чанги... Разве нет?

И начался разговор, которого опасался Гаджи Асад. Но он никак не мог его предотвратить. Он не хотел слышать намеки моллы, но теперь тот от намеков перешел к делу. Гаджи молил аллаха и всех святых, которым поклонялся и к которым совершал паломничество, чтобы не услышать дурной вести, связанной с Тарланом, ведь в глубине его сердца гнездилась любовь к сыну. Но любовь к сыну не могла соперничать с верой; он скорее согласился бы, чтобы Тарлан умер, чем совершил нечто противоречащее законам шариата. Это прекрасно понимал Молла Курбангулу, нанося свой удар.

- Гаджи-ага, к сожалению, прости аллах, я услышал плохую весть, такую плохую, что язык не поворачивается сказать тебе. Сначала я не поверил, нужно было все узнать точно, а теперь я удостоверился сам... Да, брат Гаджи, необходимо что-то предпринять, не то поздно будет.

- Спаси аллах, что за дурная весть?

- А та, брат Гаджи, что твой сын Тарлан влюбился в эту чанги Сону. Да, да, да... Влюбился.

Гаджи Асад в волнении привстал со своего места:

- Этого не может быть, Курбангулу, не может быть!

Молла надавил на плечо Гаджи:

- Может быть, еще как может. Влюбился, к большому сожалению. Известие проверено. Дней пять-шесть назад их видели в лесу. Я не хотел, чтобы ты услышал от чужих, лучше самому тебе сказать. Ведь мы с тобой не раз делили хлеб в твоем доме, я не забываю, что длань твоей благотворительности не раз простиралась надо мной.

Сообщение Моллы Курбангулу вызвало вспышку неукротимого гнева у Гаджи Асада:

- Разрежу на куски этого щенка...

Молла пытался его усадить:

- Потерпи, я сказал... терпение - ключ к дверям рая, аллах дружит с терпеливыми.

Гаджи понимал, что тут уж не до терпения. Такой позор!

- Только не хватает, чтобы все шемахинцы надо мной смеялись!

- До этого еще дело не дошло, а мы на что? Надо найти выход... Выход найдется...

Глаза Гаджи налились кровью:

- Какой тут выход?!

- Не теряй надежды. Аллах превеликий посылает болезни и посылает исцеление от них... Исцеление от них.

- Сердце мое разрывается от боли, Молла Курбангулу, посоветуй, что мне делать?

- Аллах не допустит, чтобы сердце твое разорвалось! Пусть у врагов твоих сердце рвется на части! Я тебе, брат Гаджи, вместе с дурной вестью принес и хорошую. Как говорится, принес в одной руке огонь, а в другой - воду, чтобы его погасить, в одной руке горе, в другой - исцеление.

- С нами сбывается только то, что предначертал для нас аллах!

- Ты прав, брат Гаджи, всевышний распределил все и правит нами.

- Так где же выход?

- Да... - Молла кивнул на слугу, который расстелил перед ними скатерть. - Потерпи, давай поужинаем сначала...

Гаджи понял, что молла не хочет раскрывать секретов перед слугой. А Сафи, как нарочно, медленно расстелил скатерть, поставил посуду с приправами, поднос с пловом, накрытый высоким колпаком, разорвал на куски курицу, принес прохладительные напитки. Сафи хорошо вышколен: когда все приготовления были закончены, он пожелал хозяину и гостю «приятного аппетита», вышел за порог и плотно прикрыл дверь. Ему не надо было говорить, что у гостя к хозяину тайная речь, значит, в дом пускать никого не следует.

Какая бы беда ни свалилась на голову хозяина, долг гостеприимства он выполняет неукоснительно. Гаджи Асад протянул руку, чтобы поднять крышку-колпак, похожую на шлем средневековых богатырей, но Молла Курбангулу остановил его властным взглядом:

- Подожди, брат Гаджи, не убирай крышку, плов остынет. А разговор больше откладывать нельзя, не знаю, как у тебя, а у меня кусок застрянет в горле...

Взгляд Моллы Курбангулу задержался на прекрасном перстне, украшавшем толстый палец хозяина. На квадратном камне перстня были выгравированы слова: «Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед - посланник аллаха».

- Давай условимся, Гаджи...

- О чем?

- Если предложенный мною выход из создавшегося неприятного положения придется тебе по душе и если беда тебя минует, это кольцо, которым, я знаю, ты очень дорожишь, будет мне наградой за мои труды.

- Да будет оно твоим, если беда обойдет мой дом, Молла Курбангулу, в придачу не пожалею отдать тебе породистого коня. Не томи душу, говори, у меня сердце разрывается...

У моллы заблестели глаза.

- Да будет доволен аллах, да пошлет он тебе богатства, как говорится в священной книге мусульман коране: «Вам не достичь благочестия, покуда не будете делать пожертвований из того, что любите». Дело такое, дня три тому назад ко мне ночью приходил разбойник Алыш.

Гаджи нетерпеливо прервал моллу:

- Ай, молла, ну какое он имеет отношение к делу?

Молла понизил голос:

- Сейчас поймешь, потерпи... Разбойник Алыш, доставивший так много дел царскому суду, решил прекратить разбой и начать жизнь обыкновенного человека. Если просто так объявится, его тут же засадят за решетку губернаторские люди. Я обещал ему помочь, но за это он обязался разрушить гнездо разврата - дом танцовщика Адиля - и убрать эту чанги Сону... Так сказать, благим делом очиститься от скверны...

- А как же ты поможешь самому Алышу?

Молла перешел на шепот:

- Знаешь, брат Гаджи, разорение этого гнезда позора - богоугодное дело, скольких молодых мусульман, не говоря о твоем сыне, мы спасем. Как только уберут эту чанги, они перестанут бегать на меджлисы и будут сидеть дома. Ты спокоен, и все спокойны. А когда Алыш объявится в городе, нужно будет дать за него поручительство... Поручителем может быть лишь владелец недвижимостью... Деньги для поручительства он даст сам, у него они есть, но в суде должен быть представлен уважаемый человек. Лучше всего, чтобы поручителем был ты, взамен избавления твоего сына от позора.

Гаджи Асад вздохнул и задумчиво проговорил:

- Ай, Молла, а вдруг этот разбойник снова примется за свои грабительские дела - и отвечать мне тогда перед царским судом, и губернатором, что дал за него поручительство?

- Да нет, что ты, ведь он занимался разбоем для того, чтобы добыть богатство, деньги, а теперь все это у него в избытке... После того как он отдаст залог при поручительстве, он принесет жертвенные приношения в мечети, поедет на поклонение в святые места и вернется набожным мусульманином... И мы праведное дело совершим - вернем на путь истинный заблудшего.

Гаджи Асад немного успокоился:

- Ну раз так...

- Именно так, как сказано в коране: «Предстаньте предо мною со своими намерениями, а не со своими делами». А намерения у нас самые лучшие...

- Да упокоит аллах твоего отца...

- Вместе с твоим... - Молла Курбангулу благочестиво поднял руки перед собой.

Гаджи Асад снял с пальца перстень с арабской гравировкой и с трудом втиснул в него мизинец моллы:

- Это тебе за желание помочь мне. Когда, бог даст, будет разрушено гнездо разврата, слуги приведут и привяжут к твоему порогу породистого жеребца.

Молла полюбовался перстнем издали, вытянув руку, потом поднес к лицу и благоговейно поцеловал надпись: «Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед - посланник аллаха».

- Красивый, бесценный подарок, большое спасибо, Гаджи, да преумножатся твоя слава и почет, - удовлетворение от полезности своего прихода так и выпирало из него. - Знаешь, Гаджи, сила отцовского воспитания не в том, чтобы уничтожить своего сына, а в том, чтобы наставить на путь истинный. А с исчезновением этого гнезда разврата послушание вернется к твоему дитяти. Но все следует делать чужими руками. Не к лицу такому почтенному человеку, как ты, быть замешанным в скандальной истории. Зачем тебе неприятности? Подумай, а? Зачем тебе нужно, чтобы имя твое было связано с кровавым делом? Пусть все Алыш сделает, а ему зачтется богоугодное дело... Зачтется богоугодное дело...

- Да, да... - Гаджи поднял крышку с подноса, комнату заполнил аромат плова с шафраном.

Молла, проглотив слюну, поспешно сунул пальцы в рис:

- Скажу по совести, аромат плова, приготовленного Бирджа-ханум, нельзя спутать с запахом плова ни в одном доме. Да приблизит аллах ее к святой Фатиме - дочери пророка Мухаммеда, прекрасно готовит твоя жена.

- Ешь на здоровье, - спокойно сказал Гаджи и принялся за плов.

Однако спокойствие было кажущееся. Гаджи Асада душила злоба. «Ну подожди, клянусь священным камнем, которого я касался лицом, этой ночью я закачу этому щенку такую свадьбу, что до страшного суда не забудет. Месяц не сможет с места подняться, не то что меджлисы посещать... Захотел превратить меня в посмешище для Базара... Погоди, погоди, негодяй, увидишь, как над отцом издеваться».

Гаджи с яростью поглощал еду, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, которые так расхваливал Молла Курбангулу.

Когда с пловом было покончено, и Гаджи вознамерился позвать Сафи, молла шепотом спросил:

- Так мне послать Алышу весть, брат Гаджи, что ты согласен поручиться за него?

Закрытый решительно и твердо ответил:

- Да, согласен.

... После ухода моллы Гаджи Асад, как ни старался, не мог успокоиться. Время шло, а Тарлан все не приходил. Терпение отца лопнуло:

- Будь ты проклят, опозорил меня в таком возрасте! Кусок праведно заработанного хлеба не даешь проглотить спокойно! Ну, хватит! Эй, Сафи, Сафи!

- Слушаю, хозяин.

- Принеси чуху и папаху!

В ту же минуту Сафи принес все требуемое.

Гневный голос мужа вызвал дрожь во всем существе Бирджа-ханум, возившейся в соседней комнате. Она тихо появилась в дверях, сердце ее трепетало от страха за сына:

- Куда это ты в такой неурочный час, Ай Гаджи? К добру ли?

- «К добру ли»! От тебя и твоего щенка добро видят только враги! Где он до сих пор?

- С минуты на минуту придет, ради аллаха, не утруждай себя, где ты будешь его искать? - двойной подбородок и толстые щеки Бирджа-ханум задрожали, глаза наполнились слезами.

- Искать его следует в притонах, где он развлекается. Ей-богу, я ему такое устрою, что даже с кошкой здороваться будет! Погоди... Вот вернусь и тебе воздам сторицей!

Бирджа-ханум схватила полу чухи, мешая Гаджи Асаду попасть в рукав:

- Заклинаю тебя священным камнем мусульман, к которому ты совершал паломничество в Мекку, не навлекай беды на моего сына!

Побелевшими от бешенства губами Гаджи Асад кричал:

- Да ударит этот камень по спине и тебя, и твое чадо! Убирайся вон, родила бесстыжего сына! Яблоко от яблони недалеко падает... Разве не ты своим баловством свела его с пути истинного? Он вскормлен твоим горьким молоком, только неправедность дает такие плоды... «Ай Гаджи, - передразнил он манеру разговора жены, - единственный свет в окошке наш сыночек... Пусть пойдет учиться, чтобы не отстал от сына такого-то бека, такого-то господина...» Будь ты проклята! Был я купцом, имел один аршин, один хурджин, и хватало. Нет! Пожалуйста, у меня ученый сын! Чтоб сдох отец женщины, родившей такого сына!

Гаджи с силой выдернул чуху из рук Бирджа-ханум, от неожиданности она ничком упала на пол. Гаджи, хлопнув дверью, вышел. Женщина залилась горькими слезами. Несчастная мать знала, что лучше не злить ее мужа, у Закрытого рука тяжелая. Она предчувствовала, какие беды и несчастья обрушатся на голову ее сыночка. Она плакала и причитала.

Гаджи Асад действительно отправился на поиски Тарлана. Давайте мы поспешим, чтобы попасть в дом, где он может найти сына, раньше Гаджи.

... Местного интеллигента Рза-бека шемахинцы называли «Урус Ирза». Всего несколько дней назад Рза-бек вернулся из Тифлиса. Сегодня друзья Рза-бека собрались в его доме отпраздновать свою первую победу - разрешение открыть в Шемахе двухлетнюю начальную школу для местных «татар», то бишь азербайджанцев. Какой будет эта школа с новыми правилами, никто из сидевших в комнате пока хорошенько не знал, даже не представлял. Но эта первая маленькая победа для тех, кто желал видеть свой народ образованным, была большим праздником.

Просторный дом Рза-бека был обставлен наполовину по-восточному, наполовину по-европейски. Вот и гостиная: пол был устлан коврами и паласами, вдоль стен лежали тюфячки и мутаки, а в углу стоял круглый стол с резными ножками и вокруг него четыре кресла с высокими резными спинками. На столе тридцатилинейная лампа под матовым стеклянным абажуром, на стенах красочные вышивки, картины в рамках, вышитые крестом русские полотенца. На особой подставке из красного дерева были приготовлены кальян и наргиле.

Сегодня Рза-бек не только праздновал победу, но и хотел заручиться поддержкой единомышленников. Гостей было трое.

Хозяин дома - Рза-бек, совсем еще молодой человек, вопреки восточным правилам не брил голову: волнистые длинные волосы очень красили худощавое умное лицо с очень белой кожей. На нем ладно сидели европейский сюртук и брюки. В каждом жесте проглядывали врожденное изящество и благородство.

Сегодня сквозь обычную сдержанность проступала радость. Он часто выходил в соседнюю комнату, в которой кто-то передавал ему готовую еду, ухаживал за гостями, уносил освободившуюся посуду, приносил наполненную. Часто прерывал сам себя на полуслове, вызывая улыбки гостей своей озабоченностью.

В противоположность Рза-беку, Махмуд-ага невысокого роста полнеющий мужчина. Европейский костюм из темно-синей шерсти был сшит первоклассным тифлисским портным. Со смуглого лица на вас пытливо взирали большие черные глаза. Веселый, легкий нрав, приветливость и жизнелюбие привлекали к нему людей, и он любил интересных, талантливых людей и часто помогал им. Его отличала свободная от традиционности манера поведения и разговора. Он от души радовался успеху друга, но, в отличие от большинства собравшихся, не придавал событию исключительного значения. Для него это было одно из ряда интересных дел, которому он отдавал свое время и деньги.

Слегка назидательный тон Махмуда-аги был вызван чувством превосходства в знании положения дел. Отсюда и вытекало внешнее равнодушие. Как будто он говорил: «Я не сержусь на вас за то, что оторвали меня от более приятного времяпрепровождения... Музыка и искусство танца - превыше всего... Но я готов оказать вам любую помощь, друзья, лишь бы доставить вам удовольствие, только бы у вас было хорошее настроение».

Вторым гостем был Сеид Азим. Внешний вид выдавал в нем истинного ширванца. В противоположность Махмуду-аге и хозяину дома, его бритую голову и в комнате венчала высокая папаха, хотя в доме было жарко. Стройную фигуру плотно обхватывала приталенная чуха из ворсистого черного сукна, лезгинской выработки. Сняв обувь у дверей, он остался в носках, связанных из грубой серой овечьей шерсти. Тонкие усы и

только намеченная линией борода делали его старше, чем он был на самом деле. Сегодняшний праздник Рза-бека был и его праздником. Понимая необходимость образования для своих маленьких соотечественников, он давно лелеял мысль о школе. Ну и что ж, пусть не ему довелось открыть эту первую школу, зато основателем дела будет его друг и единомышленник. Какая разница - кто, начало есть начало! Рза-беку удалось убедить администрацию, и прекрасно! Дойдет и до него черед, он выполнит свой долг перед земляками - внесет свою лепту в первый опыт: напишет для школы стихи на родном языке. Это будет первый учебник для первой школы. С помощью его поэзии дети постигнут первые буквы, слова, начнут обучаться наукам... Он избавит детей от посещения грязной, вонючей моллаханы Моллы Курбангулу, где малыши сидят на рваной рогоже в холодном помещении, где их ждут безжалостные розги, если, избави аллах, они не смогут прочесть непонятные фарсидские тексты... Он мечтал о школе, где, подобно соседним армянским и молоканским детям, маленькие азербайджанцы сидели бы в светлых и чистых классах. Вот и Рза-бек говорит о том же самом, даже о том, что специальный истопник будет следить за тем, чтобы в классах было тепло, и ребятишкам не надо приносить с собой из дому уголь для мангалов, которыми отапливаются помещения в ширванских домах...

Какие приятные мечты, какие приятные стремления начинают сбываться...

Тарлан был горд приглашением Рза-бека разделить с друзьями новость. Рза-бек надеялся и на него, коль скоро новой школе понадобятся грамотные люди. Хоть мысль о Соне не оставляла Тарлана ни на секунду, желание приобщиться к новому делу заразило и его надеждой: и он окажется полезным в обучении детей грамоте.

- Получить разрешение - полдела, - говорил Рза-бек, - но с чего начать? Не знаю даже. На пустом месте начинаю... Вы все должны мне помочь, особенно вы, Махмуд-ага!

- Помещение и деньги для него - я беру на себя, - уверил друзей Махмуд-ага, - и я же займусь сбором средств на другие нужды среди знакомых и родственников знакомых. Это я смогу.

- Так это и есть главнейшее наше дело, - вмешался Сеид Азим, - самое трудное - помещение... И конечно, столы, стулья, как в русско-армянских школах, потом всякие письменные принадлежности, все это связано с деньгами...

Махмуд-ага прервал, чтобы покончить с неопределенностью:

- Еще до поездки к господину губернатору я сказал Рза-беку, чтобы он рассчитывал на мой первый вклад, а остальных как-нибудь заставим...

- Остается проблема с книгами, по которым можно учить детей. Поначалу придется довольствоваться теми крохами, которые у нас есть, чтобы выучить алфавит. А для чтения придется переписывать крупным шрифтом стихотворения и рассказы на тюркском языке, вспомним притчи и сказки, которые слышали от бабушек...

Махмуд-бек искренне удивился:

- А разве есть такие? Мне казалось, что на нашем родном языке существуют только газели и баяты, а вся остальная литература на фарсидском, русском, французском...

- Нет, ага, на тюркском языке хоть и мало, но кое-что найдется для обучения детей... Если мы будем ждать, пока напечатаются настоящие книги для новой школы, мальчики, которых мы собираемся учить, станут отцами семейств.

Внезапно разговор Сеида Азима и Махмуда-аги прервал Тарлан, до этой поры не открывавший рта:

- Вы совсем не думаете о том, кто отдаст своих детей в нашу школу. Какой отец возьмет своего сына из моллаханы и приведет его к нам, где вместо привычного учителя-моллы учить его сына будет неизвестно кто, когда не известно заранее, кто выйдет из школы, где нет урока шариата...

Говоря это, Тарлан видел перед собой своего отца, он ясно слышал слова, которые бы мог произнести Закрытый: «Нечестивец выйдет из этой школы. Там коран не изучают, молла уроки не ведет. Кто туда ребенка пошлет? Чтобы потом, как сын Керим-бека, напялил на голову шляпу, на шею ошейник нацепил, отвернулся от религии отцов и стал урусом?»

Все примолкли, посмотрев на Тарлана. Действительно, они забыли о самой главной проблеме.

Молчание нарушил Махмуд-ага:

- Не будем отчаиваться, несколько наших местных интеллигентов и любителей новизны охотно отдадут детей в школу. Другие не осмелятся отказаться от школы, открытой по приказу губернатора. А от вас требуется, чтобы вы уговаривали всех родных и знакомых, соседей и купцов, в чьи лавки вы заходите за покупками. Нужно при этом говорить, что окончивший школу сможет поступить на государственную службу. Раньше к гражданской службе в Закавказье допускались только дети грузинских князей и наших беков, а теперь и те, кто обучен грамоте из небекских семейств, смогут примкнуть к третьему разряду канцелярских служащих при царской администрации. Будут счетоводами, делопроизводителями, канцеляристами. Я думаю, что купеческое сословие заинтересовано в том, чтобы дети купцов работали при губернаторе. А теперь перейдем к более приятному занятию, не будем портить наш праздник. Я предлагаю выпить пиалу этого прекрасного вина в честь открытия новой школы. Давайте поспешим, чтобы никто не увидел... - Он поднял кувшин и разлил вино в пиалы.

Подняв пиалу, Тарлан улыбнулся:

- Не дай аллах, чтобы об этом узнали мой отец и Молла Курбангулу. Если узнают - я погиб! А школа Рза-бека навсегда останется без учеников! Тотчас разнесут по всему свету: «Это - кабак, там пьют вино, отдадите туда детей - вырастят из них пьяниц, как сами!»

Сеид Азим при этих словах улыбнулся. Держа пиалу двумя руками, он поднял ее перед собой:

- Омар Хайям говорит:

Вино запрещено, но есть четыре «но»:

Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.

При соблюдении сих четырех условий

Всем здравомыслящим вино разрешено.

Все заулыбались, а Сеид Азим продолжал:

Чуть ясной синевой взыграет день в окне,

Прозрачного вина желанна влага мне:

Раз принято считать, что истина горька,

Я вывод делаю, что истина в вине!4

Раздался дружный смех, Махмуд-ага приготовился что-то добавить к сказанному молодым поэтом, как сильные удары в дверь заставили всех обернуться. Дверь с треском распахнулась, на пороге вырос Гаджи Асад, с глазами, налитыми кровью от бешенства. Из-за его плеча выглядывала голова слуги, и заикающийся голос что-то пытался объяснить Рза-беку, но яростные вопли Гаджи Асада заглушили все остальные звуки:

- Так, теперь и в этом мусульманском доме устроили кабак! Я думал, что найду своего щенка в доме Махмуда-аги, где он обычно развлекается с другими нечестивцами, но сегодня вы собрались здесь. А вот и наш местный Сеид, пусть его великий предок плюнет ему в лицо за то, что он позорит себя перед верующими!.. Ирза-бек!... Твои благородные предки вправе отречься от тебя... Да что я говорю! Бекское сословие во все времена было склонно бывать, что пророк запретил пьянство... Вы все тут можете заниматься чем заблагорассудится, но что вам понадобилось от моего дурака?

- Отец!

- Шайтан тебе отец! - Закрытый стукнул палкой об пол.

Гнев душил его, он не сдержался, поднял палку и размахнулся... Белый высокий лоб над сросшимися бровями и светлыми глазами перерезал кровавый шрам. Гаджи размахивал тростью как дубинкой, нанося удары направо и налево, не давая Тарлану увернуться, мешая друзьям оттащить беснующегося старика от сына. Кровь заливала лицо Тарлана, застилала сплошным потоком глаза. Но он не помышлял защищаться. Он не мог бы никогда в жизни поднять руку на родного отца. Он мог ждать от Закрытого чего угодно: ругани, упреков, проклятий, но то, что он опозорил его перед друзьями, сверстниками, избил, как мальчишку, было для Тарлана хуже смерти. Отец перед всеми надругался над его гордостью, столь тяжкого оскорбления не могло вынести его сердце. Он молил аллаха, чтобы отец в порыве гнева нанес ему смертельный удар: лучше смерть, чем позор.

Махмуд-ага, Рза-бек и Сеид Азим кое-как вырвали Тарлана из рук Гаджи Асада. Махмуд-ага пытался успокоить Гаджи:

- Нехорошо, Гаджи, успокойтесь, дайте нам перевязать раны вашему сыну.

Как ни был зол Гаджи Асад, он понимал, что нельзя портить отношения с таким человеком, как Махмуд-ага, к тому же он сам очень устал и переволновался. Не скрывая своей ненависти к молодым людям, он заявил, что ни на мгновение больше не останется в этом «гнезде дьявола»:

- Не нужно его перевязывать, Махмуд-ага, дома перевяжут, найдется кому им заняться...

Тарлан хотел поскорее оставить дом Рза-бека, в котором ему нанесли несмываемое оскорбление. Он спешил уйти от друзей, избавить их от звуков грубой брани. Прихрамывая, он первым вышел за дверь. Гаджи Асад за ним следом.

В комнате наступило тяжелое молчание. От недавнего праздничного веселья не осталось и следа, глубокая печаль легла на лицо Махмуда-аги:

- Даже не могу себе представить, как мы завтра сможем приступить к намеченным делам... Какой страшный садизм, какая темнота нравов! Кто и когда сможет разубедить подобных людей в их неправоте и заблуждениях?

ЦАРИЦА ФЕЙ

Поэт не мог забыть Сону... Шли дни, дни складывались в недели, недели в месяцы... Поэт не мог забыть Сону. Облик прекрасной молодой женщины волновал его сердце, мечты о ней не оставляли его ни на минуту. Он думал о ней не только во время меджлисов в доме Махмуда-аги, но и у себя в доме, в мечети, в гостях и даже во сне... Поэт не мог забыть Сону... За это время он подружился с Махмудом-агой. На музыкальных и поэтических вечерах он уже без стеснения читал сочиненные им стихи, газели о музыке, о красоте, выслушивал слова одобрения и хвалы... Но с Соной за это время ему не удалось перекинуться ни одним словом. Он так и не знал, слышала ли девушка его газели? Знает ли, что стихи эти пишутся именно для нее, что любовь к ней родила в нем эти стихи. Знает ли Сона, что когда Сеид смотрит на луну в полнолуние, то видит Сону, когда вдыхает аромат цветов, ему чудится мускусный запах ее тела, когда он прижал к лицу пучок рейхана, только что сорванного в саду, он подумал, что так пахнут волосы Соны. При виде кипарисов, высящихся по берегам Зогалавай, перед взором оживает стан Соны... «Ай, Сона... Сона», - шепчущие губы читают новые и новые газели.

Поэт не мог забыть Сону... Он знал, что ни мать, ни родня, ни окружение его не согласятся с любовью к Соне, с женитьбой на ней... Чанги! Одно слово - страшное клеймо, хуже холеры и чумы... Сона была чанги. Она никогда не сможет быть ничьей женой, матерью. Никто не согласится ввести ее в свой дом, назвать ее своей невесткой. Сона - чанги. Веселые приветливые молодые люди могут восхищаться ею, но никто не скажет о ней: «Моя жена». Пылкие молодцы умирали от любви к Соне, но ни одному из них не приходило в голову жениться на ней. Они не могли громко произнести ее имя нигде, кроме дома Махмуда-аги. Они так же, как и все, называли ее «чанги» в присутствии своих

родных и знакомых. Они даже боялись показать, что знают о ее существовании, а не то что знакомы. Чанги... Женщины вспоминали ее имя не иначе как с проклятиями. Поэт все это знал, но не мог забыть Сону...

Когда стемнело, он направился в сторону, где жили пришлые, в квартал Чужаков. Его терпению пришел конец. Он должен был увидеться с Соной наедине, открыть ей свое сердце. Потом будь что будет... О последствиях он даже не думал.

Сегодняшняя проповедь Моллы Курбангулу не выходила у него из головы. Боясь Махмуда-агу, Молла Курбангулу, не называя его имени, все-таки говорил о сборищах в некоем доме, посещаемых молодыми людьми из уважаемых родов, где они наблюдают за «дьявольским делом», так он намекнул на танцы чанги. Молла требовал изгнать из города беду, которая сбивает с пути праведного молодежь. Молла Курбангулу грозил карой небесной любителям вина, музыки, танцев чанги. Муками ада страшил он тех, кто забыл о мечети, удаляется с пути, предначертанного аллахом.

Поэт в душе вел спор с Моллой Курбангулу: «Почему красота, радующая глаз, должна считаться дьявольским ухищрением? Почему аллах предназначил созданным им самим людям только мучения и труд на этом свете, а райские кущи после смерти, и реки молока, меда и вина тоже после смерти? И райские гурии, готовые дарить ласки избранным и все же остающиеся девственными, тоже на том свете... Неужели такие прекрасные люди, как художник, как Сона, как ценитель искусства Махмуд-ага, предстанут перед страшным судом и отправятся гореть в аду, а люди с черными сердцами, подобные Гаджи Асаду, Молле Курбангулу, отправятся в рай? Где же, в таком случае, справедливость - одна из основ религии? В чем грех певца, исполняющего газели Физули, призывающие человека к чистоте помыслов, дружбе, счастью? За какую вину все проклинают Сону, дарящую радость и вселяющую любовь в сердца?»

Сомнения раздирали душу поэта, а любовь вела его темными улицами к дому, где он мог ее увидеть. Предвкушение чуда, которое дарит его взору красота девушки, несло его на крыльях.

Ваиз5 не знает тайну губ любимой - знаю я!

Кто трезв, не знает вкус вина неповторимый - знаю я!

Откуда наши муки знать тому, кто не влюблен?

Не знает истинной любви неодержимый - знаю я!

Уже совсем стемнело, когда Сеид Азим подошел к дому танцовщика Адиля. Он остановился в нерешительности.

Как она меня встретит? Знает ли она о моей сжигающей душу любви? Чувствует ли, что я стремлюсь к ней, как мотылек к свету, как травы и цветы к солнцу?»

Я душой бы пожертвовал ради нее

И ее дорогого лица,

Мотыльком бы порхал, как над яркой свечой,

Вкруг ее золотого лица.

Он колебался лишь мгновение, потом решился и протянул руку к дверному молоточку... Ворота открыл сам танцовщик Адиль. Фонариком осветил лицо гостя. От неожиданности растерялся: у порога его дома, проклинаемого многими, стоит сеид-потомок пророка... Сеида Азима, несмотря на молодость, шемахинцы уважительно называют «Ага», а ему что-то понадобилось в доме танцовщика, учителя чанги... Адилю приход поэта показался странным, но он привык к причудам господ, поэтому, отступив в сторону и ни о чем не спрашивая, пригласил гостя в дом. Услужливо освещая дорогу фонариком, он вел Сеида Азима за собой к дому, искоса оглядываясь на идущего следом в молчании поэта:

- Пожалуйста, пожалуйста, Ага!.. Да будем мы у вас в услужении... Пожалуйте!

Девушки только что закончили вечернюю трапезу. Завидев нежданного гостя, они растерялись.

- Я, кажется, пришел не вовремя... - нерешительно проговорил Сеид Азим.

- Нет, нет, Ага, пожалуйста, - скороговоркой частил Адиль, делая знаки девушкам.

Забрав скатерть и посуду, они тут же удалились, только Сона медлила.

«О аллах, попадем мы в беду!» - подумал танцовщик.

- Сегодня, в день святой пятницы, занятий все равно не будет, - сказал Адиль, а мысленно добавил: «О аллах, защити!» - и вышел вслед за девушками.

Сона как будто ждала этого прихода. Она предчувствовала, что Сеид давно ищет повод повидать ее. Она даже не обратила внимания на волнение и слова своего учителя. Он хочет что-то мне сказать, за этим и пришел...» Они стояли лицом к лицу, но оба опустили глаза. Сона прижала руки к груди, стараясь заглушить громкий стук собственного сердца. У нее подкосились ноги, и она упала на колени перед поэтом. «Говори, да буду я жертвой дара, ниспосланного тебе великим аллахом! – подумала она. - Ради каждого твоего стихотворения и газели я готова пожертвовать жизнью. Они так прекрасны! Твои стихи рождают во мне желание танцевать, дарить людям радость, как даришь ее ты! Говори! Текущие плавно вдохновенные строки сжигают мое сердце, пылающее от любви; когда ты говоришь, мне кажется, что это говорит Тарлан, каждое слово - его слово...»

- Встань, Сона, ты не должна стоять на коленях, - а сам подумал: «О чем я могу говорить? Ты и сама, наверное, знаешь. Но откуда...»

Сона поднялась:

- Ага, ты выглядишь таким изможденным, не болен ли ты?

- Нет, Сона, я не болен... Печаль посетила меня...

- Я поняла, Ага, что ты пришел поговорить со мной.

- Почему, Сона, почему ты догадалась?

Сона смутилась, ресницы затрепетали, щеки порозовели, будто вовсе не она танцует перед мужчинами на меджлисах:

- Ты сам сказал об этом, Ага...

Сеид Азии растерялся: неужели он проговорился кому-нибудь? Кто мог знать о том, что творится в его душе?

- Кому, Сона, когда?

Улыбка тронула губы Соны:

- В газели, которую читал на, последнем меджлисе:

Да войду я, наконец, в дом твоей души

И почувствую себя в райском цветнике!

Тревога в голосе поэта сменилась радостью, он тронул лоб рукой и улыбнулся:

- Когда я читаю стихи, тебя никогда не бывает в комнате, где же ты их слышишь?

- Из-за двери. Как только кончаются танцы, мы выходим, но все слышим. Все девушки слушают твои газели и выучивают наизусть раньше Наджафгулу... А когда получаем переписанные...

Сердце его сладко замерло: Сона читает его газели...

- Ты умеешь читать?

- Немного... Но, Ага, чтобы выучить твои газели, достаточно их послушать, они сами собой запоминаются. Как правильно говорит Махмуд-ага, у тебя такой же божий дар, как у великого Физули...

- Для меня нет минуты счастливей, Сона, если мои стихи знает и читает такая красавица, как ты... Ты развеяла мою печаль, мое горе улетучилось.

Соне стало ясно, о чем поведет сейчас речь поэт, но она не могла его остановить.

- С первого дня, как я увидел тебя, любовь овладела моим сердцем, Сона! Во всех моих газелях и стихах - ты, моя красавица, моя Ширин, моя Лейли... Боясь назвать твое имя в газели, я говорю: «Зулейха, Эзра, Лейли», но думаю: «Сона».

Пусть весь мир будет полон одних только фей - и тогда

Ни одна на себе не задержит мой взор никогда.

О звезда, если после того, как увидел твой лик,

Я на солнце взгляну, пусть ослепну тогда навсегда!

- Упаси аллах! Не говори так, Ага!

Молодой человек протянул руки, но вздрогнул, он не мог коснуться рук женщины: хотя она и была танцовщицей, он не мог ее оскорбить.

- Ты как пугливый джейран, Сона... Даже сочинив про тебя сотни газелей и рубай, я не смогу высказать до конца всю глубину моей любви к тебе. Твои танцы лишили меня разума, покоя... Я уже не властен над собой...

- Знаю...

- Откуда? Я ведь до сегодняшнего дня не обмолвился с тобой ни единым словом.

- По твоим глазам узнала... По глазам, которые вижу, выходя на меджлис...

- Но ты ни разу не повернула голову в мою сторону!

- В том нет нужды, Ага, я слушаю твои стихи и знаю, кому они предназначены... Ты сам назвал меня пери, гурией, а гурии обладают другой сущностью, чем дочери людей, телесная чистота их не должна быть запятнана... Но ты забыл, Ага, что я чанги, несчастная, презираемая Сона, именем которой шемахинские женщины пугают детей!

- Не говори так! Великий аллах дал тебе в награду такой талант! Ты создана для того, чтоб приносить людям радость!

Девушка резко подняла голову, на лице ее не осталось и следа печали, только ирония и гнев:

- А я сама! Лучше бы аллах не одарил меня талантом, чем стать чанги! Лучше бы я вместе с моей несчастной матерью покинула этот мир... Ну и что с того, что аллах дал мне талант? Какова его ценность в наше время? В чьих глазах он дороже медной монеты? Напротив! Разве не из-за моего таланта валятся на меня горести и невзгоды?.. Даже те женщины, которые не занимаются столь позорным ремеслом, как я, бесправны. И что может чанги, если она и настоящий талант?! И ее, и тех, кто любуется ее искусством, клеймят и проклинают все вокруг! Если даже мое искусство, обратившись в факел, исторгает пламя, в жаре его никто не может согреться, а в его дыму сама я слепну... Какой

смысл в моем таланте, Ага? Опозоренной навечно кличкой «чанги», мне нет места среди людей... Я должна забыть о мечтах каждой женщины о своем доме, семье, детях... Только танцуй для услады гостей меджлиса...

Напоследок гневный голос девушки зазвенел и замолк.

Сеид Азии застыл от ее горьких слов. Он был беспомощен перед истиной, высказанной с таким жаром устами красавицы, которой он поклонялся. Его мысли смешались: ведь он полагал, что вдохновенный танец Соны рожден ее талантом и любовью к танцу, что она не может не танцевать, не может так же, как он не может не писать стихи... Казалось, что, танцуя, девушка бывает счастлива и не желает другой жизни... Оказывается...

Молодой человек искренне опечалился:

- Я думал, ты всецело поглощена своим прекрасным искусством, Сона.

- Этим я зарабатываю свой хлеб, Ага! К сожалению, ничего другого я не умею, открыв глаза, я видела только это. Да, я очень люблю музыку. Музыка сама движет моими руками и ногами, я готова танцевать до изнеможения. Музыка заставляет забыть свои беды и обиды... Не только музыка: твои газели, воспевающие чистую, чудотворную любовь, пробуждают во мне желание передать в танце те чувства, которые навеваешь ты своей поэзией. Я готова бесконечно слушать твои стихи, пиши, Ага, все больше и больше... Музыка и поэзия вдохновляют мой танец. Боль и радость переплелись в моей судьбе... Я несчастна и никого не могу тащить за собой в бездну.

Поэт мотыльком бросился в пламя любви. Но это была не та, ожидаемая им любовь. Здесь было что-то другое. И он и Сона тянулись друг к другу, но не как Лейли и Меджнун, не как Фархад и Ширин. Талант тянулся к таланту, талант вдохновлялся талантом, поэзия одного рождала танец другого, танец рождал новые газели...

- Сона!..

- Ты видел сегодня Тарлана, Ага? - резко перемела тему разговора Сона. Этим вопросом решила намекнуть поэту на свою любовь и раз и навсегда закончить тяжелые объяснения.

Сеид Азим резко поднял голову: «Постои, постои, она неспроста спросила меня о Тарлане... Неужели? Неужели она любит моего друга?» Он внимательно посмотрел на девушку.

Сона ласково улыбалась, нежно подрагивали ее губы, еще недавно так гневно стиснутые, глаза блестели.

- Не видел, Сона, а что?

- Ничего, я просто так сказала. Он ведь твой друг, Ага, ты можешь знать, почему он в последние дни не показывается в доме Махмуда-аги. Не болен ли он?

- Гаджи Асад узнал, что он частый гость меджлисов в доме Махмуда-аги... Он, говорят, сильно бушевал и запретил ходить на эти собрания...

Печаль снова окутала лицо Соны: «Его отец не хочет, чтобы он даже видел меня. Если бы он догадался... О аллах!»

«Конец моим мечтаниям... Она говорит и думает о Тарлане».

- Мне показалось, Сона, что ты неспроста заговорила о моем друге. Сона, скажи, уж не он ли тот счастливец...

- Извини меня, Ага, что доставила тебе боль, но моя любовь никого не сделает счастливцем...

Боль завладела сердцем поэта: «Как я не почувствовал этого раньше, зачем я говорил с ней о своей любви... У нее и своих забот хоть отбавляй, о нежный чистый ангел!»

- Ты права, Сона... Насильно мил не будешь. Я просто завидую своему другу. Он все-таки счастливец.

- Что толку... - Сона разволновалась. - Извини меня, Ага, да будет жизнь тебе моя в жертву! Не обижайся на меня... Ты и сам прекрасно понимаешь, что ни в судьбе Тарлана-аги, ни в твоей мне не суждено сыграть роли. Вы не из тех разгульных гуляк, которые преследуют беззащитных женщин с дурными намерениями... А для серьезной честной жизни чанги не годится... Того, кто связался с нею, проклянут, выгонят из Шемахи, забросают камнями. Тарлана же Гаджи разрежет на куски, если узнает что-нибудь. Да буду я жертвой твоего предка, Ага, береги себя. Нельзя, чтобы твое имя связывали с моим, не втравливай себя в скандал... И меня забросают камнями... В моем сердце уже есть кладбище любимых мною людей. Не добавляй еще одной могилы и ты...

Сердце поэта разрывалось от боли. Он не находил слов утешения для Соны. Ему доводилось видеть немало открытых на погребении могил, но ни одна не вызывала такой скорби и боли, как вид заживо хоронящей себя молодой девушки. «Пусть будет проклято время, лишающее тебя счастья жены и матери!»

Сона уловила смену настроения на лице Сеида Азима. Внезапно все ее существо охватил жуткий страх. «Ведь он - сеид, потомок самого пророка, а я отказываю ему... Он проклянет меня, его желание будет преследовать меня всю жизнь». Как ни была умна Сона, но и она жила в плену религиозных и фанатических убеждений, основанных на идее, что члены семьи пророка и его потомки имеют право на получение своей доли у правоверных мусульман... И еще: хоть мусульманину разрешено шариатом иметь четыре законных жены, рабыни в этот счет не идут... А кто ж она, если не рабыня? «Что я наделала! Лучше бы у меня язык отсох!»

Сона стремительно наклонилась, схватила руку Сеида Азима и покрыла ее жаркими поцелуями.

- Да буду я жертвой твоего великого предка, Ага! Не сердись, не проклинай меня, не делай сплошным стоном мою жизнь! - И она горько заплакала.

Тут Сеид Азим понял, в чем дело: Сона боялась! Ведь она всю жизнь видела, что человек, назвавшийся сеидом, в любом доме требовал узаконенную милостыню, «свою» долю... И люди подавали ее этому потомку пророка, страшась его проклятий.

- Подумай, Сона, что ты говоришь! Ты ведь знаешь меня, я не из тех, кто получает свою долю сеидов... Теперь я понимаю, кто ты для меня... Ты - царица моей души, краса всех красавиц, ты - прекрасная фея моего вдохновения, моя Сона. Я не знаю никаких

проклятий, а если бы знал и проклял тебя - оно настигло бы меня самого. Наоборот, я всегда буду благодарен тебе, добрый ангел моего сердца! Это ты внушила мне те газели, что так нравятся тебе. Твоя красота и твое искусство вдохновляют меня в моей поэзии.

- Пусть аллах дарует тебе счастье, Ага!

- Будь и ты счастлива с тем, кого любишь! Ты навсегда останешься для меня источником счастья, феей вдохновения! - Сеид Азим мягко улыбнулся: - Ведь я принес тебе розу, Сона, из нашего сада... Глядя на цветы, я всегда думаю о тебе... Ты - роза наших садов, Сона!..

Он осторожно достал из внутреннего кармана чухи чайную розу, завернутую в пушистые листья махрового ириса. Осторожно расправил своими длинными тонкими пальцами и отдал Соне.

«О аллах, как это ему удалось сохранить у цветка свежесть только что сорванного? Помогай ему во всем, господи!»

- Ты немного ошибся, Ага! Я не прекрасная роза, растущая в твоем саду... Я, скорее всего, дикая фиалка с поникшей головой, тоскующая по весне. А розы, розы нашего края - это твои газели... Если ты хочешь, чтобы я была счастлива, напиши для меня газель, но с тем условием, чтобы никто никогда ее больше не читал и не знал. Только я...

- Только ты... Пиши, Сона, это для тебя! - Слова только что рожденной газели лились сами собой:

Пусть раскроется целое море цветов –

Разве этим унижу тебя?

Их назвать я колючками тотчас готов,

Если я не увижу тебя!

Сеид читал, девушка записывала, с трудом поспевая за ним.

- Большое спасибо, Ага, - Сона устремила на поэта полный восторга и благодарности взгляд, - больше этой награды я не получала в жизни ничего, и нет у меня дня счастливей!

- Знай, Сона, где бы ты ни услышала мою газель, описывающую красавицу, знай, что это ты! Когда бы я ни пел о возлюбленной, знай, что это написано о той, с кем я провел счастливейшие минуты в моей жизни, о тебе... Я навечно унесу в памяти нашу нынешнюю беседу:

Вечно с верным и любящим в ссоре судьба.

Насылает на любящих горестей море судьба.

Если двое дружны меж собой, и верны, и нежны,

Тут же вносит меж ними раздоры и горе судьба.

Двое опечаленных людей с разбитыми сердцами прощались друг с другом.

- Прощай, царица фей, отныне и навсегда ты мой кумир, ты - мой коран!

- О аллах, не говори так...

- Мое сердце принадлежит тебе... Каждый твой танец вызовет мое восхищение и поклонение, брови твои будут для меня Меккой, местонахождение твое - основной святыней наших предков Каабой. Поклонение тебе станет моей религией, моей верой в совершенство. До конца моей жизни, Сона! Слава аллаху за то, что он сотворил тебя такой прекрасной! Если я отвернулся от него к тебе, пусть на себя за то обижается!

- Не богохульствуй, Ага... - девушка вздрогнула в страхе.

- Я не богохульствую, Сона, разве это не знак божий, что аллах-созидатель сотворил тебя такой прекрасной! Он желал этого, а с тем, кого любит аллах, ничего не случится... Не бойся, Сона! «Если свеча горит праведно, она не погаснет ни от какого ветра!» Твоя свеча зажжена аллахом! Взамен счастья он дал тебе огромный талант. Талант же дарит людям радость, а это само по себе большое счастье.

В дверях послышалось осторожное покашливание Адиля. Учитель чанги шатался от желания заснуть, но не мог этого сделать, пока в доме находился посторонний человек. «И зачем он только пришел сюда? О чем они столько времени разговаривают? Что ему нужно? Не приведи аллах кого-нибудь под двери нашего дома: если шемахинцы узнают о его приходе сюда, мы пропали, и ему несдобровать! Шемахинцы горазды на издевательские частушки, будут передавать их из уст в уста, хоть беги из Шемахи...»

Адиль проводил Сеида Азима до ворот. «Нет, слава аллаху, никто не видел...»

Плотно закрыв дверь в дом на задвижку, он вернулся в комнату. Лежа на тюфячке, Сона горько плакала.

УБЕЖИЩЕ

Была глубокая ночь. Уже давно разошлись музыканты, работавшие вместе с учителем чанги Адилем. Они сопровождали танцовщиц на меджлисы и на свадьбы, репетировали с ними перед их выступлениями. Сейчас в комнате остались лишь Адиль и Сона, с которой учитель разучивал новый танец. В свете десятилинейных ламп, горящих в обоих концах комнаты, Сона повторяла новые движения; Адиль, отбивая такт на бубне, подпевал мелодию негромким, но достаточно сильным для такого пожилого человека голосом. В

этом он походил на свою мать Гюльзаман... Тени сопровождали танец Соны. По стенам, казалось, кружатся десятки грациозных танцовщиц, вторящих движениям Соны. В этом было что-то волшебное для непосвященного, но для танцовщика Адиля - обыкновенная работа. Оба увлеклись...

Темная, хоть глаз выколи, глухая и немая ночь сгустила нависшую над жизнью Соны опасность, и хоть поэт говорил ей, что жизнь ее под охраной самого аллаха, не останемся в стороне от событий и мы, чтобы быть свидетелями, если не защитниками ее.

Дверь открылась внезапно. Четверо вооруженных людей ввалились в комнату. Испуганный Адиль смог рассмотреть лишь одного из четверых, увешанных кинжалами и револьверами. Это был известный в округе разбойник Алыш - гроза караванов, проходящих по Кобустанской равнине в Баку и из Баку...

Страх приковал Сону и Адиля к месту. Адиль прижал бубен к груди. «Я пропал, заработанное мною за пятьдесят лет с таким трудом достанется этому кровопийце. Проклятья сопровождали меня всю жизнь, и вот какой конец моим трудам... О аллах, спаси мне хотя бы жизнь!»

Сона горестно поникла головой. «Ага хотел быть добрым ко мне, но его великий предок наказал меня за то, что не получил своей доли... Я наказана за непочтение к потомку пророка... О аллах, пусть эти проклятые убьют меня, только бы не опозорили, не надругались надо мной!...» Она горячо молилась, призывая на помощь мусульманских святых: и дочь Мухаммеда-святую Фатиму, и имама Али...

- Ну как, ты еще жив, женоподобный? - закричал Алыш над ухом Адиля. - Когда ты возвращался из Шуши, то умолил меня отпустить, но теперь тебе не удастся ускользнуть из моих рук, полинявшая лиса!

- Я-а-а б-буду молиться за тебя, - начал, заикаясь от страха, Адиль.

Алыш рассмеялся:

- Ты лучше молись за себя! Кто, как не ты, сводит с пути истинного молодых мусульман? Одних заставляешь заниматься бесстыдным делом, а других - смотреть на это бесстыдство! И ты называешь себя мужчиной? Вон та чанги с платком на голове в тысячу раз лучше тебя, но она женщина, которую сам аллах создал неполноценной! А ты что такое?! Молла не раз предупреждал тебя дать зарок и не заниматься этими постыдными делами!

- Ага... Как мне не заниматься, это хлеб мой...

Один из парней схватился за кинжал:

- Чтоб ты не ел этот хлеб, чтоб он для тебя в яд превратился, мерзавец... Алыш-ага, разреши, прирежу его во имя аллаха!

Алыш остановил его резким криком:

- Займись лучше красоткой, а этого я без зурны плясать заставлю, острием кинжала пощекочу ему ребра... А ты бери ее отсюда и делай с ней что хочешь...

Ага Самед провел рукой по остроконечным усам:

- Ты дозволяешь мне поднять руку на женщину?

- Слушай, какая это женщина, это - чанги... Иди, займись делом... - Алыш повернулся к танцовщику Адилю: - Многих стоящих парней ты свел с пути истинного с помощью этих самых чанги, сукин сын! За это тебя мало прикончить. Но я не буду марать свой кинжал о твою поганую кровь. Вставай с колен, принеси сюда ценности, какие есть в доме, да пошевеливайся!

Адиль, думая, что сможет откупиться от Алыша, подполз к сундуку, стоявшему в углу, и начал шарить по карманам, потом вспомнил, что ключ на веревке висит на шее.

- Ты ключ вешаешь на шею? - расхохотался Алыш. - Чего еще можно ждать от женоподобного?...

Замок сундука под ключом Адиля заиграл нежную мелодию, казавшуюся немыслимой в этой обстановке. Алыш молча коснулся кончиком кинжала спины Адиля, и тот поднял крышку сундука. Алыш заглянул через его голову в сундук.

- Ага, ддо-ро-гой, возьми на зздоровье все, только оставь мне жизнь! - Он вытащил из сундука мешочки с деньгами и узелки с драгоценностями, в которых танцевали чанги.

- Молчи, мерзавец! Убить такого негодяя, как ты, - благое дело, которое мне зачтется... Впервые в жизни за убийство я получу отпущение грехов.

- Заклинаю тебя двенадцатью непогрешными имамами, пощади меня, Алыш-ага!

- Эй, Ага Али или Ага Гусейн, подержите руки и ноги этого негодяя, чтоб не мешал мне!

Парни кинулись к Адилю и повалили его на пол. Увернувшись, Адиль пытался поцеловать ноги главаря шайки.

- Прости меня, Ага, я виноват... Если ты отпустишь меня, я уеду отсюда и больше никогда не буду учить чанги, не допущу греха...

Алыш выдернул ногу из рук Адиля, разбойники схватили его за руки и ноги. Алыш наклонился и двумя огромными ладонями обхватил шею несчастного танцовщика. Из последних сил закричал Адиль, осознав, что жизни его приходит конец:

- Ты сам негодяй, проклятый кровопийца, бандит, нечестивец! Гореть тебе в аду скорее, чем мне!..

Кровь прилила к глазам Алыша, стали багровыми лицо и шея. Пальцы точно клещи сдавливали горло, пот тек по его красному лицу, а он все давил и давил:

- Теперь ты замолчишь навсегда, тебя много раз предупреждали... Отплясался, негодяй...

Адиль захрипел в последний раз, лицо его из белого превратилось в синее, язык вывалился изо рта. Алыш все не оставлял его, пальцы будто сцепились навечно...

- Я жертвую собой во имя шариата, бесстыжий негодяй...

А в это время Сона... Огромного роста детина втолкнул ее в небольшой чулан, рядом с комнатой, где происходила расправа над Адилем. Он сорвал с нее платок и вплотную придвинулся к девушке. Сона отступила и почувствовала лопатками холод стены. Она вздрогнула:

- Братец, да буду я твоей жертвой, да буду я жертвой твоей разящей руки, убей, тебе простится моя кровь, но не делай меня бесчестной... На том свете, служа святой Фатиме, я замолю твой грех убийства... Но если будет поругана моя честь, святая Фатима не простит тебе надругания надо мной.

Она не дралась и не царапалась, а тихо умоляла. Легким движением этот высокий парень мог бы убить ее, а она сама его просила о смерти. Это так поразило Ага Самеда, что он замешкался. «Честь» - это слово в устах недостойной чанги не показалось почему-то ему смешным... Редкая красота и нежность девушки вдруг тронули его. К тому же он был очень религиозен, а она заклинала его именем дочери пророка. А кроме того, с детства Ага Самеду твердили, что он должен беречь честь, что первейшая заслуга мужчины - уважение чести, а тут чанги предпочитает смерть бесчестью... За это она достойна уважения. Он не возьмет этого греха на свою душу...

- Падай на пол, Сона, и притворись мертвой, попробуем обмануть Алыша... Утром потихоньку выбирайся из города, пока он будет отсыпаться после трудной ночи... Но берегись, снова ему на глаза не попадайся, не то с меня он тоже шкуру сдерет.

Сона, не в силах поверить в правду его слов, несколько секунд вглядывалась в глаза парня, потом легла на пол лицом к стене и застыла в ожидании, чем все это закончится, не очень надеясь на спасение.

... Адиль был мертв, Алыш вытирал руки полой чухи.

- Ну, что у тебя там?

- Неизвестно, в чем душа в ней держалась, не успел я к ней притронуться, как от страха у нее, видно, разорвалось сердце, - нехотя проговорил Ага Самед.

- Считай, что не повезло... - Алыш поднял с пола папаху, нахлобучил ее на голову. - Поспешим к Гаджи Асаду за наградой. Мы свое дело сделали: разрушили гнездо разврата, теперь пусть платит... Будьте осторожны, чтоб нас никто не увидел.

Разбойники торопливо покинули дом танцовщика, не думая о следах преступления. Их заверили, что они вершат благое дело во имя торжества религии...

Когда шаги затихли в самом конце улочки, Сона поднялась с пола, ноги еле держали ее. «Куда мне пойти, о аллах, к кому обратиться? У меня нет ни отца, ни матери, ни брата... В чью дверь я могу постучаться?.. Может быть, пойти к Махмуду-аге? У него доброе сердце, он многим помогает. Но его дом слишком на виду, сразу же распространится слух, где я... Нужно поскорее уходить из этого дома, чтобы девушки не узнали, что я осталась жива... Если Алыш пронюхает, найдет меня даже под землей, и парню, который спас меня и не тронул, я принесу несчастье. Надо исчезнуть, спрятаться так, чтобы даже имя мое никогда не упоминалось... Дай аллах счастья тому парню, его, кажется, зовут Ага Самед, надо запомнить...»

Сона торопливо натянула на себя старье, хранившееся в чулане. Из книги, лежавшей на полке, вынула плоский пакетик, в котором хранилась газель, записанная ею со слов Сеида Азима, и другая, подаренная ей Тарланом, которую переписал сам поэт. Тут же лежала высушенная роза принесенная Сеидом Азимом из его сада. Плотно завернувшись в выгоревшую от долгой носки старую чадру, она выскользнула на улицу. Ни шороха, ни звука, предрассветный сумрак размывал очертания домов, в таком сером предутреннем тумане никто не увидит силуэт тонкой фигурки.

Когда послышался первый крик петуха, она была уже далеко от квартала Чужаков, где провела двенадцать лет своей жизни. Здесь она похоронила свою мать, похоронила надежды на счастье. Но здесь она подпала под могущественную власть музыки и своего любимого искусства - танцев. В этом квартале она получила клеймо чанги. Но здесь же в ее сердце пришла первая любовь... Здесь она оставила своих лучших подруг, таких же несчастных, как и она... Сердце ее сжалось: она навсегда оставляла кусок своей жизни...

Страх и отчаяние сопровождали ее. Кто бы ни встретился в этот час, посмотрел бы на нее с подозрением. Негоже женщине в столь неурочное время быть на улице одной... У каждого это вызовет любопытство и желание выследить ее. Подальше, подальше от квартала Чужаков, пока весть об убийстве танцовщика Адиля не распространилась в городе. Надо убежать, скрыться во что бы то ни стало!

Сона прижималась к стенам домов, старалась слиться с тенью заборов и оград... Ноги привели ее к такому месту, против которого протестовал ее разум. «Дом Тарлана! О аллах! Спаси его! Прочь, прочь отсюда, чтобы даже моя тень не упала на его имя... Зачем я сюда пришла? Я и его ввергну в пучину бед... Куда мне идти? К кому обратиться?»

Рассвело. С минарета мечети Галабазара послышался звонкий голос Кебле Мурвата, призывающего правоверных к первому намазу: «Аллах превелик! Свидетельствую, что нет божества, кроме аллаха! Свидетельствую, что Мухаммед - посланник аллаха! Свидетельствую, что Али его наместник! Идите на молитву! Идите ко спасению! Аллах превелик! Идите к лучшему из дел!» Азан проникал в ее сердце... У Соны родилась мысль: «Может быть, мне войти в мечеть и попросить там убежище? В доме аллаха со мной ничего не сделают!» Она сделала несколько шагов по направлению к мечети, но тут же остановила себя: Нет, нет, дорога в мечеть мне заказана. А как же Ага Самед? Если Алыш узнает, что он сохранил мне жизнь, он убьет парня...» В раздумье она прислонилась к воротам какого-то дома. Но тут из противоположных низеньких ворот вышел мужчина в высокой остроконечной папахе с узелком в руках, в черной шерстяной абе и в шлепанцах. Это был наш знакомец - Мешади Ганбар, сосед Сеида Азима, тот самый, что никогда в жизни не пропустил ни ритуального омовения, ни молитвы. Проведя пальцами по усам и бороде, привычно произнес: «Да смилуется аллах!» - и с любопытством взглянул на женщину, прислонившуюся к воротам дома покойного Сеида Мухаммеда, отца Сеида Азима. «Кто бы это мог быть? На нищенку не похожа, да и на заре они не собирают милостыню. И не Минасолтан, мать Сеида Азима, что ей делать в этот час у ворот собственного дома? Видать, молоденькая, уж очень худа. Наверняка у нее кто-нибудь болен, пришла к Минасолтан взять семейный молельный коврик, тоже ведь святая вещь, раз из дома сеидов...» Мешади Ганбар счел невежливым так долго рассматривать постороннюю женщину, пришедшую к соседям. «Аллах превелик!» - снова повторил он и, сунув под мышку узелок, заторопился к бане для утреннего омовения.

Если бы Сона умела читать мысли на расстоянии, она, возможно, не взялась бы за дверной молоточек, и вышедшая из дома для ритуального омовения перед утренним намазом Минасолтан не застыла бы в изумлении, открыв на стук ворота.

Мы уже упоминали о том, что шемахинцы любят награждать людей прозвищами, но в Ширване есть еще один обычай, о котором нам следует знать. Когда молодая женщина после замужества приходит в дом к своим новым родственникам или, наоборот, семья невесты обзаводится зятем, то родственники одаривают новых членов семьи почетным уважительным именем, но всегда сообразуясь с возрастом и положением. Так, мужчин называют «мирзададаш», «агададаш» - «ученый старший брат», «господин старший брат»... Женщины становятся «бирджабаджи» - «единственная сестра», «ишверджан» - «кокетливая душа». Чего только ни выдумывают ширванцы!

Когда женился отец Сеида Азима - Сеид Мухаммед, его жену Кичкине-ханум родственники назвали Минасолтан, что значит «эмалевая государыня», видно, за необыкновенный цвет лица, который можно сравнить с драгоценными эмалями. Отныне и мы будем называть ее Минасолтан.

Оправившись от удивления, Минасолтан сказала:

- Входи, дочка, чего ты хочешь?

Сона торопливо скользнула внутрь. Когда ворота за ней захлопнулись, она не сдержала вздоха облегчения.

- Я пришла искать у вас защиты... - Она упала на колени перед Минасолтан. - На небе аллах, на земле для меня сейчас только вы!

Минасолтан забыла и о ритуальном омовении, и о намазе. Кто эта молодая женщина? От кого она бежала? Минасолтан не могла припомнить ни одну похожую на нее женщину из их квартала... И не из соседских она, убегавших к ней от кулаков своих мужей...

- Но кто ты, детка? Встань, не три лицо о землю. Я же не святой имам. Аллаху не понравится, что ты падаешь к моим ногам...

- Я не хотела заходить в ваш дом. У меня нет никого на всем свете, и мне негде искать приюта. Но я не смела обременять вас. - Сона горько заплакала. - Я стояла у ваших ворот и увидела чужого мужчину, вот со страху и постучалась... Пусть пройдет немного времени, я сама уйду, а теперь не выгоняйте меня.

- Да кто тебя гонит? Почему ты так говоришь? Разве прогоняют божьего гостя? От этой двери еще никто без надежды не возвращался...

Если бы Минасолтан знала, кто стоит перед ней, возможно и не произнесла бы этих слов, даже ворота не открыла...

Шум во дворе удивил Сеида Азима. Азан давно отзвучал, мать наверняка закончила ритуальное омовение и должна вернуться для совершения намаза. Но она с кем-то разговаривает во дворе. Кто бы это мог быть в такой ранний час?

Молодой человек оделся и вышел во двор. Увидел Сону в сползшей на плечи чадре и лохмотьях, с лицом, поблекшим от слез, он понял, что случилась беда.

- Что случилось, Сона, что ты тут делаешь?

Минасолтан растерялась. Сын назвал эту женщину «Сона», значит, он знает ее хорошо! «Ой, горе мне, может быть, она сбежала из отцовского дома? Может быть, Ага любит ее? О аллах, помоги!»

- Откуда ты ее знаешь, сынок?

Сеид Азим понял, что мать еще не знает, кто перед ней. Он решил, что разумнее всего отложить объяснение с матерью, пока неизвестно, что же произошло и отчего так рыдает Сона.

- Мама, не пропускай молитвы, потом я тебе все сам объясню.

- Хорошо, детка!..

- Сона, входи в дом, входи, входи...

Сердце залила жаркая волна благодарности: если бы разговор состоялся сию минуту при Минасолтан, у Соны не хватило бы сил.

Сегодня намаз Минасолтан сопровождала тревога. Материнское сердце беспокоилось за собственное дитя. В промежутке между традиционными молитвами губы шептали: «Аллах всемогущий, убереги мое дитя от невзгод и прегрешений, защити от горя на земле и на небе...» Но тут же ее молитву прерывали думы: «О чем он будет говорить с этой чужой девушкой?»

Сеид Азим привел девушку в маленькую комнату.

- Может быть, мне лучше сразу уйти, Ага, я не должна ввергать тебя в пучину своих несчастий!

- Ты никуда не уйдешь, Сона, спасибо, что вспомнила обо мне в трудную минуту. Садись и рассказывай, что случилось.

Задыхаясь от слез и заново переживая ужасы прошедшей ночи, Сона поведала Сеиду Азиму все. Дрожь сотрясала ее тело, когда она говорила, что ее сочли мертвой, и только поэтому она жива.

- Уходя, Алыш сказал, что пойдет за наградой к Гаджи...

- К какому Гаджи, ты не знаешь, Сона?

- Он не назвал, но и без того ясно, что это Закрытый.

- Следовательно, пойдут к Гаджи Асаду... - сказал Сеид Азим, а сам подумал: «Видно, до отца дошли слухи, что Тарлан любит Сону...»

Закончив намаз, Минасолтан торопливо собрала молитвенный коврик, все время прислушиваясь к разговору в соседней комнате. При слове «танцовщик» она встрепенулась. «Какой танцовщик? Уж не тот ли, что учит танцевать чанги?.. Постой, постой... Уж не сама ли чанги Сона пожаловала к нам в дом? То-то до меня доходили слухи, что Ага ходит в дом Махмуда-аги».

Минасолтан поманила сына рукой из двери:

- Какая это Сона? А? Не чанги ли? Не дай аллах, а по лицу совсем не похожа...

Сеид Азим чуть заметно усмехнулся в ответ на наивный вопрос матери. «Интересно, какие, по ее мнению, бывают чанги?» Но шутить с матерью по этому поводу не стал, он разом решил покончить с неопределенностью:

- Да, мама, она - та самая несчастная Сона.

- Почему «несчастная»? - взорвалась женщина.- Пусть подыхает! Когда она перед мужчинами танцевала, разве не знала, что аллах считает ее занятие греховным? Что делать чанги в моем доме? Почему мой сын знаком с чанги?

- Мама, она пришла к тебе за помощью, - пытался он успокоить потрясенную горем мать.

- Пусть просит помощи у Махмуда-аги, - в запальчивости отвечала она, - перед ним она танцевала. Как веселье - так ему, а горе - так нам? Нечего у нас прятаться. Покровительства просят у аллаха, а дом аллаха - мечеть...

- Мама, ты только подумай, о чем ты говоришь? Если ей было бы куда пойти, она бы не пришла сюда, даже под страхом смерти, не захотела бы мне принести горе. Дом Сеида ведь тоже убежище, ты сама не раз повторяла, ты сама ей сказала, что от наших дверей никто без надежды не уходит. И она не уйдет. Ты хочешь, чтобы узнали, что она осталась жива и мы стали виновниками смерти двоих людей?

- Почему же двоих? Она должна умереть... ее кровь принесет ей очищение...

- В воле аллаха даровать или отнимать у человека жизнь. Придет время, аллах сам пошлет за ней ангела смерти Азраила, пока это время еще не пришло. Видно, аллах не захотел. Ночью какой-то бандит над ней смилостивился, а мы с тобой погрязнем в бессердечии и будем виновниками погибели ее и того человека, который ее спас. Для тебя ведь не секрет, что будет с ней, через несколько минут, если мы выгоним ее на улицы Шемахи?

Минасолтан задумалась. По своей сущности она не была жестокосердным человеком, скорее наоборот, - очень добрым. Доводы сына умерили ее гнев, но не настолько, чтобы бояться неудовольствия самого аллаха, если она будет милостива к чанги. И еще она опасалась, что сын ее ввязался в недостойное его имени и положения дело...

Сеид Азим знал доброе сердце матери, вот почему, ласково взяв руки матери в свои, он убеждающе проговорил:

- Мамочка, поверь мне, потом я все тебе расскажу, откуда и как я ее знаю. Поверь, что некоторое время назад эта самая Сона не позволила твоему сыну сделать шаг, который ты сочла бы роковым. Ты ее должница, мамочка. И сегодня отплати ей добром. А мне нужен всего один день. Я постараюсь, чтобы этой же ночью ее переправили отсюда в безопасное место. Только прошу тебя об одном непременном условии, да ты и сама понимаешь: никто не должен знать, что она у нас. Чтобы никто из приходящих в наш дом не видел ее, иначе мне не поздоровится.

- Аллах всемогущий, спаси и помилуй! - призывом к создателю закончился разговор сына с матерью. Сеид Азим был спокоен, а у бедной женщины не было другого выхода: дороже всего для нее на свете - сын.

... Базар кипел повседневными делами, когда поэт вошел в ряды. Удары о наковальни кузнецов, постукивание молоточков медников, посвистывание рубанков по отполированным доскам, крики разносчиков, лотошников и водоносов смешались в мощный гул, разговаривать при котором было совершенно невозможно.

- Бальзам грудной, бальзам грудной...

- Халва тантаранская...

- Лед, лед...

- Кому белую глину, кому белую глину, кому белую глину...

Позади Джума-мечети, выше базарных весов расположилось на одну ночь кочевье по пути на эйлаги - горные пастбища. Женщины закупали необходимые вдали от города мелочи. Коробейник Джухут Шами осипшим, хриплым голосом повторял:

- Иголки, нитки, шнурки, галуны, ленты...

Женщины толпились вокруг его короба, дети шныряли под ногами.

Базар... У каждого свой товар...

Поэта Базар притягивал разнообразием звуков и лиц, ему было любопытно и тревожно. Базар жил своей размеренной жизнью. И у каждого - свой товар, который надо продать.

- Огурчики...

- Шафран, шафран, аромат - целый мир, цвет - темный янтарь!

- Лагичские башмаки: четыре двугривенных пара, на заказ - восемь двугривенных!

- Кому воды, кому воды.

У Сеида Азима от запахов слегка кружилась голова.

Базар... У каждого своя беда.

Погонщик верблюда протянул руку:

- Братец, будь добр, скажи, сколько тут денег?

В углу между двумя лавками писарь, на маленьком ящике перед ним книжка гаданий. Уличный писарь - заодно и местная гадалка. На легкие горести напишет вам заклинание...

Сеид Азим задержал шаг.

- Возьми цветок руты, обезьяний волос, смешай. Когда придет время возвращения скота с эйлагов, зажги и дымом окуривай больного, пусть надышится вволю, все его болячки пройдут. Если же не найдешь руту и обезьяний волос, заверни в голубую тряпицу щепотку соли, шепни имена семи человек и среди них имя больного, потом сожги тряпицу с солью, но так, чтобы никто не видел, и все пройдет.

Сеид Азим усмехнулся: «Ах, если бы средство от всех горестей так легко было узнать...»

Сеид чуть не сбил с ног старую кочевницу, отступил в сторону, давая ей дорогу к уличному писарю.

- Дорогой, у моей коровы молоко совсем никуда не годится! Каждый раз кувшин надаиваю, а масло не сбивается, да вонзится спица в дурной глаз... Молла написал заклинание и сказал: привязать к рогу коровы, я привязала. Но все осталось по-прежнему. Загляни поглубже в свою книгу, да буду я жертвой каждого ее слова, может, поможет мне? Может быть, найдешь средство от моей беды?

Писарь, он же гадалка, с медлительностью важно поднимает книгу, целует переплет, кладет на колено и торжественно раскрывает. Долго-долго вглядывается в одну страницу, переворачивает ее, читает следующую, губы его шевелятся, но голоса не слышно.

«Бедная женщина, и этот ее надует...» Поэт отошел, с сожалением покачав головой.

В самом конце Весовой площади два крестьянина, продавшие привезенный из села товар, собирают пустые мешки и хурджины, тот, кто помоложе, скатывает мешки рулоном и засовывает их стоймя в хурджин, тот, что постарше, сортирует закупленные в городе мелочи и тоже запихивает перевязанные тряпками сверточки в хурджин. Рядом с ними трется головой о землю облезлый осел. Земля без единой травинки, бесчисленным количеством ног и копыт превращенная в просеянную муку, покрывает пылью все вокруг. «Ээх!» - крестьяне разом подхватывают хурджины и укрепляют на ослиной спине. Осел, должно быть, голоден. Поклажа, прилаживаемая на спине животного, говорит о том, что скоро они покинут город. Осел фыркает. На минуту все исчезают в пыли.

- Слушай, - тот, что постарше, обращается к тому, что помоложе, - я буду называть, а ты считай. Я привез два мешка кизяка. Отдал их семье плотника Гулу. Получил за каждый мешок по два пятака, один пятак потратил на иголки, так? Один пятак - купил кишки и ливер, так? Один пятак на щербет. И один у меня остался... Правильно получается?

Сеид Азим не слышит ответа молодого крестьянина. «Беднягам трудно пересчитать копейки в одном двугривенном... Помогает только природная сообразительность. До каких же пор мой народ будет безграмотным и нищим? Разве можно так жить? А они живут... Их дети не должны быть такими несчастными и темными, их нужно научить отличать черное от белого... Если мне только суждено, если аллах позволит, сбудется моя мечта, и я открою школу!»

Базар шумит. Поэт ищет Джавада...

Базар... Каждый здесь найдет развлечение по своему вкусу. Один слушает шуточные и совсем не шуточные песенки Сироты Гусейна, распевающего с лотком на голове... Другой часами простаивает рядом с балагуром Джавадом, Джинном Джавадом...

Под огромной шелковицей в центре небольшой площади в конце Мануфактурных рядов испокон веку громоздятся валуны. На одном из них обычно сидит Бес Джавад, а вокруг него любопытствующие, сочувствующие. Слушай, коли охота, новые стихи, соленые частушки, только что рожденные анекдоты. Джавад оседлал камень, спиной прислонился к старой шелковице, сдвинул на затылок коричневую каракулевую папаху. Щегольская, из тонкой шерсти, чуха плотно облегает стройное тело, серебряный рисунчатый пояс с изящной пряжкой охватывает талию, бросаются в глаза башмаки с загнутыми носами. Джинн Джавад светловолос, светлоглаз, белолиц. Светлые глаза искрятся остроумием и весельем, таких глаз нет ни у кого, кроме Джавада. Набожные люди терпеть его не могут. Джавад, говорят они, в жизни не держал поста, не совершал намаза...

Остроумие Джавада помогает ему соревноваться с прославленными проповедниками, поэтому некоторые моллы, чтобы избавиться от опасного противника, задабривают его: «Если бы этот фокусник хоть раз в жизни совершил паломничество в святые места, то аллах обязательно поместил бы его в рай». На что Джинн Джавад однажды ответил: «Не бойся, братец, Джавад не оставит Ширван без Джавада».

Джавад из породы балагуров и острословов, народных хитрецов, шахских шутов, сельских заводил - распорядителей на свадьбах и различных торжествах. Смешные и злые прибаутки, анекдоты, присказки, памфлеты делаются достоянием шемахинцев благодаря памяти и вездесущности Джавада. К нему несутся вести со всех сторон. У него крепкая опора: он дружен с Махмудом-агой, Исмаил-беком и Рза-беком. Поэтому никому не приходит в голову его трогать. Джинн Джавад - участник, а возможно, и организатор всех меджлисов шемахинской молодежи, стремящейся к образованию. Он заводила и на меджлисах. Однажды собравшиеся повели разговор о смерти, о конце света и страшном суде, о страхе перед смертью.

- Да, скажу я вам честно, страх перед смертью меня не покидает, - признался друзьям Махмуд-ага.

- Я думал, что всех нас пугает больше всего день страшного суда, когда мы будем стоять перед лицом аллаха нагие, палимые жгучим солнцем, истекая потом... - пошутил Джавад. - И аллах будет читать по книгам нашей жизни наши прегрешения...

- Брось шутить, а ты сам разве не боишься?

Джавад закашлялся, но ответил:

- Нет, ага, разреши мне это доказать.

Махмуд-ага рассмеялся:

- Как ты можешь доказать?

- А вот докажу. - Джавад поднялся. - Прикажи, ага, пусть приготовят сковородку, масло и муку. Я один сейчас, ночью, пойду на кладбище и в одном из склепов разведу костер, на котором приготовлю поминальную халву, а потом вас угощу. Да, ага, не забудь сказать про сахар, его тоже кладут в халву. Пальчики оближете!

Гости дружно подхватили шутку и со смехом проводили Джавада. Он ушел.

- Этот Джавад - хитрец, сейчас отправится домой, заставит жену приготовить халву, а потом расскажет, что готовил ее на кладбище, - говорит кто-то из молодых. - Эта бестия самому шайтану возьмется шапку шить.

Тогда все решают самолично проверить Джавада. Несколько храбрецов, завернувшись в простыни, следом за ним бегут на кладбище. И что же?

Джавад, собрав сучья и щепки, развел костер в мавзолее на кладбище «Семь куполов». Приятный аромат поджаренной муки ударяет в нос пришедшим, только этот необычный запах делает пребывание на кладбище не таким грустным, как обычно. Один из парней, засучив рукав до локтя, обматывает руку простыней и просовывает в приоткрытую дверь мавзолея. Джавад невозмутимо кладет в протянутую руку «мертвеца» ложку поджаренной муки, «мертвец» стремительно отдергивает руку и сбрасывает на землю горячую муку, снова протягивает, Джавад хладнокровно снова насыпает; когда рука появляется в третий раз, Джавад, стукнув по ней горячей ложкой, говорит:

- О любезный покойник! Если я все раздам мертвым, что я отнесу живым?

«Мертвецы» ответили громким смехом. Предводительствуемые Джавадом, который нес полную сковороду халвы, молодые люди вернулись на меджлис к Махмуду-аге, вовсю превознося храбрость Джавада...

Такие шутки давно не в чести у самого Джавада, только слава о былом молодечестве передается из уст в уста. Сейчас больше всего его увлекают злые, язвительные стихи, особенно эпиграммы Сеида Азима. При виде гордо шествующего по Базару квартального, недавно получившего за заслуги перед царским правительством бекский титул, Джинн Джавад громко произносит:

- О аллах, не лишай нас этого квартального! Квартальный сердится и хватается рукой за шашку, висящую у него на поясе:

- Смотри, Джавад, раскрой свои уши... Скажи своему лжесеиду, пусть от меня отстанет, не то вам обоим шутки надо мной дорого будут стоить!

- Отчего, господин квартальный? Я ведь молился аллаху за ваше здоровье...

Увидев, что стоящие толпой «бездельники» навострили уши, квартальный решил не продолжать ненужные разглагольствования:

- Знаю я тебя, знаю твои молитвы... Лжесеид, сукин сын...

Большинство людей знает, кого ругает квартальный. Нарастает веселье:

- ... Стрела попала прямо в цель, оказывается...

- Детка, здесь Ширван, здесь каждый хорошо знает, на какой свист ему откликаться...

- Да буду я жертвой его великого предка, как сказано!

- Здорово он насолил квартальному...

... Когда Сеид Азим подошел к собравшимся под шелковицей, уже весь город знал о происшествии в квартале Чужаков. Ревнители скромности и чистоты нравов, богомольные бакалейщики и мануфактурщики радовались, что разорено «гнездо разврата».

- Так должно было случиться... Это наказание аллаха... Так кончит каждый, кто сводит молодежь с праведного пути!

- Да буду я жертвой тех рук, кому бы они ни принадлежали, хорошо сделали, пусть сам аллах одобрит их деяния!

Исчезновение Соны объясняли так: наверно, разбойники увезли ее в горы. Туда ей и дорога! Будь проклят танцовщик проклятый и на том свете!

- Эй, наказание он на этом свете получил. Аллах же не ворон, чтобы глаза выклевывать...

Увидев поэта, Джавад поднялся ему навстречу. Беседа прервалась на интересном месте, поэтому многие с недоумением посмотрели, к кому подошел Джавад. Те, кто знал поэта, степенно здоровались и уходили, другие любопытствовали: кто это?

- Как, ты не знаешь? Это же Ага! Это его стихи взбесили квартального.

У спросившего заблестели глаза, ему еще не приходилось видеть молодого поэта, которого многие шемахинцы уважительно называли просто «Ага»...

Сеид Азим старался ничем не обнаружить своей осведомленности и заинтересованности в слухах о происшедшем нынешней ночью. Он сердечно поздоровался с Джавадом:

- Как поживаешь, дорогой?

- Слава аллаху, а как ты, Ага?

- Твоими молитвами... Что нового в мире?

- Танцовщик Адиль отправился в миры иные...

- Да, я услышал только что...

- Аллаху виднее, само собой, кого наградить - отправить в рай, кого наказать адом. - В голосе Джавада отчетливо слышалась не свойственная ему обычно печаль. - А Сону жалко...

- А с ней что?

- Бесследно исчезла. Нет никого, кто бы видел ее... Как жалко, Ага! Она была истинной царицей ширванских чанги! Неужто никому на свете не удастся больше насладиться ее танцем?

Сеид Азим сдержанно ответил:

- Что было, то прошло... Что ж...

- Ах как жаль! Такой жемчужины больше не будет...

Если уж Джавад ничего не знает, значит, местонахождение Соны никому не известно... Поэт немного успокоился. Теперь нужно узнать о Тарлане. Он наклонился к самому уху Джавада:

- Слушай, Джинн, у тебя из дома Закрытого какие-нибудь вести есть?

- Негодяй закрыл все двери в своем доме, птица не пролетит, - так же шепотом ответил Джавад. - Я говорил с его слугой... «Молодой хозяин болен», - ответил он мне.

Ни у кого не хватило смелости посетить дом Закрытого, не потому что эти здоровые сильные парни боялись дубинки Закрытого: их визит только бы усугубил тяжелое положение Тарлана.

Радоваться было нечему... Они знали характер Гаджи. Он был грозой слабых, признавал только силу сильных...

Громкий голос прервал беседу друзей:

- Слушай, друг, шепот прогнал из Ширвана в Персию Мустафу-хана. Теперь вы шепчетесь, чтобы прогнать нас с Базара?

- Когда хоронили Мустафу-хана, народ оплакивал его: «Переломилась спина наша!» Неужели ты полагаешь, что отсутствие кого-нибудь из нас переломит спину нашему Базару, чудак? Никого из нас не будет на этом свете, а Базар шемахинский будет жить!

- Эй, Джавад! А куда тебя отправит аллах после смерти?

- Прежде всего, аллаху известно, что я мерзляк, только жаркое пламя способно меня согреть. И потом - соседство с моллами в раю мне противопоказано: тотчас подеремся!

Поднялся хохот. Поэт вначале испугался бесстрашных речей друга, но, увидев веселые, чистосердечные улыбки вокруг, позавидовал храбрости Джавада. «Меня остерегают друзья, чтоб не писал резких слов против молл и квартальных, а он не боится во всеуслышанье говорить о своем несогласии с действиями власть имущих. Как многому мне у него надо учиться!»

С трудом пробирался Сеид Азим сквозь толпу, окружившую Джавада, не долго им дали поговорить. Люди шли и шли.

«Я должен, в первую очередь, поучиться смелости у Джавада, если решил бороться с алышами, закрытыми и моллами, борьба только еще началась...»

Разговор с Джавадом убедил поэта, что никто не знает, куда делась Сона. Он решил немедленно поговорить с Махмудом-агой. За этот последний год они сблизились и подружились. Сеид Азим хорошо знал характер этого благородного человека. У него было легко ранимое сердце, Махмуд-ага не мог видеть страданий и несчастий, он всегда приходил на помощь людям, не жалея ни средств, ни времени. Он покровительствовал всем талантливым людям, и, конечно, исчезновение самой крупной жемчужины в ожерелье талантов, окружавших его, не могло не потрясти его. Кто знает, о чем он подумал, узнав об исчезновении Соны. Безусловно, он соблюдает траур по ней.

Необходимо утешить его, а главное, посоветоваться, как ей помочь. Он очень обрадуется известию, что Сона жива и прячется в доме Сеида Азима...

... После ухода сына Минасолтан молча ходила по дому, делала привычные дела и не уставала в душе ругать чанги. Она молила аллаха уберечь ее дитя от уловок бесстыжей. Но ближе к полудню раскаяние все чаще пробиралось к ней в сердце. «Хоть она и чанги, но аллах не согласился на ее смерть. А кто такая я, чтобы обрекать на гибель несчастное существо, чудом избегнувшее смерти? Она пришла в дом сеида, как в дом аллаха, чтобы спрятаться... Я прячу ее, а сама желаю ей голодной смерти...» Такими размышлениями Минасолтан вконец расстроила себя. В щелочку двери она углядела, что Сона, почти не изменив положения с утра, сидит в углу на полу, обхватив колени и склонив голову. Девушка до сих пор всхлипывала. «Твой самый грустный день - еще впереди, несчастная...»

Минасолтан положила на поднос хлеб, сыр, масло, поставила пиалу с чаем и вошла в комнату. Не говоря ни слова, она опустила поднос перед Соной и вышла.

Прошло некоторое время. Минасолтан не выходила во двор, так как условились с Сеидом Азимом: пусть думают, что дома никого нет. Если бы кто-нибудь постучал в ворота, она бы ему не открыла. Но от страха и беспокойства бедной женщине не сиделось на месте, она сновала из комнаты в комнату. Когда она снова посмотрела на Сону в дверную щель, она поняла, что девушка до еды не дотронулась. «Будто плывет по океану дум, бедняжка...» Она испугалась этого слова «бедняжка», неожиданно пришедшего ей на ум. «А что? Ну да, ей-богу, бедняжка... Уж лучше бы ее сразу убили, чем так преследовать и мучить... Чему быть, того не миновать. Суждено ей предстать перед страшным судом - предстанет, зачем же судить человека ежечасно?..» Доброе сердце все искало причин простить бедную девушку. Теперь у Минасолтан душа болела и за нее. Она вошла и тихо спросила:

- Почему ты не ешь?

Сона хотела встать перед женщиной, но мать поэта легко коснулась ее плеча:

- Сиди, сиди, откуда у тебя силы, бедняжка?

Услышав ласковый голос, Сона залилась слезами. Танцевавшая перед мужчинами с открытым лицом, выросшая в доме учителя танцев, не смущавшаяся говорить с посторонними, уговорившая бандита отпустить ее, оробела перед добротой и сердечностью матери... Давно-давно с ней никто так не говорил.

Минасолтан села на палас напротив Соны.

- Съешь хотя бы кусочек хлеба, а то обессилеешь и не сможешь отправиться в путь. И не плачь...

Сочувственный ласковый голос проник в сердце. «Ага постоянно слышит чудесный голос матери, вот откуда его доброта... Какое счастье жить с матерью...» Слезы сами собой лились из глаз.

Минасолтан не могла себе представить измученную горем девушку бесстыдной танцовщицей. Неужели это она - источник ненависти шемахинских женщин, проклятая всеми Сона?

- Бедняжка! Чья ты дочь? Каким образом ты оказалась в доме нечестивца? Расскажи, открой свое сердце, разделенное горе легче становится.

Ласка сделала доброе дело. Сона чуть успокоилась. Впервые за весь день она оглядела комнату, взгляд ее скользнул поверх плеча Минасолтан по голубой без единого пятнышка гладкой стене...

... Под ярко-голубым небесным сводом чернело обугленное черное село, слегка тянуло гарью от сгоревших строений. Чуть в стороне - глиняные хибарки, землянки, крытые тростником. В одной из таких землянок...

РАССКАЗ СОНЫ

Сона медленно вспоминала:

- Когда мой отец умер, с его смертью на земле для нас с матерью не осталось ни одного близкого человека. За год до этого дня страшный мор унес большинство жителей нашего села, а с ними всю нашу родню... Холера мало кого пощадила. А тут еще, когда сжигали жилища и вещи умерших от холеры, занялся пламенем сначала один конец села, потом пожар перекинулся на все дома и сады... Наступил и голод. Люди еле сводили концы с концами. В эту пору умер мой отец.

Минасолтан с волнением слушала, а Сона, на время забыв страшные события прошедшей ночи, перенеслась во времена не менее страшные и трагические и, как маленькая лодка в океане, покачивалась на зыбких волнах воспоминаний...

- Несколько дней мы оплакивали отца; кроме ветра, никто не открыл нашу дверь, чтобы разделить с нами горе... А кто мог открыть ее? В каждом доме оплакивали собственных покойников, скорбели о погибшем урожае и гибнущем скоте... О нас никто не вспоминал, как будто и сам аллах забыл о нас. Мы голодали, а всемогущий не посылал нам и кусочка хлеба. Вся трава выгорела в округе, не было крапивы сварить похлебку, не было цветка мальвы или чертополоха, чтобы пожарить... Я без конца просила есть, у матери не осталось слез оплакивать нашу судьбу...

Однажды на заре мама подняла меня с постели. Мы оделись во все, что у нас осталось. От голода у меня сводило живот, но покормить меня было нечем. Мы вышли из нашей землянки, закрыли дверь. Бедная мама, словно предчувствуя, что навсегда расстается с местом, где выросла и нашла свое счастье, где остались могилы ее родителей и любимого мужа, напоследок долго оглядывалась. Слезы лились потоком из ее глаз, она взяла меня за руку и торопливо двинулась в путь. По дороге она сказала мне:

«Моя детка, аллах милостив, не даст пропасть, пойдем, авось с добром встретимся... Не сможем найти работу - будем нищенствовать, но только не в здешних местах... Не дай аллах у знакомых милостыню просить... А может быть, нам повезет, устроюсь к кому-

нибудь в прислуги... Только бы тебя прокормить... А когда ты подрастешь, мне поможешь!»

С этими словами мама шла и шла, стараясь, чтобы я не отставала. Пыльная дорога уводила нас все дальше и дальше от нашего села.

Эпидемия и неурожай опустошили наши края. Села, мимо которых мы проходили, бедствовали хуже нашего... Но все же люди нам помогали, то дадут кусочек чурека, то пару тонких, как бумага, лавашей из муки с примесью травы. Если мы ступали по бахче, то выпрашивали у хозяина дыню, иногда в садах нам подавали фрукты. Бездомные, голодные и усталые, мы подошли к окраине села Чодарлы. В этот день судьба улыбнулась нам. У родника нам повстречалась женщина, которая сказала, что местному беку требуется служанка для ухода за тяжело больной женой. «Ищут человека...» Женщина объяснила, как пройти к бекскому дому. Мы тотчас отправились.

Мы еще ни разу не видели такого большого дома, вернее сказать, бекская усадьба состояла из нескольких каменных построек. Нас провели к госпоже. Она лежала на высокой пышной постели, в глазах было страдание. Внимательно оглядев меня и маму, ханум сказала:

«Видно, вы очень устали... Откуда вы и что вас сюда привело?»

Мама подробно рассказала, что с нами произошло. Ее ответ, наверное, удовлетворил любопытство госпожи.

«Аллаху было угодно, чтобы вы пришли сюда... Что ж, оставайтесь. Я посмотрю, как ты работаешь, если останусь довольна, тебе здесь будет неплохо».

Обретшая надежду мама была согласна на любую работу. Неужели мы не будем скитаться! Неужели не будем голодать! Неужели придет конец нашим страданиям!

Болезнь Сельбибеим, как звали госпожу, пряталась в ее крови, наверно. В бедре у нее была непроходящая гнойная рана, глубокая как колодец. Специальными тампонами, впитывающими гной, ежедневно по нескольку раз очищали рану В эти минуты несчастная Сельбибеим покрывалась холодным потом, от боли она сжимала зубы и стонала. Боль приводила больную в изнеможение, заставляла ее целые дни проводить в постели, никуда не выходить и ничего не делать. Изредка она появлялась во дворе собственного дома, держась за стену. Крошечный отрезок пути отнимал у нее много сил. Совершив этот переход, она валилась с ног от усталости.

Служанки не держались в доме бека. Брезгливость к неизвестной болезни была сильнее желания заработать. Только мы радовались, что нашли место.

Бек редко бывал дома. Говорили, что богатства бекского дома принадлежат госпоже. В первое время после замужества Сельбибеим молодые жили очень хорошо. Потом у госпожи на ноге появился маленький прыщик, он рос, превращаясь сначала в фурункул, потом в рану, которая не заживала, все разрастаясь и разрастаясь... Отвращение заставляло бека все время убегать из собственного дома. Детей у них не было, поэтому бек мог оставить госпожу... Но богатство жены удерживало его от этого шага. После ее смерти он надеялся завладеть состоянием. Да еще родной брат Сельбибеим в Шемахе находился на царской службе, с ним приходилось считаться...

Вся работа в доме свалилась на нас с мамой. Мама готовила и доставляла еду пастухам, слугам и работникам. Специально варила любимые блюда для Сельбибеим. Мы вместе с мамой убирали в доме, прислуживали гостям, мама стирала вещи госпожи и пекла для нее в специальной глиняной печи - тендыре - хлеб. К вечеру моя бедная мама так уставала, что валилась с ног. Во сне постанывала и охала. Но наяву никогда не жаловалась: «Что же делать, детка, хозяин любит, чтобы работник не ленился; я все вынесу, лишь бы ты была сыта». Прижав меня к груди, она вытягивалась на постели и молча, не мигая, глядела в потолок. Иногда она мечтала, и я вместе с ней: «Аллах всемогущий вылечит Сельбибеим, нога наша для нее окажется легкая, она на радостях даст нам немного денег, и вернемся мы в наше село, приведем в порядок дом, будем жить под своей крышей. Участок наш засеем... - Ты очень любишь наше село, Сона?»

«Да, мама, но и здесь неплохо...»

«Лучше дома места нет. Здесь хоть и неплохо, но чужбина, далеко от родного края... Но, слава аллаху, ты теперь сыта, одета».

Сельбибеим отдала нам свои старые платья, и мама перешила их для себя и для меня. Мы отправились с ней стирать на речку ковры. Захватили казан, разложили костер, и когда вода согрелась, мама искупала меня, а потом вымылась сама. Теперь мы были люди как люди. У нас был заработанный кусок хлеба, крыша над головой и работа. Мы старались не думать о страшной болезни госпожи, чтобы не вызывать лишний раз у себя приступов тошноты...

Сельбибеим хотела, чтобы я прислуживала ей, когда она перевязывает и очищает тампонами свою рану. Я держала полотенце и кувшин с водой, пока она тампонами промокала гной из раны, потом поливала над медным тазом на руки водой из кувшина и подавала полотенце. После перевязки госпожа давала распоряжения по хозяйству, она хотела сама разделить на части свежее мясо, принесенное на этот день пастухами, не доверяя никому эту работу. Мама держала поднос, а Сельбибеим руками, которыми недавно держала тампоны, резала мясо на куски. От тошноты у нас с мамой кружилась голова. Госпожа уставала от малейшей работы, а с мясом возилась с большим наслаждением...

Только через три недели хозяин вернулся из поездки, и мы впервые увидели его. Я разжигала во дворе хворост для выпечки чурека, и тут он увидел меня:

«Так, это чей щенок?»

Один из слуг ответил:

«Беим наняла новую служанку, ее дочка...»

Бек расхохотался:

«Так, значит, беим купила ослицу с осленком?»

Бек вошел в дом. Что он сказал, когда увидел в комнатах маму, я не знаю, но разъезды его по городам и селам сократились. Нельзя сказать, что он совершенно перестал отлучаться, но теперь он уезжал на очень короткое время. В жаркие дни его можно было увидеть в садовой беседке; в послеобеденное время полуголый, развалившись на тюфяках в угловой комнате, удаленной от комнаты Сельбибеим длинной анфиладой других, он требовал чай,

фрукты и кальян. Почесывая волосатую грудь, рано поседевший, он не спускал глаз с мамы, пока мы с ней приносили и убирали требуемые вещи. Мама была очень напугана. По ночам она крепко прижимала меня к себе и шептала: «Аллах, аллах, ты сам помоги нам!»

Вначале я ничего не понимала, но прошло немного времени, и у меня открылись глаза. Сельбибеим резко изменила свое отношение ко мне, бросала злые, рассерженные взгляды на маму. Я была деревенским ребенком, который во многих вещах более сведущ, чем городской, притом страдания обострили мою восприимчивость. По некоторым репликам дворовых людей я поняла, в чем дело. Я боялась за маму. Неужели нам придется сняться с насиженного места? Снова в холод и голод...

Однажды ночью то, чего мы опасались с мамой, произошло. До полуночи было еще далеко, мы только забылись беспокойным сном. Внезапно я почувствовала, как одеяло, укутывающее нас с мамой, кто-то сдернул. Я в ужасе раскрыла глаза и еще теснее прижалась к матери. Над нами слышалось тяжелое сопение хозяина. Я громко закричала: «Мама!»

«Молчи, сучье племя!» - Он отшвырнул меня с постели.

«Ага, да буду я твоей пленницей, не делай меня несчастной! Не отбирай у меня кусок хлеба! Именем аллаха заклинаю тебя, не делай так, чтобы меня выгнали! Пусти меня, опомнись, Сельбибеим вправе будет бросить меня на съедение псу. У меня ребенок, отпусти меня! Я заберу ребенка и уйду!»

«Молчи!»

Но было уже поздно. Мой невольный крик, мольбы матери разбудили госпожу. Превозмогая боль, она вышла во двор и открыла дверь флигелька, где мы жили. Внезапно в дверях показалась тень, это была она! Сельбибеим, медленно приблизившись, с трудом проговорила, едва держась от слабости на ногах:

«Алсафтар-бек! До чего ты докатился, если не стесняешься на моих глазах уличную бродяжку себе парой делать! Неблагодарный, зачем мой дом оскверняешь, имя мое позоришь? Или тебе шемахинских чанги мало? На моих глазах...»

Хозяин поднялся с постели. «Чтоб ты ослепла!» - хлопнул он дверью.

Стон и вопли Сельбибеим до сих пор звучат в моих ушах:

«Ах ты, нищенка проклятая, отъелась на моих хлебах, а теперь бесишься с жиру, беку зазывно подмигиваешь, на мою постель заришься?»

«Беим, клянусь аллахом...»

«Аллах накажет тебя, негодяйка, вставай, убирайся из моего дома!..»

С этими словами Сельбибеим схватила с подоконника кувшин и, размахнувшись обеими руками, бросила в маму. Кувшин попал в голову матери. От стыда, горя и боли мама плакала, и я вместе с ней. С трудом поднявшись с постели, мама вышла за дверь, я прошмыгнула мимо госпожи следом за ней.

Мы ступили на проезжую дорогу в полной темноте. Наше будущее было так же темно, как эта безлунная ночь.

Сона замолчала, будто не в силах продолжить воспоминание о той темной ночи...

Минасолтан искренно переживала вместе с Соной.

- Что же дальше?

Сона очнулась от тяжких дум...

- Дальше... Что было дальше, пусть аллах не покажет даже заклятому врагу... Страх встретить по дороге волков заставил нас остановиться на окраине села, у последних домов. Чуть рассвело, я сняла немного паутины из-под низкой крыши амбара, и мама приложила к кровавой ссадине на голове, которую оставил тяжелый кувшин. Мы удивлялись тому, что рана не слишком глубока, могло быть хуже. Я перевязала рану головным платком, маме стало как будто легче.

Уже на дороге нас нагнал небольшой караван кочевников. Мы примкнули к кочевью и вместе с ним пришли в Шемаху. Кочевники скоро покинули город, а мы с мамой, у которой страшно воспалилась рана, жили во дворе Джума-мечети. Днем мы побирались на Базаре, а ночью прятались во дворе мечети. По ночам мама горела в жару. День за днем ей становилось все хуже и хуже, кровь отлила от лица, губы запеклись, глаза окружили огромные черные круги. Рана ее очень беспокоила. Мама таяла просто на глазах, как льдинка на солнце. Кожа обтянула скулы, лицо потемнело и ссохлось, я с трудом водила ее, она стала похожа на древнюю старуху. Теперь мы уже не могли обойти Базар с просьбой о милостыне, у мамы не было сил...

Однажды, когда мы собирали милостыню в одном из отдаленных кварталов, какая-то женщина, подавая нам хлеб, посоветовала устроиться к кому-нибудь в прислуги. «Правда, взять тебя может только тот, кто вначале откормит немножко тебя...» Мы с мамой были рады и таким словам. Мама улыбнулась мне, надежда ее не оставляла. А я обрадовалась, что ей стало немного лучше. Как я ошибалась! Пройдя совсем немного, мама неожиданно прислонилась спиной к какому-то дому, потом медленно сползла на землю и навсегда закрыла глаза. Последний свой вздох ей суждено было сделать у ворот танцовщика Адиля... Я громко закричала. Из ворот выбегали люди, увидеть, что случилось. Два-три человека помогли внести маму во двор дома, у которого она упала. Всем распоряжался немолодой седеющий мужчина. Женщины обмыли маму тут же, во дворе. Мужчина вынес из дома старые чистые простыни - саван для мамы... Слезы застилали мне глаза, когда под вечер этого страшного дня я брела вслед за чужими людьми, провожавшими в последний путь самого дорогого мне человека. Мужчина, оказавшийся хозяином дома, у которого мама скончалась, внимательно оглядев меня, взял за руку и до самого кладбища не отпускал. Сжалившиеся над нами люди отдали свой долг ушедшей из жизни несчастной женщине, я бросилась на свежий холмик с криком: «Заройте меня вместе с нею, куда я теперь пойду?»

До самой смерти не забуду: мужчины молча стояли, глядя друг на друга. Они, судя по одежде, были так же бедны, как и мы. Никто из этих бедняков не решился взять к себе в дом лишний рот. Тот, кто вел меня за руку на кладбище, подошел к могиле и поднял меня: «Пойдем со мной, девочка!»

Остальные мужчины виновато опустили головы... Следом за возвращавшимися в свой квартал я шла, глотая слезы.

Смерть матери в воспоминаниях Соны живой картиной вставала перед Минасолтан. Она нервно поглаживала руки Соны и плакала. Сона добралась в своем рассказе до учебы в доме танцовщика Адиля и склонила голову на колени Минасолтан... Мать поэта гладила трепещущие плечи и голову чанги, на которую утром смотрела с ненавистью и брезгливостью. Кончиком платка вытерев слезы на глазах, Минасолтан с нежностью и горечью посмотрела на Сону...

- Не плачь, бедное дитя, так уж устроено в мире, что матери покидают этот свет первыми, а дети остаются, чтобы помнить о них...

Минасолтан отвела в сторону локоны со лба Соны и поцеловала несчастную девушку. Ласковыми руками разглаживала морщинки на лбу, приглаживала мокрые растрепавшиеся волосы. Из материнских рук переливалась в Сону сила и любовь этой женщины...

Сона продолжала:

- Когда мужчина ввел меня в свой двор, встретившая нас женщина заплакала.

«Два часа назад перед нашим домом скончалась ее мать, мы сделали все, что могли: обмыли, одели в саван, похоронили... Но у нас нет лишнего хлеба накормить даже такого цыпленка, как она. Зачем ты ее привел?»

«Никто не хотел ее взять с собой, жена, мне стало ее жалко...»

«А кто нас пожалеет? На нас и так все косятся...»

«Аллах милостив...»

«Не очень он милостив, если оставил ее у порога нашего дома».

«Не нам с тобой судить действия всемогущего!»

Спустя некоторое время я узнала, куда привела меня судьба. В квартале Чужаков все знали дом учителя чанги - танцовщика Адиля. В квартале жили воры и мошенники, беглецы, не нашедшие счастья в чужих краях и ютившиеся в бедных глиняных мазанках в Шемахе, находили убежище скрывающиеся от суда, прячущиеся от властей виновные и невиновные, сбежавшие из тюрем. Здесь селились бедняки, пришедшие в город на заработки.

Когда в глубинах начинавшего темнеть неба загорались редкие первые звезды, жизнь в одноэтажных домиках замирала. Только в немногих окнах еле теплился слабый огонек, на случайных путников из темных подворотен лаяли собаки. Да и кому взбредет в голову появиться в этот час в страшном квартале?

Голоса муэдзинов, поющих азан на минаретах мечетей, не доносились до жителей квартала Чужаков. Верующие лишь по звездам определяли время утреннего намаза, по солнцу совершали полуденную молитву. Молла не захаживал в этот конец города. Никогда не встретишь здесь ни купца, ни лавочника, ни мастера-ремесленника...

Мать танцовщика Адиля, вдова Гюльзаман, в свое время пела на женской половине свадьбы. Как известно, мусульманская свадьба играется отдельно для женщин и отдельно для мужчин. Мужчины празднуют с женихом, женщины с невестой. Гюльзаман напевала танцевальные мелодии, а бубном отбивала ритм танца. Ее часто приглашали на свадьбы бедняков, молодая вдова своего единственного сына Адиля водила всегда за собой. Восьмилетний мальчик разводил во дворе небольшой костер и прогревал на нем бубен из бараньего желудка, специально обработанного и натянутого на обод. После пения матери мальчик обходил гостей и собирал магарыч, причитающийся певице. Адиль незаметно выучил все напеваемые матерью мелодии и песни, а со временем освоил и красивые танцы, которые танцевали на свадьбах молодые женщины и девушки. Миловидный худенький мальчик с длинными, до плеч, кудрявыми волосами был очень похож на девочку. Гюльзаман дала обет не стричь ребенку волосы до двенадцати лет, чтобы он увидел в жизни счастье. Часто, вернувшись домой после очередной свадьбы, Адиль танцевал понравившиеся ему танцы. Шалун натягивал на себя материнскую юбку, повязывал голову шелковым платком и становился точь-в-точь молоденькой кокетливой девушкой! Мать не могла удержаться от смеха. Однажды Гюльзаман решила позабавить женщин. Она перешила для него одну из своих юбок, сузила кофту и архалук, повязала голову красивым шелковым платком и в таком виде привела на женскую свадьбу. Новая «танцовщица» очень понравилась. Теперь мать вела свадьбы с помощью сына. Шуточные танцы, исполняемые мальчиком, очень развлекали веселящихся женщин, доставляли удовольствие, смешили до упаду.

Адиль обладал, без сомнения, актерским талантом: то он изображал строптивую, языкастую женщину, которая запальчиво с кем-то спорит, то жеманную гордую госпожу, которая пришла на свадьбу, а ей там ничего не нравится, но чаще всего перед гостями танцевала молоденькая кокетливая простушка.

Гюльзаман не уставала подпевать сыну. Женщины изумленно говорили: «Вот плутовка, всю свадьбу поет, будто горло ей кузнец Сафи выковал!»

А другие добавляли: «Хорошего мальчика вырастила, как танцует!»

Слава Адиля донеслась и до мужчин. Шемахинские кутилы заинтересовались танцором, но к этому времени подросший мальчик не ходил больше с матерью на свадьбы: юноше нечего делать в женском обществе, решили мать и сын.

Через несколько лет Адиль осиротел. Не помог Гюльзаман обет, она умерла, не оставив сыну ничего, кроме умения петь и танцевать. Пришлось ему присоединиться к группе музыкантов, играющих на свадьбах. Но шемахинские весельчаки, вспомнив, что Адиль танцевал перед женским обществом в былые годы, заставляли его переодеваться и танцевать перед ними в женских одеяниях. Теперь на мужских вечеринках, переодевшись в женское платье, Адиль танцевал и этим зарабатывал деньги. Занятие считалось недостойным и позорящим мужское достоинство, поэтому не было человека, который согласился бы отдать свою дочь замуж за него. До сорока лет Адиль жил одиноко. Однажды на Базаре он встретил немолодую женщину, которая пришла из села в город в надежде устроиться на работу. Адиль пригляделся к ней и решил жениться. Женщина дала согласие. Они поженились.

Теперь Адиль уже не танцевал. Он готовил танцовщиц для группы чанги. Из близких и далеких сел привозили к нему девочек-сирот, Адиль менял им имена, они жили в его доме, он их кормил, одевал, учил азам грамоты, но главное: Адиль преподавал им правила

народного танца. Со временем группа шемахинских чанги стала известна во всем Ширване и даже в других городах, в Баку, в Щеки, в Гяндже и в Шуше. Теперь группу приглашали на свадьбы богачей и беков. Адиль все время искал новых учениц, стараясь, чтобы они были музыкальны и пластичны.

Дом Адиля отличался от других домов квартала. В нем были большие комнаты, в которых девочки учились танцевать, были поменьше, где ученицы спали. Во дворе дома был разбит цветник среди фруктовых деревьев. Двор окружал высокий глиняный забор. Адиль накопил приличную сумму, чтобы купить в городе в лучшем квартале дом, но не находилось охотника иметь дело с чанги и их учителем. Поэтому он продолжал жить в квартале Чужаков.

... Сона перелистывала страницы своей жизни в доме Адиля. Она попала к нему в дом в переломное время, когда он только начинал учить детей. В первые дни своего пребывания в новом месте Сона молча наблюдала за уроками, которые чередовались выступлениями. Адиль не неволил девочку. Она сначала стеснялась чужих людей, терялась. Чуткая к прекрасному, она постепенно подпала под власть музыки и незаметно подключилась к остальным ученицам. Очень скоро и Адиль и музыканты поняли, что перед ними талант, самородок. Маленькая девочка, только недавно научившаяся двигаться под музыку, танцевала с таким самозабвением, что не видела окружающих. Ее движения сливались с музыкой, точно передавая малейшие оттенки и переливы музыки. Худенькое личико освещалось каким-то внутренним светом. Все понимали, что в будущем ее ждет большой успех. Она освоила все тонкости танца; Адиль диву давался, откуда она знает то, что ему неведомо. Иногда, рассердившись, он кричал на других девочек:

- Ты слепая? Маленькая девочка понятливей тебя.

Адиль не стал менять имя Соны. Сона - лебедушка, пусть остается со своим именем. Время шло. Год от года Сона становилась все красивее. Теперь уже никому в голову бы не пришло называть ее «цыпленком». Она превратилась в украшение шемахинских меджлисов, свадеб и вечеринок. Ее танцы приносили наибольший доход Адилю...

Сона, задумавшись, умолкла. Минасолтан сочувственно покачала головой, а в душе подумала: «Бедное дитя! Сколько горя выпало на ее долю!.. Лучше бы она умерла вместе с матерью... О аллах, что я говорю! Все в твоей власти!»

Когда Сеид Азим вместе с матерью Минасолтан вернулся из Дагестана в Шемаху, Сона уже покорила всех красотой и танцами. Слава о Соне пошла по свету, когда она в первый раз появилась на только что открытых музыкальных вечерах Махмуда-аги. Все присутствующие затаив дыхание восхищенно смотрели на нее. Махмуд-ага оберегал девушку от грязных посягательств и предложений, щадил ее гордость и талант.

В наступившей тишине слышалось тяжелое дыхание Соны. Минасолтан поднялась, чтобы разогреть чай. Через минуту она вернулась в комнату, чтобы слушать дальше печальный рассказ.

- Больше всего я страдала оттого, что нас никогда не пускали на траурные посиделки, куда приходят поплакать знакомые и незнакомые, родные и чужие. Похороны и поминки заставляют людей вспоминать не только покойного, но и собственную жизнь, объединяют людей в горе. Мне казалось, что если я приду и поплачу вместе со всеми, то люди не будут так чуждаться меня. Но для всех я хуже паршивой собаки... Однажды от обиды я чуть не сошла с ума. Нас повезли на свадьбу. Мы много танцевали. Утомившись, я

прошла в боковую от зала комнату, чтобы отдохнуть. Молодые женщины и девушки с любопытством разглядывали меня, но не заговаривали. Я присела, но девушки не приближались ко мне. В комнате кроме молодежи находилась очень красивая статная женщина средних лет, она наклонилась к одной из вошедших вслед за мной и тихо спросила: «Кто это?» Девушка тихонько сказала: «Чанги». При этом слове красавица быстро прикрыла лицо шалью. Будто в комнату вошел посторонний мужчина. Она отшатнулась от меня как от заразы! От чумы! Лучше бы я умерла, чем испытать такое... Я отказалась от принесенной мне еды и снова вернулась в комнату для гостей. Не помню, как я танцевала в тот вечер, все для меня подернулось черным туманом. И теперь еще помню полный страха и презрения взгляд той женщины...

- За что такие страдания тебе, бедняжка?..

Когда Минасолтан вошла к Соне с подносом, девушка спала. Опустив обессиленную голову на мутаку, она забылась беспокойным сном.

- Бедняжка... Как ты страдала...

«Бедняжка» - так теперь в душе Минасолтан называла Сону. Она с присущей только матерям осторожностью тихонько притворила дверь и унесла чайный поднос. «Пусть вздремнет немножко, глаза передохнут от слез... Есть аллах, есть и его милость, а до тех пор мой дорогой сынок что-нибудь придумает, аллах подскажет!... Если случается пережить подряд пять темных дней, то придут и подряд пять светлых дней тоже... Может быть, аллах милостивый простит бедняжке ее грехи, она даст зарок и вернется на путь праведный...»

Мысли бежали одна за другой, а руки Минасолтан проворно заворачивали в нежные виноградные листья мясной фарш. Долма - голубцы в виноградных листьях - любимое блюдо Сеида Азима. Надо еще успеть к его приходу растереть чеснок с простоквашей, чтобы полить готовую долму.

Уже смеркалось, когда Сеид Азим вернулся домой. Едва переступив порог, он понял, что атмосфера в доме совершенно изменилась. Он почувствовал перемены в голосе матери.

- Ну, как, мама, никто не приходил?

- Нет, детка, никто не приходил. К счастью, сегодня даже не стучали в нашу дверь...

Крепко обняв мать за плечи, Сеид Азим улыбнулся:

- Кто же станет стучать в дверь, мамочка, если на ней висит замок?

- Что ты говоришь, сынок, а я удивляюсь...

- Как твоя гостья?

Женщина озабоченно зашептала:

- Тише, детка, бедняжка все мне рассказала... Несчастная сиротка! Будь проклят Адиль, кара его настигла, чему учил бедных детей! Даже шайтан от него отвернулся, вовремя отправил его на тот свет. Одинокую сиротку приобщил к делам негодным... А у тебя, сынок, какие новости?

- Во-первых, дорогая, никто не знает, что Сона скрывается в городе, - Сеид успокоил мать. - Во-вторых, мне удалось переговорить с Махмудом-агой. Ночью, когда все отойдут ко сну, к нам заедет мельник Махмуда-аги - молоканин Василий - будто бы за зерном для помола. Между мешками в его закрытом фургоне мы с тобой спрячем Сону, а молоканин вывезет ее из города.

- Куда?

- Друг Махмуда-аги Алияр-бек владеет землями на берегу Ахсу. Махмудтага посылает Сону в имение бека в селение Арабчелтыкчи, в своем письме он просит бека взять ее в служанки.

- Да будут деяния Махмуда-аги угодны аллаху! - обрадовалась Минасолтан.

... Ночью Сона покинула дом Сеида Азима. На прощанье Минасолтан укутала девушку своей толстой шерстяной шалью:

- Счастливого пути, детка, да будешь ты оберегаема аллахом, забудь все, что с тобой было, живи праведно, и аллах тебе поможет!

Молоканин Василий торопил: нужно поскорее покинуть город и до наступления утра переправиться через опасный Ахсунский перевал.

Сона прижимала руки к груди, локтями и спиной упираясь в мешки с зерном. Из дома поэта она увозила две газели, засохшую розу и теплоту ласки его матери.

До полудня еще было далеко. Минасолтан чистила овощи, ожидая сына, который отправился к мяснику за свежим мясом. Услышав стук, она поспешила к воротам, но вместо сына увидела жену Гаджи Асада Бирджа-ханум.

Печальная и озабоченная Бирджа-ханум молча вошла в дом.

Минасолтан, зная о творящихся в доме Закрытого делах, засуетилась, встречая гостью:

- Добро пожаловать, сестрица Бирджа! Милости прошу, проходи, садись... Как твой сынок Тарлан себя чувствует? Я слышала о его нездоровье...

Бирджа-ханум откинула чадру на плечи.

- Спасибо, Минасолтан, да сохранит аллах твое дитя... - Глаза Бирджа-ханум наполнились слезами. - Тарлан был немного нездоров, теперь с божьей помощью поправляется...

- Да сбудется с помощью аллаха!.. Как Гаджи? - Минасолтан протянула руку, желая забрать у гостьи ее чадру.

- Не трудись, Минасолтан, мальчик мой дома один, я бы не хотела задерживаться... А Гаджи... С ним все в порядке... Ты, наверное, слышала о моих делах, сестра?..

- Слышала... Что можно сделать, он отец...

- Такого отца пусть сам аллах заставит отвечать за содеянное... Довел ребенка до такого состояния, боюсь, не лишился бы рассудка. Дорогая Минасолтан, я со своим горем к тебе пришла, может, поможет моему сыну молитвенный коврик вашей семьи? Сама на нем помолюсь и сына заставлю... Думаю, от испуга с ним беда приключилась. Да буду я жертвой предка твоего сына! Закажу у моллы молитву в его честь... Милосердия у твоих дверей прошу к моему сыночку, Минасолтан! На отца он обижен, но ты не осуждай его за это...

Минасолтан вздрогнула от негодования:

- Что ты говоришь, сестрица Бирджа, не стыдно тебе? У кого язык повернется проклянуть такого парня, как ага Тарлан? Аллах тому человеку язык иссушит... Ему и так досталось.

Бирджа-ханум, опустив голову, тихо произнесла:

- Правда в твоих словах, сестра, большая беда моего сына настигла... Не так обидно, если бы вражеская рука причинила ему боль... Родной отец! Чтоб руки у него отсохли!.. Аллах не должен мой стон оставить без ответа... С чем сравнить муки матери, не могущей помочь своему ребенку... Мой бедный сыночек не ест, не пьет, только слезы ручьем... Я не могла добиться от него слова, но вчера, когда Гаджи неожиданно уехал в Шеки за шелком-сырцом с караваном, Тарлан попросил меня пойти к вам и уговорить Агу навестить его. «Мама, да буду я твоей жертвой, пойди к Are, скажи, пусть не сочтет за труд, придет, я должен ему кое-что сказать...» А еще он попросил поторопиться, ведь Гаджи всегда свои покупки поручал Кербелаи Вели, а тут, видно, и самого горе гложет, решил делами беду развеять, чтоб ему сдохнуть! Он может вскорости вернуться... Извини, Минасолтан, что взваливаю на тебя, да буду я твоей жертвой и твоего сына, свои заботы, но что делать... Забота о ребенке заставит мать и к дверям врага прийти, не при тебе будет сказано... Боюсь, как бы разума не лишился мой сыночек...

Бирджа-ханум изливала свои печали, а хозяйка дома мучилась сомнениями. Конечно, нельзя вмешиваться в ссоры отца с сыном, как решит отец, так должно быть по законам шариата, но разве может она сказать «нет» другой матери, задыхающейся от горя? Как потом смотреть собственному сыну в глаза? «О аллах! Убереги моего от беды!» Ага обязательно пойдет к другу. Для нее сомнений быть не может. Бирджа-ханум выжидательно поглядывала на Минасолтан.

- Аги дома нет, скоро придет, я думаю, он не оставит друга в беде. Посиди, сестра, я принесу тебе молитвенный коврик, который ты просила.

Минасолтан спокойно произнесла эти слова, чтобы не показать гостье свою тревогу. В соседней комнате открыла сундучок, достала молитвенный коврик покойного мужа и неторопливо вернулась к Бирджа-ханум. Гостья встала и дрожащими руками взяла коврик из рук Минасолтан, с глубокой верой и надеждой поцеловала его, прижала к глазам и ко лбу и, только молча, про себя помолившись, сложила.

- Да буду я жертвой великого предка твоего сына, да наполнится светом могила его отца! Да оправдает аллах твое дитя перед лицом пророка. Я прошу милосердия для моего сына...

Матерям долго ждать не пришлось. Как только поэт вошел в дом, Бирджа-ханум прикрылась от Аги чадрой, хотя он был ровесником ее сына, торопливо поднялась на ноги. Несмотря на то что женщина была укутана в чадру, Сеид Азим ее узнал. Закрытый

возник перед его взором. Сердце поэта сжалось, светлое лицо нахмурилось, ему показалось, что в тяжелой судьбе Тарлана есть и доля его вины. Мысли о друге не давали покоя ему, но спросить о нем он мог только у Джинна Джавада или у Махмуда-аги, но и те не много знали... Гаджи Асад всем говорил, что сын заболел, только свидетели понимали, что «заболел» - значит жестоко избит.

С того злосчастного дня никто не видел Тарлана, он не появлялся в лавке отца на Базаре. Дом Закрытого был более закрыт, чем он сам, ни птице, ни тем более человеку туда не проникнуть, и слуга знал, что хозяин не пощадит владельца длинного языка. Дом Закрытого что казан под тяжелой медной крышкой, никогда не узнаешь, что в нем варится.

Появление Бирджа-ханум в их доме удивило и встревожило Сеида Азима. «Что-то случилось с Тарланом», - промелькнула мысль.

- Добро пожаловать, тетушка Бирджа, как ага Тарлан?

- Да будут добрыми твои дни, Ага... - начала она, но тут же от смущения умолкла, хоть и знает его с детства, но все-таки чужой мужчина.

Мать взяла из рук Сеида Азима завернутое в полотенце мясо и вклинилась в разговор:

- Родной мой, Бирджа-ханум послана к тебе агой Тарланом. Он очень хочет видеть тебя.

- А... - произнес он в замешательстве.

Обе матери мгновенно поняли причину недоумения Аги: «А как же Гаджи Асад? Разве он согласится, чтобы кто-нибудь видел Тарлана?»

Мать Тарлана торопливо прервала его размышления:

- Да буду я твоей жертвой, Ага, мужа проклятого в городе нет, в Шеки уехал...

«Значит, встреча с Тарланом состоится тайно...»

Бирджа-ханум продолжала:

- Тарлан сказал, чтобы ты не беспокоился, слуги уедут на мельницу, после вечернего азана в доме, кроме меня, тебя и моего несчастья, никого не будет...

Сеид Азим предпочел бы не приходить воровски в дом без приглашения хозяина, но разве от Гаджи Асада дождешься приглашения? Другого выхода нет: его друг тяжело болен, оскорблен, уничтожен с точки зрения мусульманских законов чести, как можно к нему не пойти? Не помочь?

Никто из этого дома не уходил, не обретя надежду, так и Бирджа-ханум, прижимая к груди коврик покойного отца Аги, радостно спешила домой, повторяя молитву за молитвой во спасение и выздоровление своего сыночка. Она надеялась на помощь Сеида Азима, а еще больше на чудодейственную мощь старого, истертого молитвенного коврика семьи наследников колена пророка.

... Когда с минарета мечети Галабазар раздался знакомый чистый и звонкий голос: «Идите к лучшему из дел!», поэт вышел из своего дома. Он ожидал встретить своего соседа Мешади Ганбара, как всегда спешащего из бани после омовения на молитву, но сегодня старик или вернулся раньше обычного, или затянул ритуальное омовение. Хотя Сеида тревожили печальные думы, вероятность встречи с Мешади Ганбаром вызвала на его лице улыбку. «Странен мир, в котором праведником считают старика, отправившего на тот свет не одну жену, берущего в свой дом следующую, моложе предыдущей, и смывающего свои грехи пятикратно в день. Греши и молись - и будешь праведником... Или, например, Алыш, на кровавой совести которого сотня убийств, но вот он убирает с дороги неугодного всем танцовщика Адиля и чанги Сону - и становится угодным аллаху... Удел Тарланов, чанги и Сеидов Азимов - проклятья, ненависть и брань... «Закрытые», мешади алыши находят прощение... Интересно, до каких пор так будет продолжаться? Нет, мои друзья правы... Если я хочу служить делу просвещения своего народа, необходимо уехать, чтобы умножить свои знания, и вернуться сюда для борьбы со всеми теми, кто пользуется невежеством и забитостью моего бедного народа. Иначе и в мою школу, как и в школу Рза-бека, никто не отдаст своего ребенка. Хорошо бы уговорить и Тарлана учиться, вдвоем было бы легче продолжить дело, начатое Рза-беком. Народу нужны светлые головы».

Сеид Азим уже около месяца обдумывал поездку в Наджаф в духовную семинарию для продолжения образования. Он все сделает, чтобы поехать.

Обуреваемый планами, он не заметил, как очутился у ворот дома Гаджи Асада. Помедлил, прежде чем взяться за бронзовый дверной молоток - миниатюрную бычью голову, но только прикоснулся к нему, как дверь открылась, перед ним стояла Бирджа-ханум.

- Добрый вечер, тетушка Бирджа, я не рано?

- Да будут все твои дни добрыми, Ага, мы тебя ждем, проходи, пожалуйста...

Во дворе было сумрачно. Они молча миновали первую комнату, во внутренней Сеид Азим увидел Тарлана. Поэту не удалось скрыть изумления на своем лице при взгляде на друга. За прошедший месяц молодой человек изменился так, что его трудно было узнать. Вместо круглолицего молодого парня Сеид Азим увидел аскетически худого человека, с ввалившимися глазницами, с серовато-мертвенным цветом лица, обросшего щетиной. Багровый рубец - след палки - наискосок пересекал его лоб. Тарлан лежал, при виде Сеида Азима он попытался приподняться, но не смог. Поэт шагнул к другу и удержал его в постели, наклонился и поцеловал в лоб, над шрамом, потом сел на тюфячок рядом с другом.

- Не вставай, не вставай...

- Видишь, Ага...

- Вижу...

Бирджа-ханум вышла заварить чай. Они молчали, не находя слов начать важный разговор. Тарлан отрывисто спросил:

- Как Махмуд-ага?

- С ним все хорошо, шлет тебе привет, интересуется, как твои дела...

- Знаю, спасибо ему...

- Все мы душой с тобой...

- Знаю, спасибо вам... Как Рза-бек? Школа?

- Нашли сарай, теперь переоборудуют для школьного помещения. Покупают стулья. То да се... Каждый делает, что может, вот и ты поправишься - поможешь.

Губы Тарлана скривила грустная усмешка:

- Нет, Ага, я уже все, я выпал из ряда...

- Почему?

- Ты сам знаешь, Ага. Я уже не смогу выйти к друзьям, слишком велико было оскорбление, чтобы кто-нибудь мог про него забыть, это выше моих сил, моей гордости.

Сеид Азим понимал причину горя Тарлана. «Будь ты проклято, время, если твои традиции и понятия ломают, увечат молодые, чистые души, не могущие перенести оскорбления и обиды чести... Надо научить Тарланов бороться, не отступать, не падать духом...»

Полные слез, печальные глаза Тарлана смотрели на поэта.

- Не считай своих друзей такими безжалостными, Тарлан. Кто думает о том, что произошло...

- Упаси аллах!.. Но ты же знаешь ширванцев, шемахинский Базар. Куда я с таким лицом смогу выйти? Как только увидят меня со шрамом, тотчас кличку прилепят, да еще бог знает что будут болтать за спиной. У меня нет выхода...

Тарлан многое хотел сказать Аге...

- Ты не все еще знаешь, Ага. Отец решил меня женить. Но не на той, кого я люблю... Любимую мою вырвали из моей жизни, но вырвать из моей души ее никто не сможет...

Он мог бы еще добавить, что без Соны решил не оставаться в отчем доме, что вместе с Соной погубили его мечты, его желания, вместе с ней задушили стремление жить и надеяться на счастье.

- Я не могу жениться на нелюбимой, это выше моих сил...

Поэт печально смотрел на друга, оскорбленного и униженного при друзьях отцом. В довершение всех бед несчастный парень ничего не знает о своей любимой. У Сеида Азима не было сомнения в том, что Тарлан горюет о Соне, он просил как-то написать газель для любимой девушки, а потом сама Сона намекнула поэту о своей любви к юноше. Но сказать о своих предположениях Сеид Азим не считал возможным, во-первых, чтобы не обнаружить, что он знает тайну друга, а во-вторых, тайна Соны не принадлежала одному Сеиду Азиму, нельзя подводить людей, которые прячут несчастную. Как еще сложится жизнь? Все равно Тарлан не сможет на ней жениться. Гаджи Асад скорее убьет обоих, чем позволит такое.

И Тарлан не мог признаться Are, что больше позора оскорбления он переживает исчезновение Соны, страдает, что бандиты увезли ее в горы.

Мысленно они говорили об одном и том же, но законы воспитания, законы жизни на давали им возможности на откровенность без утайки.

- Что же ты хочешь делать?

- Я должен уехать из дому.

- В таком состоянии? Ты еле сидишь... А ты подумал о тетушке Бирдже, ведь она с ума сойдет от горя...

- Не приведи аллах! Маме и всем домашним я скажу, что еду на поклонение имаму Рзе в Мешхед, но от тебя скрывать не стану, что отправлюсь совсем в другие края, пока еще не знаю куда... Хотя должен признаться, во сне мне чудится, что меня кто-то призывает к себе, - может быть действительно святой имам, кто знает? Мне стадо немного лучше, через день-два, я думаю, у меня достанет сил подняться с постели. В таком состоянии никто не заподозрит, что я не еду на поклонение... Передай друзьям, что были так добры ко мне, пожелания осуществления наших мечтаний... Только бы они исполнились...

- Тарлан, дорогой, это были мечты наши общие - добиваться образования для нашего народа. Не только Рза-бек, но и я, и ты должны...

- Нет, дорогой, мои надежды рухнули, рассыпались в прах, теперь я не борец, я оказался бессильным, бесполезным...

- Зачем ты так говоришь? Раз ты решился на отъезд, поедем вместе учиться, получим образование, чтобы учить других.

- Отец разрешит мне стать только священнослужителем, таким, как Молла Курбангулу, на это он деньги даст, ни на что другое...

С чувством сожаления и горькой грусти поэт взглянул на друга.

- Твой уход - еще одна победа тех, кто Рза-бека называет «Урус Ирза», кто объявил его школу греховной...? Жаль, что теперь тебя не будет в наших рядах.

- Я никогда о вас не забуду. У меня к тебе просьба, не сочти за труд, Ага!

- Пожалуйста, Тарлан.

- Я дам тебе деньги, - он приподнял тюфяк и вынул маленький сверток. - Отдай их Джинн Джаваду, пусть купит для меня теплую одежду. То, что останется после покупки, нужно будет передать смотрителю караван-сарая Махмуда-аги. Когда деньги мне понадобятся, я сам у него возьму.

Сеид Азим сокрушенно воскликнул:

- Мне кажется, ты в своих расчетах совсем забыл о матери... Как ты можешь быть с ней таким жестоким!

- С мамой я поговорю, она должна меня понять... Лучше надеяться на счастье в чужих краях, чем твердо знать, что меня здесь ожидает.

- Слушай, ага Тарлан, а вдруг тебе удастся переубедить отца?

- В чем? Он не откажется от того, что составляет смысл его жизни. Встреча наша откладывается до страшного суда, может быть, тогда разрешится наш спор с ним... И с тобой, боюсь, мы тоже больше не свидимся... «Я не вернусь на озеро, с которого спугнули мою лебедушку...» - прошептал он.

У поэта сжалось сердце. Он чувствовал, что прощается с другом навсегда, но, чтобы хоть немного приободрить Тарлана, сказал:

- Не говори так... Я тоже скоро уеду. Авось судьба столкнет нас еще раз. Да и ширванская земля обладает притягательной силой...

- Ты твердо решил поехать учиться, Ага?

- Решил, ага Тарлан!

- Куда?

- В Наджаф... Нужно еще многое узнать, чтобы осмелиться учить других.

- Да будет удачным твое путешествие, Ага!

На прощанье друзья обнялись и поцеловались. Поэт покинул дом Гаджи Асада, так и не встретив самого хозяина. Визит его прошел незамеченным. Бирджа-ханум возлагала большие надежды на могущественное влияние потомка пророка на ее сына. От внутренней чистоты поэта люди становились лучше, может быть, и ее сыну станет легче, Ага обязательно ему поможет... Не подозревая о том, какие над ней сгущаются тучи, и только сетуя на то, что не успела угостить гостя чашкой чая, Бирджа-ханум проводила его до ворот и поцеловала ему руку.

... Впереди лежала дорога. Она ждала двух наших друзей, одного из них вела к надеждам и образованию, второго - в неизвестность.

Дороги поглотили Сону, потом - Тарлана. Как будто и не было на ширванской земле восхищавшей танцами красавицы Соны. Сорвали благоухающий цветок... А Тарлан... Тарлан не поехал учиться, к чему призывал его поэт, не ушел на поклонение к святыням мусульман, как обещал дома, он избрал для себя участь странника в пустыне... На какой берег бурного океана времени выбросят Сону и Тарлана эти дороги?

Жизнь продолжается, такая, как прежде, и никто не вспоминает об исчезновении этих двоих. Только у Бирджа-ханум не просыхают глаза от слез.

СВАДЬБА

... Сеида Азима не оставляют мысли об участи его несчастного друга. Он постоянно грустен. Правда, он стремится в Наджаф в семинарию, однако его мечты сбудутся не так скоро. На это есть причины. И первая из них - деньги, вернее, отсутствие их. На что он будет жить и учиться в чужом краю? Он надеялся на покровительство богатого человека. О жизни семинаристов в Наджафе и Кербеле говорили вернувшиеся с поклонения святыням паломники. Посылаемых им пожертвований едва хватает на плату за обучение, бедные школяры ведут нищенское существование, становятся попрошайками. Письма семинаристов полны жалоб и просьб о помощи. Зубрежка основ богословия высушивала мозги, от живой мысли ничего не оставалось. Некоторые отчаявшиеся увлекались курением опиума и анаши, играли в азартные игры, забывая насовсем изучение корана и основ шариата.

Кроме того, Сеида Азима останавливали от поездки жалость к матери, заботы о ее здоровье. Сама Минасолтан после истории с Тарланом и его отъездом потеряла покой. Она твердо задалась целью найти для сына достойную невесту и этим привязать его к дому. Может быть, аллах милостив, сын или вовсе не поедет учиться, а если и поедет, то не будет гулять, избави аллах, как другие семинаристы. И будет стремиться домой.

Минасолтан вела переговоры с родственниками и соседями и подстроила дело так, что, куда бы Сеид Азим ни приходил, с кем бы ни встречался, тотчас возникал разговор о женитьбе.

... Со времени печальных событий прошел год. Вспоминая свою любовь к Соне, Сеид Азим ощущал аромат юной расцветшей розы, весенний ветер, мгновенно освеживший жизнь, мимолетный свет, озаривший все вокруг него. Он был опьянен изяществом и грацией ее стройного тела, восхищен чарующим, зажигающим кровь танцем... Была ли та любовь настоящей, истинной, он не думал... Ему казалось, что он должен видеть Сону, вдыхать ее аромат... Она была для него гурией, пери рая. Это был сон, он проснулся, и в руках ничего не осталось. А память запечатлела вечную, пленительную красоту. Ее из памяти ничто не сотрет, ни одно несчастье... Поэт теперь осознал, как когда-то говорила ему Сона, что их соединяла не та любовь, которая объединяет людей на жизнь и смерть, которая приносит в жизнь продолжение свое, потомство, нет. Здесь нет места для любви между мужем и женой, которые делят последний кусок хлеба, всю жизнь идут плечом к плечу, выносят все тяготы жизни ради того, чтобы вырастить детей, продолжить род. Это поклонение поэта богине красоты, прекрасному неземному существу. Сона говорила ему: «Я могу быть украшением твоих грез, источником твоего воображения, и только...»

Сеид Азим не давал и в те времена клятвы не жениться никогда. Теперь и он начинал думать о спутнице жизни, которая бы понимала его во всех его делах... Интересно, а кого судьба, движущая руками любимой матери, выбирает ему?

Эти мысли тяготили его, утомляли. Только в поэзии он находил отдохновение. Но в последние дни ему не нравились сочиненные им газели. Не раз он раскрывал перед собой диван стихов несравненного Физули. Он шлифовал свое мастерство подражаниями газелям Физули. Интерпретации известной темы и подражания поэтам-мастерам - извечная школа поэзии. Он в газели мастера прибавлял три строчки к двустишию, стремясь не нарушить размер и рифму, смысл и значение, сохранив красоту и художественные качества газели. Так создавалось совершенно новое произведение.

Как у сломанной пиалы, даже звона нет у нас,

От друзей же ни привета, ни поклона нет у нас,

Ветер, ветер, на чужбине почтальона нет у нас,

Даже весточки от милой, у влюбленных нет у нас,

Не оставь наш дом печали - без тебя таким он стал.

Газель о любви Физули была так созвучна нынешнему состоянию Сеида Азима, что молодой поэт не испытывал трудностей в нахождении необходимых слов, подходящих для каждой строки. Слова лились тонкой нежной вязью, как легкий предрассветный ветерок, как вода из чистого родника. Перед взглядом поэта оживали картины недавнего времени, поставившего преграды перед свободной любовью Соны и Тарлана.

«О старый Физули! Через триста лет после тебя на Востоке будто ничего не изменилось. И после тебя душат любовь и чувства. И сейчас за любовь Санана к христианке на шею вешают крест, и сейчас аскеты запрещают смотреть на красивых людей. Отовсюду летят камни в тех, кто славит любовь, и тело влюбленного в ранах, душа его стонет. Лицемеры требуют отречься от любви».

Щеки поэта пылали, он весь горел точно в лихорадке. Перо без устали выстраивало строку за строкой на белой самаркандской бумаге:

Нет, святошам-лицемерам я не стану подражать, Прикрывающимся верой я не стану подражать, Поучающим не в меру я не стану подражать, их постыдному примеру я не стану подражать. Потому что никогда я в этом правды не видал.

Неслышно в комнате появилась Минасолтан с чайным подносом в руках. Она понимала, что сын увлечен, но решилась сегодня непременно поговорить с ним. Хватит оттягивать то, что обязательно должно произойти: она должна получить его согласие на женитьбу. Следует к такому важному событию подготовиться заблаговременно, написать в Дагестан своему отцу Ахунду Гусейну, который был в Ягсае кази - главой духовенства в своем уезде. Ахунд Гусейн вершил судебные дела мусульман и был справедливым человеком, он много сделал для внука, без его помощи Минасолтан не смогла бы так хорошо его воспитать. Он приедет и завершит это благое дело.

Поэт скорее почувствовал, чем увидел, как мать вошла в комнату. Он поднял голову и тут же понял, что сегодня не избегнуть разговора. Уже несколько дней мать набиралась храбрости, ходила вокруг да около, а сегодня так просто не уйдет.

- Что, мама, похоже, ты хочешь что-то сказать мне?

Минасолтан любила, когда сын называл ее как в детстве «мама», в эти минуты ей казалось, что сын еще совсем маленький, и она смелела.

- Сынок, что не скрыть от аллаха, не следует скрывать и от его раба. Намерение есть у меня женить тебя.

Сеид Азии покраснел:

- А может быть, рано еще?

- Нет, дорогой, не рано. Слава аллаху, ты уже совсем взрослый мужчина, самое время...

- Что мне тебе ответить... Ты ведь давно уже ведешь подготовку, окружили меня со всех сторон, куда ни приду, все говорят одно и то же: «Тебе следует жениться!» Жениться - это же не купить на базаре фунт мяса!

- Мои это уловки или не мои, я мать и стараюсь влиять на сына... Ты скажи мне, согласен или нет?

Не положено молодому человеку показывать матери свои переживания, волнения, тайные желания, поэтому Сеид Азии пытался отшутиться:

- А кто отдаст свою дочь за человека без профессии, без твердого, известного наперед заработка? Какую несчастную ты хочешь осчастливить таким женихом, мама?

Мать не была настроена на шутливый разговор, поэтому не уловила в вопросе желания выведать сведения о будущей жене.

- Слава аллаху, за тебя каждый с удовольствием отдаст свою дочь, и род наш славен, и у тебя характер золотой! А работа... Ты пишешь, вот...

- Не сердись, мама, но не скажешь ли ты мне, кого ты имеешь в виду?

Минасолтан улыбнулась, уразумев, в чем дело:

- Ой, ну почему же нельзя узнать, разве не ты женишься! Хочу посватать за тебя дочь Беим-ханум,

Джейран...

Сеид Азим, конечно, не видел Джейран, но мать ее, дальнюю родственницу Минасолтан, видел довольно часто, она помогала матери стегать одеяла и тюфяки, мыть и раздергивать шерсть для них. Иногда тетушка Беим ночевала у них. Она, разумеется, прикрывала лицо от Сеида Азима, но при всем при том чадра не скрыла от него приятные, даже красивые черты лица немолодой женщины. Если права пословица: «Посмотри на мать, а потом женись на дочери», то Сеиду Азиму следует подбросить папаху вверх... Другого выхода не было. «И дед мой, и отец, и все мужчины в роду женились только по совету старших в семье. В моем краю нет таких счастливцев, которые, влюбившись в красавицу, могли бы на ней жениться. Рано или поздно, но женюсь я на той, кого мне выберут. Так не обижу я маму, понадеюсь на ее вкус. Не может быть, чтобы тетушка Беим плохо воспитала свою дочь». Мать прервала его размышления:

- О чем ты задумался, сынок? Или тебе не по душе та, которую я назвала? Честное слово даю, она настоящий джейранчик! Красавица, умница! У своего деда научилась читать коран, писать... Что ты еще хочешь?

Сеид Азим понимал, что отступать ему некуда. Уговорами и нажимом у него выманят согласие. Не следует мучить мать. Он уже решился. Ласково протянув матери руку, улыбнулся:

- Все слишком уж хорошо, дорогая... Я знаю, плохой жены ты для меня не пожелаешь. Раз она тебе так нравится, значит, с невесткой дома уживешься. Пусть аллах пошлет тебе покладистую...

- Да услышит аллах тебя, детка, - обрадовалась мать, - да будут вещими твои уста. Да пойдет тебе впрок мое молоко, будь счастлив! Желаю тебе, чтобы никогда в жизни ты не раскаивался в том, что сказал мне «да»!

Похвалы, которые Минасолтан расточала будущей невестке, не уняли волнений и тревог.

... Получив письмо от дочери, Ахунд Гусейн тотчас приехал из Ягсая в Шемаху.

После смерти отца Сеида Азима он одиннадцать лет воспитывал сына своей единственной дочери, учил его основам богословия, занимался с мальчиком кораном, внушил ему любовь к поэзии, наукам.

Городское духовенство и знать с особым почетом и уважением приняли ягсайского кази. Старик приехал женить внука, эта благая весть была принята всеми с удовольствием и радостью. Кази посовещался с местными аксакалами.

И вот назначен день свадьбы. Распорядителем, как обычно, должен был быть Джинн Джавад. Ему вручили обговоренный заранее список приглашенных. Джавад обошел весь город квартал за кварталом, никого не забывая предупредить о дне свадьбы. Гостей будет услаждать прекрасный голос Наджафгулу в сопровождении группы музыкантов. Дружками жениха назначены поэты: женатый Рагиб - правым, холостяк Бихуд - левым.

Весь двор убран большими и маленькими коврами и паласами, краски ковров переливаются под лучами солнца. На кухне разделываются туши освежеванных баранов, подготавливаются казаны для плова.

... Под звуки зурны и удары барабана жениха после ритуального предсвадебного омовения привели из бани.

Во дворе его ждала толпа гостей и родственников. Минасолтан первая, а за ней все остальные накинули на красного от смущения Сеида Азима свои подарки. Тут были и знаменитые ширванские, бенаресские, гянджинские шали; целые отрезы шемахинских тонких шелков, блестящего атласа... Некоторые гости подносили жениху подносы со сладостями. Когда завершилось подношение подарков, мать и родственники унесли все в дом, а во дворе начались танцы.

Казалось, что Джинн Джавад летает по воздуху: ноги его еле касались земли. Потом залился песней Наджафгулу, голос его проникал в самое сердце. Прекрасный певец заставлял говорить то Хафиза, то Саади, то Физули, а изредка пел и газели самого жениха. Наконец заранее назначенный «хан» свадьбы - один из уважаемых людей Шемахи - дал знак Наджафгулу, и тот запел специальную свадебную частушку, восхваляющую жениха. Гости потребовали, чтобы жених станцевал: «Пусть бек танцует! Пусть бек танцует, будет дешевизна!» «Беком» по традиции называли жениха.

Джинн Джавад, танцуя, приблизился к другу и тихо прошептал: «Поздравляю со свадьбой, Ага, ты только пройдись по кругу разок-другой, а потом я перехвачу инициативу, но за это с тебя одна эпиграмма и одна газель, и считай, что дешево отделался!» С горящими глазами, обойдя Сеида Азима с правой стороны, он вытащил его на середину круга.

Все залюбовались статным женихом в белом архалуке, туго обхватывающем стан юноши. Рядом с ним по кругу шли дружки, один справа, другой слева. Гости, в восторге от его статности и красоты, припечатывали к его лбу бумажные ассигнации, другие дарили золотые монеты, женщины бросали от сглаза в огонь соль и цветы руты.

Волнение теснилось в груди Сеида Азима. Пока шли приготовления к свадьбе, он шутливо и отстраненно воспринимал происходящее, но чем ближе к решающей минуте, тревога и растерянность охватывали его. Что он делает? Не ошибся ли? Но время с неотвратимостью летело, и вот он уже понял, что шутки кончились: несколько дней назад. У него получили согласие, а вчера у местного кази заключили брак с девушкой, которую он еще не видел ни разу в жизни.

Он чувствовал в себе нарастание ожидания чего-то неизведанного, неизвестного и оттого совершенно не мог спокойно жить. С сегодняшнего утра никто не слышал от него ни одного слова, он не мог раскрыть рта. Он молча получал сведения о приглашенных гостях, о количестве баранов, необходимых для угощения, слушал, как в полусне, пение Наджафгулу, звуки музыки. Вокруг него были знакомые с детства люди, он их почти не замечал.

Весь день он находился под впечатлением сна, который ему приснился нынче ночью... Последнюю холостяцкую ночь он провел в комнате жениха, куда теперь сложили подарки. А во сне он увидел Сону... Странно, он не испытывал к Соне прежних чувств, Сона была для него все равно что мать... Она подошла к нему совсем близко, положила руку на его пылающий лоб, он словно ощутил прохладу ее ладони и услышал мелодичный голос: «Спи, Ага, и будь спокоен... Я видела сама, хорошая девушка, достойна тебя вполне. Не бойся... Хочешь, я покажу ее?» Сона подняла край полога над кроватью, за ним стояла девушка с фатой на лице, фата поднялась, но поэт, как ни силился, не мог различить черты девичьего лица... «Не бойся, Ага, не бойся!» - донесся до него еще раз голос Соны, и он проснулся. Вытер ладонью холодный, в испарине лоб... Что его ожидает? Какова девушка, с которой завтра его соединит судьба, красивая или уродливая, умная или глупая?

... Дружки, пройдя с женихом два круга, подвели его к двери, у которой их ждала какая-то женщина, кажется сваха. Сеид не слышал ничего, кроме стука собственного сердца. Сваха, взяв его за руку, ввела в соседнюю комнату, перегороженную надвое блестящим шелковым пологом. Их ожидала раскрасневшаяся помолодевшая Минасолтан, ее глаза радостно блестели. Минасолтан несколько раз нежно поцеловала сына в лоб, в глаза:

- Поздравляю со свадьбой, сынок, желаю тебе стать отцом многих сыновей и дочерей! Желаю тебе быть счастливым в браке... А теперь иди, моя невестка Джейран тебя заждалась...

Вместе со свахой мать вышла из комнаты. Сеид Азим приподнял край полога, отороченного золотистой канителью, и очутился перед невестой, сидевшей на краю тахты. Услышав шуршание шелка, Джейран поднялась. Широкая, в глубоких складках атласная юбка, бенаресская шаль и красная шифоновая фата, закрывающая лицо, скрыли фигуру

девушки, перед женихом высилась бесформенная груда, ворох шелка, из-под которого не было слышно даже дыхания. Он стоял в нерешительности. С одной стороны, ему хотелось поскорее увидеть ее лицо, с другой - он боялся ее напугать. «Я постараюсь тебя понять... Не могу сказать - полюбить, но понять, узнать постараюсь... Будет ли у тебя такое же терпение, такое же стремление узнать меня? Тебя привели ко мне как жертвенного ягненка, оторвали от отца и матери. Знаешь ли ты меня, видела ли хоть раз? Может быть, и видела...» Он колебался еще мгновенье, но любопытство одержало верх. Сеид Азим приблизился и со словами: «Добро пожаловать!» - поднял осторожно фату с лица невесты. Девушки всегда привлекательны в наряде невесты, даже уродливая может показаться хорошенькой в свадебном облачении. Но Джейран была ослепительно красива. «Как сгусток света, как сгусток света!» Поэт не мог найти других слов в этот момент. Он спохватился и легонько наступил девушке на ногу, как научили его дружки, чтобы всегда главенствовать в семейных делах. Улыбка тронула губы Джейран. «Если она и вполовину умна, как красива, то мне повезло!» - подумал он и счастливо улыбнулся в ответ. Он вспомнил ночное видение и голос Соны: «Не бойся...»

Они все еще молча стояли друг перед другом, когда вошла сваха, в руках у нее были кувшин и таз. Сеид Азим вспомнил, как его наставляли сначала совершить ритуальное омовение и дважды прочитать молитву - и лишь тогда поднять фату невесты... Он усмехнулся: «Ну и ну, совсем забыл, так стремился увидеть Джейран! Хорошо, что сваха не обратила внимания на невесту, иначе всполошилась бы, что нарушили традиционное течение обряда свадьбы. Клянусь, мне этот обряд совсем не по душе! Вместо беседы с невестой - погрузиться в молитву, ну разве в этом есть какой-то смысл?» Улыбаясь, он взял кувшин и начал омовение, а потом и намаз.

Радостные мысли мешали молиться. Внешнее сходство Джейран с матерью наполнили его сердце крепнущей надеждой: «Конечно, она воспитана, благородна, умна... Тетушка Беим не ошиблась, назвав свою дочь Джейран. Иную дурнушку зовут Гезель - красавица, хромоножку - Марал, что значит олень... А Джейран настоящий джейранчик...»

Снова в комнату вошла сваха, теперь она несла на вытянутых руках дымящееся блюдо, на котором горкой высился плов. «Вот теперь другое дело...»

Как только за свахой закрылась дверь, Сеид Азим поставил блюдо между собой и невестой и, глотая слюну, быстро сказал:

- Давай поедим, Джейран, сегодня с утра от волнения у меня крошки во рту не было... Наверно, и у тебя? Мне все время твердили, что моя доля за занавеской, и тебе тоже, да? Или ты уже ела?

- Нет... - Джейран не спускала глаз с жениха.

- Тогда начинай, я так голоден, что способен съесть не только плов, но и тебя...

Прошло три дня... В эти дни молодой поэт, опьяненный первым шербетом семейного счастья, не мог думать ни о чем, кроме Джейран. На третий день по обычаям Шемахи молодая жена впервые после свадьбы показывается на людях, женщины устраивают праздник. Джейран увели, а Сеид остался дома и не видел, как веселились молодые женщины и Джейран вместе с ними.

Теперь начались послесвадебные торжества в домах родственников и близких друзей по поводу совместного выхода «в свет» молодых новобрачных. Целый месяц длилось веселье, оно превратилось для Сеида Азима в сплошное долгое застолье. Мысли о Соне, о Тарлане, меджлисы в доме Махмуда-аги отошли в небытие. Даже тетради с газелями покрылись пылью - поэт не притрагивался к ним.

По прошествии месяца Ахунд Гусейн объявил, что собирается домой в Дагестан. Прежде чем отбыть в Ягсай, дед изъявил желание побеседовать с внуком. Они увиделись в комнате матери. Новобрачному мусульманину следует стесняться новизны своего положения перед старым уважаемым человеком, поэтому Сеид Азим сидел молча, не смея поднять на деда глаза. Некоторое время оба молчали. Молчание нарушил сам Ахунд:

- Дитя мое, твое бракосочетание по законам шариата - дело богоугодное... Оно олицетворяет потребность всего живого и сущего. Стыдливость, проявляемая тобою, естественна, и меня радует твоя воспитанность. Слава аллаху, ты поступил правильно и разумно, последовав совету матери. Еще раз поздравляю тебя с женитьбой, будь счастлив, сынок... К сожалению, приближается время, когда мне придется увести свой караван с этой земли. Я не могу закрыть глаза, не выполнив клятвы, данной твоему умершему отцу, завершить твое образование. Не хочу быть виновником в глазах твоего достойного отца, когда я предстану перед ним в раю. Я не выполнил взятой на себя обязанности послать тебя в Наджаф в высшую школу духовенства. Как сказал твой великий предок- имам Али: «Стремись к науке, даже если она в Китае...» Как бы ни была далека наука, никогда не упускай случая овладеть ею, напротив, спеши добраться до нее.

У Сеида Азима в волнении забилось сердце, лицо вспыхнуло: «Неужели осуществление моей мечты так близко?!»

Ахунд Гусейн, уловив произошедшую с ним перемену, истолковал ее по-своему:

- Конечно, я не собираюсь так рано отрывать тебя от молодой семьи...

Поэт хотел возразить, но дед прервал его:

- Послушай, я знаю, что мать поспешила тебя женить, чтобы привязать тебя к дому. Поверь, все матери на свете тревожатся и оберегают своих детей, пока это в их силах. Однако если ты останешься полуобразованным человеком, в будущем ты с большим трудом сумеешь содержать свою семью. Ты не из тех сеидов - потомков пророка, которые собирают со всех узаконенную шариатом долю, и я не тот кази, который присваивает имущество сирот, поэтому и не смог собрать богатства, чтобы обеспечить тебе и твоей семье безбедное будущее. Но после совершенствования своего образования ты вернешься сюда в звании ахунда, и если аллах убережет меня от смерти к твоему возвращению, я постараюсь найти для тебя богатый приход, где ты будешь моллой, а может быть, тебе удастся стать кази. Тогда я смело скажу, что свои обязанности по отношению к тебе я выполнил, и спокойно смогу попрощаться с миром.

Вот мои мысли, вот мои намерения. Теперь желательно, чтобы ты потихоньку готовился к путешествию. По истечении года, уповаю на волю аллаха, ты выедешь в Наджаф. А я к тому времени сделаю все необходимые распоряжения и уговорю мать.

Мечта его была близка к осуществлению. У него не было другой цели. Станет ли он моллой? Время покажет... Надо стремиться к совершенствованию образования. Сеид

склонился и с благодарностью поцеловал руку деду и своему первому учителю, так много сделавшему для него:

- Благодарю, дедушка!

... Со времени отъезда Ахунда Гусейна прошло полтора года, когда Сеид Азим покинул Шемаху, направляясь в Наджаф. В Ширване он оставлял не только мать и жену, но и маленького сына Мирджафара, названного так в честь деда поэта по отцовской линии. Сеиду Азиму, только что вкусившему сладостное чувство отцовства, было тяжело покидать дом, наполненный заботами горячо любящей его Джейран, которая начала властвовать над всем его существом. Он оставлял их на свою мать, которую почитал и любил больше всех на земле. Из далекого Ягсая шли вести от доживающего свои последние годы деда, который благословлял внука на полезное, нужное дело. Сеид Азим пустился в путь с надеждой пополнить и расширить свои знания, чтобы вернуться на родину образованным человеком, способным открыть школу для своих маленьких соотечественников, научить их приносить пользу своему краю.

... Перед нами снова дорога... Дорога, ведущая из Ширвана. В караване Кербелаи Вели, следующего в Кербелу через Наджаф, мы видим молодого поэта, неустанно глядящего вдаль. Что ожидает его на этой дороге? Долго ли продлится разлука с близкими и любимыми? Застанет ли он живыми друзей и близких, когда вернется?

Тревоги... Тревоги... С собой в дорогу он захватил тетрадь, в которую заносит впечатления от встреч в дороге, от красоты окружающего края. На каждом привале он уединяется и пишет... «Не отбирайте у меня моего поэта, дороги, верните мне его целым и невредимым...» Кто произнес эту фразу, прозвучавшую вместе с плеском воды, которую по поверью вылила ему вслед мать, чтобы путь был гладким? Джейран ли, раньше времени начавшая увядать от печали расставания? Или это был голос его феи вдохновения, притаившийся в глубинах его души?

СНОВА В ШЕМАХЕ

Пролетели месяцы, прошли годы... Мы расстались с нашим поэтом на дороге, которая увела его от нас в Наджаф. По этой же дороге он вернулся в Ширван. Проведя здесь, дома, два года, надышавшись вдосталь родным воздухом, наглядевшись на родных и любимого сына, он снова тронулся в путь... Дороги его пролегли через Иран, Турцию, Аравию... Удивительные страны, интересные люди... Сеид Азим вернулся в родные края под таким большим впечатлением от путешествий, будто прошли не два года, а повзрослел он на десять-пятнадцать лет... Каждый, кто его видел, восхищался образованностью и широтой его познаний. На него смотрели с изумлением и любопытством, а иногда и с завистью. В движениях некогда непосредственного, веселого и легкого в общении молодого человека появилась сдержанность, умудренность, поражала глубина и серьезность его рассуждений. Ровесники прониклись к нему почтением, старшие - внимательным уважением.

Повсеместно возросла вера в суждения этого человека. И как могло быть иначе? Он учился в духовной семинарии в Наджафе и Багдаде, затем в Шааме, где получил высокое духовное звание Ахунда. Он прекрасно разбирался в премудростях восточной философии.

Когда Сеид Азим решил посетить возобновившиеся после землетрясения меджлисы в доме Махмуда-аги, губернское управление из Шемахи уже перебралось в Баку. Особенно страшное внезапностью и непредотвратимостью, землетрясение в течение нескольких минут превратило Шемаху из цветущего города в груду развалин, рассыпались в прах здания, обитатели их гибли под обломками. Катастрофическое землетрясение 1859 года разрушило множество деревень в Ширване, унесло тысячи жизней. Встревоженный губернатор тогда же решил переехать из сейсмически опасной зоны в Баку.

Результаты землетрясения были всюду видны, жители ютились во времянках, заново возводились крепкие, устойчивые на случай новых землетрясений одноэтажные дома. Но в городе чувствовалось оживление. Только что кончился годичный траур по всем погибшим в тот страшный день, с лиц исчез шафранный цвет страха, на губах появились улыбки; в садах, на гуляньях начинали раздаваться звуки музыки и песен, люди сменили черные одежды скорби на яркие, праздничные, радующие глаз.

Идя к дому Махмуда-аги, Сеид Азим размышлял о смысле жизни. Человек рождается... Человек умирает... Жизнь вечно продолжается. Не будет меня, не будет тебя... Отцов сменяют сыновья, сыновей внуки, а жизнь на земле - вечна... Все останется после нас: вода, воздух, земля, эти голубые небеса, это многоцветное мироздание с новыми прекрасными людьми, с их судьбой, с их улыбающимися губами, лицами...

Его встретили звуки музыки и возгласы «отлично!», «молодец!», «великолепно...» Видимо, кто-то танцевал в доме Махмуда-аги. Вот и хлопки аплодисментов. Он приблизился к воротам. Музыка зазвучала призывно, словно ухватила его за руки и втащила внутрь. Он на минуту задержался перед ярко освещенными окнами дома. Сердце сдавила мимолетная грусть по давно ушедшему времени, глаза ослепила картина застолья былых меджлисов... И вдруг перед ним ожило далекое видение: танцевала Сона... «Конечно, Сона, кто, кроме нее, способен украсить торжество в этом доме? Разве без Соны может быть танец, музыка? Миндалевидные глаза, кудрявые локоны вокруг матового лба, длинные жгуты кос, извивающиеся и летящие вслед за стройным телом, маленькие ножки в разноцветных шерстяных носочках, изящные нежные руки то на талии, то над головой... О аллах всемогущий, я снова опьянен...»

Он будто забыл о несчастьях, настигнувших Сону, душа его вновь наполнилась любовью к женщине, которая была феей его вдохновения, царицей его души... Он присмотрелся. В центре комнаты действительно танцевала женщина... Но это была не Сона. Поэт узнал танцовщицу. Это была младшая подруга Соны, единственная из чанги, способная заменить исчезнувшую царицу. Хорошенькая Ниса плыла по кругу, подняв маленький подбородок. Все в ней было миниатюрным и приятным: небольшой носик, рисованные брови, хрупкие кисти гибких рук. Пышные кудри выбивались из-под шелковой шали.

Поэт с искренним восхищением оглядывал тоненькую фигурку танцовщицы, поражаясь ее способностям и обаянию. Он не спешил занять предложенное ему место, боясь упустить хоть одно движение из танца Нисы, и продолжал стоять у дверей.

Когда Ниса, окончив танец, прошла на свое место в группе чанги, Махмуд-ага, приподнявшись на коленях, громко позвал поэта:

- Ага! Пожалуйста, сюда! Нет, нет, не там, здесь, около меня сядь, пожалуйста!

Махмуд-ага был очень возбужден, опьянен происходящим.

То ли музыкой, которую любил как жизнь? То ли танцем Нисы, восхитившим всех сидящих в комнате, заставившим даже Сеида Азима на мгновение забыть танец царицы фей? Или на него так подействовал изумительный голос молодого певца из Шуши, исполнявшего известный мугам с поправками самого Махмуда-аги? Скорее всего Махмуд-ага находился в мире собственных грез. А не для этого ли и собирались на музыкально-танцевальных меджлисах молодые люди?

Поэт задумался. Наслаждение и развлечения с чанги... Что это?

Похожая на Сону, Ниса часто поглядывала на него и нежно улыбалась... «Мой поэт, ты ли пришел сюда? Как быстро ты забыл свои мечты! Каждый ли прелестный ангел становится для тебя царицей фей, мой поэт? Ты пришел за своей мечтой или за удовольствием и наслаждением? Каждая, более молодая, горячит кровь снова и снова? Это ли главное для тебя?»

Снова Сеид Азим не мог разобраться, чей голос звучит в его воображении. То ли это голос Соны в преддверии разлуки, полный муки и горя? То ли Джейран? То ли собственный? Неужели его душа не может забыть того, что было так давно? Ревнует к новому, переживает и за Сону, и за Джейран?

«Нет, нет, я не забыл! Царица фей и моего воображения! Я не забыл тебя и не забыл свет моей души - Джейран...»

- О мудрый сеид, да буду я твоей жертвой, о чем ты задумался? - прервал его мысли Махмуд-ага.

- Так, кое-что из прошедшего вернулось на минуту...

Сияющее лицо хозяина подернулось покровом печали.

- Я тоже думал о ней... Каждый раз, когда я смотрю на Нису, мне видится Сона... Как наивны и молоды мы были... Сердце тревожит былое.

- И тебя тоже, Махмуд-ага?

Махмуд-ага улыбнулся

- Тоже, Ага...

- Если и владелец такой роскоши, - Сеид обвел комнату взглядом, - знает, что такое грусть-печаль, тогда плохи наши дела!

- А ты думаешь, что грусть и печаль мне чужды?

- Во имя аллаха, будь справедлив, нет дома, где было бы вдоволь хлеба в Ширване, а у тебя царствуют музыка и красота... Веселье не приходит в голову в тех домах.

Махмуд-ага подумал, что и в доме поэта, возможно, не осталось зерна даже на один помол. «Сеид сам об этом не скажет, надо проследить, чтоб ему послали, голова моя постоянно чем-то занята, а о том, что его семье есть нечего, он не напомнит... У него нет ни пахарей, ни жнецов... Семья получает лишь то, что сердобольные и религиозные

мусульмане сами дают потомку пророка как милостыню... Узаконенную, но милостыню... Такой талантливый поэт, а вынужден по бедности жить на подаянии».

- Ага, у семьи твоей трудности?

Ироническая мимолетная усмешка родилась и погасла на губах поэта: «И чему ты удивляешься?» Но вслух он произнес:

- И это, и другое... Я пришел к тебе по другому поводу, но попал на такой веселый пир!

- И, забыв о своем мусульманстве, снова превратился в идолопоклонника, не так ли? Ах, Ага, жаль, что ты немного запоздал. К нам приехал молодой шушинец, клянусь, певца с таким приятным голосом мы до сего дня не слушали на наших меджлисах. Уж если я говорю тебе это, поверь мне! Сейчас он отдыхает, а после ужина, надеюсь, споет еще. Слава аллаху, дарящему миру такие голоса, заливается как соловей... Какие трели и рулады ему даются, словно божественное пение слышишь. Услышишь и ты, погоди. Послезавтра свадьба сына Даргяхгулу-бека. Я привезу ему в подарок танцы чанги и пение этого шушинца. Редкостное у парня дыхание и постановка голоса!

Сеид в молчании слушал рассуждения Махмуда-аги, снова оказавшегося в близкой ему стихии музыки.

«Что можно сказать о таком человеке? Ему ничего на свете не нужно, кроме музыки. Музыка - его Лейли, а сам он Меджнун ее...»

- Я поздравляю тебя с такой редкостной находкой, Махмуд-ага...

- За поздравление спасибо, только не говори таким печальным голосом. Хорошо? - Он положил руку на плечо друга.

Слуги незаметно принесли плов и прохладительные напитки.

Когда ужин был закончен, так же быстро и незаметно все убрали. В комнату пригласили высокого молодого человека, смуглолицего и худощавого. Черная чуха была надета поверх ситцевой в цветочек рубахи, из-под белой барашковой папахи выбивались темные густые волосы. Устроив поудобней на коленях бубен, он запел... Локтем правой руки придерживая бубен, легкими касаниями длинных и сильных пальцев отбивал ритм. Прикрыв глаза, он отдался песне всем своим существом. Печальный грустный голос проникал, казалось, в самую душу, будто сердце поэта обнажили и понесли в мир, наполненный слезами и стонами... Тоскующий голос переворачивал страницу за страницей истории трагических судеб, чьих-то несчастий и невысказанных слез. Сеид Азим забылся печалью чужих бед, слезы из глаз его текли и текли...

Внезапно весь настрой музыки изменился. Шушинец кончил повесть о трагедиях и разлуке, в его пении родился бунт, протест против тех, кто был причиной несчастий. Голос постепенно окреп, усилился, превратился в грохот бурно ниспадающего водопада, ударов о берег прибоя разбушевавшегося океана. Он нес поэту надежды и уверенность, осушил слезы, вернул мечты о свободе, вершинах и небесах... Лицо поэта прояснилось.

Новые звучания восхитили всех, ценители и любители музыки высоко превозносили внесенные в мугам новшества, отметили изысканность обработки.

- Отлично, Махмуд-ага, какая свежесть интерпретации!

- Спасибо, Ага.

Знатоки наперебой кричали: «Молодец!», «Хорошо!»... Махмуд-ага смущенно проговорил:

- Не преувеличивайте мои заслуги, успеху способствовали пальцы, заставляющие звучать музыкальные инструменты, и голос несравненного певца.

Музыкант, игравший на инкрустированном серебром и перламутром таре, скромно возразил:

- Уважаемый Махмуд-ага, вы меня извините, я исполнитель, но если хоть что-то понимаю в музыке, должен признать, что ваши добавления в этот мугам изменили его до неузнаваемости, он стал более красивым и выразительным. Я предлагаю всем присутствующим отныне называть это музыкальное произведение вашим именем.

Гости горячо поддержали говорившего. Махмуд-ага по обыкновению сидел, скрестив ноги, поглаживая голову сына. «У мальчика неплохой голос, но он еще совсем ребенок. Сможет ли он когда-нибудь спеть этот мугам так, как мне нравится? Певцом он не будет, но если хорошо научится разбираться в музыке, с меня довольно». Махмуд-ага вспомнил, что сын иногда тайком поет, но никогда не показывал мальчику, что слышал его пение.

Мугам разбередил сердце и воображение поэта. Резкий переход от грусти и безысходности к радостной надежде всколыхнул фантазию:

Ни вина, ни любимой в саду - ничего уже нет у меня.

Что здесь делать? Чего же я жду? Ничего уже нет у меня.

Я в разлуке извелся вконец - утешение где я найду?

К виночерпию с горя пойду - ничего уже нет у меня.

Виночерпий, вино ее уст - вот лекарство одно для меня.

Без него я совсем пропаду - ничего уже нет у меня.

Я и тело и душу свою луноликой отдал до конца.

Чем беду от себя отведу - ничего уже нет у меня.

Что, Сеиду, мне делать в мечети - мечеть навевает тоску.

Я в вине утешенье найду - ничего уже нет у меня.

Как только он вынул из внутреннего кармана архалука тетрадку, в комнате мгновенно воцарилась тишина. Он даже не заметил, кто раскрыл для него пенал и поставил чернильницу. Поэт не замечал теперь ничего. Он писал...

Присутствующие с интересом и почтением взирали на творящего поэта, стараясь не мешать ему ни единым словом или нечаянным стуком. Если бы в этот момент он поднял глаза, то увидел бы приложенные к губам пальцы, призывающие к молчанию...

Его лица коснулись крылья ангела с удивительно родным, до боли родным лицом... «Так лучше, мой поэт... Пусть твоя тяга к веселью и наслаждениям, к земным радостям сменится потребностью к духовному совершенству, к опьянению поэзией. Страсть свою береги для творческого жара. Если верно, что каждому что-то написано на роду, то тебе написано именно это! Пусть поэзия и не приносит тебе славы и благополучия, пиши, мой поэт, пиши! Только бы вино не испортило твой голос и не встало на пути твоих чистых надежд и желаний... Пиши, мой поэт, пиши!» Нежные пальцы феи словно коснулись его лба, ее легкое дыхание ощутили его губы...

Как только поэт оторвал перо от последней строфы и еще хмельным взором только что очнувшегося человека обвел присутствующих, его окликнул Рза-бек:

- Поздравляю, Ага, с написанием нового экспромта!

Давайте посмотрим...

Махмуд-ага запротестовал:

- Нет, нет, мне сдается, что Ага сочинил газель. Я не ошибаюсь?

Вернувшийся к действительности поэт, скромно улыбнувшись, проговорил:

- Да... газель...

- Как я догадываюсь, пение нашего шушинского гостя вдохновило Агу сочинить газель. Так предоставим ему право первому прочесть эту газель.

Возгласами одобрения были встречены слова Махмуда-аги. Молодой певец, багровый от смущения, поднялся и, поощряемый хозяином дома, приблизился к Сеиду Азиму. Он впервые увидел знаменитого уже поэта, чьи газели заучивали наизусть на слух, вторя голосам других певцов. В Шуше о Сеиде Азиме говорили «аристократ Сеид». С сердечным трепетом певец опустился на колени перед любимым поэтом, наклонился и поцеловал руку, протянувшую ему тетрадь с только что записанной газелью. Потом поднялся и вернулся к своему месту. Что-то шепнул на ухо тариста... И вот полилась мелодия мугама вслед за прекрасным голосом, певшим газель Сеида Азима...

Большинство гостей уже покинуло гостеприимный дом Махмуда-аги, осталось всего несколько человек: сам хозяин, Рза-бек, Джинн Джавад и кое-кто из молодых. Сеид Азим, с недавних пор принявший псевдоним Ширвани, то есть «из Ширвана», собрался обсудить с друзьями свои соображения по поводу открытия новой школы. При взгляде на собравшихся у него затуманился взор... Прошло шесть или семь лет с того злосчастного дня, когда они впервые обговаривали открытие школы Рза-бека, а кажется, что пролетели десятилетия... Тогда с ними был Тарлан... Они все были молоды и не знали, что их ожидает... Брошенные временем камни рассеяли их ряды.

Школа Рза-бека погибла под грузом недоброжелательства. Но вместе с тем они духовно закалились, окрепли, жизнь сделала их стойкими. Теперь с ними не мог бы совладать один Закрытый. Они поняли, что им следует держаться вместе, хотя и «закрытые» осознали, что бороться с ними в одиночку не имеет смысла.

Обстановка частично изменилась. Молодые интеллигенты теперь не прятались. Те из них, кто уехал учиться в Россию и в Европу, если не остались навсегда в тех краях и не приняли христианство, то вернулись на родину образованными людьми с новыми идеями... Возвращавшиеся из духовных школ Востока становились моллами, и только немногие из них отказывались от служения культу, как Сеид Азим.

Вернувшиеся из России и Европы объединялись с вольнодумцами, учившимися на Востоке. Каков их удел? Проклятья, ненависть, преследование, укоры, трудности... Но они больше не прятались.

А вот враг вершит свои дела в темноте, исподтишка, окольными путями. Время изменило соотношение сил, изменило позиции. Поэт гнал от себя эти мысли, как наваждение... Он сдержанно начал:

- Речь пойдет о школе, господа...

КЛЯТВА

Сеид Азим вошел в Базар. Как изменилась за последние годы Шемаха! Изменились улицы и площади ее. Одежда людей, устройство лавок и магазинов, даже разговоры местных жителей за эти несколько лет - все претерпело перемены. У большинства городских лавок увеличились окна и двери, сквозь рисунчатые зеркальные витрины широким потоком льется солнечный свет, показывая покупателям и прохожим образцы товаров.

И в одежде горожан бросалась в глаза заметная перемена: изменилась форма традиционной папахи, теперь она чаще всего небольшая, со срезанным острием. Очень многие заказали себе европейское платье: костюмы, сюртуки, даже френчи, наподобие офицерской военной формы. Кстати, в Шемахе и во всем Ширване возросло количество военных, офицеров и солдат. В крае прибавилось переселенцев из России, приезжают путешественники и ученые знакомиться с жизнью закавказских народов. Пока спустишься по улице к Базару, встретишь хотя бы несколько человек в европейском наряде, а раньше таких во всем городе можно было пересчитать по пальцам.

В городе открылось тифлисское отделение школы святой Нины для русских девочек. Дочери местных аристократов с большим удовольствием пошли бы в эту школу, но сами беки понимали, что это будет прямым вызовом местному мусульманскому духовенству - учить своих дочерей вместе с иноверками. Повсеместно возрос интерес к изучению русского языка. Армянских и русских педагогов, преподающих русский язык, старались заполучить к себе в дом и беки, и богатые купцы.

Двоюродная сестра Махмуда-аги, получившая образование у моллы, Гюллюбеим-ханум поддерживала добрые отношения с некоторыми учительницами из школы святой Нины. Не без их влияния у нее родилась мысль открыть частную полудуховную школу специально для девочек-мусульманок у себя дома.

Когда Сеид Азим услышал о школе Гюллюбеим-ханум, сердце его затрепетало: «Молодец, сестра моя, ты оказалась мужественнее нас. То, что мы не отважились сделать для наших мальчиков, возможно, удастся тебе для своих более бесправных сестер. Если бы мне удалось подобное!»

Сеид Азим понимал, что открыть не традиционную школу для молл, а обыкновенную общеобразовательную будет очень сложно. Кроме помощи местных аристократов нужно заручиться поддержкой какого-нибудь мусульманского духовного лица. Он посоветовался с моллой Гусейном Лятиф-оглы, предложил ему преподавать в будущей школе законы шариата. Молла обрадовался и согласился вести такие уроки, добавив, что было бы осмотрительнее переговорить с местным главой мусульманского духовенства и получить предварительно его согласие на открытие школы прежде, чем разрешение властей.

И друзья поддержали совет моллы Гусейна Лятиф-оглы в один голос: «Если хочешь добиться успеха, ты непременно должен получить согласие Ахунда Агасеидали, в противном случае судьба твоей школы уйдет не дальше школы Рза-бека...»

Для самого Сеида Азима особая трудность заключалась в изучении русского языка. Сам он старался выучиться у своих близких друзей - Махмуда-аги и других. Он понимал, что основы изучения любого языка закладываются в детстве, а в его возрасте это дело чрезвычайно трудное, если не безнадежное. Он решил, что в его будущей школе непременно станут изучать русский язык, его маленьким соотечественникам необходимо овладеть этим языком, чтобы открылось окно в большой мир... По совету одного из друзей он познакомился с учеником городской русской школы армянином Манвелом. Переговорил и с отцом Манвела. Значит, с учителем русского языка все будет в порядке... Теперь он собрался к Ахунду Агасеидали.

Джинн Джавад, как добрый гений, встретился ему по дороге. Улыбаясь, спросил:

- Далеко путь держишь?

- Под добрым знаком встречи с тобой на доброе дело к Ахунду Агасеидали.

- Под покровительством аллаха все будет хорошо. Это человек умный, авторитетный, к тому же вы оба с ним сеиды - потомки пророка... Что делать, Ага. Если б жили мы в краю, где нет главенства молл или сеидов, я бы взобрался на высокую кафедру, чтобы люди меня слушали, и сказал: «О люди! Вот этот молодой господин, которого вы видите перед собой, хороший учитель для ваших детей, другого такого, благородного и знающего, вы днем с огнем не отыщите. Не отдавайте вы своих ребятишек всяким моллам - рабам

курдюков. Этот человек вырастит из ваших детей настоящих людей, умных, образованных, которыми будут гордиться люди нашего края...»

Сеид Аэим засмеялся:

- Прекрасная проповедь, но ты забыл, что в том краю нет молл и сеидов... Как только произносится имя моллы, ты начинаешь трястись. Если бы аллах дал крылья верблюду, в округе бы не осталось целых домов.

- А как же иначе! - гневно прокричал Джинн Джавад. - При виде проделок этих негодяев здоровый, нормальный человек сходит с ума! У какого сироты они не отобрали имущество и не выгнали его самого на улицу? На какую вдову, пользуясь ее беззащитностью, не набросили ошейник временного брака? Мусульманину молла разрешает кроме законных четырех жен заключать сколько угодно временных браков, не задумываясь над тем, каково бедняжке после того, как временный брак с нею расторгнут! А если они учуют опасность от грамотного, свободомыслящего человека, тотчас объявляют его вероотступником или сектантом. Между прочим, твой сверстник Бихуд - сам молла, а в своих рубай говорит, что «крохи нечисти не сделают нас нечистыми...».

- Ну и смельчак! Молодец! Но если кто услышит, ему несдобровать...

- Э, да кто услышит? Кто хочет услышать такие вещи, должен обратиться к твоему покорному слуге. А я всех знаю как облупленных, как-нибудь соображаю, кому можно прочитать, кому нельзя.

- И все-таки он смелый человек...

- А я знаю еще одного смельчака... Его зовут Сеидом Азимом, - рассмеялся Джинн Джавад, - хочешь, прочту тебе, что он пишет?

Если станешь судиться, дай денег кази

И считай, уже дело твое на мази.

Но беда, если враг твой, восстав из грязи,

Хоть копейкою больше предложит кази:

Моментально ты дело свое проиграл!

Оба рассмеялись. Джавад поспешил с извинениями:

- Ох, что я болтаю, у меня язык отсохнет, ведь ты к кази идешь... - Он стал серьезным: - Иди, да осчастливит тебя аллах в твоем благом деле! Не сдавайся, борись уверенно за правоту, ты же сам из рода сеидов, кому лучше знать, как с сеидами разговаривать!

На прощание Джавад добавил:

- Самое время плеснуть тебе в дорогу пиалу воды. Да возвратиться тебе с благой вестью!

- Считай, что плеснул...

Ахунд Агасеидали, как это ни покажется странным, в такое время дня был у себя в приемной один. Хотя ему только недавно исполнилось сорок лет, борода и усы у него начали седеть и даже в густых бровях показались одинокие седые волоски. Его худощавое лицо напоминало молочной белизны матовый мрамор. Длинные нежные пальцы, не державшие большей тяжести, чем перо, были гладкими, без морщин, с ногтями цвета слоновой кости, коротко подстриженными. Его некрупная, чуть сутулая фигура была облачена в белоснежную тонкую абу, придававшую ему еще более благочестивый вид. Он сидел, скрестив ноги, на сложенном вдвое тюфячке, опираясь на подложенные под спину мутаки, обтянутые шелком. Казалось, что ему значительно больше лет, чем на самом деле.

Обширное религиозное образование, чистота нравственной позиции, справедливость в суждениях создали вокруг него ореол самого благочестивого человека в округе. Он ни разу не стал опекуном сироты, за счет которой мог бы поживиться, ни с одной вдовой не заключил временного брака, никогда не зарился ни на чье добро.

Скорые на прозвища и ярлыки шемахинцы не могли найти у Ахунда Агасеидали недостатков и изъянов. И сунниты, и шииты, что бы он ни сказал, прислушивались к его советам, с почтением относились к его пожеланиям. А в спорах шиитов и суннитов он не допускал пристрастных суждений: «Шииты, - говорил он, - одно из двух больших разветвлений мусульманства. Шииты признают законными имамами только потомков пророка, каковыми являются дети халифа Али - зятя Мухаммеда. Тем более что отец Али, Абу Талиб, взял под защиту гонимого Мухаммеда в тяжелые для пророка времена...

Сунниты - другое главное ответвление ислама, признающее, в отличие от шиитов, всех четырех первых халифов - Абу-Бекра, Омара, Османа и Али... Я был во многих странах, видел шиитов и суннитов... Но во времена пророка благословенного вовсе не было разделения «суннит- шиит». Никто не мешает людям исповедовать одно из двух главных направлений ислама, но жить надо в мире. Что до наших соседей армян и молокан, то и их религия такая же древняя. Пророк благословенный завещал нам почитать пророка Ису, которого христиане называют Иисусом, и святую Марьям, его мать, неоднократно упоминаемых в нашем коране. Раз аллах поселил нас на одной земле, как-нибудь уживайтесь друг с другом. А когда придет пора, он пошлет архангела Азраил и заберет, кому время пришло. И там аллаху будет ясно, кого послать в рай, а кого в ад».

В результате подобных проповедей городское население, пестрое по национальным и религиозным воззрениям, мирно соседствовало друг с другом; бывало так, что в иных дворах армяне и мусульмане пекли в одном тендыре хлеб, шииты и сунниты покупали у молокан молоко, овощи. И в разговорах между ними не было враждебности. Однако сам Ахунд Агасеидали был яростным противником «гяуров» - русских, ни с одним из них не желал общаться, запрещал прихожанам сближаться и ладить с ними, а уж тем более отдавать детей во вновь открывшуюся русскую школу: «Превратятся в урусов, религия пропадет!»

С Сеидом Азимом Ахунд Агасеидали не был знаком, хотя достаточно о нем наслышан. Он бы желал с ним увидеться и поговорить. Ахунд знал толк в поэзии, и стихи поэта

нравились ему, он видел в Сеиде Азиме человека, способного принести пользу своему народу. Удивительно, но мысли о поэте последние дни не выходили у него из головы.

То ли жалобы Моллы Курбангулу на то, что Сеид Азим пристрастился у Махмуда-аги к вину, то ли усердие Гаджи Асада в анализе произведений поэта и слов, употребляемых им в стихосложении, но даже сегодня с утра кази несколько раз вспоминал о нем. Перебирая в уме выпады против Сеида Гаджи Асада, он вспомнил, как ответил: «Уважаемый Гаджи, восточной поэзии свойственно употреблять слова, воспевающие красоту. Мы найдем подобные выражения у Физули, который был священнослужителем священной Кербелы... Поклонение поэта красоте юноши или девушки - без этого невозможно создать стихи... стихи, которые утончают вкус человека, делают его благороднее... Цель поэзии-поклонение не конкретному человеку, а вообще красоте, созданной аллахом, человеческой красоте, о которой сам пророк сказал: «Слава аллаху, создавшему тебя!» Самый прекрасный божий дар - поэтический талант. Коран тоже написан в стихах... Подумай о Хафизе и шейхе Саади... Разве, говоря о вине, опьянении, они были легкомысленными пьяницами?..»

Ахунд понимал, что дискуссии с Гаджи Асадом еще не закончились. Не преследуя собственной выгоды, легче спорить и побеждать в споре.

Его размышления прервал один из добровольных прислужников - ревнителей религии. Он сообщил о приходе Сеида Азима.

- Пусть, пусть войдет... - И добавил про себя: - Как хорошо, что сегодня никто не пришел с вопросами о религии. Посидим и потолкуем основательно с умным, знающим, свободомыслящим человеком. И я выполню свой долг: поговорю с ним о боге, его слугах, направлю его стремления к лучшему.

Поскольку считающиеся прямыми потомками пророка сеиды будто бы состоят в родстве, они называют друг друга двоюродными братьями. Ахунд Агасеидали придерживался этого правила не всегда; только если он уважал сеида, он прибегал к подобному обращению.

Войдя в приемную, Сеид Азим сел на указанное ему место. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, кази выглядел чуть ли не как его отец. Сеид Азим с искренней почтительностью приветствовал Ахунда и, ответив на первые вопросы о здоровье своем и близких, объяснил цель своего прихода. Вопреки ожиданиям, его намерение открыть школу общего типа с преподаванием в ней законов шариата Ахунд Агасеидали встретил с большим удовлетворением:

- Поздравляю, прекрасное начинание! Я сделаю все, что в моих силах. В одну из очередных пятниц, когда народу в мечети будет особенно много, я с кафедры поговорю об этом.

«Когда у хорошего человека голова занята добрым делом, он отвлечется от дурных соблазнов. И к тому же мусульмане будут отдавать своих детей не в урусскую школу, а в ту, которую откроет свой человек». А вслух добавил:

- Хорошее дело начинаешь, двоюродный брат, я на твоей стороне! Но у меня есть несколько условий... - Он взял с низкого столика прекрасный фолиант - рукописный коран работы знаменитого каллиграфа Мектеби, специально переписанный ему в дар, поцеловал его и приложил с молитвой ко лбу, а потом протянул Сеиду Азиму: - Поклянись на этой

священной книге, что отныне ты навсегда отказываешься от употребления веселящих напитков.

Сеид Азим на мгновенье замялся, хотя был готов к тому, что кази потребует от него именно этой клятвы. Он знал за собой слабость к спиртному, он не раз слышал предостережения и от матери, и от друзей не увлекаться мгновенной радостью опьянения... «Да, было вино, чанги, музыка... От меня требуют дать зарок не пить вина, это не так уж трудно, если учесть, что музыка и красота останутся со мной. Хотя для достижения своей цели я бы отказался и от них... А почему, интересно знать, он не наложил запрет на любовь и красоту? Ей-богу, он знает толк в жизни и обладает вкусом... Знает и то, что заставить меня от этого отказаться - значит навязать мне грех обмана, вынудить меня произнести напрасную клятву, я бы ее нарушил. Хорошо же, что он требует только отказа от вина...» Сеид Азим поднял руку, готовый опустить ее на коран.

Ахунд Агасеидали быстро отвел от него фолиант:

- Достаточно твоего слова, двоюродный брат, достаточно слова. Чтобы дать зарок от употребления веселящих напитков, нельзя притрагиваться к корану, не пройдя ритуального омовения в бане. Я верю твоему слову.

Сеид Азим твердо сказал, глядя в глаза кази:

- Я даю вам слово от чистого сердца.

- Верю, двоюродный брат... Теперь выслушай еще одно мое пожелание. Словоохотливые языки говорят, что ты проводишь время в компании молодых гуляк...

Сеид Азим протестующе замотал головой, порываясь что-то сказать, но Ахунд не дал ему этой возможности:

- Выслушай меня до конца. Я прекрасно знаю, что у тебя есть и доброжелатели, и недоброжелатели. Знаю, что большинство слухов - плод фантазии недоброжелателей. И все же, и все же... Не оправдывай себя в моих глазах, не обеляй, двоюродный брат, это не имеет смысла. Я и без того тебе верю... Я думаю, что человек, который хочет принести пользу своему народу, своим соотечественникам, должен быть чистым, как ясный день. Он всегда на виду, один берет с него пример, другой, порочный, ищет в нем изъяны. Человек, чистый перед своим народом, как солнце, излучает такой свет, что в его лучах люди просветляются душой и греются добром. В противном случае все его великие и светлые начинания превратятся в ничто, превратятся в свою противоположность. С того дня, как ты решил служить народу, ты уже себе не принадлежишь. Это - тяжелый и трудный путь, или не избирай его, или, выбрав, прими все его боли и муки, все испытания! Пророк читал свои наставления не тем, кто его слушал, а тем, кто не слушал, кто затыкал ему рот камнем, потому что благословенный верил в истинность и правоту своих убеждений, что служит своему народу. Не видящие бревна в своем глазу будут искать соринку в твоем... И дома в семье, и с друзьями ты всегда на виду, да поможет тебе аллах! И еще... Мухаммед сказал: «Люби бедных; всегда взирай на тех, которые стоят ниже тебя, и не взирай на тех, которые стоят выше тебя... Говори всегда правду, как бы она ни была горька, не позволяй совращать себя оскорблениями с пути божьего...» Ну, довольно, да поможет тебе аллах!

Разговор с Ахундом Агасеидали потряс Сеида Азима до глубины души. Он шел за получением согласия на открытие школы, а его благословили на великий и тяжкий путь

служения народу... Удивительный человек как будто заглянул к нему в сердце и вывернул его наизнанку. Сеид и сам задавался вопросом, способен ли он на выдержку и стойкость, если его забросают камнями. Не вернется ли он с полпути? «Если решил, должен вытерпеть все обиды и лишения. Должен говорить свое слово именно тем, кто не слушает, невеждам, кто бросает тебе упреки... Выдержит ли твоя грудь направляемые стрелы?.. Ты больше не принадлежишь себе, Сеид! Ты принадлежишь несчастному, забитому и невежественному народу, который зачастую сам не ведает, что ему нужно! Ты не первый на этом пути; как и твои предшественники, делай все, что в твоих силах, чтобы на исходе жизни ответствовать перед потомками: «Я сделал все, что мог, и все, что не мог, любимый мой народ!» И спокойно закрыть навеки глаза. Никаких иных ценностей, кроме моей жизни, у меня нет. И ее, как жертву, я приношу к твоим ногам, мой народ! Постараюсь вывести твоих детей на праведную дорогу знаний. Если я окажусь слабым в этой борьбе, не сумею все сделать правильно, прости меня, мой народ!» Поэт давал торжественную клятву, будто разговаривал с народом, как с живым человеком, идущим рядом с ним.

Поэт получил благословение, поэт дал клятву... Школа, которую ему суждено открыть, была одной из первых ласточек на пути просвещения Ширвана. Она стала знаменита во всем Азербайджане, просуществовала шестнадцать лет, заслужив похвальную оценку таких известных русских педагогов, как Захаров и Чернявский... Но от сегодняшнего дня, когда он возвращается от кази Агасеидали, до того времени он должен еще много сил потратить на сборы денежных пожертвований, на получение официального разрешения царских властей, на борьбу с невеждами. Между претворением в жизнь мечты Сеида Азима и сегодняшней клятвой произошло столько событий...

Друзья, пришло время посетить лавку Гаджи Асада, хотя в ней нет ничего радующего сердце. Но только здесь мы можем хоть что-нибудь узнать об одном из наших героев...

Гаджи Асад в первые месяцы после исчезновения Тарлана никому не признавался, что не знает, где его сын. «А что случилось с моим сыном? Я сам разрешил ему отправиться на поклонение святыням, без этого мусульманин не мусульманин...» Как говорят шемахинцы про таких, как Гаджи Асад, «с верблюда слез, а его высокомерие с собой взял...».

Но прошли месяцы, прошли годы. Тарлан не возвращался и не подавал о себе никаких вестей. Изредка кто-нибудь, уходивший с караваном в Ашхабад и вернувшийся оттуда, пускал слух, что Тарлана видели в тех краях, будто он там открыл магазин, торгует... Хотя Закрытый по обыкновению скрывал свои чувства, но Базар и его обитателей не проведешь. Все, а особенно его ближайший сосед Гаджи Кадыр, видели, что он переживает. Но в делах своих Гаджи Асад придерживался прежних правил: в лавке образцовый порядок, на витрине новинки товаров. Только вместо Тарлана за прилавком молодой приказчик, дальний родственник Гаджи. Сам хозяин, сидя на топчане, принимал деньги за купленный товар, считал выручку. За последние годы он еще больше растолстел, могучая шея, вся в жирных крупных складках, сливалась с затылком.

Сегодня мы увидели Закрытого на его постоянном месте, на топчане у самого выхода, где начинались полки, гнувшиеся под тяжестью рулонов ткани. Ему только что принесли от чайханщика Алмухтара свежий бархатистый чай. В маленьком блюдце искрились остро наколотые маленькие кусочки крепкого сахара, Гаджи с удовольствием прихлебывал любимый напиток.

Неожиданно дверь лавки распахнулась, впустив Моллу Курбангулу и его зятя Мешади Алыша. Гаджи не успел подняться навстречу гостям, как Молла Курбангулу остановил его:

- Не вставай, не вставай, ради аллаха, не утруждай себя!

- Ты прав, Молла, я так отяжелел, сидя целыми днями на этом топчане, что еле поднимаюсь на ноги... Добро пожаловать, гости дорогие... - А в душе подумал: «Через поставщика дурных вестей пошлет разве аллах добрую? Интересно, какую новую каверзу придумали тесть с зятем, чей дом обрушить собираются? Да хранит нас от их злобы сам аллах, ей-богу, язык не поворачивается назвать разбойника Алыша «Мешади»... Что с того, что он совершил паломничество в Мешхед? Каким был проходимцем, таким и остался...» И громко добавил, обращаясь к приказчику: - Али, закажи у Алмухтара господам чай, пусть Сейфи принесет!

- Сию минуту...

Молла добавил вдогонку:

- Сынок, заодно позови Гаджи Кадыра, пусть, если не трудно, зайдет, посоветоваться кое о чем хотим с ним, скажи!

- Сию минуту...

Когда Гаджи Кадыр, пригнув в дверях голову на длинной, как у верблюда, шее, вошел в лавку Гаджи Асада, хозяин и гости тянули из пиал горячий чай. Подогнув колени, Гаджи Кадыр примостился на углу топчана.

Закрытый повел взглядом в сторону приказчика:

- Али, пойди в караван-сарай, узнай, нет ли каких вестей от Кербалаи Вели...

- Слушаю, ага...

Как только дверь закрылась за приказчиком, взгляды всех сидящих обратились к Молле Курбангулу. Молла обладал привычкой повторять последнее слово в каждой фразе, отчего его голос казался еще более нудным и тягучим. Он начал:

- Гаджи! И Мешади Алыш, и я сам слышал, что новые школы этих всяких молодых опять начали расти как грибы из земли после дождя... да, да, после дождя. Ирза-бек - раз, Гюллюбеим-ханум - два, а теперь этот нечестивец Азим готовится со своими приятелями открыть школу с новыми правилами, да, да, с новыми правилами... Совсем точные сведения... сведения...

- Что ты говоришь, дорогой, - Гаджи Кадыр, наклонив вперед шею, причмокнул толстыми верблюжьими губами. - Откуда у него деньги школу открывать? Для такой затеи понадобится куча денег...

- Эх, да он с постели в полдень поднимается, чтобы попозже не есть... И как тебе такой сон приснился, Молла? - удивился Гаджи Асад.

- Я знаю, что говорю! Клянусь пророком, это правда, Гаджи! Не проверив все досконально, разве я начну какое-нибудь дело? Зная твою занятость в лавке, смогу ли зазря тревожить тебя, Гаджи?.. Тревожить тебя... Ты не смотри, что он гол как сокол, как говорится: «Пришел позже всех, а понял больше всех...» Больше всех... Керим-бек, например, дал на новую школу сто двадцать рублей для почина, чтобы другие последовали за ним... За ним...

- О аллах! Бабиды6 новоявленные! Не находят применения своим сбережениям! Некуда им деньги девать...

- Ты прав, Гаджи... И Махмуд-ага, и Алияр-бек возглавили список, в котором каждый подписавшийся обещал внести по двадцать, тридцать, а кто и сто рублей... А еще Азим посетил Ахунда Агасеидали и заручился его дозволением... да, да, дозволением...

- Как же мог кази дать разрешение пьянице и знакомцу чанги? Разве он забыл о его прегрешениях?

- В том-то и дело, что Ахунд Агасеидали верит этому нечестивцу... Говорят, что он потребовал, чтобы тот положил руку на коран и дал зарок, что больше в рот не возьмет спиртного... да, спиртного...

Это сообщение купцы восприняли двояко, каждый по-своему.

Гаджи Асад промямлил:

- Раз дал зарок... если нарушит, аллах его накажет...

Гаджи Кадыр проворчал:

- Если он поклялся Ахунду Агасеидали, тогда в чем же дело?

Гаджи Асад старательно пытался что-то вспомнить. Вдруг он подскочил, словно под ним разожгли жаровню:

- Дал клятву? Зарок? Еще вчера голодранцы, собравшись вокруг Джинн Джавада, кричали, что Сеид никогда не отведет руки от желанной рюмки. Чтоб он провалился!

- Этого не может быть, если он дал слово... - засомневался Гаджи Кадыр.

Мешади Алыш вмешался в разговор:

- И вы ему верите, мужчины! Клянусь святынями, которым я поклонялся, вчера своими глазами видел, как он выходил с Грузинского базара в обнимку с Алексан-беком.

- Позорит имя сеида, проклятый, чтоб его наказал его предок! - бушевал Закрытый.

- Говорят еще, что в его школе русскому языку будут учить...

- Да, да, - перебил Алыша Молла Курбангулу, - и учителем будет армянский мальчишка из русской школы... да, из русской школы...

- Эх, да плюнет ему в лицо пророк всемогущий... Кто же отдаст в эту школу своего ребенка? -возмутился Гаджи Асад.

- Никто, ни один человек... Все пойдет тем же путем, что и в школе этого уруса Ирза-бека... Где теперь эта школа... где? - злобствовал Алыш.

- Чего еще ждать от этих анархистов бабидов, выдумывающих существование «врат» для новых познаний божественных истин... И новая школа поможет им в этом... - разглагольствовал Молла Курбангулу. - Гаджи, наш долг вразумить заблуждающегося. Неважно, что он сеид... Неважно, что получил благословение у самого Ахунда... Мы должны объяснять людям, да, людям... Пусть не бросают детей в огонь собственными руками! Не делают из них бабидов, похожих на русских и армян... русских и армян!

Так Молла Курбангулу подвел итог совещанию.

Гаджи Кадыра, склонного к безграничному почитанию священных могил и заповедей пророка, охватили раздумья. Сомнения проникли в его сердце. «Прежде всего, род Сеида Азима и его покойного отца Сеида Мухаммеда - древний и благородный род. Никогда в жизни они не поживились за чужой счет... Не совершали грехов... С другой стороны, такой уважаемый всеми человек, как Ахунд Агасеидали, не отверг его домогательств по поводу новой школы и даже, наоборот, дал разрешение на это дело... Значит, что-то хорошее в нем есть... Да и всем хорошо известно, каков на самом деле Мешади Алыш. А каким стал блюстителем добропорядочности и нравственности! Или тот же Молла Курбангулу! Весь мир, все люди знают, что новая школа нанесет ущерб его карману. В своей школе-моллахане он учит мальчиков десять - пятнадцать лет, но ничему, кроме отрывков из корана, научить не может или не хочет... А берет за обучение детей без стыда! На каждый праздник! После окончания каждого раздела корана, после особенно важной суры корана - неси и неси! Измучил детей наказаниями, поверг в страх их души. Для устрашения он пользуется деревянными колодками, специально приспособленными для наказания: в них засовывают связанные руки и ноги школяров, бьют их. И кожа несчастных стерлась на плечах, как у ослов, оттого, что он посылает их постоянно в лес за дровами, за водой к источнику... Конечно, Молла Курбангулу заинтересован в том, чтобы никаких школ не открывали... И вообще никому из собравшихся сегодня у моего соседа верить нельзя... Что касается самого Гаджи Закрытого, способного на такую жестокость к собственному сыну, что тот убежал из дома, то что говорить о его жестокосердии к другим людям?...

Между нами говоря, если Ахунд Агасеидали благословит это дело и если правда то, что говорят, будто в школе детей научат счету и языку этих нечестивых урусов, разве это плохо? И в лавке понадобится, и в споре в суде поможет... Во имя аллаха, если все окажется правдой, пойду сам к Ахунду Агасеидали и попрошу его подсказать мне, как быть. И тогда выберу время, отправлю своего Рамазана к Сеиду Азиму. Пусть у него поучится! Назло Алышу, Молле Курбангулу и моему дорогому приятелю Гаджи Асаду... Своего сына потерял, так теперь он чужим детям добра станет желать, старая лисица?»

ПЕРЕПИСКА

«Мой дорогой друг, мой поэт!

Если ты спросишь, как мои дела, скажу тебе - неплохо. Я здоров телом, а что касается состояния духа, которое нынешние люди ни во что не ставят, так это и без моего письма должно быть известно твоей милости. Каково может быть настроение человека вдали от дорогой отчизны, любимых друзей и близких? Физически я здоров, существую. Остальное - тебе известно, мой любимый друг, свет моих очей!

Слух о твоих газелях и других произведениях доходит и до этих мест. Если я скажу, что живу, вдохновляясь твоими стихами, посвященными нашим соотечественникам, поверь мне. Да принесет аллах здоровье книготорговцу Мешади Гуламу, воистину он Золотой Гулам. Как только в его руки попадают твои стихотворения, один список он приказывает переписать специально для меня и с оказией пересылает в эти края. Прошу тебя передать ему мой привет и благодарность. И еще прошу тебя, в прогулках по нашему саду-цветнику Ширвану, слушая музыку на меджлисах Махмуда-аги, бывая на нашем излюбленном месте под ивами на берегу Зогалавай, вспоминай меня и говори: «О прекрасный Ширван! Твой сын, твое дитя корчится от тоски по тебе, но сердцем всегда с тобой, душой всегда с тобой. Ты никогда не исчезнешь из его глаз, как только он закрывает глаза, твои горы и равнины, реки и леса возникают в его воображении...»

Причин тому, что я долго не писал тебе и моей бедной маме, много. Прежде всего, я не был уверен, в Шемахе ли ты. О том, что после женитьбы ты уехал в Наджаф, рассказал мне житель нашего города Ага Самед, который покинул родные места после землетрясения. В то время я не писал писем еще и потому, что не мог устроиться на постоянное место, дела мои были в плачевном состоянии: сегодня я был здесь, а завтра - в другом месте. Как-то раз я уже собрался написать тебе письмо, но случайно услышал от караванщика, что ты отправился на поклонение в Мекку. Один из местных жителей, бывший в Мекке пилигримом в то же самое время, видел тебя там и после своего возвращения рассказал мне об этом. Да будет принято твое поклонение великой Каабе, мой дорогой брат! Только я не смог узнать, с каких пор ты стал так богат, что тебе понадобилось поклонение? Услышав эту добрую весть, я счел необходимым поздравить тебя и написать тебе письмо, в котором я и пытаюсь рассказать о том, что скопилось в моей душе.

Дорогой друг! Дела мои здесь идут неплохо. Пригодилась наука, которую я прошел в лавке отца. Знания в ведении торговых дел помогли мне открыть собственное, приносящее кой-какой доход, предприятие. Нашел себе здесь знакомцев и приятелей, людей с новыми, свежими мыслями, мечтающими, как и мы когда-то, об открытии школы, об образовании для народа. И здесь процветают моллы, религиозные фанатики, проклинающие нечестивцев и всех, стремящихся к переменам. Свои доходы от торговли я жертвую на новые начинания. Если там, у вас, понадобится что-нибудь для благого дела, не забудь написать мне, я с радостью приму в нем участие своей долей.

Я ругаю себя за то, что скрывал от тебя одну тайну. Теперь, к сожалению с опозданием, хочу открыть ее. Ты, как и другие, думал, что я покинул родные места, не в силах вынести оскорблений, нанесенных мне публично отцом. Это так. Но не только, брат мой. Сердце мое сгорало от любви к той несчастной Соне, которую и ты помнишь. Я встретился и договорился с ней убежать, будь что будет, в далекие края, чтобы по законам шариата жениться на ней; получил ее согласие. Я знал, что, останься мы в Шемахе, это будет невозможно: несогласие отца, людское осуждение. Но несчастье нарушило мои планы, мою клятву. Я не мог протянуть руку помощи Соне, несчастной девушке, которую любил больше всего на свете. Что с ней случилось? Кто и когда ее убил? Что с ней сделали, я не

узнал и, наверно, никогда не узнаю. Горе мое в те дни было так велико, что даже жизнь мне опостылела.

В последнюю нашу встречу я не осмелился тебе обо всем поведать. Говорю: «последнюю», потому что не вернусь больше в родные земли. Что мне делать в саду, из которого улетел мой соловей? Что делать на озере, с которого пропала моя лебедушка? Я поклялся никому, кроме Соны, не отдавать своей любви. А без любви я никогда в жизни не женюсь.

Дорогой брат! Если ты что-нибудь узнаешь о судьбе Соны, как бы тяжела она ни была, напиши мне, прошу тебя.

С большим нетерпением жду твоего письма. Напиши, чем ты занимаешься? Близко ли осуществление твоей мечты? Сердце мое тоскует. Целую твои глаза и священные для меня руки. Прощай.

Всегда почитающий тебя друг Т а р л а н.

Двадцать первого числа седьмого месяца... года».

«Свет моих очей, мой дорогой друг ага Тарлан!

Привет мой вечен!

Я получил твое пламенное письмо и, прочитав, опечалился. Ах, дорогой друг! Я догадывался о твоих чувствах, но не знал, что решимость твоя так велика, что ты готов был на самые смелые действия для достижения своей мечты. Возможно, знай я об этом раньше наверняка, судьба твоя не была бы столь печальна. Я не хочу ранить твое сердце. Ты хотел знать о судьбе несчастной Соны. Знай, что и теперь, как и тогда, в дни тяжелых событий, свидетелем которых ты был, никто лучше меня не знал обо всех перипетиях тех дней. Дорогой друг, Сона не умерла, она жива. В те часы, когда было совершено нападение на дом танцовщика Адиля, ее пощадил молодой человек по имени Ага Самед. Почему? Не могу тебе сообщить с точностью, видимо, и среди разбойников бывают великодушные люди. То ли пожалел девушку? То ли не захотел брать на душу грех убийства? Как бы то ни было, он отпустил ее целой и невредимой, попросив исчезнуть из города, чтобы Алыш-разбойник не узнал о мягкосердечии одного из своих подручных и не отомстил бы ему за это. Ночью, убежав из дома, где было совершено кровавое убийство, Сона пришла к нашему порогу, справедливо рассудив, что в доме она найдет убежище от насилия и несправедливых оскорблений. Об этой тайне знают только три человека в нашем городе: моя мать, Махмуд-ага и я. Сона один день пряталась в нашем доме, а я в это время с Махмудом-агой продумывал, как получше спрятать несчастную девушку. Далеко от наших мест на берегу Ахсу в селе Арабчелтыкчи у Махмуда-аги живет друг - Алияр-бек. В ту же ночь молоканин переправил Сону вместе с грузом муки в имение Алияр-бека. Махмуд-ага в письме, которое везла сама Сона, попросил бека устроить девушку служанкой в своем имении и сохранить в тайне, откуда она приехала. Теперь Сона там. Никто о ней ничего не знает. Неповторимая красавица Ширвана, его неувядаемый ирис - прислуга в бекском доме. Знаю только, что она жива-здорова, больше никаких сведений о ней у меня нет.

Мой незаменимый друг! Если бы я тогда знал о вашем сговоре, о ваших планах, может быть, все сложилось бы по-другому. Вы бы вместе скрылись вдалеке от Ширвана, ваши сердца не опалились бы огнем разлуки. Я сразу же пишу тебе обо всем. Не хочу зазря тебя обнадеживать, пустые надежды не к лицу мужчине, но как только представится возможность, я узнаю, что с ней. Аллах ведает, а вдруг удастся ее забрать оттуда? Переправить в места, близкие тебе? Если судьбой предопределено, да будет так, может быть, когда-нибудь вы сможете увидеться. Я напишу тебе все, что узнаю. И может быть, вы еще сможете свить общее гнездо? Но пока все это - пустые разговоры. Ведь с того злосчастного дня прошло столько лет! Но если хоть какая-то надежда осталась, мы сделаем все, что в наших силах. Когда я прочел Махмуду-аге строки твоего письма, на его глазах появились слезы. «Клянусь духом покойного отца, если бы я знал, будь даже сто алышей, тысяча «закрытых», я бы не позволил разлучить любящие сердца Лейли и Меджнуна!» - сказал он и тотчас отправил письмо Алияр-беку в Арабчелтыкчи. Если сумею, как только мне удастся, сам постараюсь поехать в имение Алияр-бека. Жди моего следующего письма. Я приложу все усилия к тому, чтобы встретиться с Соной и переговорить о вашей тайне. И еще я хочу рассказать тебе, как выглядела Сона в тот последний день. Она убежала из дома танцовщика в лохмотьях, закутанная в черную старушечью чадру. Лицо ее осунулось, глаза запали, в них проглядывало горе и отчаяние. Я никогда не смогу забыть того, что делает с человеком несчастье. Как будто это не была самая красивая танцовщица Ширвана. Даже и теперь, по прошествии стольких лет, никто не может заменить Сону. Выросла и расцвела Ниса, младшая подружка Соны, она как цветок в группе чанги, но невозможно занять место Соны; она была мастером в своем искусстве, она была красива и неповторима, как мечта.

Если я еще не слишком утомил тебя своими рассуждениями, обрисую тебе картины нашей здешней жизни, брат мой. Помимо газелей и эпиграмм, которые накапливаются день ото дня в моих тетрадках, я составляю сборник, включающий биографии и стихотворные сочинения других поэтов - наших соотечественников, живших ранее. А еще я задумал написать историю нашего Ширвана. Спасибо за добрые и сердечные пожелания, но, к сожалению, у меня все по-старому, богачом я не стал, за чужой счет не поживился, поэтому мне не было надобности замаливать грехи у святых могил. Я воспользовался предложением Алаббас-бека составить ему компанию в паломничестве в Мекку. В моем кармане денег не водится, как бы иначе я мог посетить столь далекую страну? А мне хочется увидеть весь мир, путешествия - моя страсть. Этот плут знал о моем желании, ему в дороге необходим товарищ по болтовне, ему нужен кто-нибудь, кто бы снимал с него башмаки. Цели путешествия очень отличались у нас, но я согласился. Он поклонялся святыням и религиозным мученикам, а я поэтам и ученым, жившим в тех странах, которые мы посетили. Он тащил меня в мечеть, а я его в духан, он звал меня к священному черному камню, а я его к тем местам, где ступала нога великого Хагани, жившего в двенадцатом веке. Но ничего, я увенчал наше путешествие стихами, которые привожу тебе в этом письме:

Человек этот хитростью сбил меня с верной стези,

Словно дьявол Адама, речами меня совратил,

Из духана обманом меня за собою увел,

Вместе с ним поклониться Каабе меня убедил.

Сотни бед по дороге толпой обступили меня,

Заболела чахоткой душа - столько горя он мне причинил.

Он хотел одного: чтоб «гаджи» называли его.

Не по зову души на моленья он в храм приходил.

Сколько вытерпел я от него - он царил надо мной,

Как в Дамаске Марван над гаремом своим не царил.

Даже Шумр в Кербеле, что имама Гусейна казнил,

Меньше зла ему сделал, чем мне этот пес досадил.

Наконец, слава богу, вернулись на родину мы,

И, тебя увидав, я несчастья свои позабыл.

Короче, сорок дней отдавай салам там, где один день хлеб-соль ел!

Еще я хочу написать тебе о твоей несчастной матери. Изредка она заходит к нам, справиться о нашем житье-бытье. Она, слава аллаху, здорова. И отец твой на своем месте и так же тверд в своих убеждениях.

Когда в годы ученичества я получал письма с родины, они прибавляли света моим глазам, словно снадобье. Мне хотелось, чтобы мое сегодняшнее письмо стало таким же для тебя. С этой целью я писал так длинно. Целую тебя в тоскующие по родине глаза, брат.

Прошу тебя не запаздывать с ответом. Все.

Твой доброжелатель Сеид Азим Сеид Мухаммед or л у.

Двадцать пятого числа десятого месяца... года».

Сеид Азим, отвечая на письмо друга, решил обязательно поехать в Арабчелтыкчи и увидеть Сону. Надо заручиться согласием и письмом Махмуда-аги к Алияр-беку.

Когда поэт вошел в Базар, на маленькой площадке перед лавками Гаджи Асада и Гаджи Кадыра он увидел толпу. Образовав круг, зрители наблюдали за чем-то. По поведению толпы Сеид Азим определил, что это не петушиный и не перепелиный бой: любители подобных сцен кричат от восторга или спорят, что есть мочи о возможном победителе. Он протиснулся сквозь толпу, кое-кто из знакомых уважительно пропустил его почти внутрь круга.

На свободном пространстве друг против друга стояли два дервиша - странствующие нищие монахи. Сеид Азим пока не мог определить, попал ли он к началу выступления или дервиши устроили небольшой перерыв. Одеты дервиши были одинаково, но сами они резко отличались один от другого. Правый - немолодой, статный, в островерхой войлочной папахе и в длиннополом халате из черной плотной ткани, подвязанном поясом из разноцветных грубошерстных ниток, - держал в руках топорик, украшенный мистическими надписями. Стоящий слева молодой дервиш был по пояс правому, его длиннополая одежда, похожая на одеяние высокого дервиша, касалась земли. Свой топорик он высоко поднял над головой. На опоясывающей его одежду толстой веревке висели четки. Сеид Азим перевел ззгляд на первого дервиша, четки были и у того. Маленький дервиш приподнялся на цыпочки, готовясь к выступлению, но начал петь старший. Приятным голосом, четко выговаривая слова, он пел оду в честь первого мусульманского халифа - имама Али. Видно было, что пение доставляет ему истинное наслаждение. После секундной паузы гасиду-оду продолжил маленький дервиш. Сеид Азим подумал, что гасида - одна из древнейших форм восточной поэзии, созданная специально для восхваления какого-нибудь героя, святого или исторического лица. Интересно, что заставило великого Физули написать эту гасиду, возвышающую имама Али? Семейные нужды, трудности жизни? Желание заставить людей плакать? А может, подлинная вера в то, что Али - «благородства венец», «луна небес», «высок, как небесный свод», чист и милосерден, утешитель всех, «кто болью и тоскою огорчен». Физули характеризует Али - двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, духовного вождя шиитов - как «льва ислама», чья душа прекрасней души самого аллаха... «Ты только взгляни, великий мастер слова, как твои несчастные соотечественники бьют себя по голове и плачут. От могучей ли силы твоего пера они плачут? Или их заставляет плакать твоя вера?»

Дервиши пели, а толпа самозабвенно повторяла за ними конец фразы. Среди собравшихся раздавались голоса:

- Да буду я жертвой твоего имени...

- Да будут тебе в жертву мои дети...

- Джан! В день страшного суда, хранитель райского источника, не оставь нас...

А дервиши заливались еще больше:

- ... Найдет желаемое тот, чьим заступником в мире будет Али... Святая вода рая тоже находится под его властью, поэтому все дети Адама будут его гостями...

- О Али, о святой Али! - Джан Али! - подхватывали окружающие.

Подбадриваемые криками толпы и собственным исступленным криком, дервиши пришли в страшное возбуждение. У старшего дервиша показалась пена на губах, он размахивал над головой топориком с таким неистовством, точно бился с врагами ислама. Младший вначале старался не отставать от него, но, поняв всю бессмысленность соревнования с таким мастером, остановился и с восхищением следил за своим старшим братом по странствиям.

Но вот и высокий дервиш кончил гасиду. Маленький подтолкнул мальчишку, стоявшего рядом с ним с чашей из скорлупы кокосового ореха. Мальчишка тотчас стал обходить присутствующих по рядам, кругами.

- Во имя любви к халифу Али, во имя любви... - гнусавил он.

Когда раздался звон монет, падающих в чашу, поэт с грустью в душе покинул дервишей. Вслед ему громкий голос Закрытого пророкотал:

- Некоторые воображают себя поэтами, а написать гасиду в честь имама Али, своего собственного предка, даже не стараются!

Закрытого поддержал кто-то другой:

- Пусть накажет его предок! Хотя бы во имя Али вытащил монетку из кармана. Стихи и оды пусть ему останутся...

Поэт не услышал, что ему кричали вослед другие защитники имама Али: он уже был в другом ряду Базара.

... Он с радостью оглянулся по сторонам, когда ноги привели его во Фруктовый ряд. Горы овощей и фруктов, аккуратно разложенные на мешковине, привлекли его внимание: белая и розовая черешня, зеленая алыча, белая крупная медовая шелковица, величиной с мизинец. А вот и зелень, и огурцы, и редис. «Годы идут, а мое восхищение и удивление этим чудом не уменьшается, а растет день ото дня. Распускается первый лист, и я говорю: «О аллах! Как прекрасно, что так рано пришла весна!» Сердце мое наполняется радостью. Но вот появились тархун и кинза, я знаю, что так происходит ежегодно, но я не могу скрыть, удержать свой восторг. А потом друзья начнут одаривать друг друга первыми фруктами на пробу, чтобы урожай был богатый, чтобы во рту у каждого сохранился вкус первого плода, говоря при этом: «Пусть в жизни твоей будет много таких первых плодов!»

Поэт совсем уже забыл о дервишах, улыбка блуждала на его губах, когда он подошел к книжной лавке Мешади Гулама, Он чуть не столкнулся с учеником чайханщика Алимухтара:

- Салам, Рази, детка, рад тебя видеть, - мягко растягивая слова, как это свойственно шемахинцам, улыбнулся Сеид Азии.

- Алейкум салам, Ага, да будут добрыми твои дни.

- Мешади Гулам у себя?

- Да, я только что отнес ему чай.

- И мне тоже принеси, будь добр.

- Пожалуйста, сейчас, Ага... Мешади и сам бы обязательно заказал...

Сеид улыбнулся:

- Знаю, поэтому я и не позволил себе беспокоить Мешади, сам себе заказал.

Рази помчался во весь дух за чаем для Аги. Сеид Азим открыл дверь книжной лавки:

- Приветствую тебя, о господин поэтов, о свет очей знатоков литературы...

- Да буду я жертвой твоего предка, дорогой Ага, каждый твой приход в этот дом я ценю... Чтобы ты всегда приходил по воле аллаха... Эй, Рази, один чай!

Сеид обменялся с Мешади Гуламом рукопожатием и улыбаясь остановил его:

- Не трудись, друг, я встретил Рази и заказал от твоего имени чай для себя.

- Вот и хорошо! Проходи, садись, Ага!

Мешади Гулам пододвинул к Сеиду один из тюфячков, разложенных на паласе, застилавшем весь пол. Аккуратно подобрав полы чухи, поэт опустился на колени.

- Спасибо, брат... Что нового в мире? Какие книги получил?

Мешади Гулам никогда сразу не выкладывал самые ценные свои находки и покупки, получая особенное удовольствие к завершению беседы преподнести сюрприз: редкостную рукопись или коран.

- Зачем торопишь события, Ага? Я для того и тружусь, чтобы всегда находить что-нибудь новенькое.

- А все же?

- Э-э, Ага, пусть Рази принесет сперва чайник, мы выпьем чай, немного побеседуем об аллахе, его слугах... - Мешади Гулам ставил перед гостем тарелки со сладостями.

- Кстати, о слугах аллаха, только что на площади пели дервиши, и должен сказать тебе, совсем неплохо. Почему тебя там не было? Ты ведь любитель таких представлений?

- Знаешь, Ага, я и сам вроде дервиша. Они любят выступать, и я не отстаю от них, только, некоторым образом, в другом роде...

- Клянусь пророком, Мешади, ты - целый мир, ты сам - неоткрытая рукопись! Каждый раз, заходя сюда, я узнаю что-нибудь новое из истории или литературы.

Мешади Гуламу была приятна похвала Аги, но, как человек скромный, он воспротивился чрезмерному восхвалению своих достоинств:

- Дорогой Ага, заметь разницу: я первый читаю чужие стихи, газели, диваны, а ты сам их пишешь!

В его словах была безмерная гордость за своего талантливого соотечественника и искреннее сожаление, что сам он писать и сочинять не может.

- Что делать, Мешади... Зато без твоей помощи я бы не смог узнать авторство многих книг.

- Согласен, согласен, если автор тебе не известен, приди к Гуламу, он тебе все разъяснит.

Они посмеялись. Рази внес чайник и пиалу и тотчас убежал. Мешади Гулам налил чай в пиалу Сеида Азима. Помолчали.

После первой пиалы Мешади Гулам достал с полки большую шкатулку, в которой хранил особенно ценные свитки и рукописи, и открыл ее.

- Вот, посмотри, Ага, это «Пятерица» Низами - бухарская работа. Обрати внимание на почерк и роспись на полях. Мой бухарский приятель, тамошний книготорговец, пославший мне рукопись, пишет, что подобной ценности нет даже в шахском дворце. Таким почерком переписали все пять поэм великого Низами, возможно, лишь раз во всем мире!.. А вот твой любимец Хагани, почерк превосходный, новая работа, совсем без рисунков. Это из Тавриза мне переслали... А вот коран... Ты только посмотри на обрез. Знаю, что поэзия тебя больше интересует, но ты взгляни, как он красив! Над ним потрудился знаменитый в Ширазе каллиграф, а художник украсил его орнаментом, на который пошло десять золотников золота. Редкая вещь!

Мешади Гулам с превеликой осторожностью переворачивал листы, переложенные вощеной хрустящей бумагой, любовно разглаживая невидимые и несуществующие складки. Он понимал, что поэт почти ничего из того, что он ему показывал, купить не сможет, у него нет денег на такие ценнейшие рукописи. Только разве не сможет удержаться от покупки своего любимого Хагани. Но книготорговец охотно демонстрировал поэту свои новоприобретения, потому что знал его как человека, способного дать им истинную оценку, понять подлинную красоту. Порою Мешади Гулам искренне сожалел, что та или иная редкая рукопись достается не поэту, а кому-то другому.

Мир красоты так их увлек, что они забыли обо всем. Вдруг распахнулась дверь - в магазин влетел Рази:

- Говорят, женщины в бане дрались ведрами и сильно избили Гюллюбеим-ханум, ту, которая учит девочек в своей школе!

- Откуда ты узнал, парень?

- Сам я не видел, ученик Закрытого сказал, он куда-то шел и случайно увидел... Соседи перевязали ей голову и повели домой, ей-богу, так сказал...

Снаружи чайханщик Алимухтар переругивался с крестьянином.

- Братец Алимухтар, не считай, что я кочевник, ничего не понимаю; я тебе говорю, что чай твой не заварился, никакого вкуса в нем нет!

Алимухтар клялся:

- Ай, друг, клянусь родившими тебя и меня, он ровно сорок дней заваривается! Разве я дам тебе незаваренный чай?

Послышался смех, видимо, все вокруг поняли, что чайханщик не давал лживой клятвы, просто он продавал старый, спитой чай. Чтобы прекратить ссору, он громко закричал:

- Эй, Рази! Куда ты провалился?

- Иду, ага, иду, от Мешади чайник несу.

Нагрузив посуду на поднос, он торопливо выбежал на улицу.

- Клянусь пророком, - грустно прервал молчание Мешади Гулам, - от дочери Моллы Курбангулу можно всего ожидать...

- Какое она имеет к этому отношение? - поэт устремил на друга вопросительный взгляд.

- Как это какое? Гюллюбеим-ханум бесплатно учит маленьких девочек, это во-первых, во-вторых, она не бьет своих учениц, не заставляет их заниматься домашним хозяйством у нее в доме, и самое главное - она образованный человек, свято выполняющий то, что обещала матерям: научить их дочерей читать и писать. Поэтому многие забирают своих девочек у жены Моллы Курбангулу Умсалмы и отдают Гюллюбеим-ханум. А у семейства Моллы Курбангулу уходит из рук прибыль и бесплатные служанки...

- Откуда ты обо всем наслышан, дорогой Мешади, ведь в книгах об этих событиях еще не успели написать?

- Откуда мне знать? У нас есть единственная дочь, вот она и ходит к Гюллюбеим-ханум в ее школу...

- Вот что... Я и не знал, что у моего друга дочь подрастает.

- Про бедняжку учительницу распускают всякие небылицы ее недоброжелатели, недавно от нее уехал муж, но я все равно не забрал от нее дочку.

- В нашем аллахом забытом Ширване ни одно доброе дело нельзя довести до конца. Я слышал о Гюллюбеим-ханум как о высокообразованной женщине. Она на первых порах училась у Моллы Бабы, а он лучше всех наших грамотеев знал арабский, фарсидский, тюркский. И прекрасным был педагогом, умел передавать знания. Он старался собственные знания и наблюдения передать ученикам. Научить их тому, что сам умел. Хорошо, что хоть бекские дочери могли у него учиться.

- Да будет земля ему пухом. Я был совсем молодым, когда Молла Баба приходил сюда, как ты, сидел со мной, рассматривая рукописи и диваны. Много часов он потратил на то, чтобы объяснить мне непонятные суры корана. Лучше разъяснений я в жизни не слышал.

- Жаль бедняжку Гюллюбеим-ханум, надо обо всем рассказать Махмуду-аге, ведь он ее брат...

Сразу же от книготорговца Сеид Азим направился к Махмуду-аге. «Надо что-то предпринять для защиты смелой женщины от злых языков». Не успел он сделать и двух шагов, как навстречу ему с криком кинулся Рази:

- Ага, дервиши хотят убить Джинна Джавада!

На крик из лавки выглянул Мешади Гулам, и все трое заспешили к обычному месту Джинна Джавада под шелковицу...

А дело было так. Как всегда, у больших валунов под развесистой шелковицей было многолюдно. Джавад играл словами, как жонглер. Хохот не прекращался. Внезапно один из остряков решил поддеть Джавада:

- Слушай, Джавад! Говорят, вчера Молла Курбангулу видел Агу пьяным на Грузинском базаре в обнимку с армянином Манвелом...

- Все может быть, все может быть...

- Как? - В разговор вмешался один из поклонников таланта Сеида Азима. - Я знаю, Ага дал зарок кази, что не станет больше пить!

Джавад улыбнулся лукаво:

- Все может быть, все может быть...

- Слушай, Джавад, что ты все повторяешь одно и то же!

- А ты разве не слышал, что сказал Ага Ахунду? И что ему ответил Ахунд? Ахунд спросил Агу: «Говорят, ты бываешь пьян?» Ага ответил: «Да, я всегда пьян, иногда от вида красавицы, иногда от музыки, иногда от встречи с другом». И что ему сказал на это Ахунд? Ахунд сказал: «Ну, это может быть, это может быть...»

Разразился хохот.

- Слушай, Джавад, ты частый гость на меджлисах в доме Махмуда-аги. Такой умный и богатый человек, почему он не хочет поехать поклониться святым местам? При его деньгах он мог бы объехать и Мешхед, и Кербелу, и Мекку, и многое другое...

- Я тоже интересовался этим вопросом, Махмуд-ага сказал мне: «Надо, чтобы святой сам человека затребовал к себе, меня пока никто не приглашал».

Задавший вопрос не унимался:

- Интересно, почему разбойника Алыша затребовали из Мешхеда, а такого добряка, который мухи не обидит, всем помогает, нет?

- Для того, чтобы ты его здесь почаще видел, а от Алыша хоть на время избавился!

От смеха у многих на глазах выступили слезы.

- Джавад, почему ты не хочешь отправиться на поклонение?

- По той же причине. А кто с вами останется?

- Почему тебя не видно было во время выступления дервишей, Джавад?

- Боюсь - тогда-вовсе не отмоюсь от грехов...

- Эх, да тебя вода целого моря не отмоет...

- Никогда не говори того, что не знаешь! А то, что дервиш - анашист, дервиш - картежник, ходит в тряпье, но опиум в закоулках глотает, ловит простачков, чтобы удобнее было в их карман засунуть руку, - это тебе каждый скажет!

Не успел Джавад договорить этой фразы, как откуда-то из-за спин стоящих вокруг на него кинулись оба дервиша. Они в ярости размахивали своими топориками, стремясь нанести ему удар. Джавад, услышав проклятия, извергающиеся из их глоток, увидел желтоватые белки глаз, характерный признак курителей анаши, понял, что связываться с такими оголтелыми буянами не стоит. Он быстро взобрался на шелковицу, под которой сидел. Дервиши, стоя под деревом, размахивали своими топориками и проклинали Джавада, призывая на его голову все кары небесные.

Когда Сеид Азим вместе с Мешади Гуламом прибежали к площади, там уже стоял есаул Ага Башир. Лавочники, радовавшиеся, что разбушевавшиеся дервиши отомстят Джинну Джаваду за все обиды и насмешки, которые он отпускал по их адресу, тотчас ретировались при виде есаула. Раз в дело вмешалось «правительство», им лучше быть подальше: пойдет «урусское следствие», от него добра не жди, лучше продолжить торговлю за прилавками своих магазинов.

- Что здесь произошло, господа? - строго спросил собравшихся есаул. Увидев Мешади Гулама и Сеида Азима, Ага Башир вежливо поздоровался.

Старший из дервишей, не обращая внимания на вопрос, продолжал стучать топорищем по стволу дерева:

- Мы тебе покажем, тупица!

- Прекратить крики, отойти от дерева! - прикрикнул есаул. - Перед вами потомок пророка, наш Сеид Азим.

Дервиши, опустив топорики, продолжали стоять под деревом.

Поэт поднял голову и чуть не расхохотался: удобно устроившись, Джинн Джавад спокойно наблюдал за происходящим.

- Что случилось, ага Джавад?

- Я пересказывал собравшимся стихотворение карабахского поэта Сеида Невваба, в котором уважаемый потомок пророка, такого же знатного рода, как и ты, Ага, пишет, что дервиши вино называли - красным шахом, опиум - зеленым шахом, карточная игра для них забава, ни намаза, ни поста они не соблюдают. Есть у них лживые языки, с помощью которых они обирают бедняков.

При этих словах бесноватые дервиши снова завопили:

- Да будет аллах тебе врагом! Да плюнет в лицо и тебе и ему!

- Вспомните, перед кем стоите - возвысил голос есаул.

Уразумев, что сейчас «правительство» может потребовать бумагу, что они действительно сеиды, а в кармане таких бумаг у дервишей не водилось, сдерживая злобу, ворча и отплевываясь, они были вынуждены покинуть поле битвы.

В этот момент на площади появился Махмуд-ага. Увидев Джавада на вершине дерева, он расхохотался:

- Что здесь происходит, господин есаул? Видно, дервиши загнали кошку на дерево? Клянусь памятью отца, ты хорошо устроился, Джавад, не то они разорвали бы тебя на куски.

На площади остались только друзья. Джавад, лукаво улыбаясь, начал спускаться с дерева:

- Люблю шумные истории! А особенно на переполох сверху смотреть!

В этот день поэт решил написать письмо Тарлану. Но он не мог сосредоточиться, мысли его возвращались к истории с молодой учительницей. Он знал, что распускаемые недругами слухи о Гюллюбеим-ханум - злонамеренные выдумки. Он понимал, что расправляются не просто лично с ней, а с теми, кто стремится к просвещению своего народа. «Сегодня избили Гюллюбеим-ханум, а завтра примутся за других. Кровавое предостережение... Эти летучие мыши, о аллах, пытаются черными крыльями запятнать грязью молодую женщину, стремятся застить свет начинающим прозревать...» Сеиду Азиму хотелось помочь бедной женщине, но как? Как? Думы теребили его совесть, и вот неожиданно снова зазвучал для него голос его феи вдохновения, переплетающийся с собственным:

«Мой дорогой поэт... Спеши, торопись, тебя зовет твой народ, твои соотечественники. Ты должен прийти на смену Гюллюбеим-ханум и Рза-беку... Ты должен встать на пути «закрытых», алышей, курбангулу! Мой почитаемый поэт, я уже не смогу на этом пути быть для тебя феей вдохновения, я ею могла быть в твои молодые годы, когда рождались твои газели о несчастной любви и красавицах, ангелах и гуриях... Пусть теперь твои пути освещают мечты о светлом будущем! Иди, мой дорогой поэт, теперь я не буду показывать тебе дорогу, а пойду вслед за тобой...»

Постепенно голос угас... На поэта снизошло успокоение. Наступила ясность. Только жалость к Гюллюбеим-ханум колола сердце, мысленно он обращался к ней: «Сестра моя, твое несчастье еще больше укрепило мою решимость, еще больше подстегнуло меня. Я продолжу твое дело. Я заменю тебя, сестра моя. Ты была цветком, выросшим одиноко на изумрудном лугу, ароматным, душистым, нежным цветком! Тот цветок увял под шквальным ветром, обесцветился от холода... Теперь я, твой брат, продолжу начатое тобой. Пусть молва идет теперь обо мне».

Образ Гюллюбеим слился с образами Соны, матери, Джейран, чтобы греть и вдохновлять сердце поэта впредь... Он ясно видел, что ему предстоит. Обмакнув перо в чернила, он начал письмо:

«Свет мой, друг дорогой ага Тарлан! Посылаю тебе свой горячий привет. Хочу сообщить, что сегодня - самый счастливый день в моей жизни. Наконец я увидел воплощенной главную свою мечту. Я дождался, брат мой: школа, о которой мы вместе с тобой грезили в молодые годы, открылась в нашей родной Шемахе. Как я писал тебе раньше, нас трое. Молла Гусейн, Манвел и я. Несколько дней назад, пятнадцатого числа третьего лунного месяца, было торжественное освящение нашей школы. На открытие пришел сам Ахунд Агасеидали. Увидев это, молла нашего прихода тоже был вынужден явиться. Пришли преподаватели шемахинских христианских школ, местные интеллигенты, аристократы и должностные лица: урядник Керим-бек, местный городской судья и переводчик.

Это был праздник друзей просвещения. Все друг друга поздравляли, желали добра. Сам Ахунд Агасеидали прочел благословляющую молитву. Если аллаху будет угодно, школа наша станет фундаментом для других, будущих школ. По воле аллаха молодые патриоты последуют нашему примеру и станут поборниками просвещения для маленьких граждан нашей несчастной родины.

Пока же я сумел получить небольшое помещение - одну-единственную комнату. Четыре часа длятся уроки, два из них веду я: один - урок письма, второй - литература и история нашей страны, на этом же уроке я читаю и учу с мальчиками стихи. Урок шариата ежедневно проводит Молла Гусейн, русского языка - Манвел. Знаю, что ты вместе со мной от души радуешься нашему первому шагу, поэтому и тебя, брат мой Тарлан я поздравляю.

Впервые у наших детей настоящая школа. Дети сидят не на грязной циновке, поджав ноги, а на специально сколоченных скамейках. На стене висит доска, на которой мальчики пишут мелом, точно так, как в христианских школах. Помнишь, в юности мы разглядывали это в окнах русской школы? Не все одобрительно относятся к новым порядкам. Не тебе об этом рассказывать, ты хорошо знаком с ширванским Базаром. Я надеюсь, что недоброжелательная молва рассеется как дым. Все будет хорошо, брат».

Поэт не смог завершить письмо. Минасолтан, закончив утренний намаз, принялась разжигать печь и мангал, тогда он отложил перо, торопливо оделся и направился в школу.

Солнце еще не показывалось. Все вокруг было укрыто грязно-серым снежным покрывалом. Сухие ветви чинар тянулись к туманно-голубому небосводу, они казались черными кружевами на прозрачной сиреневато-голубой кисее.

Сеид Азим открыл дверь школы и поздоровался со служителем, который разжигал в мангале угли, рядом с ним в старом ведре были приготовлены хворост, угольная пыль и щепки для растопки. На Ширине Абдулле был плотно запахнут овчинный тулуп, школа еще не прогрелась. Ширин Абдулла наполнял горящими углями все мангалы, чтобы хорошенько согреть классную комнату.

Как обычно, он уже принес свежую воду из родника и, сполоснув кувшины, наполнил их водой. «Дети очень любят пить», - подытожил он, закрывая крышками кувшины.

- Не забудь, пожалуйста, Ширин, проветрить школу, чтобы дети, не дай аллах, не угорели! Следи, чтоб не упала искра и не было пожара!

Хотя Сеид Азим знал, что Абдулла выполняет все, что необходимо, с чрезвычайной тщательностью, словно молла молитву, но каждый день не забывал напомнить о всех мелочах служителю.

- Не обижайся на меня, Ширин! Люди доверили нам своих детей. Мы должны не только учить их грамоте, но и заботиться об их здоровье. Ничего нет дороже, чем дети! Только для купца товар дороже жизни. Для поэта, учителя, отца дитя дороже всего на свете. Дети - наше бессмертие, - Ширин. Будь внимателен и осторожен, следи, чтоб в кувшин не заползла змея, чтоб со стены не упал скорпион...

Для Ширина Абдуллы задания Аги были все равно что повеления аллаха. Он заботился о детях с любовью, но даже больше, чем детей, любил и уважал Сеида Азима. «Он потомок пророка, но сам как пророк. Лучшего, чем Сеид Азим, пророка не сыскать. Такое благородное сердце у него! Ей-богу, если бы не было грешно, я сказал бы, что такого нет и у имама», - в душе часто повторял он.

Войдя в школу, поэт, как обычно, собственноручно раскладывал письменные принадлежности по столам. Раскрывал книги стихов на тех страницах, которые заранее отметил для сегодняшнего урока. Потом выходил на крыльцо, ожидая учеников. Было холодно, но, несмотря на это, ученики охотно шли на занятия.

Стоя перед школьным зданием, он оглядывался вокруг. «И в зиме есть своя красота... Стоит только взглянуть на горы в белых чалмах, а та, дальняя, похожа на невесту в белом покрывале. Никогда не поверишь, что летом они наденут зеленый атлас, повесят серьги и бусы из красных маков и белых нарциссов...»

Как раз в этот момент Ширин Абдулла подошел к нему: служитель закончил подготовительные работы и собирался уходить домой. «Интересно, бывают ли на свете люди, которых минуют печали и заботы? Наш Ага всегда в заботах... Да буду я жертвой его предка, как будто за всех у него должна болеть душа... Ни губернатор, ни правительство, ни те, у кого и петухи несутся, не думают столько, сколько он. Если бы думали, разве остался бы на свете хоть один голодный? А у бедного Аги семья с трудом сводит концы с концами; то один что-нибудь ему подбросит, то другой, а он эти крохи делит с детьми бедняков, приходящими в школу. Сколько раз видел собственными глазами...» Он долго смотрел на Сеида Азима и неожиданно сказал:

- Ага, ты слышал новость?

Поэт обрадовался, у Ширина Абдуллы такой характер: интересные истории сами находят его. И всегда его рассказы начинаются с этого вопроса: «Ты слышал новость?»

- Нет, не слышал. А что произошло, Ширин?

Тулуп на Ширине Абдулле распахнут, кажется, что он надел на себя все, что нашлось дома в сундуке: один воротник вылезает из-под другого, как листья капусты. Коричневая баранья папаха явно велика ему, он натянул ее поглубже, отчего уши оттопырились и покраснели. Поэт еле сдержался, чтоб не рассмеяться, но не показал виду, чтоб не обидеть Абдуллу.

- Что, опять услышал, что меня посылают наместником в Тифлис?

- А что! Из тебя получился бы такой наместник, которого до сих пор не знал мир. А все бедняки наполнили бы желудки...

- Тогда все бы забыли про аллаха, Ширин, одной сытости мало, чтоб человеком быть... Так какая же новость?

- Ну что ж, тебе виднее, быть наместником или нет... А дело такое: вчера, говорят, Джинн Джавад пришел к окружному главе местных суннитов Гаджи Меджиду-эфенди в приемную и сказал ему: «Эфенди, я пришел заявить, что желаю перейти, избави аллах, в сунниты...»

- Так и сказал: «избави аллах»?

- Нет, Ага, это я говорю. А он только сказал, что хочет, избави аллах, перейти в сунниты. Гаджи Меджид-эфенди спрашивает тогда: «Почему ты хочешь перейти к суннитам, Джавад? Что плохого тебе сделали шииты?» - «Ничего плохого не сделали, - отвечает Джавад, - просто так, сам по себе перехожу...» Тогда Гаджи и говорит: «Джавад, возьми вот эти сто рублей из денег мечети, иди поправляй свои дела. Не ввергай нас из-за презренного металла в кровавую вражду между суннитами и шиитами. Думаешь, я не знаю: у кого деньги кончаются, тут же решает перейти в другую веру, чтобы ему для поощрения те, к которым он пришел, дали деньги. Так уж лучше я сам тебе дам, чтобы ты остался шиитом. Ведь ты - Джавад, любимец всего Ширвана, оставайся со всеми нами...» Гаджи Меджид-эфенди дал Джинну Джаваду сто рублей и распрощался с ним.

- И что же Джавад? Нашелся у него достойный ответ Гаджи Меджиду-эфенди?

- Да буду я твоей жертвой, Ага, после получения денег какой еще ответ нужен? Он для этого и шел.

Оба посмеялись... Ученики входили в школьный двор. Некоторые мальчики были одеты в теплые, добротные архалуки и шапки, но большинство дрожали от холода, изношенная старая одежда не могла спасти от него.

«Ярый враг бедняков - зима... Перед лицом этих замерзших голодных детей стыдно любоваться красотой зимнего пейзажа, - подумал Сеид Азим. - Хорошо, что в доме нашлась одежда, оставшаяся от старших, и дети пришли на уроки... Река стала, покрылась льдом, мельница перестала работать, а в доме нет муки, да и зерна осталось на один помол. И у меня дома - как и у этих бедняжек. Если бы не Ширин Абдулла, ученикам пришлось бы туго, а мне и того хуже. Даже не знаю, где он смолол зерно, присланное Махмудом-агой... У мамы и Джейран на руках мозоли от ручной мельницы... Да наградит аллах Махмуда-агу за его доброту... Посмотрим, что нам пришлет бек из Лангебиза? Год назад обещал пожертвовать от своих щедрот. Но и упрекать нельзя, дороги все замело... Осел по уши увязает в месиве грязи со снегом, как тут спустишься с Ахсуинского перевала? А пока развяжешь веревку, с пальцев на ветру кожа слезет, так и не освободишь осла от груза... Эх, что за мысли пришли мне в голову перед уроками?»

Сеид Азим кивнул Ширину, чтобы тот открыл дверь в школу, дети немного отогреются. Он приветливо здоровался с каждым приходящим, мальчики хорошо усвоили уроки воспитания: входили в класс спокойно и занимали свои места.

- Алескер, мальчик, что ты съежился, как цыпленок имама?

- Ага, ей-богу, пока дошел, у меня зрачок в глазу замерз!

- Ну и выдумщик!

«Интересно, примет ли когда-нибудь наша школа облик настоящей школы, в которой у детей будет казенная форменная одежда, удобные столы и кресла?..» - подумал учитель, глядя на мальчиков, одетых и обутых кто во что. У некоторых или к плечу архалука, или к папахе пришиты амулеты против злого глаза - написанное моллой заклинание. У других в проколотой мочке уха продета серьга - знак обета, данного имаму Али. «Как рабское клеймо... - подумал поэт. - Слава аллаху, что и такая школа открылась!»

Учитель начал урок:

- Дорогие дети, родители всегда вам говорят: «Начиная любое дело, прежде всего воздай хвалу аллаху, даже день начни с имени аллаха!» Что это значит?..

... Проходящие мимо школы останавливались и слушали, чему учит Ага своих учеников. Сегодня возле школы остановился Закрытый. Услышав первые слова Сеида Азима, он поразился: «Он, видно, образумился, раз начинает свой урок с имени аллаха. Послушаю, что дальше будет говорить...» Гаджи Асад тихонько отворил дверь и вошел в маленькую прихожую. За дверью классной комнаты раздавался голос учителя, Гаджи прислушался.

- Начинать каждое дело с именем аллаха – значит честно и правильно относиться к тому, что намереваешься делать... Если ты будешь купцом, то, принимаясь за торговые дела с именем аллаха на устах, ты не должен никого обманывать; если продаешь материю неграмотному кочевнику, ты не должен вместо пяти аршин отмерить ему меньше на три четверти аршина. Если ты хочешь стать бакалейщиком, то, открывая лавку с именем аллаха, не всучивай неопытному горожанину патоку вместо меда. Если человек лжив, вознесет ли он свою молитву аллаху или не вознесет, разницы нет, все равно он лжец! Человек должен совершать правильные поступки, не наживаясь на глупости или беспечности других. Богатства, приобретенные обманным путем, не пойдут впрок...

Начинать все дела с именем аллаха - это значит даже в глубине души стараться не быть предателем интересов своего народа... В сердце должен быть страх перед аллахом за совершение подлых поступков: аллах все видит... Но если ты всегда честен, правдив и верен, бояться не надо. Не нужно и всуе повторять имя аллаха, замаливая свои прегрешения, как ростовщик, жадный до денег, который дерет с бедняка лишние проценты за долги, но не скупится на лишние молитвы. Ростовщик молится с таким усердием, что подметает красной от хны бородой пыль с земли, замаливая свою бессердечность.

Начиная жизнь с именем аллаха, не нужно унижаться и раболепствовать перед богатеями и власть имущими. В ремесле - богатство человека.

Хотя первые фразы Сеида Азима очень понравились Гаджи Асаду, но некоторые моменты в беседе учителя с учениками заставили его призадуматься. «Быть купцом и не ловить простаков? Как говорится, кто мед подержал, тот и пальцы облизал. Это жизнь... Здесь и обманываешь, и обманываешься... А за какую же вину просить у аллаха прощения? Для чего же творимая молитва, выдерживаемый пост, раздаваемая милостыня?.. Что-то здесь не так...»

... А учитель продолжал:

- Дети, мое первое вам наставление: изучайте науки. В самом коране пророк говорит: «О аллах! Умножь мою науку». Наука - светильник ума. Не стыдно не знать, стыдно в наше время не учиться! Не верьте тем, кто объявляет науку грехом. Знайте, что красота человека не в украшениях его одежды, а в его образованности и воспитанности. Знания приобретают не состоянием, а старанием. Не хвастайте тем, что ваши родители беки или купцы. Человека четыре вещи ведут к совершенству: верное слово, доброе дело, хороший характер и высокая ученость. Наши предки говорили и то, что четыре вещи делают человека недостойным: говорить дурное о других, искать изъяны не у себя, а у других, говорить лживо и поступать бесстыдно. И еще говорили наши предки: конец пустого спора - позор, конец злобы и ярости - раскаяние, конец клеветы и зависти - несчастье.

Эти речи учителя не пришлись по вкусу Закрытому. «Посмотри, чему учит детей! Нужно учить их счету и азбуке, а он вдалбливает им в головы никчемные советы...» Гаджи Асад покинул школу, что-то недовольно бурча себе под нос...

- Дети мои! Самое высшее творение аллаха на свете - человек. Не следует думать, что люди, говорящие с тобой на одном языке, исповедующие одну религию, самые лучшие на земле. Это ошибка. Сколько ты знаешь языков, столько раз ты человек. Знать русский, армянский, французский и другие языки - не грешно, а, наоборот, почетно. Я прочитаю вам стихотворение, которое написал специально к нашей сегодняшней беседе. На следующем уроке письма вы перепишите его в свои тетради и выучите наизусть к следующему занятию:

Не скажу - по отцовскому следуй пути,

Пусть твой разум сумеет тебя повести.

Не скажу - христианство прими иль ислам,

Лишь бы знали тебя по разумным делам.

Не скажу - выбирай: будь суннит иль шиит.

Лишь мишенью не будь тем, кто смуту творит.

Не скажу - стань бабидом иль шейху служи,

Кто б ты ни был, лишь правде служи, а не лжи.

Постарайся достичь совершенства во всем:

Изучая науки, мы духом растем.

Чтобы знаний набраться, учи языки,

Мы от русской науки еще далеки.

Чтобы русской науке учиться из книг,

В совершенстве ты выучи русский язык.

Бог - не русский, не турок, не негр, не узбек,

Не араб, не француз, не иранец, не грек,

Назови его богом, аллахом, творцом,

Пусть различны слова - говорят об одном.

Хорошо, что Гаджи Асад не слышал того, что прочел учитель своим ученикам, иначе на Базаре сегодня же поднялся бы крик!

«Свет моих очей, ага Тарлан!

Твое драгоценное письмо и пожертвования на школу мы получили. Кербалаи Вели передал мне также шуштарское перо и пенал прекрасной работы. Я очень тебе благодарен. Да осчастливит тебя аллах, как только может! Тебе удивительны, наверно, слова: «аллах, как только может». Огромный мир, вселенная, человек - все создано по воле аллаха. Но, дорогой друг, зная природу человека, его характер, особенно твой, я предполагаю, что самому аллаху будет трудно справиться с твоим горячим сердцем. Ты - пленник своего сердца, своей души. Что бы ты ни делал, от себя не убежишь. Как это ни покажется странным, но все горести человека, как и все его счастье, заключены в его собственной душе. То, что может причинить себе человек, бегущий за своим желанием, не смогут и сто врагов. Как говорят мудрые персы: «Ты сам упал, так кого за это винить?» Я вспоминаю, как в юности мы мечтали о счастливом времени, когда молодые люди смогут жениться по любви, а не по произволу родителей. Ты покинул родину, чтобы остаться верным памяти любимой. Но и сегодня такие времена не наступили. Возможно, наши внуки будут жить в те благословенные времена. Твое горе и несчастную любовь могло бы запечатлеть перо Хагани или вдохновение несравненного Физули, как мне с ними сравниться?

Не изумляйся возврату моих дум к прошедшему. Последние дни, оставаясь наедине с самим собой, я мысленно беседовал с тобой, вот почему, как только перо попало в мои руки, оно заговорило о тебе.

Милый брат мой, вести из Ширвана не обрадуют тебя. У Махмуда-аги есть двоюродная сестра по имени Гюллюбеим-ханум. Она смогла получить образование. Сначала уроки шариата, занималась несколько лет изучением корана. Потом языками у покойного Моллы Баба. Некоторое время провела с родителями в Тифлисе. Образованная женщина решила открыть у себя дома школу для маленьких девочек. Многих привлекло к ней то, что она из почтенной, уважаемой семьи, других - бесплатное обучение. Несколько малышек стали изучать отрывки из корана, но не только это. Наша сестра Гюллюбеим, оказывается, строила уроки не традиционно, а так, как сама считала разумным. Она рассказывала девочкам о народной поэзии, о наших великих предках: Физули и других, учила письму. Но не только. Гюллюбеим-ханум учила их вежливому обращению и достойному поведению, умению вести домашние дела, шить, стирать. И главное, что взбесило окружающих, - пению и танцам. К несчастью, ближайший сосед учительницы - Молла Курбангулу - стал основным противником ее. А как же? Большинство девочек, обучавшихся у его жены, перешли к более знающей, а это ударило Моллу по карману. Тогда он вознамерился оговорить Гюллюбеим: «Она сводит с праведного пути будущих матерей и жен, готовит из них чанги для салона своего двоюродного брата, ведь он увлекается танцами и пением чанги». По наущению Моллы женщины напали на бедняжку и начали бить. За нее вступился водонос Багы. Большинство ударов, предназначавшихся молодой учительнице, досталось ему. Озверевшие женщины избили его до смерти... С прискорбием тебе об этом сообщаю и сожалею, что больше мы никогда не увидим его.

Как ни грустно все, что произошло, приносит удовлетворение сознание того, что не только мы, но и наши бесправные сестры думают о будущем своих младших сестер и дочерей. Ну, как не радоваться! Наш учитель Мирза Фатали Ахундов сказал, что, пока матери и сестры не получат нужное воспитание, рожденные ими дети тоже будут невежественными и отсталыми. И мы должны все силы отдать, чтобы наши матери и сестры, а особенно дочери хотя бы в отцовском доме получили необходимое воспитание и научились читать и писать. Воистину, Мирза Фатали Ахундов - учитель нации.

Мой дорогой ага Тарлан! У мыслящих молодых шемахинцев явилась мысль организовать чисто литературное общество - поэтический меджлис. Господа Молла Ага Бихуд, Гафар Рагиб, Алиакпер Гафил, Молла Махмуд и молодой человек под псевдонимом Мухаммед Сафа изъявили желание собираться вместе и устраивать диспуты по поводу собственных произведений и произведений наших великих предшественников.

Мы будем обсуждать вопросы образования, обучения. Было бы прекрасно видеть тебя среди участников этих литературных меджлисов. Ах, если бы! О наших собраниях я буду тебе писать.

От друзей тебе безграничное уважение и привет.

Искренне твой Сеид.

Десятого числа второго месяца... года».

... Как только мы повели рассказ о шемахинском Базаре, перечисляя купцов Мануфактурных рядов, мы упомянули сыновей покойного Гаджи Гусейна. В наши дни главенствовал в лавке, оставшейся после покойного отца наследникам, старший из трех братьев - Исмаил. Младший из братьев - Мухаммед - только что закончил обучение в школе местного моллы. Подобно многим молодым людям, вспоенным водой из родников Ширвана, он иногда сочинял стихи, писал газели. Чтобы как-то отличиться от других, он придумал себе псевдоним «Сафа», что значит - наслаждение. Авось ему удастся прославиться под таким именем! Проследим за его судьбой, тем более что в среде поэтов и местных интеллигентов Мухаммеда Сафу признавали и любили, заметим еще, что Сафа был самым младшим из поэтов Ширвана. К тому же его судьба имеет непосредственное отношение к нашему рассказу о жизни Сеида Азима Ширвани.

«ДОМ НАСЛАЖДЕНИЯ»

Уже несколько дней Ханумсолтан собиралась поговорить с младшим сыном наедине.

... Расстелив скатерть и приготовив все для чая, она села напротив сына, наблюдая за тем, как он ест, и по ее лицу было видно, что она приготовилась к беседе.

Трудно читать наставления самому младшенькому, любимцу, но необходимо передать ему слова старших братьев - Исмаила и Вели.

- Сынок, я должна тебе кое-что сказать, посиди немного со мной.

- Как хорошо получилось, мама, и мне надо кое-что тебе сказать...

Женщина поднесла руку к подбородку, приложила пальцы к губам, но все медлила со словами. Нужно найти такие, чтобы не обидеть сына. «Без отца вырастила я своего младшенького, как бы не задеть больно его ранимое сердце», - подумала и решилась:

- Сынок, до моих ушей иногда доходят неприятные вести о тебе. Ведь ты мое любимое дитя. Надо поступать так, чтобы я не жалела, что неправильно воспитывала тебя без отца...

Мухаммед встревожился:

- А что произошло, мама?

- Аллах всемогущий, сделай так, чтобы я подольше оставалась тебе мамой на этой земле!... Исмаил и Вели говорят, что в лавке ты совсем ничего не делаешь, ничем не интересуешься, попусту проводишь время. Ты на братьев не сердись, они из любви так говорят.

- Что делать, мама, мне совсем не нравится эта купля-продажа. Разве все непременно должны быть купцами? Как отец и дед? Вот мои старшие братья идут по торговому пути, а мне это не по душе. Неужто мне идти за ними только потому, что они так хотят?

Губы матери задрожали, она не нашлась что сказать своему любимцу, как быть? И старшие со своей стороны правы, и младший приводит свои доводы...

- Но ты, слава аллаху, совсем взрослый человек! - в душе подумала: «Совсем еще дитя!» - Тебе уже двадцать, жениться пора. А какая у тебя профессия? Как ты собираешься зарабатывать хлеб насущный? - голос Ханумсолтан задрожал.

- Ты права, мама, - Мухаммеду было жаль мать. - Что же делать? Видно, придется мне работать с братьями в лавке, хочу я того или не хочу. Другим делом я заниматься не умею: с детства приучен к лавке. А теперь скажи мне, что же ты еще слышала?

Ханумсолтан так обрадовалась, что устроилось желание братьев вернуть младшего в лавку, что она решила не продолжать разговор дальше.

- Да что я могла еще слышать?

Мухаммед поближе пересел к матери, обнял ее за худые плечи, совсем как в детстве потерся щекой о щеку матери:

- Нет, мамочка, я вижу, ты не все сказала, что хотела. Что тебя тревожит? Разве я соглашусь, чтобы ты горевала!

Мягко улыбнувшись, мать сказала:

- Так и быть, ладно, скажу... Еще говорят, что ты с кем-то связался, вы где-то собираетесь, что-то читаете... Да отсохнет мой язык, еще говорят, что вы вино пьете. Это так страшно! Потому-то моя душа рвется, когда тебя допоздна нет дома. Все думаю: «Где он? С кем? Избави аллах, не случилось ли с ним чего-нибудь?»

Речь непроизвольно зашла о том, о чем сам Мухаммед собирался поговорить с матерью:

- Мамочка, родная моя, не следует так волноваться. Один из тех, с кем я провожу свое время, - Сеид Азим Ага; я знаю, что тебе по душе это имя.

От уважаемого Аги-потомка пророка - женщина не ждала ничего дурного, напротив, то, что сын Сеида Мухаммеда покойного и Кичкине ханум, которую все величают Минасолтан, дружит с ее сыном, наполнило сердце матери гордостью.

- Ой, да буду я жертвой его предка, сынок, ты правду говоришь? Разве он тебе ровесник? Все в городе уважают и называют его «Ага», а кто ты для него, сынок?

- Мама, этот уважаемый потомок пророка еще и поэт, и учитель! Не только школьники, но и молодые люди постарше меня приходят, чтобы поучиться у него. Я тоже учусь у него...

- А того, что ты изучал с моллой, разве недостаточно? Писать и считать, слава аллаху, ты научился, чего тебе еще надо?

- Этого мало, мамочка. Ага пишет стихи и газели, и я тоже пишу стихи. Вот у Аги я и учусь законам стихосложения. Только это тайна для всех, мамочка, никто не должен знать о ней... Теперь у меня к тебе просьба...

- Да буду я твоей жертвой...

- Молодые поэты собираются вместе то в доме Аги, то в каком-нибудь другом... Учим правила, читаем стихи Физули, Хагани, Аги... Не воображай, что в них есть что-нибудь не дозволенное шариатом, мои религиозные стихи пришлись бы тебе по вкусу.

- Ты правду говоришь, сынок?

- Клянусь тобой, родная.

- Да продлит аллах твою жизнь, детка!

- Раз ты хочешь, чтобы по вечерам я не возвращался поздно, чтобы в дневное время не отлучался из лавки и помогал братьям, разреши, чтобы мы все собирались в нашем доме. Это и есть моя просьба... Скажи о ней сама Исмаилу, попроси у него согласия. Если только он пожелает, пусть тоже приходит послушать наши разговоры о поэзии, науке. Тогда и он, и ты убедитесь, что никто у нас не пьет вино...

- Хорошо, сынок, и сам Ага к нам придет?

- А как же!

- Все никак не могу представить, что столь уважаемый, солидный человек возится с какими-то мальчишками... А знаешь, что о нем говорят?

- Что же?

- Будто он говорит слова, задевающие видных людей города, молл, купцов, кази...

- Мамочка, о ком бы Ага ни писал, он говорит только правду. Действительно, он не оставляет в покое дурных людей, тех, кто грабит сирот, обманывает простых людей, прикрываясь религией. Вот они и болтают за его спиной всякое... Что бы о нем ни говорили, не верь! Это выдумки его недоброжелателей, а сам он замечательный человек! Услышишь его сама - и поймешь. Его наставления и тебе придутся по душе. «Изучайте науки, - говорит он, - будьте воспитанными и мужественными, жалейте и помогайте бедным, никого не обманывайте!..» Ну как, мама, ты согласна? Я сам буду ухаживать за гостями, а ты из-за двери на него посмотришь.

Ничего недозволенного в словах Аги Ханумсолтан не услышала, скорее наоборот, как она и предполагала. «Человек из гнезда сеидов, взращенный молоком такой достойной женщины, как Кичкине-ханум, не может причинить вред моему ребенку».

- Хорошо, сынок, я сегодня поговорю с Исмаилом, когда он придет на полуденную молитву.

- Э, нет, мамочка, дай слово, что не просто поговоришь, а добьешься согласия, - настаивал Мухаммед.

Женщина обняла сына, поцеловала его в лоб и улыбнулась:

- Хорошо, хорошо, уговорю. Но и ты сдержи свое слово: как следует помогай братьям в лавке, чтобы не было на тебя никаких нареканий. И намаз не пропускай, как сегодня! А

теперь побыстрей беги в лавку, родной мой, замени Исмаила, пусть он придет домой на полуденный намаз...

Она еще раз обняла сына...

Если бы Ханумсолтан знала, что выйдет из сегодняшнего разговора, как обернется ее согласие, она бы дала разрезать себя на куски, выла бы голодным волком, но не поступила так опрометчиво. Если бы знала!..

К приходу гостей хозяйка готовилась загодя. Ей помогала племянница покойного мужа - Гамза, ровесница и нареченная ее любимца. Вдвоем они привели в порядок весь дом: вымыли полы, застелили паласами пол в гостиной, вдоль стен разложили тюфячки и мутаки.

Ханумсолтан очень любила девушку. Наблюдая, как она ловко справляется с домашними работами, Ханумсолтан мечтала о дне, когда она украсит свой дом для новобрачных - Мухаммеда и Гамзы. «Пусть наступит тот день, детка, когда я буду готовить дом для твоих брачных покоев, такова моя просьба к аллаху. Тебе и Мухаммеду выпало счастье, которое редко кому достается: двое любящих сосватаны со дня рождения... Мой черненький сынок любит тебя, я хорошо это знаю».

Когда Гамза ушла, хозяйка прошла на кухню. Приготовив обед, она переставила маленький сундучок, перегораживавший сквозную нишу в толстой стене, соединявшую две комнаты, с таким расчетом, чтобы видеть и слышать все, что будет происходить в большой комнате.

К вечернему намазу домой вернулись сыновья. А немного погодя начали собираться гости. Сеид Азим, Молла Бихуд, Гафар Рагиб, за ними все остальные...

Братья принимали из рук гостей верхнюю одежду - хорасанские шубы, шерстяные абы и длиннополые чухи относили в соседнее помещение. Сняв у дверей обувь, гости проходили в комнату и занимали указанные им места. Не успели гости сесть, как Мухаммед внес кипящий самовар и поставил на специально приготовленный продолговатый поднос. Вели принес стаканы и сахарницу. У самовара сел Мухаммед, чтобы собственноручно разливать чай. Братья сидели на коленях чуть в стороне от гостей, чтобы лучше видеть, кому что нужно подать. Как только выпили чай, Мухаммед выбежал из комнаты, чтобы тут же появиться с блюдом плова, которое он выхватил из материнских рук.

На самом почетном месте на ковре сидел Сеид Азим, остальные по правую и левую сторону от него. Картина, которую наблюдала из-за сундучка Ханумсолтан, напоминала обычное чаепитие. «Слава аллаху, - думала мать, - с какими людьми свели знакомство мои дети! Такие солидные мужчины, годные в отцы Мухаммеду, считаются с нами, приходят к нам в дом...»

После того как середина была освобождена от скатерти и посуды, Сеид Азим медленно проговорил:

- С разрешения господ, у меня есть два предложения...

- Слушаем, Ага...

- Пожалуйста, Ага...

Поэт переменил позу; пока продолжалась трапеза, он сидел по-турецки, теперь же выпрямился и опустился на колени, сложив на них ладони. Он помолчал немного и медленно начал:

- Мое первое слово к ага Исмаилу.

Исмаил, внимательно внимавший речи уважаемого сеида, ждал, что он ему скажет. Поэт продолжал:

- Мы воспользовались любезным приглашением нашего молодого друга Мухаммеда и согласием его старшего брата ага Исмаила собираться несколько раз в неделю. Мы будем беспокоить хозяев этого почтенного дома...

- Никакого беспокойства нет, Ага, наш дом - это ваш дом, когда пожелаете...

- Большое спасибо, пусть аллах дарует здоровье хозяевам дома. - Так вот, мое предложение заключается в том, чтобы хозяева не устраивали бы такого угощения, как сегодня... Прежде всего, нам всем будет неловко...

Все единодушно поддержали Сеида Аэима:

- Верно!

- На первый раз ничего, но не более того!

- Ага прав. Кроме чая для нас ничего готовить не надо. Иначе из-за беспокойства, которое мы причиняем хозяевам, мы сами не сможем пользоваться вашим гостеприимством.

Как только Сеид Азим дождался тишины, он продолжил:

- К тому же, - он улыбнулся, - наши желудки привыкнут к такой вкусной еде, что домашняя стряпня покажется нам пресной и наскучившей, и мы снова найдем дорогу в этот дом. «А гость что воздух, - как справедливо заметил мудрый Саади, - без него жизнь невозможна, но, вдохнув воздух, необходимо его и выдохнуть, иначе умрешь...»

Все присутствующие весело рассмеялись. Сеид Азим продолжал:

- Я полагаю, что наш друг ага Исмаил примет наше первое предложение...

Исмаил проговорил:

- Как прикажете, так и сделаем, Ага, только бы не вызвать недовольства таких почетных гостей. Для нас большая честь ваш приход к нам. Мы рады служить вам.

- Отлично! Я рад, что ты понимаешь нас. Итак, мое первое предложение принято: нас будут привечать только чаем! Мое второе предложение касается всех нас...

Сеид Азим обвел взглядом собравшихся, которым решил высказать свои заветные мысли. Как они отреагируют, интересно...

- Сегодня - исторический день для нас. Мы с вами основоположники литературного общества - поэтического меджлиса. Здесь мы будем читать и обсуждать наши собственные поэтические произведения, изучать наследие наших великих мастеров-предшественников, будем говорить о культуре своего народа. Возможно, наш меджлис станет образцом для подражания поэтов в других городах. Вот почему я предлагаю дать название нашему собранию. В меджлисе мы получаем отдохновение от повседневности. Название должно соответствовать назначению нашего меджлиса. Я предлагаю назвать его «Сафа» - наслаждение. Но для того чтобы меня не укорили в том, что я воспользовался псевдонимом, взятым нашим Мухаммедом, я думаю, что название «Дом наслаждения» лучше всего отвечает нашему замыслу, тем более что мы проводим наши меджлисы именно в доме Мухаммеда Сафы. Какие будут у вас суждения, друзья?

Серьезность вступительного слова Сеида Азима приковала внимание. На лицах читалось восхищение и одобрение:

- Прекрасно!

- Поздравляю!

- Отличное название...

Исмаил и Вели посмотрели на своего младшего брата. Его смуглое лицо заливала краска, братья так и не смогли уразуметь, радуется он или печалится новому названию меджлиса...

А Сеид Азим подытожил:

- Значит, и второе предложение принято... А теперь начнем первый наш поэтический меджлис с чтения стихов нашего великого земляка, жившего в двенадцатом веке, Хагани Ширвани, обогатившего сокровищницу восточной литературы... «Развалины Медаина»...

Мой дух, глазами размышлений на преходящий мир взирай,

В глухих руинах Медаина судьбу, как в зеркале, читай!..

Сеид Азим говорил о широте интересов Хагани: от исповеди чувств до исповеди мысли, о том, что Хагани рисовал картины реальной жизни, передавал глубину и смену оттенков настроения. Сеид Азим учил на примере Хагани строить фразу, отличающуюся мудрой простотой содержания и утонченностью вкуса.

Первый меджлис удался. Собравшиеся договорились в следующий раз принести свои опыты подражания газелям Физули...

Ханумсолтан задремала у ниши. Сначала она внимательно слушала не очень понятные для нее разговоры, на миг встрепенулась, когда Ага заговорил о ее младшем сыне, но потом ее отвлекли собственные размышления о жизни. «О несчастный мой Гусейн, - обратилась она в мыслях к покойному мужу, - рано ты оставил этот мир... Не довелось тебе быть свидетелем счастливого, светлого дня своих сыновей, да обрадует аллах этим известием твою душу в раю... Я от тебя не слышала в жизни ни одного дурного слова, не испытала тяжести твоей руки. И дети твои, слава аллаху, как ты сам, уважаемы достойными людьми, которые нынче собрались в твоем доме. Пусть живут наши дети

долго и крепко стоят на ногах!..» Она прислушалась, Ага читал стихотворение на непонятном ей языке... Глаза ее сомкнулись, голова опустилась на руки, уставшая за день женщина прикорнула тут же у ниши. Ее материнское сердце было совершенно спокойно: сыновья ее рядом, с ней, здоровы...

Когда участники меджлиса расходились по домам, они ступали по только что выпавшему снегу. Безлистные ветви кустов и деревьев покрыла изморозь. В холодном свете полной луны казалось, что на деревьях и кустах искрятся белые цветы.

На валуне под шелковицей в начале Мануфактурных рядов Сеид Азим беседовал с Джавадом.

- ... Заверяю тебя, Ага, это-правда...

- Когда решается вопрос о различии вероисповедования, нужно проявлять особую деликатность и осторожность, Джавад!

- Клянусь тебе нашей дружбой, Ага! Тут нет места неправде! То, что я тебе рассказал, я видел сам, своими глазами... Для того чтобы проникнуть на сборище, мне пришлось порядком изменить свою внешность. Сын эфенди Балайрагима провел меня под видом человека, принявшего мюридизм, и, пользуясь вечерними сумерками, подвел к их наставнику - «шейху». Оказывается, темные, погрязшие в невежестве крестьяне, надеясь на помощь свыше, приводят в этот дом своих жен и дочерей. Несчастные женщины вместе с мужчинами танцуют, постепенно приходя в экстаз, готовые уверовать в чудеса и местных святых. В минуты транса, в который впадают эти глупцы, с ними можно сотворить все, что угодно! И все это прикрывают религией!

Поэт был взволнован:

- Брат, заклинаю тебя нашей дружбой, неужели все это правда?

- Не ожидал от тебя, Ага... Разве я способен совершить хоть что-то, что может повредить тебе? Да я соглашусь скорее на смерть, чем на то, чтобы ноги твоей коснулся камень! Все это правда, можешь не сомневаться.

- Не обижайся, Джавад! В тебе я не сомневаюсь, но, чтобы выступить против зла, нужно знать все досконально. Честно говоря, мне обо всем этом уже рассказывали - и Мешади Гулам, и даже Гаджи Кадыр. А однажды на меджлисе у Махмуда-аги Искандер-бек как о занятной истории рассказывал присутствующим о нашем позоре... Несчастная нация, бедные, одураченные люди...

- Да, именно одураченные! Чтоб мне не сойти с этого места, Ага, в тот дом не ступала нога жены или дочери бека! Их туда никто не пустит! А сами богачи приходят, чтоб полюбоваться на доверчивых глупцов, которых развращают и сводят с пути истинного именем аллаха!

- Что делать, Джавад? Ты знаешь, что я зарекся писать эпиграммы, но такие дела требуют только едкой, злой, колкой сатиры. Пойду, история эта не дает мне покоя... Ну что ж, будь здоров!

- И тебе желаю здоровья, пусть хранит тебя аллах! Знаю одно: число твоих врагов возрастет впятеро, как только ты возьмешь в руки перо, чтоб клеймить и осуждать зло.

- Если бы деньги плодились у меня так же, как враги, быть бы мне богачом! - в голосе поэта сквозила ирония. - Увы, все гораздо сложнее, чем это кажется.

Глядя вслед удалявшемуся Сеиду Азиму, Джавад с грустью думал: «Если есть на небесах неземная благодетельная сила, пусть она защитит тебя от бед, Ага! Если в бескрайних небесах есть аллах, он должен оградить тебя от камней, летящих в тебя! Ты думаешь о благе тех, кого создал аллах, а они же в злобном исступлении забрасывают тебя камнями... Странная, однако, судьба! Как понять, как объяснить? «Слова свои молви тем, кто тебя не слушает...» - сказано в коране. Что ж, видно, таков удел всех пророков, так было, и так будет. А сейчас в Ширване пророком являешься ты, Ага...»

Углубившись в размышления, Сеид Азим спешил домой, не замечая никого на своем пути. Губы непроизвольно шептали рождающиеся слова - строки будущей сатиры. Скорей бы перо и лист бумаги взять в руки, чтобы записать. Он заклеймит позором этих растленных святош! И начнет сатиру так:

Любопытная нынче история вышла у нас.

Не напраслина это, не вымысел, полный прикрас...

О случившемся в городе подлинный это рассказ.

Сатира распространилась по Базару с немыслимой быстротой, и уже строки передавались из уст в уста. Словно новое землетрясение обрушилось на город. Поднялся страшный переполох. Разговоры не умолкали. Перьями запасались даже малограмотные бакалейщики, уличные писари были завалены заказами - все желали немедля, тут же получить список новой сатиры.

- Да буду я жертвой его предка, лучше не скажешь!

- Этим собачьим детям и этого мало! Чтоб их поразил меч халифа Али!

- Слушай! Эти безумцы прикрываются религией, а сами не знают ее основ.

- Но и вы не будьте столь наивными юнцами, не очень доверяйте Сеиду Азиму. Поговаривают, что он с утра до вечера проводит время с суннитами...

- Сунниты? О чем ты толкуешь? Это не сунниты, а сектанты, да, да, именно сектанты. Он о них и пишет в новой сатире.

- Слушай, ведь они совсем запутались, ни правоверного учения не знают, ни законов шариата...

- А ну, дай прочесть! - из своего магазина на шум вышел Гаджи Асад. Он с интересом читал эпиграмму, хотя не желал показать это. - Уши развесили, рот до ушей, тьфу! Что это

такое? От него самого, сочинителя вашего, и не пахнет Алиевым учением! Избави аллах от такого, по моему разумению, он и не суннит, и не шиит!

- Ты только послушай, раскрой уши:

Пусть не шейхом - шайтаном! - со страхом считают его

И достойным быть смешанным с прахом считают его,

Есть мюриды, которые шахом считают его,

А иные так даже аллахом считают его.

Очень низко все это, о чем говорил я не раз.

Осрамили шиитов бабиды. Есть общность в судьбе –

И сунниты мошенника шейхом избрали себе.

- Защити, аллах, он не суннит, и не шиит, и не ба-бид, он мултаниец...

- А я о чем речь веду?

Но были и те, кто понимал, против чего выступает Сеид Азим, и активно его поддерживали:

- Молодец, Ага, смелый поступок! Хоть эпиграммы, на мой взгляд, не свойственны восточной поэзии, но таких проходимцев, как Абид-эфенди, иным способом не ударишь...

- Есть только один способ вывести шарлатанов на чистую воду, Ага выбрал именно его.

- Очень своевременно! Обрядившись в религиозные одежды, эти мошенники порочат достоинство и честь народа, сводят его с пути праведного...

- Сейчас никто не осмелится повести свою семью на сборища этих мошенников, чтоб им провалиться!

- Одними назиданиями было бы невозможно вырвать из лап проходимцев людей, уверовавших в могущество верховной власти их «шейха».

Кто это говорил - молодые сунниты или молодые шииты, неизвестно. Но все сходились в одном: эпиграмма написана уместно и своевременно. На этот раз все - и те, кто хорошо относился к Are, и те, кто не одобрял его деятельности, - поддержали поэта.

Эпиграмма была у всех на устах, читалась вслух и живо обсуждалась в мгновенно возникавших собраниях и в меджлисах. Торговля в книжной лавке Мешади Гулама шла

бойко: переписанная во множестве экземпляров «Эпиграмма на Абида-эфенди» разлетелась по всему Востоку, находя людей, ненавидящих лицемерие и невежество. С караванами Мешади Гулам отправлял своим друзьям-приятелям в разные города новинку, взбудоражившую всю Шемаху. Не придавая своей деятельности важного значения, шемахинский книготорговец вместе с поэтом много сделали в эти дни для разоблачения мракобесов и фанатиков и способствовали закрытию нескольких сектантских молелен.

... Над головой поэта сгущались черные тучи. Базарные моллы и эфенди, наживавшиеся еще недавно на темных людях, увидели, что карманы их пустеют с выходом в свет эпиграммы Сеида Азима. Утих шум первых чтений, только теперь многие стали понимать его смысл: не только сектантам, но и всей религии был нанесен удар. Сатира ходила по рукам и будила ропот и непочтенье.

В первые дни казалось, что эпиграмма направлена против тех, что не хочет правильно толковать законы ислама, вводит в заблуждение простодушных невежественных людей, однако со временем многие опомнились и уразумели, что эпиграмма разоблачает не только Абида-эфенди и ему подобных, но и вообще религиозных фанатиков всех направлений, все ветви ислама. Мошенники были не только среди тех, кто устраивал оргии с танцами мужчин и женщин, но и среди тех, кто наживался на бедняках.

Враги объединились против поэта. «Он противник религии!» Это было ясно и суннитам, и шиитам, и их обуяло возмущение.

Проявилась застарелая злоба Моллы Курбангулу. Ожила нелюбовь к поэту Закрытого и Алыша. Им обоим никогда не нравилась поэзия всеобщего «любимца», но они умели скрывать это, не выдавали себя. Теперь, когда прошли первые бурные дни, заговорщики решили не дремать и объединить свои усилия с приверженцами Абида-эфенди. Мешади Алыш подстрекательством и злонаущением уговорил своих прежних дружков подкараулить поэта и напасть на него. И случай подвернулся.

Сговорившись с несколькими мюридами - приспешниками Абида-эфенди, шайка громил остановила Сеида Азима по дороге к Базару.

Дюжие молодые крестьяне-шахларцы и несколько горожан-шемахинцев с дубинками в руках поджидали поэта. Только два-три человека отличались добротной одеждой, на остальных бедняках были залатанные чухи, домотканые грубошерстные архалуки, подвязанные веревкой или ситцевым кушаком, заштопанные шаровары из бумажной дешевой ткани...

Ага, увидев парней издалека, не придал сборищу никакого значения, но, услышав: «Вот он идет!», насторожился. Внимательно приглядевшись к парням, он распознал среди них и суннитов, и шиитов... Отступать было некуда. «Что ж, - подумал он, - будь что будет». Он не мог знать, что им сказали: «В городе появился безбожник, негодный бумагомаратель. Он враждует с уважаемым Абидом-эфенди... Чтобы досадить эфенди, он написал на него пасквиль, можно сказать, опозорил его, но мало того, он высмеял вас самих, ваших матерей, сестер и невест, выставил на поругание своей эпиграммой. Подстрекаемые им люди выгнали Абида-эфенди из села, разрушили молельню... Вера пропадает... Пролить кровь такого безбожника - благое дело!» Одного из группы Алыш назначил главарем, которому передавал приказания через подручного из лавки Закрытого. Этого мальчишку Гаджи Асад приспособил для поручений с тех пор, как Тарлана заменил приказчик Али - дальний родственник Закрытого. Он-то и увидел первым Сеида Азима и стрелой помчался к Алышу, который прятался за углом.

По одежде и манере поведения Сеид Азим понял, что никто из пятнадцати парней, вставших на его пути, не был настоящим бандитом. Все они были чем-то очень встревожены и довольно громко переговаривались: «Будьте наготове, сейчас он сюда приблизится... Вот он...» Поэт поравнялся с группой, внезапно он узнал человека, прятавшегося за ближайшим углом. Это был Мешади Алыш, он не мог ошибиться. «Может быть, мне просто померещилось? Нет, нет, и он меня увидел... Наши взгляды встретились, я даже усмотрел ухмылку в глазах этого шайтана... Так вот оно что?! Интересы этих мерзавцев сошлись, разногласия между суннитами и шиитами забыты, сообща они решили преподать мне урок!»

Мешади Алыш действительно руководил молодыми фанатиками и мюридами Абида-эфенди из-за угла. Он уже не был разбойником, который действовал без оглядки, а старался не марать рук, оставаясь в стороне «благочестивым Мешади». Но и Ага изменился. Перед парнями стоял не беззащитный молодой человек. Теперь это был первый среди интеллигентов-просветителей Ширвана, известный и народу, и правительству, - Гаджи Сеид Азим Ширвани, и имя его приводило недругов в трепет.

Деревенские невежественные парни, фанатики и сквернословы не знали и не понимали, кто перед ними. Вместо того чтобы радоваться, что их села избавились от скверны и разврата, они стремились уничтожить поэта, который помог разоблачению гнезда пророка. - Вот он сам, проклятый!

- Кто, этот? А ну пустите, я раскрошу ему челюсть...

- Почему ты? Я сам пролью его кровь во имя веры!

- Я тоже хочу пожертвовать собой во имя веры...

- Что вы мешкаете, начинайте, пока никто не спохватился!

Парни двинулись к поэту, окружили его стеной и стали теснить за угол дома, где притаился Алыш.

Если бы в руках Сеида Азима была хоть трость, может быть, он и попытался оказать сопротивление. Необходимо воспользоваться другим оружием: словом. Авось удастся их утихомирить.

- Да в чем моя вина, ребята, перед вами? - спросил он.

- На Абида-эфенди издевательскую штуку ты написал?

- Опозорил набожного человека, который в отцы тебе годится!

- Опозорил наших женщин, наших жен и сестер!

- Высмеял их!

Кольцо вокруг Аги сжималось. Страсти накалялись. Волосатые руки тянулись к его лицу, ему казалось, что еще минута - и он задохнется. Гнев не давал ему говорить, в то же время он чувствовал жалость к этим невеждам. До чего же их одурачили! Не знают, где истинное зло.

- О невежественные дети! Я осрамил тех, кто издевался над вашей честью!

- Эй, да он еще разговаривает! Бейте его!

Еще минута» и Сеид Азим не ушел бы отсюда живым. Судьба пощадила его.

- А ну, разойдитесь, дикари! Ишь что задумали, собачьи дети!

Все обернулись на громовой окрик. На толпу наезжал на коне урядник Керим-бек. Наотмашь хлестнув плеткой по голове стоявшего вблизи Аги парня, он тут же снова опустил ее на блестевшую бритую голову, оголившуюся от слетевшей барашковой папахи. Никто не услышал стона, только руки схватились за голову, но и их обожгла плеть. Большинство парней ни разу в жизни не видели урядника. Мундир Керим-бека с золочеными погонами и золотыми пуговицами, красные лампасы и высокие сапоги нагнали на всех жуткий страх. Некоторые решили, что перед ними чуть ли не сам царь и он явился на помощь Are. Они с воплями кинулись спасаться. Другие, упав на колени, стали целовать землю. Прислонившись к стене дома, Сеид Азим, бледный и смертельно уставший, наблюдал за происходящим. Нелепость случившегося потрясла его.

- Господин Керим-бек! Умоляю тебя, не бей этих несчастных! Они ничего не понимают! Откуда им знать, что я беспокоился о них самих, когда писал свою эпиграмму на Абида-эфенди... Умоляю, не бей их... Но как вовремя аллах направил тебя сюда! Иначе эти глупцы отправили бы меня на тот свет... Умоляю тебя, не бей... Тех, кого нужно бить, среди них нет...

Когда Сеид Азим рассказал о происшедшем Джинну Джаваду и Махмуду-аге, Джавад, смеясь, сказал:

- Что тут скажешь? Сам Ага выступил защитником врагов Аги...

Книготорговец Мешади Гулам уже несколько дней с нетерпением ожидал приезда каравана Кербалаи Вели. Утром он узнал, что караван прибыл в Шемаху. Он каждую минуту ждал караванщика, поэтому не отлучался из лавки. Прозвучал полуденный азан. Мешади Гулам прошел в комнаты позади лавки, наполнил кувшин водой и под пение азана: «Идите к лучшему из дел!» - совершил религиозное омовение. Поставив кувшин, он вернулся в лавку и расстелил молитвенный коврик. Повернувшись лицом к Мекке, он поднял руки и шепотом произнес: «Аллах превелик!»

Мешади Гулам еще не окончил молитву, когда почувствовал, что кто-то вошел в лавку. Но не обернулся до окончания молитвы. Четырежды опускался наземь, становился на колени и касался лбом молитвенного коврика. Воздев руки к небесам, произнес заключительное: «Аллах превелик!» И только тогда обернулся к вошедшему. Радость его была велика: перед ним стоял Кербалаи Вели.

- О аллах, добро пожаловать, Кербалаи! Надеюсь, дорога твоя была удачной?

- Слава аллаху, удачной...

- Проходи, Кербалаи, садись! - Мешади Гулам быстро собрал молитвенный коврик и, усадив гостя, вышел из лавки. - Эй, Рази, Раа-зи!

- Да, Мешади!

- Будь добр, хорошего свежего чаю для меня и моего гостя!

- Слушаю, Мешади, сию минуту...

Кербалаи слышал эти переговоры и улыбался. Книготорговец вернулся в лавку и сел на тюфячок рядом с гостем.

- Пожалуйста, Кербалаи, расскажи, где был, что видел... Как говорится, что ел-пил - пусть тебе останется, что видел - пусть нам достанется...

Кербалаи Вели провел обеими ладонями по свежепокрашенной черной бороде, хитро улыбаясь. Он прекрасно знал Мешади Гулама. До самого вечера ему не удастся выйти из лавки. Он будет рассказывать о том, что видел и слышал в дальних краях. Многолетняя дружба связывает Кербалаи Вели и Мешади Гулама. Но пока караванщик не расскажет все, что знает, что слышал, Мешади Гулам не покажет ему своих новых драгоценных находок, новых списков стихов и газелей, даже одного листочка не покажет. А уж потом они вместе пообедают на славу.

В дверях показался Рази. На подносе тонкой работы стояли грушевидные стаканчики для чая и белый фарфоровый чайник. Мелко наколотый сахар искрился в медной мисочке. Аккуратно расставив все перед гостем, Рази опустил поднос. Худощавый невысокий паренек с любопытством оглядывал полки, хотя не раз бывал в лавке Мешади Гулама. На черных волосах еле держалась суконная старенькая ермолка. Рубашка из красной бязи и шаровары из черной саржи были схвачены белым чистым фартуком. Угол ковра, на котором сидели Мешади Гулам и Кербалаи Вели, со всех сторон был окружен полками, на которых лежали толстые и тонкие книги в кожаных и тканевых переплетах.

- Пейте на здоровье, господа, - проговорил Рази и двинулся к двери.

- Спасибо, сынок! - с этими словами Кербалаи Вели потянулся к своему карману.

- Не обижай меня, во имя аллаха, Кербалаи! У меня разве не хватит денег на стакан чаю?!

- Ей-богу, Мешади, я не за чай собирался заплатить, поверь мне! Когда я покидал Шемаху в прошлый раз, последним, кого я встретил на своем пути, был Рази. Эта встреча принесла мне удачу - путешествие с караваном прошло спокойно и прибыльно, а я дал обет по возвращении подарить ему русскую золотую пятерку...

- Это другое дело... Знаешь, я тоже заметил, что у Рази рука легкая. Даже его хозяин Алмухтар говорит, что с тех пор, как ему помогает Рази, дела у него пошли в гору... Хороший, услужливый паренек, да пошлет аллах ему самому удачу.

Кербалаи Вели вынул из кармана мешочек для денег, сшитый из красного плотного шелка с золотым позументом по краям, развязал шнурок, стягивающий горловину, и вытащил золотую монету. Гулам, улыбаясь, следил за выражением глаз Рази, который в нерешительности и смущении выслушивал похвалу из уст обоих мужчин. Кербалаи протянул монету Рази. Паренек вопросительно глянул на Мешади Гулама и, не увидев

неодобрения или раздражения в его глазах, обратил взор на Кербалаи Вели. Быстро наклонившись, он поцеловал руку, державшую монету, и только потом взял деньги.

- Вы очень милостивы, ага, пусть аллах сделает ваш карман изобильным...

В глазах его блеснули слезы, когда он покидал лавку.

Друзья остались одни. Кербалаи Вели продолжил свои рассказы. Незадолго до призыва к вечерней молитве начался книжный обмен.

- Кербалаи, я дал переписать для тебя несколько новых газелей Аги каллиграфу Молле Гулу. Посмотри только, каким почерком написано...

Мешади Гулам снимал с полок нужные ему рукописи и показывал гостю. Кербалаи Вели с интересом рассматривал все, что ему предлагал книготорговец. Беседа подходила к концу, когда Мешади Гулам осторожно выглянул из дверей лавки на улицу и, удостоверившись, что вблизи никого нет, кто бы мог им помешать, вернулся к своим полкам и вынул из одного объемистого фолианта несколько рукописных листов, сшитых наподобие тетради.

- Я знаю, Кербалаи, ты не очень любишь эпиграммы, но, может быть, ты заинтересуешься вот этой? - спросил он нерешительно.

- На кого эпиграмма, Мешади?

- На Хуршид-бану Натеван, дочь Мехтикули, хана карабахского.

- На Хуршид-бану Натеван?! Кто посмел такое?!

- Абдулла-бек Аси из Карабаха.

- И не стыдно ему? Распускать подлые небылицы про единственную наследницу последнего карабахского хана, женщину образованную и просвещенную! А ты, Мешади! Наша долголетняя дружба дает мне право и тебя упрекнуть: ты сам тоже не прав! Клеветник сочинил глупость, зачем тебе ее распространять по свету?! Тебе, первоклассному ценителю настоящей поэзии! Клянусь нашей дружбой, я от тебя подобного не ожидал!

Книготорговец смутился, с трудом нашел слова для ответа:

- Кербалаи, клянусь Каабой, пусть у меня язык отсохнет, если я еще кому-нибудь похвастаюсь этим приобретением... Казнюсь я только тем, что один список дал Закрытому - Гаджи Асаду... Закрытый узнал от кого-то и выпросил у меня. Поверь! Только единственный экземпляр ушел от меня, клянусь святой могилой имама Рза, которой я касался лицом в Мешхеде...

Но успокоиться Кербалаи Вели уже не мог. Он поднялся:

- Что было, то было, дело сделано... Но оставшиеся у тебя списки порви! Трепать зазря имя женщины - не по-мужски, пусть постыдятся карабахские поэты, что не воспротивились! И аллаху такие дела неугодны... Ну, будь здоров. До свидания!

Растерянность и стыд испытывал Мешади Гулам. Он даже не смог выйти проводить Кербалаи Вели. Рука бессознательно сжимала тетрадь. Он огляделся, в лавке никого не было, темнота сгустилась, только теперь Мешади Гулам осознал, что в руках у него недостойная вещь. Ах, как он не хотел терять расположения Кербалаи Вели...

Наступил вечер. Азанчи приглашал верующих к вечерней молитве. Однако губы Мешади Гулама не шептали молитву. Он стыдился того, что не устоял перед клеветой.

Боль и гнев овладели сердцем Сеида Азима. Сегодня он пришел на меджлис шемахинских поэтов огорченным. Участники «Дома наслаждения» могли не спрашивать, в чем причина его дурного настроения. Они сами прочли доставленную кем-то из Шуши эпиграмму на Хуршид-бану Натеван. Всех неприятно поразило, что автором недостойных строк был известный карабахский поэт Абдулла-бек. Нельзя сказать, чтобы участники меджлиса «Дома наслаждения» пренебрегали эпиграммами, примером тому служит только недавно написанная самим Агой на Абида-эфенди. В шемахинском меджлисе было принято отвечать сатирическими эпиграммами своим врагам, но сочиненная Абдуллой-беком Аси была направлена против женщины, которая творила добро соотечественникам. Рассказы о ее благотворительности были у всех на устах: издалека она провела в родной город воду, пожертвовала деньги на строительство дороги между Баку и Биби-Эйбатом, помогала беднякам, чем только могла. Но главное, что особенно ранило участников поэтического меджлиса, - Натеван сама была превосходным мастером стихосложения, талантливой поэтессой, газелям которой подражали шемахинцы, чтение которых доставляло удовольствие членам общества «Дома наслаждения». Каждый из них считал, что оскорбление нанесено всем поэтам. Мнения были единодушны:

- Какая подлость!

- Позорить женщину - не по-мужски! - Какая низость!

- Позор карабахским поэтам, допустившим такое!

- Не было среди них мужчины, чтобы встал на защиту женщины!

- Пятнадцать мужчин против одной женщины.

- Женщины-поэта...

Все ждали слова Гаджи Сеида Азима - главы шемахинских поэтов. Его веское суждение обобщит все сказанное, только он достойно ответит на тяжкое оскорбление.

Сеид Азим внешне был абсолютно спокоен, только руки выдавали волнение: не находили успокоения на коленях. Кажется, что события вчерашнего дня проходят перед глазами. Накануне утром доктор Мирзамамед выписал сыну рецепт лекарства, Сеид Азим тут же отправился его покупать. Неподалеку от караван-сарая Махмуда-аги он повстречал карабахца Гаджи Исрафила. Поздоровавшись с поэтом, Гаджи сказал:

- Я сам хотел повидаться с вами... Показать одну вещь, которую вы можете оценить... - И ухмыльнулся.

Сеид Азим подумал с удивлением, какие к нему могут быть дела у купца, торгующего хлопком, но вежливо ответил на приветствие Гаджи Исрафила и сказал:

- Пожалуйста, я готов...

- Нет, нет, не здесь, для этого нужно более укромное место...

Сеид Азим, не скрывая на этот раз удивления, спросил:

- Может быть, зайдете в лавку Моллы аги Бихуда, здесь недалеко?

- Да, с удовольствием, я думаю, что и ему будет интересно...

Они вдвоем вошли в лавку Бихуда, который в этот момент растирал в ступке кардамон и имбирь. Воздух в лавке был настоян на запахах корицы, шафрана, мускатного ореха и других пряностей. Хозяин очень вежливо встретил гостей, тут же заказал чай. Гаджи Исрафил, обращаясь к хозяину лавки, сказал:

- Молла ага Бихуд, присядь с нами, пока чай не принесли...

Он вытащил из кармана вдвое сложенную тетрадь и протянул ее Сеиду Азиму. Поэт начал читать. Бихуд оставил свою работу, подошел к Сеиду Азиму и заглянул через его плечо в тетрадку - так его заинтересовал Гаджи Исрафил. Это была эпиграмма на Хуршид-бану Натеван, сочиненная известным поэтом из Шуши Абдулла-беком Аси, ровесником и земляком Натеван. По мере того как Сеид Азим читал эпиграмму, сердце его цепенело. Ум отказывался верить, что талантливый человек способен на пасквиль. Печаль и гнев звучали в его голосе:

- Гаджи Исрафил, я удивлен тем, что вы считаете меня ценителем подобной мерзости. Мужское ли дело ополчаться эпиграммой на женщину? Да еще на такую женщину, которая возвеличила вас, карабахцев. Одно из бесценных сокровищ на свете - вода, и эта женщина дала вашему городу воду, избавила людей от жажды. И так вы отплатили ей за добро?.. Великий греческий мудрец Сократ говорил, что низменные удовольствия не приносят истинной радости. В душе остается горечь и печаль... Я думаю, что и тот, кто написал эту мерзость, и те, кто получает наслаждение от чтения и распространения ее, в конце концов пожалеют о содеянном... Подобные поделки позорят звание поэта, мужчины, человека!

Дрожа от ярости, поэт покинул лавку. Лихорадила потребность немедленно ответить. Мысли будоражили, не давали успокоиться. Он не сомкнул глаз всю ночь. Строки рождались под его пером...

Члены меджлиса поэтов ждали его слов. И он сказал:

- Господа, причина вашего волнения понятна мне. Я думаю так же, как вы. Оскорблена женщина, обладающая достоинствами мужчины, женщина-поэт!.. Но что самое неприятное - повинен в том поэт, пером которого мы доселе восхищались... Прочитав эпиграмму, я не мог успокоиться до тех пор, пока не написал ответ на нее. Если присутствующим интересно послушать, я прочту...

Сеид Азим открыл тетрадь, нашел нужный лист. Весь меджлис ждал, когда он начнет. По привычке он погладил длинными тонкими пальцами усы и начал:

О Аси, твое слово поистине душу пронзает,

Твое слово дороже ста тысяч жемчужин бывает.

Все насторожились. Сеид Азим Ширвани начал с похвал, интересно, как он перейдет к нападению...

О Аси, ты ведь это о той Ханкызы сочинил,

Что богатыми сделала многих, кто в бедности жил.

О скажи, почему ты про хлеб и про соль позабыл?

Верно, так повелось, что уж если осла угостил.

Жди, что, соль разделив, он солонку копытом сломает.

Присутствующие переглянулись...

Без причины, мой милый, затеял ты весь этот вздор.

Ты - мужчина, про честь свою вспомни, - и весь разговор!

Недостойно мужчины, коль женщину он оскорбляет.

Голос поэта то звенел гневом, то трепетал нежностью и любовью, то преображался до неузнаваемости иронией, то затихал до шепота под грузом горя.

Эта женщина - львица, что словом будила умы,

И достойней в сто крат, чем такие мужчины, как мы!

О поэт! Пусть не все нас пленяет в стихах, ты пиши,

Ведь стихи - не коран, не во всем они столь хороши.

Но на женщину пасквиль писать - признак низкой души,

Да еще на такую, что всех нас во всем побеждает.

С огромным вниманием меджлис слушал своего поэта. Присутствующие вместе с ним негодовали на недостойное поведение поэта, позволившего себе не посчитаться с женщиной и поэтессой.

Черные сросшиеся брови Мухаммеда нахмурились. Ему вспоминались нежные газели Натеван. Поэты меджлиса восторгались их изяществом и проникновенностью, они читали эти газели и старались подражать им, завидовали умению поэтессы философски осмыслить жизнь. Сеид Азим называл ее преемницей Физули. И Мухаммеда восхищала женщина-поэтесса, женщина-патриотка, защитница бедноты, но только у главы их меджлиса Сеида Азима Ширвани нашлись такие яростные, беспощадные слова, чтобы защитить ее честь. «... Странно, в последнее время Ага выступает против писания эпиграмм, считает их недостойными внимания истинного поэта, а сам сочиняет такие, которые вызывают смех в меджлисе, не пренебрегает крепкими выражениями... И эта, в защиту Натеван, и та, направленная против Абида-эфенди... Ведь чуть не распростился с жизнью, а не боится...».

Сеид Азим закончил чтение, аккуратно закрыл тетрадку. Послышались восторженные возгласы собравшихся:

- Слава поэту! Да будет тебе на пользу ширазский пенал...

- Слава аллаху, такой ответ! Прямо в точку!

- Достойная отповедь! Пусть теперь сгорает от стыда!

- Ей-богу, Ага, да буду я жертвой твоего предка, хоть сто лет бы я старался, такого ответа бы не сочинил... Молодец!

- Да он, честное слово, кровь ему пустил...

Хвалебные возгласы, исторгаемые присутствующими, не то чтобы вызвали зависть у Моллы ага Бихуда, но породили в его душе какое-то непонятное беспокойство с оттенком обиды. То ли оттого, что Бихуд был в приятельских отношениях с Абдуллой-беком Аси, то ли оттого, что не он смог сочинить достойный ответ на клеветническую эпиграмму. Порою ему казалось, что сочиненные им газели и рубай ничуть не хуже газелей Сеида Азима, но почему-то все отдавали предпочтение строчкам Сеида Азима. Он и сам, в душе восхищался ими и вначале не очень сожалел, что пальма первенства не у него, но с тех пор, как члены карабахского меджлиса, прочитав подражания Физули, с использованием его редифа, присудили первое место в этих импровизациях Бихуду, а Сеиду Азиму лишь второе, Молла ага Бихуд с раздражением воспринимал хвалу, предназначенную не ему, а Сеиду Азиму. Теперь Бихуд смотрел на свое творчество другими глазами, и каждый новый успех Сеида Азима наносил рану его самолюбию. Так было и сегодня. Чем удачнее Ага находил слова, чем отточенее ложились фразы, чем разительнее действовали аллегории и сравнения, без видимого труда и с естественной легкостью, тем больнее страдала гордость Бихуда. Чтобы его газели получались красивыми и содержательными,

Бихуд трудился днями и неделями, забывая о своих торговых делах в парфюмерной и кондитерской лавке на Кишмишном базаре. Бесчисленные переделки и поиски лучшего звучания изнуряли его, а другому давались шутя. Даже самому лучшему другу простить такое свыше сил... Почему ему это не дано?

Особенно ранили его гордость слова, вскользь брошенные Сеидом Азимом: «За месяц он не может написать одну газель. - И тут, будто уловив огорчение Бихуда, он невзначай заметил: - Хотя, впрочем, не это главное. Иной раз поспешишь и потом мучаешься, что написал безделушку. Уж лучше не торопиться».

Собрания меджлиса «Дом наслаждения» устраивались по-прежнему. Члены его писали все новые и новые газели, мухаммасы - пятистишия, мустазады - четверостишия, своеобразные разновидности оды. Появлялись муссада-ы - шестистишия со сплошным принципом рифмовки, стихи-подражания, стихи-шарады. Руководимый Сеидом меджлис посылал свои творения на суд поэтических меджлисов в Шушу, в «Меджлиси-унс» - «Собрание друзей», членом которого была Хуршид-бану Натеван, и в «Меджлиси-фарамушан» - «Собрание забытых», членом которого был Абдулла-бек Аси, а руководителем известный поэт Мир Мохсун Навваб. Между меджлисами разгорались дискуссии, шла активная переписка. Члены этих литературных собраний были образованными людьми, здесь шли беседы по истории и философии Востока, изучались произведения классиков восточной поэзии. Так же, как Сеид Азим Ширвани, Мир Мохсун Навваб преподавал в духовной школе в Шуше.

А Сеид теперь писал поэтические сатиры против верхушки мусульманского духовенства, ее алчности и корыстолюбия. Количество его врагов увеличивалось с каждым годом, даже среди его сотоварищей по меджлису нашлись такие, кто отвернулся от него. Особенно тяжело было сознавать это. И не мог молчать Сеид Азим, и не знал, как удержать друзей около себя. Неужто страх гонит их? Но разве могут ужиться обыкновенная человеческая боязнь и поэтическое мужество? Ведь писание сатирических стихов требует отваги. Увы, этой отваги кое у кого из членов меджлиса не было.

ГАМЗА

... Последняя среда года. Город украшен разноцветными коврами и паласами, которые жители прибили к фасадам домов. По вечерам пылают яркие факелы, освещающие улицы и дома. По городу носятся ароматы горячего хлеба, пряностей, жарящегося на горящих угольях мяса. Особенно радуются празднику дети. Кто постарше - устраивает фейерверки, подростки разжигают костры и прыгают через них. Малышня поджигает ватные фитили, привязанные к проволоке, и вращает вокруг себя. Фруктовый базар полнится грудами овощей, яблок, гранатов, сушеных фруктов, зеленью. В конце рядов выставили жаровню с шашлыком. Бакалейные ряды привлекают горками риса, мисками сливочного и топленого масла. Город окунулся в празднества и веселье.

Наряженные как невесты девушки с выкрашенными хной руками и ногами собираются вместе, чтобы показать друг дружке самые лучшие свои платья, поведать девичьи тайны, поиграть в девичьи игры.

Давайте зайдем в дом к шапочнику Гаджикиши, чтобы посмотреть на наших девушек, тем более что дочь Гаджикиши - самая красивая девушка в округе, о которой матери сыновей гадают: «Интересно, какому счастливцу достанется эта красавица? Да хранит ее аллах! Пусть будет залит солнцем ее будущий дом!» Спрашивали матери, хотя знали, что ласковая, веселая и благородная красавица Гамза со дня своего рождения просватана за Мухаммеда, младшего сына покойного купца Гаджи Гусейна и Ханум-солтан - брата Исмаила и Вели.

Гамзой трудно не любоваться: черные горящие глаза ласково смотрят на вас, тонкое, чуть удлиненное лицо игриво очерчено челкой, наискосок прикрывающей высокий лоб над полудужьями густых бровей, у нежных, изящно вырезанных губ чернеет бархатом родинка, в длинные толстые косы вплетен шерстяной разноцветный шнур с помпонами и амулетами от сглаза на концах.

Гамза так добра и приветлива с подругами, что зависти к ней нет места в их сердцах...

Сейчас мужчин в доме нет, Гаджикиши предупредил, что зайдет поговорить к сыновьям покойного брата. Мать Гамзы - Бадамбеим готовит праздничный плов последней среды года. Галдеж стоит в маленькой комнате, где Гамза с подружками собираются гадать на суженого. Их десять в комнате, не считая хозяйки, - Кебутар, Меликсиме, Гюльбике, Техфа, Зийнет, Сюби, Тубниса, Гюльниса, Гюльсум, Зейваниса... Все девушки принарядились, покрасились хной. Пугливости и сдержанности как не бывало... Веселятся в предвкушении испытания своей судьбы. Волнение покрыло щеки румянцем, смущение скрылось за говорливостью.

Гамза вносит в комнату большой, недавно луженный медный таз, наполненный водой. Взяв тюфячки, девушки садятся вокруг таза. Каждая, сняв с руки колечко с камешком, кто с рубином, кто с бирюзой, бросает его в воду. Гамза накидывает на таз шелковую темно-малиновую шаль Бадамбеим, чтобы нельзя было схитрить, чтобы ничье кольцо не увидеть и не угадать... Гамза-главная. Она просунула руку под шаль, перемешала в воде кольца, словно камешки на речном дне, и, обернувшись к девушкам, несмело произнесла:

- Ну, начинайте...

Подруги растерянно переглядываются, никто не хочет начинать первой: каждая из девушек должна спеть четверостишие-баяты, а Гамза в этот момент вытащит из-под шали чье-то колечко. И снова вмешивается Гамза:

- Вы что, языки проглотили, негодницы? Начинайте! Надо успеть до азана... Опоздаем ведь...

Заговорила Кебутар:

- Пусть начинает самая смелая!

Сюби скривила тонкие губы:

- Вот ты бы и начала, а то летучая мышь по ночам летает, видно, думает, что никто об этом не знает...

- Ах ты противная!.. И ворона себя птицей величает! Тубниса вмешалась в перепалку:

- Девочки, перестаньте злословить, не дай аллах вас кому-нибудь услышать!

- Тубниса верно говорит, хватит спорить... Кебутар, начинай!

Кебутар начала первой:

Образ твой в душе храню,

На Каабу не сменю.

Красота твоя - святыня!

Ей молюсь пять раз на дню!

Гамза, с улыбкой оглядев всех, сунула руку под шаль, снова перемешала в воде кольца и вытащила одно из них. Беспокойные, тоскующие глаза так и впились в него... Гюльбике радостно вскрикнула:

- Отдай, мое...

Все рассмеялись над ее горячностью.

- Бери, счастливая, что может быть лучше того, что ты услышала?

От Кебутар очередь прочесть баяты перешла к Гюльсум, сидевшей слева от нее. Она заранее приготовила хорошее четверостишие, сама бы не прочь для себя услышать такое:

Срежешь розу - не сомни,

В мягкий бархат заверни.

Выйдешь замуж по любви –

Будут радостными дни!7

Гамза снова вынула кольцо, стряхнула воду.

- Бери, Сюби, не стесняйся! Я знаю твое колечко, счастливица! Поздравляю черненького Ага Мехти... Хорошая из тебя невестка получится для его матери! Но ты держись! Очень она властная женщина...

Когда по кругу очередь дошла до Тубнисы, она растерялась - никак не могла вспомнить ни одного четверостишия:

- Ой, как будто меня околдовали, не могу произнести ничего... Ради аллаха, пропустите меня! Пусть Гюльниса скажет первой, а потом я...

Девушки запротестовали:

- Нет, нет, так нельзя: круг нарушится!

- Ну что раскричались, как петухи! Сейчас вспомню, подождите минутку!

Все в нетерпении переглянулись, но вот Тубниса вспомнила:

Снега белая стена

Да тумана пелена.

Муж стареет раньше срока,

Коль сварливая жена!

Когда Гамза вытащила очередное кольцо, все расхохотались.

- О-о-о! Она сама для себя прочла баяты!.. Не будь сварливой, голубушка, а не то муж поседеет раньше времени...

Покрасневшая Тубниса протянула руку и взяла свое колечко. Пальцы ее дрожали...

- Дай бог тебе счастья, Тубниса, чтоб у вас было много детей! - шепнула ей Гамза. - Кто теперь? - спросила она громко.

Гюльниса бездумно оттараторила первое, что пришло ей на ум:

Садовода не гневи,

Ничего в саду не рви..

Соловья в саду убили –

Роза бедная в крови8.

Баяты прозвучали в полной тишине. Страх сковал лица тех, кто готовился услышать свою «судьбу». Чье кольцо достанут сейчас?! У Гамзы руки не поднимались. Гюльсум больно ущипнула Гюльнису за руку, не смогла удержать возмущение:

- Мало баяты на свете, что ты вспомнила самые черные?

Сама Гюльниса сидела словно пришибленная, она даже не охнула от боли, только тихонько терла покрасневшую руку. Все глаза были устремлены на Гамзу... Делать нечего, девушка будто нехотя приподняла материнскую шаль и медленно вытащила из-под нее кольцо, сердце ее упало: кольцо принадлежало ей, гадание предрекало ей беду! «О аллах! Я потеряю моего Мухаммеда! Горе мне! Горе мне! Почему Гюльниса вспомнила именно это четверостишие?» Гамза изо всех сил старалась не показать подругам, как больно ударило ее предсказание. Но веселье уже нарушено, девушкам уже не хочется читать и слушать байты. Больше других опечалена виновница происшедшего - Гюльниса... Никто не глядит в ее сторону...

Донесшийся с улицы голос, призывающий верующих к молитве, прервал затянувшееся молчание. Проворно вскочив на ноги, Гюльсум предложила:

- Что-то скучно стало читать баяты... Гамза, принеси замок, будем по очереди выходить на улицу, чтобы услышать, что нам сулит судьба! Вот теперь я первая!

Гюльсум очень старалась развеять общее настроение. Девушки поднялись, в суете никто не заметил, когда ушла Гюльниса.

Гамза принесла замок с ключом. Гюльсум взяла у нее из рук замок и со словами: «Задумываю желание на тебя» - закрыла его. Гамза попыталась улыбнуться, но губы плохо слушались. Гюльсум положила ключ в карман, вернула замок Гамзе и, плотно заткнув уши пальцами обеих рук, выбежала стремглав на улицу. У ворот ребятишки размахивали горящими фитилями, привязанными к проволоке. Гюльсум отняла руки от ушей. И первое, что она услышала, было:

- Горит! Горит! Смотри, как пылает...

Сердце Гюльсум сжалось от предчувствия беды: она загадала на Гамзу - и снова гадание предвещает беду бедной девушке... «Бедная Гамза, я думала, что после того неудачного четверостишия хоть я принесу ей с улицы добрую весть, но и здесь гадание обещает ей что-то нехорошее. Нет, нет, я ей ничего не скажу, обману как-нибудь...»

... Через три дня после праздника Гаджикиши после вечерней молитвы сказал жене:

- Я дал согласие сыну Сары Мирхаджаги...

Бадамбеим вначале ничего не поняла:

- Какое согласие?

Гаджикиши резко оборвал ее:

- Какое еще может быть согласие, жена? Я сказал, что отдам свою дочь в жены Мирсалеху-сыну Мирхаджаги.

- Подумай, что ты говоришь?! Ты клятву дал своему покойному брату! Дочку сделал нареченной его сына со дня ее рождения! Это все люди знают, весь город, разве так можно?!

Бадамбеим представила себе, как будет взволнована и огорчена жена покойного деверя Ханумсолтан, когда услышит эту ужасную новость... Бедняжка Ханумсолтан одна вырастила трех сыновей после смерти своего мужа...

Гаджикиши и сам все это хорошо знал, но отдать дочь за Мухаммеда, о котором болтают в народе всякое, он не намерен! Разговоры о младшем сыне покойного брата извели его душу, что в этом смыслит женщина? Не стоит и обсуждать. Но жена не успокаивалась:

Ты не должен обижать память своего покойного брата Гусейна!

- Жена! Ты меня хорошо знаешь! Знай, что если бы у меня была не одна, а девять слепых дочерей, я ни одну не отдал бы за Мухаммеда. Из него для моей девочки мужа не получится, он бездельник и шалопай. Видите ли, решил поэтом стать! Зять-поэт? Ну, уж нет! Я сказал: «Нет!» И кончено! Я говорил сегодня в лавке Дор Али с одним человеком и дал слово... И больше попусту не болтай! Все что знаешь, я тоже знаю. И перед моим покойным братом на том свете буду держать ответ я сам.

Внезапно крик положил конец спору отца с матерью. Они вбежали в боковую комнату. Гамза лежала на полу в луже крови, она лилась из рассеченного виска и заливала все лицо.

- Вай! Пусть обрушится дом виновного, дитя мое погибает! - начала причитать несчастная мать. - О аллах, не оставь ее в эту минуту!

Гаджикиши тоже растерялся. «Наверно, бедная девочка услышала мои слова, что и мертвую я не отдам ее за проклятого нечестивца...» Он наклонился над дочерью и стал поглаживать в отчаянии ее плечо.

- Что ты волосы рвешь, женщина! Встань, принеси воды и приготовь постель.

Спотыкаясь и наталкиваясь на стены, мать прошла в кухню и вернулась с медным ковшиком воды. Гаджикиши осторожными движениями сначала обрызгал лицо дочери водой, а потом смыл кровь с ее лица и шеи. При этом он приговаривал:

- Нельзя быть такой неосторожной, дочка! Чего ты испугалась? Что случилось? - Но, увидев, что Гамза никак не откликается на его слова, обрушил свою растерянность на жену: - Я же тебе сказал, бестолочь, чтобы ты приготовила постель! Что ты застыла? Совсем из ума выжила!

Не зная, что предпринять, чтобы помочь умирающей дочери, бедная мать не стерпела, накинулась на мужа, которому не перечила ни разу в жизни до сей минуты, с проклятьями:

- Чтоб ты провалился! Все хвастаешь: «Я! Я!» Разлучил мое дитя с женихом! Теперь, когда она уходит от меня, ищешь во мне причину своих бед! Проклятый!.. Да выйдет у тебя душа из черного зрачка твоих глаз!

Бадамбеим кинулась к постели и принялась взбивать подушки. Но даже теперь не мог муж не ответить на женино неуважение. Подойдя к ней, он сильно ударил ее по лицу:

- Если еще раз осмелишься сказать подобное, считай себя мертвой! Раскрой уши и слушай: я лучше увижу Гамзу мертвой, чем отдам ее этому мальчишке!

Ни пощечина, ни ругань не возымели своего действия на Бадамбеим, что может быть страшнее вида умирающей дочери в луже крови на полу?!

- О аллах, вразуми отца моей дочери! Только ты, всемогущий, можешь заставить его понять, что это его собственное дитя тоже!.. Помоги мне положить ее в постель! Может быть, настали ее последние минуты, да не услышит она наших споров...

Мать горько заплакала, обвязывая лоб Гамзы собственной косынкой. Гаджикиши наклонился и поднял дочь на руки, потом с предосторожностями уложил ее в приготовленную матерью постель.

... В эту ночь Гамза так и не пришла в себя. Мать не отходила от нее ни на шаг. Когда утром следующего дня девушка очнулась, она увидела тоскующие глаза матери, устремленные на нее.

- Родная моя, девочка моя, да перейдут на меня твои горести и болезни, что с тобой?

Одна ночь так изменила облик Гамзы, что узнать ее было невозможно: будто многолетняя болезнь подтачивала ее силы. Той девушки, которая блистала среди подружек своей красотой, уже не было. Как будто не она собиралась с девушками в последнюю среду года... Бедняжка и не догадывалась о том, как она изменилась.

Мать прикладывала примочки со снадобьями к ее ране, вытирала мокрым полотенцем лоб. Гамза ослабевшей рукой тронула ноющую голову, гримаса боли исказила ее черты. Глаза наполнились слезами, рыдания стиснули грудь.

- Что с тобой, моя девочка?

- Не спрашивай о моем горе, мама, я все слышала...

Бадамбеим горько заплакала:

- Что делать, дитя мое? Он - твой отец, глава дома! Что он скажет - мы должны делать... Родная моя, не горюй, аллах милостив, может быть, отец изменит свое решение.

- Нет, мама, я знаю, не изменит... Знаешь, в тот праздничный последний день, когда мы гадали по кольцам с девочками, Гюльниса нагадала мне: «Соловья в саду убили, роза бедная в крови...»

- Стоит ли обращать внимание на баяты, девочка? Да ну ее, Гюльнису...

- Нет, мама, у меня предчувствие. Разве ты не знаешь отца? Он не изменит своего решения, сказал - сделает...

Бадамбеим поняла, что не смогла переубедить дочь пустыми обещаниями, и всполошилась снова:

- Да обрушится дом виновника наших бед, да сгорит он! Отцу наболтали что-то про Мухаммеда, вот он и отвернулся от него. Терпи, детка, такова наша доля, завещанная нам пророком великим. Подумай, Мирсалех тоже неплохой парень, из достойной семьи, и

кусок хлеба у них есть! Не знаю, может быть, аллаху виднее. Не перечь отцу, послушание родителям в чести у аллаха...

- Мама, у тебя не каменное сердце, ты должна меня понять. Не уговаривай меня! Не заставляй говорить всю правду... Дело даже не в том, что меня не отдадут моему нареченному... Силы оставляют меня... Я знаю, что скоро умру... И теперь мне кажется, что я уже мертва.

- Избави, аллах, детка, почему ты должна умереть?! Кому ты причинила зло?

- Мама, у меня внутри все горит, дай мне глоток воды...

Мать тут же поднялась и принесла чайник:

- Гамза, да перейдут на меня твои горести, может быть, выпьешь немного крепкого сладкого чая, он тебя подкрепит? - Она присела рядом с дочерью, готовясь налить в пиалу: - Знаешь, детка, возможно, аллах начертал на твоем лбу именно такую перемену в твоей жизни. Может быть, ты и найдешь свое счастье в этом новом сватовстве?

Гамза прикрыла пиалу дрожащей рукой.

- Я не хочу чаю, мама, дай мне холодной воды, я горю...

Только что матери казалось, что ей удалось отвлечь внимание дочери от беды, которая надвинулась на нее, но нет...

- Да будет мать жертвой твоего израненного, горящего сердца, доченька! Как же я дам тебе холодной воды! Тебе сейчас, не приведи аллах, только хуже станет от нее. Ты вся горишь, как свеча на ветру, в чем душа теплится...

- Хуже быть не может, мама, дай холодной воды!

... Шли дни, но Гамза не поправлялась. Она даже не могла встать с постели.

Тем временем в доме готовились к обручению с новым женихом. Пришли сваты с подарками для невесты и с обручальным кольцом, которое означало, что отныне Гамза принадлежит жениху-Мирсалеху. Особенного приема сватам, полагающегося при обручении, не было: невеста лежала больная... Даже традиционный обряд кройки подвенечного платья и других свадебных нарядов, шитья приданого и постельного белья совершался без невесты, Гамза лежала пластом. Лекарства не помогали. В городе не осталось моллы, дервиша, знахарки, к которым бы не обращалась Бадамбеим. Над девушкой читались заклинания. Из дома Сеида Азима принесли ритуальный молитвенный коврик рода сеидов и приложили к голове больной. Одни советовали сжечь над ее головой кошачьи волосы, другие приносили семена руты, которыми следовало окуривать комнату в предутренние часы, еще до пения первых петухов. Особенно сведущие в подобных случаях говорили матери, что самое лучшее средство от недуга - сжечь над Гамзой специальные заклинания, и непременно в те минуты, когда скот гонят с пастбища... Все эти ухищрения ни к чему не привели. Дым разъедал бедняжке глаза, но помочь несчастью ничто не могло.

И наконец, женщины посоветовали Бадамбеим отправиться с больной дочерью на поклонение в святилище недалеко от Шемахи. Моление в святилище вместе с тамошней жрицей приносит исцеление и не таким тяжелым больным. Как известно, почитание мусульманской святыни связано с личностью какого-либо святого: он там погребен, или жил в этом месте, или останавливался для отдыха, или молился. Почитается не только сам святой, но и место, где ступала его нога или покоится его тело. Люди верят, что святилища обладают сверхъестественной силой, что в святых местах они находятся под особым покровительством аллаха и святого... Как было отказаться несчастной матери от такой заманчивой возможности?! Конечно же она пойдет пешком на поклонение с Гамзой.

В другое время Бадамбеим обратилась бы к жене покойного деверя Ханумсолтан и попросила бы ее отправиться на поклонение вместе с ними. Но отказ Гаджикиши от слова, данного покойному брату, отдать Гамзу замуж за Мухаммеда породил между семьями вражду, злобу и обиду. Говорят в народе, что у жен братьев даже платья в сундуке не уживаются. Но о взаимоотношениях Бадамбеим и Ханумсолтан раньше так сказать было нельзя, они очень дружили между собой и с нетерпением мечтали о том времени, когда их дети совьют свое гнездо. Теперь же связь между женщинами была порвана, хотя Бадамбеим знала, что Ханумсолтан по-прежнему любит Гамзу, так же, как и она сама любит Мухаммеда. Ах, если бы она могла обратиться к Ханумсолтан, которую считала своей старшей сестрой, со словами: «Да буду я твоей жертвой, Ханумсолтан!.. Я боюсь потерять Гамзу! Пойдем с нами к святилищу! Вместе мы одолеем трудный путь, вместе помолимся за мою доченьку. Может быть, ворота небес будут открыты для наших просьб - и аллах поможет моему ребенку...» Но не могла теперь мать просить Ханумсолтан, ведь они незаслуженно обидели ее. И что сделал Мухаммед, что его так ненавидит родной дядя?..

Бадамбеим обратилась за помощью к своей подруге Бике, которая ежедневно забегала к ним, выполняя мелкие поручения, договариваясь с моллами и знахарями, говорила два-три ободряющих слова Гамзе. Она сразу же согласилась сопровождать Бадамбеим и Гамзу. Теперь дело было за мужем: без его согласия в доме ничего не делалось.

- Знаешь, Гаджикиши, говорят, дочке нашей может помочь поклонение и молитва в святилище...

Отец и сам был удручен затянувшейся болезнью дочери, из-за этого откладывалась и свадьба, запаздывать с которой Гаджикиши не желал, поэтому он сразу согласился:

- Говорят, надо вести, веди... Если ей не помогло лекарство Мирзамаммеда, поможет ли ей поклонение святилищу?

- Не говори так, муж! Она еще жива!

- Жива, жива, я и сам думаю, что девчонка притворяется! Затягивает, чтобы отсрочить намеченную свадьбу!

- Не ругай ее, она так больна.

- Вот тебе мое последнее слово: идите куда хотите, лишь бы поднялась на ноги, чтобы сыграть свадьбу. Не встанет, - значит, умрет. Если вы надеетесь обе, что мое сердце смягчится и я изменю решение, ошибаетесь! О другом разговора быть не может.

Услышав слова мужа, сказанные тихим голосом, но с раздражением и злобой, женщина похолодела. «О аллах! Что же такое сделал ему бедный парень, что он так гневается на него?!» Мать поняла, что судьба дочери уже решена мужем окончательно. Гамза права, отец никогда не изменит своего последнего слова, после этого о Мухаммеде не может быть и речи. Муж произнес свои слова как глубоко уязвленный и смертельно обиженный человек. «Да обрушится дом виновника», - сказала она со вздохом. И опять бедная женщина не могла совместить в своем сознании Мухаммеда и дурные дела. Она только проклинала виновника недовольства мужа.

... Гаджикиши владел на Базаре лавкой, в которой шил и продавал шапки и папахи. Он покупал привозимые из Дагестана шкурки каракуля и мерлушки, черные, коричневые, серые, с длинным и коротким ворсом, и шил из них знаменитые во всем Ширване папахи - островерхие и плоскодонные, высокие и низкие. На одни папахи шел мех из Калмыкии, на другие из Черкесии. Считалось хорошим тоном носить шапку, сшитую руками Гаджикиши. Сеид Азим тоже заказывал себе папахи у него. В последний раз, когда Гаджикиши выполнял очередной заказ Аги, под рукой у него не оказалось нужного добротного меха, и, вместо того чтобы подождать и сшить папаху лучшего качества, Гаджикиши поторопился и сделал папаху из плохого меха. И вот на шапочника пошла гулять эпиграмма:

Мех калмыцкий вместо черкесского

Что ж всучил ты мне, друг Гаджи?

Ну и шапка, брат! Не успел надеть –

Изорвалась вся вдруг, Гаджи!

Круги пошли по воде - эпиграмма имела успех. Честно говоря, шапочник пожалел о том, что сделал... Однако затаил обиду на поэта, с которым раньше был в приятельских отношениях: приглашал в свою лавку на чай, с удовольствием слушал его рассказы, шутил с ним... Все было хорошо, пока шутка касалась другого, но как только эпиграмма на Гаджикиши распространилась по Базару, отношения были порваны. Вместо того чтобы пенять на себя, он разозлился на Агу, не ощутив шуточного и веселого тона эпиграммы. Одной из причин его враждебности к Мухаммеду была близость племянника с Сеидом Азимом. А то, что семья покойного брата дала прибежище поэтическому меджлису «Дом наслаждения», вывело его из себя! Его племянник - поэт, его называют «Мухаммед Сафа»... Этого еще недоставало!.. «Скоро я не смогу ходить по шемахинскому Базару из-за этих поэтов. Такого бесчестья стерпеть нельзя. Аллах не дал мне сына, я думал, дети брата - мои сыновья... Но нет, аллах должен дать сына самому человеку, - как говорится, кто чужого теленка привязывает, у того в руках лишь веревка остается!» Дочь была его надеждой, но и она подвела. Вот почему он ополчился на Гамзу и жену.

Не понимая, что руководит мужем в его решении, не зная подлинных причин вражды, Бадамбеим поражалась жестокости мужа. «Старик, видно, не в себе... О аллах! Будь милосердным, может ли отец быть таким безжалостным к собственному ребенку?» - думала она, сравнивая сердце мужа с камнем.

Гаджикиши спешил в лавку. Жена остановила его во дворе, чтобы до Гамзы не донеслось, о чем они говорят.

Гаджикиши рассеянно спросил:

- Хорошо, отправляйтесь... А с кем вы пойдете?

Бадамбеим знала, что муж спросит об этом: негоже женщине отправляться в такой путь с больным ребенком, не заручившись подмогой. Она быстро ответила:

- С Бике.

- Хорошо, только старайся побыстрей вернуться. Бике пришла, когда Гаджикиши уже ушел. Они вдвоем помогли Гамзе одеться, взяли жертвоприношения, заранее припасенные Бадамбеим, и двинулись в путь.

Как давно Гамза не была на свежем воздухе! Она как будто ожила. Свежий ветерок ласкал лицо и шею. Цветущие луга, зеленые сады, холмы, убегающая вдаль безлюдная дорога - все радовало взор.

Знавшая дорогу Бике часто останавливалась, чтобы Гамза не устала. Кивнув Бадамбеим, она скороговоркой проговорила:

- Будь проклят сомневающийся! Смотри, сестрица, слава аллаху, мы только пустились в праведный путь, а девочке уже, кажется, лучше... - Бике улыбнулась и продолжила свой рассказ о порядках и обычаях в святилище, куда направлялась не впервой.

Сердце матери наполнилось надеждой, она тоже заметила перемену к лучшему в состоянии Гамзы.

Еще до полудня они добрались до святилища. В окружении вековых деревьев стояло небольшое старинное строение, стены которого поросли мхом. Даже сквозь щели в куполе пробивалась трава... Перед святилищем они увидели женщин, тоже ожидавших моления. Прибывших на поклонение встретила жрица святилища Айша:

- Добро пожаловать, да пошлет аллах вам исцеление... Больная, кажется, девушка?

Бике ответила:

- Да, сестрица, мы пришли просить у вас помощи. У этих дверей мы надеемся получить исцеление... Единственная дочь... Такое несчастье... Тает как свеча с каждым днем...

- Если вы пришли с чистыми помыслами, аллах вам поможет, уйдет отсюда здоровой, отбросит все болезни.

Бадамбеим и Бике отдали Айше принесенные пожертвования, вдобавок мать отдала жрице деньги. В ответ на это жрица ввела их внутрь святилища и указала им места. Вслед за ними вошли и другие женщины, ожидавшие под деревьями.

Внутри святилища стоял полумрак. Сквозь высокие узкие окна в толстой стене, похожие на бойницы, падали слабые косые лучи солнца. В помещении было прохладно, Гамзу

слегка знобило. Женщины кружком уселись на старых циновках и полосатых маленьких паласах. Бике посадила Гамзу между собой и матерью и тихонько зашептала ей на ухо:

- Крепись, девочка, уповай на помощь аллаха!.. Смотри, что будет делать Айша, и повторяй все за ней.

Служительница уселась перед нишей, напоминающей древний очаг, который был устроен в середине стены напротив входа. На стене над очагом были высечены слова на арабском языке: «О аллах, о правда, о аллах правдивый».

Окинув взглядом женщин, сидевших по кругу с правой и левой от нее стороны, Айша положила руки на грудь. Подула сначала налево, потом направо, и стала раскачиваться на месте, приговаривая первые слова своей молитвы. Она обращалась от имени шейха этого святилища - шейха Эйюба к аллаху, от неба, что над головой, к аллаху, от горы Пирдереки к аллаху...

Повторявшие ее движения и слова женщины все яростнее раскачивались, сидя на коленях. По мере чтения молитвы они все больше распалялись и постепенно от стен, у которых они сидели, стали продвигаться к центру. По-прежнему первой к аллаху взывала Айша, ей вторили возбужденные сверх меры женщины, они хлопали себя по груди и плечам и на коленях двигались и двигались к центру... Волнение страждущих нарастало, нервное напряжение достигло пика, пена появилась у многих на губах, некоторые потеряли сознание, - измученные и обессиленные, они упали на пол. Молящимся это казалось хорошим признаком: «Счастливица! Эта выздоровеет, ей повезло, с исступлением болезнь покинула ее!»

Гамза одной из первых лишилась сознания. Мать и Бике с трудом привели ее в чувство. Ее вынесли на свежий воздух из святилища, окропили лицо холодной водой, и наконец девушка очнулась. Из страха перед мужем Бадамбеим решилась сразу же пуститься в обратный путь. Гамза была слишком слаба для такой дороги, к тому же она не взяла и кусочка в рот. Опечаленная происшедшим, Бике думала: «Наверно, не надо было приводить сюда бедную девочку, она только измучилась и еще больше ослабела. О аллах! Может быть, потом польза проявится...»

Обратно длинная и безлюдная дорога уже не радовала взор. Те же зеленые сады и цветущие луга потеряли для путниц свое очарование - надежда оставила их. Повозку или арбу нанять было не у кого. С двух сторон взяв больную под руки, они с трудом шли, почти волоча ее по земле. Далеко так не уйдешь...

Они отдалились от святилища на значительное расстояние, когда услышали за собой конский топот. Женщины сошли с дороги, чтобы пропустить всадников. Обессиленную ходьбой Гамзу усадили на обочине, Бадамбеим пыталась облегчить ей страдания, смачивала водой лоб и виски. Бике понимала, что им необходимо вернуться в город до темноты. Во-первых, у них на руках больная, а во-вторых, страшно ночью в степи женщинам... Когда всадники приблизились, она решилась: поплотнее завернувшись в чадру, чтобы совсем не видно было лица, она подняла руку и направилась навстречу всадникам.

- Братья, ради святого Аббаса, помогите нам! С нами больная, которую мы водили на моление в святилище... Видно, исступление ей не помогло.

Обычаи не позволяют смотреть мужчинам на чужих женщин, поэтому всадники остановились в отдалении. Это были Сеид Азим Ширвани и Мухаммед Сафа. Они спешились, еще не зная, как помочь женщинам. Сеиду Азиму ни одна из женщин, как ему показалось, не была знакома. А Мухаммед сразу узнал жену своего покойного дяди и Гамзу. Он удивленно окликнул их. Бадамбеим подняла голову и увидела Мухаммеда. В первую минуту растерянности она не могла решить, как им быть. Обратиться ли к нему за помощью бедняжке Гамзе или отвергнуть эту помощь из страха перед гневом мужа, если он узнает о встрече... Женщина расплакалась:

- Лучше бы аллах убил меня, детка.

- За что, тетя?!

- Гибнет моя девочка... - еще горше заплакала Бадамбеим.

Мухаммед передал поводья Сеиду Азиму и подбежал к сидящей на земле Гамзе.

- Что с Гамзой, тетя?! - голос Мухаммеда дрожал от волнения.

- Не видишь разве? Мое дитя на смертном одре.

- Я слышал, что она болеет, но не представлял, что это так серьезно. После того как дядя...

- Откуда тебе знать? Иная дружба что надпись на льду...

- Теряющий друга - сам себе враг.

- Об этом пойди и скажи своему дяде!

- Да разве дядя хочет меня слушать! Он даже не глядит в мою сторону! Отворачивается, едва завидев на Базаре...

- Из-за тебя он и нас изводит, Мухаммед!

- Да что я такое сделал, тетя?

- Я же говорю, что об этом знает лишь твой дядя! Он и тень твою рубит. Мы не смеем ни имени твоего назвать, ни вспомнить твоих братьев и мать...

- Так что же с Гамзой, тетя?

- Ей не помогали ни лекарства, ни заклинания, ни жертвоприношения, поэтому я решилась отвести ее к святилищу... Но, как видишь, и это не помогло, бедняжке стало еще хуже... Бедное мое дитя!

Проклятые обычаи запрещали Мухаммеду в присутствии Сеида Азима и женщин хоть два слова сказать Гамзе. Он только изредка кидал на нее взгляды.

Ко всему на свете безразличная, ссутулившись от усталости, девушка гасла на глазах. Она не спускала пристального взгляда с Мухаммеда. Весь смысл ее жизни еще совсем недавно был сосредоточен в нем... «Как быстро ты забыл меня, Мухаммед... Почему ты оставил меня мучиться одну? Где твои клятвы верности? Как быстро ты все позабыл... - думала

Гамза. - Каким ты неверным оказался... Равнодушным к моей беде... Какое зло ты причинил моему отцу, что он имени твоего слышать не может? А мне твое имя язык жжет, не могу произнести... И сердце мое обжигает, как только подумаю о тебе... Любимый мой! А помнишь в детстве! Нас помолвили при моем рождении, поэтому, вопреки обычаям, не прятали друг от друга... Как мы играли! Какие рассказывали сказки, какие пели песни! Неужели все это было? Оказывается, это было ложью, которая оплела меня. Имя твое не хочет уходить из моего сердца, ах, Мухаммед, Мухаммед! Ты думаешь, я стану женой Мирсалеху? Ты думаешь, я буду жить на этом свете без тебя? Ты говорил мне: «Мир без тебя тесен»... Оказывается, для тебя мир просторен, вот ты развлекаешься, куда-то ездишь. Только меня нет в твоем просторном мире! А мама твоя - Ханумсолтан - раньше часто говорила: «Нет счастливей меня среди шемахинских матерей, потому что у меня будет такая невестка, как ты! Все будут завидовать мне...» А теперь даже не вспомнит обо мне. Почему вы не придумаете что-нибудь, чтоб помочь мне? Чтобы успокоить моего отца? Почему не уговариваете его? Почему не собираете всех старейшин в городе, чтобы они помирили вас? Такова твоя верность мне, Мухаммед?.. Ты был моей судьбой, любимый. Ты был моим солнцем, моей луной, моим светом. Каким ты ненадежным оказался...»

Гамзе казалось, что Мухаммед читает ее мысли... Молодой поэт видел упрек и укор в глазах девушки, но не мог ей объяснить, что все его попытки помириться с дядей ни к чему не привели. Подавив в себе желание поговорить с девушкой, он сосредоточился на том, как помочь женщинам выбраться побыстрее в город. Он подошел к Сеиду Азиму, державшему коней с другой стороны дороги.

- Кто эти женщины, Сафа?

- Жена моего покойного дяди с дочерью и еще одна женщина, которую я не знаю.

- Откуда они идут? Почему пешком? Одни? - Ага хотел добавить «без сопровождающего их мужчины», но не сказал.

- Они ходили на поклонение к святилищу. Требуется, чтобы они путь проделали пешком. А дочь моего дяди очень больна, совсем не может двигаться от усталости... Ага, прости меня! Ты поезжай, я отдам бедным женщинам своего коня, а сам пойду пешком. Вблизи города женщины привяжут коня к какому-нибудь дереву, а я потом его отвяжу, чтобы дядя не узнал.

Сеид Азим слышал об этой истории, о ней в городе знали все: шапочник Гаджикиши не отдал дочь за помолвленного с ней при ее рождении племянника, которого раньше любил, как сына. Отказался от слова, данного покойному брату. Девушку просватал за Мирсалеха, Свадьба задерживается из-за болезни невесты... Девушка тяжело больна, некоторые даже поговаривают, что она не в себе... Каждый добавлял что-нибудь свое.

- Прекрасная мысль, но почему только ты? Что для них один конь, их ведь трое? Отдай им и моего коня, пусть у городских ворот привяжут обоих коней к дереву. А мы пойдем пешком, за беседой не заметим, как окажемся у городских ворот.

- Это затруднит вас.

- Как не совестно, Сафа, как может благое дело затруднить?

Мухаммед возвратился к женщинам. Его встретили тоскующие, полные укоризны глаза Гамзы. Как бы ему хотелось сказать ей несколько ласковых слов, как не желал он расставаться с ней! Но все равно, ни поговорить, ни приласкать...

- Тетя, мы отдаем вам наших коней. Когда доберетесь до города, привяжите их к дереву. Не бойтесь, мы идем следом за вами. Кто из вас лучше держится в седле, той сзади мы подсадим больную.

Он не мог назвать по имени Гамзу, а девушка с горечью подумала: «Злодей, уже и имени моего не называешь...»

Бадамбеим тут же согласилась:

- Спасибо, детка! Но я с трудом удержусь на коне, может, тетя Бике лучше умеет.

И Бике согласилась:

- Сажайте позади меня, я умею держаться в седле.

Сафа подсадил сначала Бадамбеим, потом Бике на коней. Когда он взял на руки Гамзу, чтобы посадить ее позади Бике, он украдкой осторожно поцеловал холодную руку Гамзы. Губы Мухаммеда похолодели, рука Гамзы запылала...

Всадницы уехали, а поэты остались одни на дороге.

- Жаль бедную девушку, - раздумчиво произнес Сеид Азим, - если она тяжело больна, вряд ли ей поможет радение в святилище. Темные люди верят, что покровители святилища обладают чудодейственной властью над духами болезней, способны исцелять больных от недугов. Моление в святилищах приводит людей в исступление, что вредно само по себе... Лучше бы больше хороших врачей было у нашего народа... - А мысленно добавил: «Она - жертва несчастной любви, насильно замкнутых уст». Но и его уста не смогли произнести вопроса, который напрашивался сам собой, это не принято...

Горе этих несчастных стиснуло сердце Сеида Азима. На мгновение ему показалось, что один из мучеников не Мухаммед Сафа, а Тарлан. И девушка, лица которой он не рассмотрел, не Гамза, а прекрасная Сона. Печальная, поникшая от горя, искавшая убежища Сона. И снова ему послышался голос его феи вдохновения, голос царицы фей, голос Соны: «Мой поэт, и снова душат любовь! До каких пор желания и мечты будут топтать ногами? До каких пор любящие не смогут защитить своих любимых? До каких пор чужая воля будет калечить людские судьбы?» Сеид Азим не заметил, как зашевелились его губы; рождалась новая газель, наполненная болью и гневом. Мухаммед Сафа прислушался и поразился тому, что Ага точно прочувствовал его горе. Он вспоминал глаза Гамзы и вновь корил себя за бездействие, слушая Сеида Азима.

Нашей встречи вино для меня отравила судьба,

Ты ушла - в злую горечь меня погрузила судьба.

А была ты близка - сердце пело от встречи с тобой.

Лунный лик твой теперь от меня отвратила судьба.

И смешались в разлуке с тобой для меня день и ночь,

И рассвета свечу навсегда погасила судьба.

КНИГА ВТОРАЯ

Знаю, мой друг читатель, ты волнуешься за судьбу моих героинь. Сначала ты горевал вместе с Соной, о дальнейшей судьбе которой ты ничего не знаешь. К ее горю прибавилось еще горе Гамзы. К сожалению, сейчас я вынуждена оставить тебя в неведении и немного вернуться назад, к тем событиям, которые имели место в Шемахе. Прости меня, немного времени отниму у тебя. Дай мне руку, будь мне опорой, давай зайдем к Гюллюбеим-ханум... Ты помнишь о ней? Ты слышал ее имя и в письмах Сеида Азима к Тарлану, и в рассказах шемахинцев о школах, и в мечтах нашего поэта. Но с самой Гюллюбеим мы не встречались. Это знакомство очень важно, ты должен знать самоотверженную и храбрую женщину, ратующую за просвещение своего народа... Ведь школа Сеида Азима Ширвани возникла не на пустом месте, до нее в Шемахе были, хотя и недолго просуществовавшие, школа Рза-бека и школа для девочек Гюллюбеим-ханум. Для поэта они являлись неким прообразом будущей новой школы.

Неизвестность мучительна, мой друг, я знаю, но будь терпелив, вскоре мы увидимся и с оставшейся в народных легендах Соной, и с безвестной Гамзой. Теперь же, как в старину говаривали наши бабушки, Сона с Гамзой пусть здесь останутся, а наш рассказ пойдет о Гюллюбеим...

С Гюллюбеим-ханум наше знакомство запоздало. Наступили тяжелые минуты ее жизни, и теперь самое время получше узнать ее школу, которая прославилась в Ширване как школа нового типа для девочек. Гюллюбеим-ханум стремилась сочетать в ней приметы общеобразовательной школы с теми необходимыми атрибутами, которые характеризуют традиционную моллахану, где обязательно изучение основ шариата, начальных законов мусульманского права.

Давайте войдем в дом этой храброй женщины, который служил помещением школы. Эта школа смелой учительницы была первой- школой нового типа не только во всем Ширване, но, может быть, и во всем Азербайджане.

ГЮЛЛЮБЕИМ

Накануне вечером между Гюллюбеим и Исрафилом разгорелся спор...

По сути дела, Исрафил был очень приветливым, мягким человеком и не очень вмешивался в дела любимой жены. Он не стал противиться, ее желанию открыть в своем доме моллахану для маленьких девочек, детей неимущих соседей по кварталу. Человек осторожный и осмотрительный, он даже одобрил намерение Гюллюбеим учить детей и корану, хотя в душе понимал, сколь нелегко вдалбливать в головы малышей непонятные и ему суры. «Пока у нас нет собственных детей, пусть занимается, потом - посмотрим», - думал он. Они были ближайшими соседями семьи Моллы Курбангулу. Жена моллы, Умсалма, известная в квартале своим вздорным и злым нравом, вместе с дочерью Нарындж, которая тоже не отличалась добротой и приветливостью, давали в своем доме уроки корана. Моллахана приносила семье Моллы Курбангулу немалый доход - приходящие сюда девочки, дочери более или менее обеспеченных родителей, платили за обучение. К тому же девочки помогали Умсалме и по хозяйству. Поэтому бесплатная школа, открытая Гюллюбеим, нанесла значительный ущерб доходам семьи Моллы Курбангулу. Это не могло не отразиться на взаимоотношениях соседей.

Вначале Нарындж говорила: «Не стоит волноваться! Кто туда пойдет учиться? Порождение оборванцев, какой от них толк?..» Однако когда жители квартала прослышали, что новая учительница не берет плату за обучение, не заставляет девочек делать всю черную работу в своем домашнем хозяйстве, многие призадумались и, жалея своих дочерей, избавили их от прислуживания Умсалме и Нарындж. Постепенно большинство соседей отправили своих детей в моллахану Гюллюбеим. Нарындж и Умсалма воспылали ненавистью и стали заклятыми врагами Гюллюбеим...

И действительно, моллахана Гюллюбеим была удивительной. Она старалась научить девочек всему, чему когда-то училась, что знала сама... Один час учительница заучивала с девочками суры корана, объясняя и дополняя непонятное своими рассказами. Один час учила писать и читать. В остальные часы она показывала им, как шить, готовить, вести расходы, следить за собой, чтобы быть чистоплотной, выполнять домашние работы, учила тому, чему не учат в традиционной моллахане. Матери были очень довольны новой учительницей. Возвращаясь от нее, дети не уставали хвалить Гюллюбеим. Девочки стали старательными и аккуратными, вежливыми и ласковыми. Родители радовались вдвойне: новая учительница и денег не брала, и хорошо учила.

Но Умсалма и Нарындж не могли успокоиться. Они плели вокруг новой моллаханы паутину недоверия и сплетен. Внезапно появился настойчивый интерес к новой моллахане. Некоторые спрашивали: «Зачем девочкам учиться писать? Как только научатся, начнут писать мальчикам любовные письма...» Слухи росли... На Бакалейном базаре соседи купцы странно поглядывали на Исрафила, в разговорах намекали на недозволенность поведения его жены...

Исрафил решил мягко поговорить с женой об этих намеках на «непотребные дела» в моллахане.

- Гюллюбеим, почему ты не учишь девочек по обычаям нашего народа, как в других моллаханах?

- Потому что хочу научить их всему, что сама знаю...

- Зачем девочкам уметь писать? Говорят, если девочка берет в руки перо, и до греха недалеко.

Гюллюбеим ласково возразила мужу:

- Дорогой, ведь и я умею писать, не хочешь ли ты сказать... У моего знаменитого учителя Моллы Баба не только я училась, и всех нас он учил писать. «Аллахом клянусь, - говорил он, - если девочка выучится писать, это вовсе не грех. Если это грешно, то зачем моллы учат своих дочерей и дочерей господ и беков писать и читать?»

Трудно было возразить доводам Гюллюбеим. Но беспокойство о собственной судьбе и судьбе жены не оставляло Исрафила.

- Знаешь, Гюллю, я за нас самих боюсь... Не знаю отчего, но у меня такое предчувствие, что твои затеи добром не кончатся... Базар говорит, что Молла Курбангулу и его дочь Нарындж, которую прочат за бывшего разбойника Мешади Алыша, да избавит аллах от их зла, на все способны... Я с детства их знаю, из поколения в поколение наши роды рядом жили... Только чуть-чуть наступи им на хвост - и ты конченый человек! А ведь ты вырываешь у них изо рта кусок хлеба...

- Если бы они хорошо учили, то и необходимости в моей школе не было. Бедняжек, приходящих к ним за светом, они заставляют убирать дом, стирать белье, мыть ковры, прислуживать себе в банные дни... Да что говорить! Народ сам видит...

- Не знаю, что тебе сказать, как убедить... Повторяю, не приведи аллах попасть к ним на язык... Дай аллах, чтобы все закончилось миром... Но знай, что позора я не перенесу. Моя гордость не позволит терпеть насмешки... Если что-нибудь случится, твое имя будет запятнано, я не смогу и дня прожить в этом краю, появиться на Базаре... Смотри сама, я заранее тебя предупреждаю: или ты их не задевай, не восстанавливай против себя, а уж если они не угомонятся, имя твое покроют грязью, я уеду отсюда... Сил бороться с ними у меня нет. Увы, я слишком хорошо знаю своих сородичей, если кого невзлюбят!.. - И умолк, пряча глаза от жены.

Гюллюбеим молча выслушала слова мужа. Горько и тяжело было на душе, но она не могла произнести ни одного слова в ответ. Когда начинаешь трудное дело, хорошо, когда рядом кто-то есть, в ком ты найдешь опору, кто тебя поддержит в крутую минуту. Она поняла, что отныне ей самой придется все решать... Пойти против всех?.. На это он не способен.

Гюллюбеим решила отвлечься от тяжелых мыслей и стала готовиться к новому уроку... В последнее время к своим обычным урокам она прибавила урок пения. «Хорошо, что пока никто не знает об этом нововведении! Я предупредила девочек, чтобы они не рассказывали дома, но все-таки сердце у меня не на месте. Может быть, пока не поздно, перестать учить их петь?! Но почему?! Ведь может Ахчик Шушаник в своей домашней школе учить питомиц пению? Или сестра Мария? От этого худа не будет... Ведь я только добра им желаю... Я учу их начальным сурам корана, правилам молитвы, рассказываю, для чего следует соблюдать пост и когда, объясняю смысл религиозных податей и добровольных подношений, учу их молитве по умершим... Но им необходимо уметь жить на этом свете! Мой двоюродный брат Махмуд-ага любит повторять, что аллах создал человека для этого света, а загробным миром распоряжается сам аллах... И надо стараться, чтобы короткую жизнь на этом свете человек не потратил ни на что дурное. А моих маленьких учениц в этой короткой жизни ожидают только лишь заботы о ближних и страх не совершить что-нибудь недозволенное. Изучение одних молитв отнимает у них массу сил. Разве в этом мире, подаренном человеку аллахом, лицо его улыбаться не должно? Я

хочу научить своих учениц иногда радоваться и улыбаться. Я не могу иначе, сам аллах меня создал такой. Без радости жизнь не жизнь!»

С этими мыслями Гюллюбеим проводила мужа на Базар, а сама начала готовить классную комнату к урокам: скоро придут девочки.

В большой, чистой и светлой комнате на полу были расстелены паласы, вдоль стен разложены маленькие тюфячки, и у каждого - низкий складной столик. На столиках приготовлены к урокам кораны, пеналы и маленькие молитвенники. Стены комнаты украшены сотканными из серебряных и золотых нитей картинами-вышивками в рамках. В стенных нишах на полках красовались изящной работы лазурные пиалы, тарелки, чайники и кувшины. На окнах - красивые шторы, от которых светло и весело на душе.

Гюллюбеим еще раз осмотрела комнату, смахнула кое-где несуществующую пыль, расправила половичок у двери. Все было готово для встречи учениц.

По двое, по трое стали приходить девочки. Они радостно здоровались со своей учительницей, Гюллюбеим встречала их улыбкой и приветом.

Каждая занимала свое, определенное заранее место. Девочки не спускали с учительницы влюбленных глаз. Центральное место занимал тюфячок, на который села Гюллюбеим. Ее одежда не отличалась от обычного костюма ширванской женщины. Широкая юбка из плотного атласного шелка, светло-розовая, тонкого марселина блузка выглядывала из-под плотно облегающего стан короткого архалука с широкими рукавами. Белый гянджинский шелковый платок с лиловой кромкой покрывал волосы, концы его были обвиты вокруг шеи. Учительница не носила украшений. Молодое свежее лицо украшала родинка около пухлых губ. Чуть удлиненный овал лица с круглым маленьким подбородком, кудрявые черные волосы, выбивающиеся из-под белого платка, черные, дугой, будто нарисованные, брови...

Девочки затихли, как только Гюллюбеим подняла руку.

- Начинаю с именем аллаха милостивого и милосердного...

Девочки вторили ей. Гюллюбеим все еще была под впечатлением давешнего разговора и мыслей, последовавших после него. Ее урок как бы продолжал недавние размышления:

- Аллах создал людей для жизни в этом мире. Облака, ветер, луна и солнце помогают человеку добыть хлеб насущный по воле аллаха... Аллах низвел с небес воду, и благодаря ей вызревают злаки и растут разнообразные цветы. Потом вянет это осенней порой, чтобы снова расцвести будущей весной. Аллах гонит облака, потом соединяет их, потом превращает в тучу, и ты видишь, как из расщелин ее выходит ливень... И аллах поворачивает день и ночь... И аллах создал весь этот прекрасный мир... Если бы аллах создал человека только для загробного мира, то не трудился бы устраивать таким прекрасным этот мир. Вы пришли в этот мир, чтобы свершить какое-то дело, которое оставит свой след на земле. Аллах дал вам уши, чтобы слышать голоса птиц, людей, дал вам глаза, чтобы видеть красоту небес, долин, гор, лесов, цветов. Аллах дал вам сердце, способное любить родителей, чувствовать вдохновение от музыки, поэзии, пения и других красот... Если бы все это было человеку не нужно, аллах милосердный, ничего не создававший без необходимости, не дал этого человеку и оставил бы его похожим на животное...

Затаив дыхание, девочки слушали Гюллюбеим. Конечно, подобных наставлений у себя дома они никогда не слышали. Задавленные трудом и законами шариата, не позволяющими женщине ходить с открытым лицом, свободно общаться даже со своими знакомыми, матери и бабушки этих девочек были зачастую замкнуты. Дни их проходили в трудах, молитвах и постах, в безропотном повиновении мужчине - главе дома. Девочки с детства впитывали в себя и манеры поведения мусульманской женщины, и обычаи семейные, и послушание. Слова учительницы падали в благодарную почву детской непосредственности и впечатлительности. Они слушали Гюллюбеим затаив дыхание.

Незаметно пролетели уроки корана, чтения и письма. Теперь Гюллюбеим учила девочек пению и началам танца. «Пусть хоть немного повеселятся, ведь они дети... Радость должна найти путь к их сердцам...» Она взяла в руки бубен.

Звуки бубна часто несутся из домов шемахинцев, это никого не может удивить. Но звуки, доносившиеся из дома Гюллюбеим, удивили Нарындж, которая уже давно следила за домом ненавистной соседки, надеясь зацепиться за что-нибудь, чтобы получить в руки веские доводы против Гюллюбеим. Любопытство Нарындж росло. «Вот тебе и моллахана!.. Бубен, смех? Ах, чтобы перевернулись в гробу предки тех, кто доверил тебе детей... Скоро три года, как ты стоишь нам поперек горла... Погоди, сукина дочь, отца останавливало только то, что ты двоюродная сестра Махмуда-аги, нехорошо нам с ним ссориться... Но теперь! Увидишь, что я тебе устрою! Просто не хотелось раньше руки о тебя пачкать! А теперь ты сама вынуждаешь меня разрушить пристанище бесстыдства!»

Нарындж вплотную приблизилась к воротам. Из осторожности, чтоб кто-нибудь не увидел, что она подслушивает у чужих ворот, она оглянулась. Любопытство влекло ее вперед. «С кем она там забавляется? Хотя дети еще не ушли домой... А может быть, уже разошлись после занятий?..» Рыхлое, как у отца, тело Нарындж колыхалось от малейшего движения. Она прильнула к воротам и заглянула в щель между досками. Во дворе никого не было. Звуки неслись из дома. Бубен отбивал ритм, кто-то пел, временами раздавались хлопки. До Нарындж донеслись слова песни:

Белокрылою ты, курочка, была,

Ты по солнышку гуляла, весела,

Я лелеяла тебя и берегла -

Ох, сгорел бы он в огне, ворюга злой,

Разрази его небесною стрелой!

Белокрылой ты красавицей была!

Праздник был, когда ты яйца нам несла,

Я лелеяла тебя и берегла –

Ох, сгорел бы он в огне, ворюга злой,

Разрази его небесною стрелой!9

Песню пели несколько голосов. Нарындж поняла, что поют девочки: «А где эта проклятая Гюллюбеим? Неужто оставила девчонок одних, что они вместо урока песенки распевают?!» Нарындж переменила позу и снова прислушалась. Теперь она узнала по голосу внучку Мешади Ганбара: «Ей-богу, она... Ах, чтоб у тебя горело нутро, как горячо поет».

Перепрыгнула дувал,

С головы платок упал.

Мой узорный башмачок,

Я не знаю, где пропал...10

- А где же все-таки Гюллюбеим?

Дочери Моллы Курбангулу и в голову не приходило, что Гюллюбеим в доме вместе с девочками. Неожиданно для Нарындж дверь отворилась, и девочки с веселыми криками высыпали во двор. Нарындж опасалась, что дети могут ее увидеть, но вслед за ними из дома появилась Гюллюбеим, которая спокойно наблюдала, как ее ученицы прыгают через веревочку, играют в прятки. Учительница только следила за детьми, не позволяя им ссориться и нарушать правила игры. «Что же это за уроки такие? Чему она их учит?»

Нарындж кинулась домой, чтобы тут же рассказать матери о только что увиденном. Ее жгло желание пресечь все, что творилось в моллахане проклятой Гюллюбеим! У своих ворот она столкнулась со свахой Азизбике.

- Здравствуй, тетушка Азизбике! С чем ты к нам пожаловала? - спросила она вежливо сваху, пытаясь спрятать волнение.

- С хорошим, с хорошим, моя любимица! Да сделает аллах тебя поскорее счастливой! Как говорится, в небесах аллах совершает благие дела, а на земле - я...

Сваха прищелкнула пальцами от удовольствия, что сообщает приятные вести. Ее холеное, белое, гладкое лицо излучало довольство. Она чмокнула Нарындж в щеку и ощутила губами ее неровную, изрытую оспинами, кожу. Давно уже Нарындж считалась старой девой, в ее возрасте пора было иметь детей. Но к скандальной, сварливой и злоязычной девушке и раньше никто не сватался, хотя она и была дочерью моллы. Бедная Умсалма не одну пятницу выливала на голову дочери заговоренную воду из особой, тоже заговоренной пиалы, чтобы ей улыбнулось счастье, но сваты к Нарындж не приходили. Теперь за дело взялась Азизбике, опытная сваха, которая сразу поняла, что жениха следует искать в дальних кварталах Шемахи, где никто не знал о характере будущей невесты.

Нарындж была осведомлена, что сваха ищет для нее жениха, поэтому она встретила ее с особым почтением и вежливостью. Она давно и с нетерпением ждала прихода Азизбике и ласково пригласила сваху в дом, приняла у нее чадру, аккуратно сложила и положила в стенную нишу. Потом занялась приготовлением чая для гостьи.

Азизбике застала мать Нарындж за занятиями с ученицей. Худая, бледная, с иссохшей кожей, обтянувшей скулы, с жилистой шеей, на которой особенно была заметна дряблость, Умсалма сидела на тюфячке, облокотившись на мутаку. Тяжелые, широкие кисти рук с потрескавшейся, шелушащейся кожей крепко сжимали коран, по которому она следила за ученицей. Едва завидев Азизбике, она торопливо сказала девочке, сидевшей перед ней:

- Дочка, иди домой! К завтрашнему уроку выучи вот этот стих корана, я проверю...

Ученица ушла. Только после этого Умсалма закрыла коран, поцеловала его и положила на маленький столик.

- Добро пожаловать, Азизбике, почаще бы ты приходила... - По лицу свахи Умсалма поняла, что та пришла с хорошей новостью.

- Да будут у тебя светлые, добрые дни, Умсалма, кажется, труд мой не пропал даром, я с радостной вестью пришла...

Умсалма молитвенно сложила руки и подумала: «Слава аллаху! Пусть бы парень был из хорошего дома, достойной семьи моллы, чтобы согласился Курбангулу...»

Азизбике приступила к рассказу:

- Знаешь, сестрица, зачем мне начинать издалека? Так вот, вчера вечером меня вызвал Мешади Алыш... «Господин Молла Курбангулу, - сказал он, - сам меня наставил на путь истинный. Он очень много сделал для меня: поручился перед людьми и послал на поклонение в Мешхед к могиле имама Рза. Познакомил меня с уважаемыми людьми. Теперь я прошу его взять меня в сыновья. Я строю дом, как только закончу строительство, сыграю свадьбу. Господин Молла Курбангулу сделал для меня много, пусть поможет мне, чтоб мой дом без семьи не остался...»

Умсалма знала о сватовстве Алыша, но ее мучили сомнения: «Уживутся ли они, о аллах? Как говорят люди, трудно сварить в одном казане две бараньи головы...»

- Аллах тебе в помощь, Азизбике...

- Ох, сестрица Умсалма, ведь ты сама сказала: «Найди хорошего человека...» Вот я и...

«Очень хороший человек, нечего сказать... Разбойник, и все...» - подумала Умсалма, но вслух сказала только:

- Что тебе ответить, Азизбике? Не приведи аллах, он опять примется за старые дела.

Сваха тут же возразила:

- Ну что ты, сестрица! Ага Алыш - настоящий мужчина! К тому же он был в Мешхеде, дал зарок, можно сказать, вышел в люди уважаемые. Теперь он до смерти не изменит своему слову. Ведь за него поручились Гаджи Асад и господин Молла Курбангулу...

- Хорошо, Азизбике, попробую уговорить Курбангулу. Захочет ли он расстаться с единственной дочерью? Посмотрим... - сказала она, а сама не оставляла надежды, авось еще кто-нибудь посватается к ее Нарындж.

- Ну конечно, он - отец, его слово-закон. Он хозяин своего дома, дочь принадлежит ему. Что он скажет, то и будет. Я торопить не стану. Дело это - угодное аллаху, но решать вам.

В комнату вошла Нарындж с чайным подносом. Она поставила пиалы перед свахой и матерью. Азизбике с улыбкой поглядывала на будущую невесту, но та обратилась к матери:

- Ой, мама, я до сих пор не могу прийти в себя...

- Что случилось, дочка?

- Я проходила мимо ворот Гюллюбеим, и что, ты думаешь, я увидела? Уроки и коран отложены в сторону - Гюллюбеим учит детей петь и танцевать!

- Что?

- Не может быть, девочка...

- Клянусь кораном, который читает мой отец! Я правду говорю, своими глазами видела: она из детей чанги делает!

- Аллах милосердный, мы в твоей власти! Этого только недоставало!

- От этой Гюллюбеим всего можно ожидать, кроме благочестия, будь она неладна!

- Избави, аллах! Избави, аллах!.. Дьявольские проделки!

- Она и есть сама - дьявол!

С быстротой молнии весть распространилась по кварталу. Недаром говорят: «Бойтесь языка свахи и прачки они по домам ходят, дурные вести за собой носят». Не только в квартале, но и во всем городе стало известно о страшных делах, творящихся в доме Гюллюбеим. Женщины из разных кварталов города сталкивались в бане, дома передавали услышанное мужчинам. В течение короткого времени о происшествии уже говорил Базар. Ремесленники и купцы громогласно на каждом углу поносили имя Исрафила и его беспутной жены. Те из них, чьи дочери учились в моллахане Гюллюбеим, торопливо закрывали лавки и мчались домой с приказом женам: «Забрать дочь из этого дьявольского гнезда и больше туда не пускать!»

Истинное горе постигло бедного Исрафила. Сегодня торговля шла из рук вон плохо, ни один человек не заглянул к нему в лавку. Но этого мало, с ним перестали здороваться на Базаре. Бездельники, проводящие в болтовне свои дни на Базаре, проходя мимо лавки Исрафила, бросали ему в лицо:

- Эй, Исрафил-ага! Говорят, ты заменил покойного танцовщика Адиля? Учишь чанги?

- Да ну, разве он мужчина? Дал уздечку в руки сестры Махмуда-аги, куда она его поворачивает, туда он и идет!

- Эй, ты, что за жена у тебя? У настоящего мужчины разве такая должна быть?

Громче всех надрывался «благочестивый» Мешади Алыш, и это больнее всего ранило мягкосердечного Исрафила:

- Угроза нашей вере, люди! Один сводит с пути истинного наших сыновей (у него еще не было сына, он только собирался жениться!), а другая готовит из наших дочерей (разумеется, и дочери у него не было, Нарындж еще не была объявлена его невестой!) чанги... Люди! Вы потворствуете тому, что из ваших детей растят безбожников! Разве вам не стыдно?! Если бы у меня была такая жена, я бы разорвал ей рот и дня не оставил бы ее на этом свете! Как назвать женщину, которая позорит своего мужа? (Алыш пока еще не знал характера Нарындж.)

Если бывший разбойник учит его жизни и позорит на всех углах Базара, пришел час на что-то решиться... Еще не зная, что предпринять, Исрафил запер лавку и, стараясь не попадаться никому на глаза, окольными путями пошел домой. Его терпению пришел конец. Ведь не заткнешь рты, а если станешь доказывать правоту, то и вовсе опозоришься...

Ничего не подозревая о событиях на Базаре, Гюллюбеим готовила обед и тихонько напевала. В первое мгновенье Исрафил был обескуражен безмятежностью и спокойствием Гюллюбеим, на лице ни тени вины или даже сомнения. Он знал, что жена никогда не хитрила, не притворялась.

Она почувствовала, что с мужем творится неладное. Может, спросить его? Но решила молча ждать: если ему есть что сказать ей, пусть начинает разговор сам.

- Гюллю! Я предупреждал тебя... - Умолк на миг, будто собираясь с силами, и вымолвил, не глядя на жену: - но ты меня не послушалась... Позор, которому я подвергаюсь ежечасно на Базаре, отнимает все мои силы и терпение. Не обижайся на меня, прошу тебя! Как и я на тебя не в обиде, ты всегда была мне верной и заботливой женой... И все-таки я ухожу.

Как только Исрафил начал: «Гюллю, я предупреждал тебя...», у Гюллюбеи икнуло сердце. Выслушав мужа, она тихо спросила:

- Куда? - Губы ее дрожали, глаза наполнились слезами.

- Я не могу так больше! Не могу! Я тебя предупреждал!

- Но в чем я провинилась? - робко спросила она, хотя и понимала, что Исрафил не ответит ей, уйдет от разговора, но не отступит от принятого решения.

- Я уезжаю! Да, уезжаю! Может быть, в Баку, может, в Ашхабад, еще не знаю... Возможно, отправлюсь во Владикавказ. Здесь я не могу больше оставаться... Ах, Гюллю, если бы ты меня послушалась! Если бы не школа! Но я тебя знаю, ты скорее умрешь, чем оставишь начатое дело. А я... Стыдно признаться, но у меня твоей энергии нет...

Гюллюбеим искренне любила мужа, кроткого и мягкого человека, ей даже нравилась его беспомощность, ее энергии хватало на заботы о нем. Они жили дружно, не во всем следуя традициям мусульманской семьи. У Исрафила ныло сердце от сознания необходимости разлуки со своей милой, благородной и ласковой женой. Но он очень хорошо знал неписаные законы Базара, после того, что произошло, ему несдобровать, борьбу с Базаром он не выдержит.

Внезапно распахнулась входная дверь, и в комнату ворвалась пожилая женщина. Гюллюбеим и Исрафил вздрогнули одновременно. Минабеим - мать Гюллюбеим - в молодости славилась своей красотой, еще и сейчас ее состарившееся лицо носило печать былой привлекательности. Но в эту минуту ее черты были обезображены злобой, черные глаза от гнева округлились, губы в ярости побелели, чадра от стремительной ходьбы соскользнула на плечи, из-под платка выбивались седые лохматые пряди: видно, женщина рвала на себе волосы. Она запричитала, не давая опомниться зятю и дочери от внезапности своего прихода:

- Чтоб тебя взяла сырая земля! Что ты с нами сделала! Опозорила на весь Ширван! Мы думали: выучит коран, станет и детей учить слову божьему, благочестию. Дочь! Неужели ты не боишься гнева аллаха? Не знаешь разве, если женщина возьмет в руки перо, в мире ином перо ее огнем обожжет? А письмена, вышедшие из-под ее руки, превратятся в змей и вопьются в труп? Но и это не все! Говорят, что ты пела и била в бубен! Негодная! Лучше мне надеть траур по тебе, чем узнать, что ты заменила учителя чанги танцовщика Адиля! Ты пошла по пути Соны и опозорила нас на весь свет!

Гюллюбеим слушала мать, не смея прервать ее, но не удержалась:

- Мама!

- Молчи, несчастная! Ты что, купишь сто аршинов бязи, чтоб завязать всем рты?

- Мама, у меня есть муж, он сам...

- Пепел на твою голову! Да разве есть у твоего мужа гордость и честь?! Мужчина давно разрезал бы тебя на мелкие кусочки и разбросал бы их по свету!

- Мама, как ты можешь?..

Направляясь к двери, Минабеим напоследок зло добавила:

- Я знаю, тебя свели с пути праведного речи твоего беспутного двоюродного братца - Махмуда-аги. Не забывай только о том, что Махмуд-ага - мужчина, богач, у него есть сила ответить любому, и суд с ним посчитается, и власти. Ты женщина, эти дела тебе не по плечу, а муж твой для тебя не опора. Учти! Те, кто отправил в ад Сону и Адиля, и тебя не оставят на земле! Да не пойдет тебе впрок мое молоко, опозорила ты меня среди женщин Шемахи! Какое счастье, что отец твой, царствие ему небесное, вовремя ушел в могилу, не увидел позора своего дитяти...

Мать ушла не попрощавшись. Оглушенные Исрафил и Гюллюбеим молчали. Слова, сказанные не врагом, а собственной матерью, потрясли Гюллюбеим, кровь отхлынула от лица, она прислонилась к стене. Особенно ее обидело то, что все свои суждения мать, не стесняясь, высказала при Исрафиле. А он и словечка не вымолвил в защиту жены...

Исрафил только убедился, что принятое им решение верно. Теперь ему еще больше было жаль Гюллюбеим:

- Дорогая моя! Я оставляю тебя в такие тяжелые для тебя дни, но не могу иначе. Не знаю, может быть, мой отъезд образумит тебя. Тогда я, возможно, вернусь, и мы снова заживем тихой, спокойной жизнью, не привлекающей разговоров. Теперь же я бессилен тебе помочь или заставить тебя бросить школу и уехать со мной...

«Но почему, почему ты не можешь остаться? - хотелось кричать Гюллюбеим. - Что ты за человек, если мать проклинает меня при тебе, а ты молчишь? Ты думаешь, своим отъездом ты заставишь всех замолчать? Ах, что говорить! Если родная мать, вскормившая меня молоком, готова убить меня, то что ждать от мужа!» - Гюллюбеим еще продолжала в душе разговор с мужем, но вслух не могла высказать ни словечка. Почему? Она и сама не знала.

Настала ночь, когда Исрафил ушел, оставив Гюллюбеим одну. Они расстались в горе. Напоследок Исрафил сказал:

- Если ты меня любишь, Гюллю, то должна навсегда покончить со школой! Когда школы не будет, все постепенно успокоится. Ты напишешь мне. Когда через год-другой улягутся страсти, я вернусь... Если нет, если ты будешь упорствовать, на меня не обижайся: я обращусь к Ахунду с просьбой о разводе с тобой. После того как он прочитает молитву о расторжении брака, и ты, и я будем свободны от супружеских обязательств.

Гюллюбеим осталась одна, родная мать прокляла ее, а любимый муж оставил и уехал. Но убитая горем Гюллюбеим не закрыла школу у себя в доме. Смелая учительница продолжала давать уроки детям бедняков, у которых не было денег платить в моллахане Умсалмы. Если раньше на занятия в течение трех лет приходили десять, а иногда двадцать - тридцать девочек, то теперь у Гюллюбеим было только три ученицы. Одна из девочек - дочь водоноса Сарча Багы, маленькая Назпери. Теперь Гюллюбеим почти не выходила из дома. Соседи и знакомые не приглашали ее, как прежде, ни на свадьбы, ни на поминки. И дом родной матери был для нее закрыт. Продукты на Базаре покупал для нее водонос Сарча Багы и отсылал все купленное накануне с дочерью утром следующего дня. Часто девочка заставала учительницу с заплаканными глазами, тогда она старалась отвлечь Гюллюбеим каким-нибудь нехитрым рассказом.

Семейка Моллы Курбангулу, в особенности Нарындж, распоясалась. Она не спускала глаз с ворот дома Гюллюбеим, не давая ей выйти на улицу. Родители девочек, которые продолжали учение у Гюллюбеим, провожали своих детей в школу, стараясь не попадаться на глаза наглой Нарындж. Они умоляли Гюллюбеим:

- Ради аллаха, учительница, прекрати ты это пение и танцы, учи детей только корану. Только бы научились различать буквы и читать отрывки из сур корана!

Былая радость и оживление покинули стены новой школы, хотя дети по-прежнему охотно приходили сюда и с интересом внимали учительнице.

Но опасность только притаилась до времени. Нарындж с кумушками не давали Гюллюбеим передохнуть от сплетен и криков.

Все произошло в бане. В субботу Гюллюбеим пошла, как обычно, в баню. Она и сама не знала, с чего все началось. Жена Гаджи Асада Закрытого мылась вместе с женой Моллы

Курбангулу Умсалмой и ее дочерью. Гюллюбеим, чтобы лишний раз не попадаться на глаза Нарындж, которая после того, как ее просватали за Алыша, совсем остервенела, села подальше от своих противниц. Умсалма отличалась не только вздорным и сварливым норовом, но и своей мнительностью и брезгливостью. Это знал весь квартал. Окончив купание в бане, до самого выхода она обливалась водой с ног до головы, стремясь, чтобы никто не попался ей по пути и не «осквернил» ее чистоту. Если на нее ненароком падала с потолка капля, она тут же снова начинала мытье. Любительницы посмеяться нарочно брызгали на нее водой исподтишка, а потом наблюдали, еле сдерживая смех, как женщина опять начинает весь ритуал очищения по религиозным правилам... Баня для женщин была тем местом, где они могли поговорить по душам, посплетничать, позлословить. В бане женщины могли похвастаться новыми нарядами, которые на улице были спрятаны под чадрой. В прежнее время Гюллюбеим с удовольствием проводила время в бане, но сейчас обстоятельства изменились, и баня стала необходимостью, а не удовольствием. Лишь бы не попасться лишний раз на глаза... Она знала, что все женщины в бане на стороне жены Моллы Курбангулу. И только дай знак, как они набросятся на Гюллюбеим. Ужас банной драки женщин Гюллюбеим видела: озверевшие фурии нападали с кружками, тазами и ведрами в руках, свистели удары свернутых в жгут банных полотенец и кусков шелковой ткани, которыми женщины обвязывались во время мытья в бане, прикрывая нижнюю часть тела.

Она сидела в отдалении от всех, ощущая косые взгляды богомольных старух. Когда она набирала воду, то неожиданно увидела сквозь пар, что около нее стоит Умсалма. Страх сжал сердце: «О аллах! Помоги!» Но уже было поздно. Родственницы и подруги Умсалмы и Нарындж окружили Гюллюбеим, не таясь, они свертывали жгуты, тяжелые медные тазы с грохотом сталкивались, издавая страшный угрожающий звук. Гулко отозвались эхом сводчатые стены, переходящие в куполообразный потолок бани. Первая женщина легонько стукнула ведром вторую, вторая - третью, и все разом набросились на Гюллюбеим. Пар скрывал лица. Женщина не издавала ни звука, когда товарки Умсалмы били ее ведрами. Если бы она даже кричала, все равно ее бы никто не услышал: такой оглушающий грохот стоял в бане. Когда ее полосовали мокрые жгуты передников, Гюллюбеим не выдержала: издав горестный вопль, она упала. Плотный ряд оголенных тел не дал ей пасть наземь, иначе бы она разбила голову о каменный пол, - она повисла на чьих-то руках. Жгуты как змеи обвивали ее тело, но кто-то вырвал ее из рук разъяренных ведьм и вытащил в предбанник. Очнувшись, она обнаружила себя лежащей на банном коврике. Терщица, худая, изможденная Шараф, обрызгивала ее лицо холодной водой...

- Аллах милосердный, что натворили эти негодницы... Открой глаза, бедняжка!

В бане надрывалась Нарындж:

- Сукина дочь! Бесстыдница! Так будет с каждым, кто отвернется от веры!

Сидя на сундуке в предбаннике и слушая перебранку голосов, несущихся из бани, жена Мешади Сафара, арендующего помещение для женской бани, ворчала, обращаясь к учительнице:

- Ради аллаха, избавь нас от этой беды! Не приходи к нам в баню! Не вмешивай нас в свои дела... Мы сами несчастные люди, не для нас разбираться во вражде между вами. Что тебе до этой ученой женщины - жены Моллы? Она очень чистоплотная женщина, а ты мешаешь совершать ей религиозное очищение... Разве баня принадлежит одной тебе?.. Нехорошо издеваться над старой набожной мусульманкой. Не приходи в баню! Из-за тебя мы потеряем всех наших клиентов... Все говорят, что ты готовишь из девочек чанги...

Пепел на голову их родителей! Разве они не могут найти в городе достойную, тебе детей своих доверяют... А ты, вместо того, чтобы учить их благочестию... - бубнила она.

Гюллюбеим избили до крови. Сжав зубы от боли, она с превеликим трудом одевалась. Худая Шараф помогала и тихонько шептала на ухо, чтоб не услышала жена арендатора бани:

- Теплое тесто приложи, детка... Пусть тесто будет жирным, тогда с помощью аллаха быстрее пройдет...

Из бани донесся крик:

- Шараа-аф!

- Эй, Шараф, оглохла, что ли?! Слышишь, там терщицу требуют, а ты, негодяйка, расселась рядом с ней! Ничего ей не сделается! Пусть людей не трогает - и ее никто трогать не будет! Убирайся отсюда! И ты тоже! Пока сюда не пришли!

Избиение в бане на несколько дней уложило Гюллюбеим в постель. Она не могла двинуться с места. Каждая клеточка болела от малейшего прикосновения, тело было покрыто синяками и кровоподтеками, болела грудь и спина. Теперь стало опасно ходить даже к роднику. Вечером не пойдешь, страшно, далеко, безлюдно... «Бедняга Исрафил ничего не знает, вот и хорошо...» А о том, чтобы отправиться за водой в дневные часы, нечего и думать. Нарындж подстерегает ее, чтобы снова затеять потасовку. Нет, одна надежда на водоноса Сарча Багы. Как только он появится, надо заполнить водой всю посуду: четыре кувшина, казаны для плова, тазы и ведра. На первые дни хватит, а там, аллах милостив, может быть, у соседей злоба поутихнет, страсти успокоятся, наконец, устанут они... Может быть, еще какой-нибудь выход отыщется...

Гюллюбеим с трудом поднялась с постели и приготовила у ворот пустую посуду для воды. Она с нетерпением ждала крика водоноса, возвещавшего о своем приходе. Не успело солнце подняться над забором, как послышался голос Сарча Багы. Гюллюбеим поспешно открыла ворота и молча поманила Сарча Багы. Водонос направил своего осла к воротам учительницы, которую, несмотря на все пересуды, всегда уважал. Гюллюбеим была рада, что сумела упредить всех в это раннее утро, но она ошибалась. Нарындж следила за несчастной и, выйдя из ворот, визгливо позвала:

- Эй, Багы, Багы!

Сарча Багы в нерешительности остановил осла, не зная, в какую сторону ему направиться. Нарындж не мешкая кинулась к водоносу, преградив ему дорогу к Гюллюбеим:

- Вода моя, Багы!

Водонос миролюбиво проговорил:

- Ну что ж, половина твоя, а половина... тут четыре кувшина...

- Нет, вся...

- Я снова принесу...

- Я сказала: «Нет!» Всю мне давай!

- У тебя только один кувшин...

- Тебе какое дело? Захочу - на землю вылью...

- Это грех, сестра, воду на...

Багы не успел договорить... Сбежались женщины со всего квартала, Багы и Гюллюбеим оттеснили от ворот дома, и началась драка: оголтелые женщины против Сарча Багы и Гюллюбеим. Нарындж, Умсалма и другие замахивались ведрами и кувшинами, тщедушный Багы старался защитить Гюллюбеим и себя, но это плохо ему удавалось. Все звуки перекрывал дрожащий от ярости голос Нарындж:

- Ах ты, голодранец, сукин сын! Меня уподобляешь этой чанги! Защищаешь сукину дочь потому, что она и из твоей дочери чанги делает!

Крики беснующейся Нарындж слышал весь квартал. Тяжелая посуда наносила жестокие удары. Все смешалось: людские крики и ругань, медный звон ударяющихся друг о друга кувшинов, ведер, кастрюль.

- За что ты меня бьешь, женщина?!

- Кто тебя трогает, у нас дело к этой сукиной дочери, чтоб она пропала!

- Получай!

- Ой, умираю...

- Отпустите...

- Получай!

- Хватит...

- Не пускай!

- Получай! Сукина дочь!

... Внезапно чья-то тяжелая рука нанесла удар, который заставил женщин отступить назад. Когда все расступились, то увидели, что у ног Гюллюбеим лежит хилое, ставшее совсем маленьким тело Сарча Багы. Испуг пробежал по лицам. Минуту назад озверевшими глазами смотревшие на него живого, вдруг осознали, что он мертв. Быть этого не может! Кто бы мог об этом подумать в начале драки? Льющаяся кровь пугает женщин, смерть заставила их оцепенеть! Ни стона, ни дыхания, Багы уже распростился с жизнью... Теперь уже никто никогда не услышит его крикливого голоса, предлагающего землякам свежую, холодную воду из родника. Больше не наполнить ему кувшинов и не грузить их в хурджины, навьюченные на осла... Мануфактурные и Бакалейные ряды Базара навсегда потеряли Багы...

Уразумев, что произошло, женщины разбежались по домам. Только Гюллюбеим, забыв о собственном израненном теле, наклонилась над Сарча Багы... Тщедушное здоровье не помешало ему, единственному из людей, прийти на помощь учительнице. «Человек с большим сердцем погиб», - подумала она. Она словно очнулась от кошмара и увидела рядом с собой дочь убитого - Назпери, пришедшую на урок. Гюллюбеим обняла девочку, горячие слезы закапали на распростертое безжизненное тело водоноса. Слезы градом брызнули и покатились по щекам Назпери.

Базар охватила паника:

- Гюллюбеим отвели в суд...

- В драке убили водоноса Багы...

- Ах, бедняга, кто против него держал зло?

- Говорят, учительница его убила.

- Бедняга... На кого осталась семья этого несчастного?

- Вот они, новые порядки, новые школы, от них одни несчастья!

- Эх, да разве у наших есть понятие о чести?

- Нет человека, который взял бы на себя обет во имя блага мусульманства уничтожить эту отступницу!

- Была бы гордость у ее мужа, сам бы это сделал...

- Откуда у него возьмется мужская честь!

- Да нет его здесь... Кроткий как овца... Убежал и избавился от нее...

- Ну и ну, ну и женщина, которой суд заниматься должен!

- Конец света, мусульмане.

Весть разнеслась по всему городу, о Гюллюбеим судачили повсюду.

Учительницу действительно привели в суд. Сюда же перенесли тело Сарча Багы. Вслед за Гюллюбеим в суд пришла плачущая Назпери.

Мировой судья Кострицкий, узнав у переводчика Али-бека, кто такая Гюллюбеим, послал есаула Ага Башира за Махмудом-агой и урядником Керим-беком.

У Махмуда-аги есаул Ага Башир застал Сеида Азима...

Разговор шел об искусстве. Махмуд-ага узнал, что в Шуше появился новый тарист, необычайно способный музыкант. Эта новость взволновала Махмуда-агу - большого ценителя музыки.

- Хоть он и молод, но хорошо разбирается в старинных и современных мугамах, - говорил Махмуд-ага, - даже в самом таре он кое-что усовершенствовал, звучание древнего музыкального инструмента улучшилось, тар совсем по-иному звучит... Я написал моему приятелю в Шушу - Кербалаи Худаверди, чтобы он передал парню, его зовут Садых, мое приглашение приехать к нам в Шемаху. Пусть приедет... Послушаем сами его необыкновенную игру... Клянусь аллахом, когда я слышу новую мелодию или знакомлюсь с голосом молодого певца, у меня душа радуется... Так и теперь: не успокоюсь, пока не затащу его к нам, пока не услышу, как он играет.

Сеид Азим, улыбаясь, слушал Махмуда-агу, хотя пришел к нему поговорить о школе Гюллюбеим. Но восторг Махмуда-аги заразил и его самого, они с удовольствием говорили о музыке родного народа.

- Махмуд-ага, много сделано и вами в совершенствовании исполнения наших мугамов и песен. Без этого музыка не может существовать: новые исполнители изменяют кое-что в созданном ранее, и вот уже звучат новые вариации.

- Интересно, как будут звучать наши мугамы через сто лет? Послушать бы... Да, Сеид, вспоминали вы наши музыкальные вечера, когда путешествовали по странам Востока?

Сеид Азим привычным движением провел рукой по своей бороде, разгладил усы.

- Признаюсь честно, в моих ушах постоянно звучали голоса наших певцов, стоило мне услышать мелодии тамошних мест. Закрывая глаза, я видел себя на ваших музыкально-поэтических меджлисах, видел вдохновенные лица танцовщиц.

Махмуд-ага шутливо улыбнулся:

- И это не мешало вашей благочестивой миссии - поклониться могиле святого пророка?

- Одно другому не помеха...

- Да, годы идут, друзья уходят... Кстати, пишет ли вам этот несчастный ага Тарлан? Никак не могу его забыть... Вы знаете о нем что-нибудь?

- Давно уже не получал от него писем.

- Может быть, дела помешали...

- Он покинул Ширван в отчаянии вскоре после Соны...

- Ах, Сона!.. - Махмуд-ага в задумчивости помолчал, а потом добавил: - Мой друг Алияр-бек, к которому я отправил Сону, в прошлом месяце приезжал к нам в гости... Я спрашивал про Сону. Алияр-бек говорит, что живет она тихо и спокойно, только никогда не улыбается...

- Не было радости у этих несчастных... Зато процветают такие, как Мешади Алыш!

- Да, не говорите, Мешади Алыш стал таким почтенным и важным; поговаривают даже, что, приблизив его к своей персоне, Молла Курбангулу хочет отдать за него дочь...

Сеид Аэим грустно улыбнулся:

- Саади прекрасно сказал: если осла, принадлежащего самому Иисусу, отвести в Мекку, вернется оттуда он все же ослом...

Оба весело рассмеялись. Их разговор прервал слуга, который с поклоном возвестил о приходе есаула ага Башира:

- Ага, пришел есаул ага Башир... Кажется, с плохими известиями...

Махмуд-ага вытирал выступившие от смеха слезы. Он не придал особого значения словам слуги о плохих вестях и, все еще продолжая смеяться, сказал:

- Зови его.

Слуга вышел, а Махмуд-ага обернулся к Сеиду Азиму:

- Ох и хвастун этот Керим, - кивнул он на дверь, закрывшуюся за слугой, - знаешь, какую штуку отколол этот плут? Вчера мой дилманец Керим подбоченясь, с гордым видом стоял в дверях моего дома. Какой-то бедняк из Текле, которому рассказали, что я иногда помогаю землякам, подходит к моей двери. По гордой осанке он принял его за бека и поклонился слуге. Мой шутник важно спрашивает: «Зачем пришел, любезный?» - «Господин Махмуд-ага, это ты, дорогой?» - спрашивает приезжий. «Я», - отвечает Керим. Тогда бедняк начал просить его: «Дорогой, дети голодают, я пришел к тебе с просьбой, помоги немного!» - «А что тебе нужно?» - «Зерно мне нужно, чего еще хотеть голодным...» Керим говорит ему: «Арба у тебя есть?» - «Есть, сейчас подъеду...» Бедняк пустился бегом на Базар, договорился с молоканином о телеге и подкатил к моим воротам.

В этот момент в дверях комнаты появился ага Башир, он не осмеливался прервать Махмуда-агу и продолжал стоять в дверях.

- Садись, ага Башир! Сейчас я закончу... Так вот... Я, ничего не подозревая, пошел на конюшню посмотреть захромавшего жеребца. Поговорил с конюхом, посоветовал сменить подкову и вышел из конюшни во двор. Вижу: въезжает телега, человек, идущий следом, оглядывается по сторонам, явно кого-то ищет. Я к нему: «Кто тебе нужен? Что ты здесь делаешь?» А приезжий отмахивается от меня: «Слушай, что пристал к человеку? Я к Махмуду-аге за пшеницей приехал!» Я спрашиваю: «А Махмуд-ага тебе обещал?» - «Конечно, - отвечает, - да вот и он!» - и показывает на Керима, который прятался за спинами слуг. Проситель бросился к Кериму и стал целовать ему руку. На лицо Керима лучше было не смотреть, он понял, что его разоблачили. Я шепнул ему: «Раз обещал - грузи пшеницу и ячмень на телегу, из этого дома никто не уходил с пустыми руками!» Слуги хохочут, но помогают грузить. С благодарностями «доброму Махмуду-аге» бедняк покидает двор... Так как этот мошенник творил благо во имя дома Махмуда-аги, пришлось его простить...

Вспоминая все перипетии этой истории, Махмуд-ага снова смеялся, ему вторил Сеид Азим, живо представивший себе все, о чем рассказывал хозяин.

- Ага Башир, с чем пожаловал? Что хорошего скажешь?

Есаул поднялся:

- Ага, дорогой, мировой судья просил, чтобы вы пришли в суд...

- В суд? Да что случилось? - улыбка сошла с лица Махмуда-аги.

- Аллах свидетель, Махмуд-ага, по пустякам бы мы не стали вас беспокоить, но, как рассказывают, ваша родственница Гюллюбеим-ханум убила водоноса Сарча Багы...

- Что?

- Так говорят... И труп принесли в суд, и свидетелей происшествия привели: несколько женщин и детей. Господин мировой судья сказал: «Пока наверху не узнали, пусть господин Махмуд-ага поспешит и сам ознакомится с делом, сам расспросит учительницу, уточнит обстоятельства». Дочь покойного была там, когда все это произошло, но так плачет, что от нее невозможно добиться и словечка. И господин урядник вызван, наверно, и он уже там, в суде...

Махмуд-ага не на шутку разволновался:

- Спасибо, что сообщил, ага Башир! Ты иди, я следом за тобой...

Есаул ушел.

Сеид Азим, молча слушавший весь разговор, печально сказал:

- Я опоздал... Ах, как я опоздал... Я собирался вам сказать, что до меня доходили слухи о печальной участи Гюллюбеим-ханум... Эти подлые Алыш и Молла Курбан-гулу преследовали несчастную женщину, распускали о ней сплетни на Базаре...

- Сеид, клянусь аллахом, ее собственная мать, моя тетка, тоже приходила ко мне жаловаться на дочь. Я вызвал Гюллюбеим и прочитал ей наставление. «Дорогая сестричка, - сказал я ей, - не забывай, что это Ширван со своими законами! Здесь мужчины ничего не могут сделать с косностью и невежеством. Что же сумеешь ты, женщина?» И что, думаешь, она мне ответила? «Каждый жертвует собой ради чего-либо, братец, вот я и отдаю себя в жертву своим несчастным сестрам... Хочу их хоть чему-нибудь научить!» Вот тебе и жертва!

Дилманец Керим принес суконное пальто на хорьковом меху - начинались холода. Махмуд-ага с его помощью оделся. Сеид Азим завернулся в свой хорасанский овчинный тулуп, купленный в начале осени в лавке Гаджи Кадыра за пять целковых, Сеид Азим решил пойти в суд вместе с Махмудом-агой.

В приемную мирового судьи набилось множество людей. Тело убитого, завернутое в палас, лежало в углу. Махмуд-ага, испытывавший безотчетный страх перед смертью и мертвецами, из-за чего часто становился объектом насмешек своих острословов-земляков, прошел к столу, не взглянув в сторону трупа. Мирового судьи Кострицкого в приемной не было. У стола Махмуда-агу ждал урядник Керим-бек. Поздоровавшись с Махмудом-агой, урядник обернулся к есаулу:

- Ага Башир! Выведи всех на улицу. Свидетелей мы будем вызывать по одному. - А сам предложил господам сесть.

Махмуд-ага и Сеид Азим сели на стулья. После того как Ага Башир выдворил из приемной галдящих, они увидели в углу комнаты маленькую, плачущую над трупом

девочку с непокрытой головой и босыми ногами. Рядом с девочкой стояла завернутая с ног до головы в чадру женщина. По-видимому, это была Гюллюбеим. Девочка всхлипывала в изнеможении, из ее красных воспаленных глаз уже не текли слезы, она сидела на голом полу, обхватив колени и опустив на них подбородок. Все взоры были обращены к этому беззащитному существу. Повинуясь безотчетному велению, поэт поднялся и направился к Назпери. Он наклонился и несколько раз провел ладонью по ее голове, приглаживая растрепавшиеся волосы:

- Дочка, пойдем со мной! - Он помог Назпери подняться и подвел ее к столу, за которым сидели Махмуд-ага и Керим-бек. Назпери слегка упиралась, но, узнав поэта, повиновалась ему.

- Не бойся, дочка, не бойся... Самое страшное осталось позади... Скажи лучше нам, что там случилось? Ты все время была там с отцом?

Девочка горестно всхлипнула, посмотрела на Махмуда-агу и Керим-бека, потом перевела взгляд на Сеида Азима. И, уже не спуская с него глаз и не отпуская его руку, будто он мог оградить ее ото всех бед, начала отрывисто рассказывать:

- Мой отец, как всегда по утрам, привез воду... Собрались женщины... Нарындж, дочка Моллы Курбангулу - она глубоко вздохнула, - не давала воду нашей учительнице, - девочка кивнула в сторону Гюллюбеим, - а потом, потом женщины вместе с Нарындж начали бить ведрами учительницу... Мой папа встал перед нашей учительницей, чтобы ее не били... И все ведра ударили моего папу...

Девочка зарыдала.

- Не плачь, дочка, не плачь...

Махмуд-ага обратился к Гюллюбеим:

- Сестра, ребенок говорит правду?

Гюллюбеим кивнула утвердительно закутанной головой.

После этого вопроса урядник Керим-бек, вмешавшись в разговор, сам допросил Гюллюбеим и Назпери.

Высокий, широкоплечий, пропорционально скроенный, Керим-бек производил устрашающее впечатление. Он слегка прихрамывал - след борьбы с разбойниками, грабившими людей на дорогах. Белое лицо обрамляла курчавая седеющая борода, круглые, навыкате глаза становились страшными, когда их владельца охватывал гнев. Вот и сейчас глаза Керим-бека метали громы и молнии, когда он расспрашивал о случившемся Назпери и Гюллюбеим. Потом он приступил к допросу свидетелей...

Когда все было закончено и дело прояснилось, Сеид Азим обратился к Гюллюбеим:

- Сестра, сегодня ваш брат повторил мне ваши слова о том, что вы жертвуете собой во благо ваших несчастных сестер. Вы встали на этот путь добровольно, по призванию сердца. Я молю у аллаха для вас милосердия, чтобы вы могли устоять против летящих в вас камней. Я вижу: мужества вам не занимать! Как говорится в знаменитой эпической

поэме «Аннваре Сухейли», по которой я изучал фарсидский язык, «...я не говорю, стань фениксом или мотыльком, но раз решил гореть, будь мужественным!»

... Гюллюбеим освободили, ввиду отсутствия за ней какой бы то ни было вины. Махмуд-ага усадил ее в фаэтон, на котором он сам вместе с Сеидом Азимом приехали в суд, и попросил отвезти домой.

Люди Моллы Курбангулу и Алыша сделали все, чтобы женщины, и в первую очередь Нарындж, не были привлечены к суду. По здравому, рассуждению Махмуда-аги и местного судебного начальства смерть Сарча Багы была представлена как несчастный случай. Тело убитого отправили домой и похоронили в тот же день по обычаям Ширвана.

Но дело этим не кончилось. Школа Гюллюбеим, вызвавшая «недовольство местного населения», была объявлена губернским начальством «незаконно открытой» и запрещена. Во всем этом чувствовалась рука Закрытого, Моллы Курбангулу и Мешади Алыша...

Так была разгромлена первая школа для девочек в Ширване, если не считать открытое в 1848 году отделение христианской школы святой Нины, в котором могли учиться только девочки, исповедующие христианскую религию.

Но и после закрытия школы мракобесы не оставляли в покое учительницу.

... Вечер только наступил. Скот уже вернулся с пастбищ, в городе наступила тишина. В окнах затеплились огни.

Печаль и одиночество изводили сердце Гюллюбеим. Давно уже никто не открывал дверь ее дома, и на улицу она не показывалась. Только дочка покойного водоноса Назпери приносила ей еду, купленную на базаре, и воду. Если бы не семья Сарча Багы, она умерла бы от голода. Вот и сегодня в доме Гюллюбеим одна. Тщательно протерев стекло семилинейной лампы, она зажгла фитиль - в комнате затеплился неяркий свет. Причудливые тени на белых стенах пугали и настораживали, она поежилась. Чтобы успокоиться, Гюллюбеим достала из шкатулки собрание стихотворений Физули и раскрыла книгу. Уже не раз в трудные минуты она обращалась к стихам несравненного Физули, и всегда ее поражало умение его проникнуть в душу несчастных восточных женщин. Как могли найти отголосок в сердце мужчины переживания женщины, которую покинул любимый?!

... Раздался негромкий стук в дверь. Гюллюбеим настороженно вздрогнула: «Кто это?» Может быть, ей показалось? Может быть, это ветер донес до нее стук в чужую дверь? Она поднялась и подошла к двери, прислушалась и подняла щеколду. Из отворенной двери на нее глянул Алыш. Она никого не ждала к себе, и менее всего Алыша.

- Извини, сестрица Гюллюбеим, не примешь ли божьего гостя?

Гюллюбеим растерялась... Этот визит был столь неожиданный и внезапный, что она даже забыла прикрыть лицо, взять чадру... Не в чадре же сидеть в пустом доме! Одиночество так измучило ее, что, честно говоря, она была даже рада приходу Алыша, тем более что он открыл дверь с именем аллаха, а такому гостю должен быть рад каждый мусульманин... Она не нашлась, что сказать в ответ Алышу.

Алыш смотрел на хозяйку дома, стоявшую на пороге без приветливой улыбки, с серьезным, печальным лицом. «Сколько горя и преследований выпало на ее долю, а все

так же красива, как в былые годы, когда к ней сватались мои земляки иманлинцы, и я в том числе... Так нет же, выбрала в супруги ничтожного и слабого Исрафила, который не смог защитить ее, не смог уговорить не заниматься с сопливыми девчонками!» Алыш внимательно разглядывал лицо Гюллюбеим. Она невольно отступила на несколько шагов от двери.

- Что тебе нужно, ага Алыш?

Алыш не спускал глаз с Гюллюбеим.

- Я подумал, зайду, спрошу, как ты? Может быть, испытываешь в чем нужду? Наш долг помогать ближнему...

- Да поможет тебе аллах, я ни в чем не нуждаюсь...

Алыш перевел взгляд на книгу, лежащую подле лампы.

«Сколько горя ей принесли эти книги, сколько она из-за них перенесла, и на тебе, снова принялась за чтение!» Он оглядел комнату: все вокруг сверкало чистотой и было под стать красавице хозяйке, но во всем ощущалось одиночество хозяйки. Будто в доме вовсе не жили люди, никогда не готовили еду, никого не угощали чаем. «Для кого все это?» Алыш прошел в середину комнаты и словно у себя дома без приглашения уселся на тюфячок.

- Не подумай, сестра, что я, подобно глупому гостю, пришедшему в дом без приглашения, начну уговаривать и тебя садиться, чтобы поговорить о делах аллаха и его слугах... Я скоро встану и уйду, но прежде хочу с тобой немного поговорить...

Гюллюбеим замерла, вслушиваясь в слова Алыша. Он назвал ее «сестрой», он недавно вернулся из святых мест, возможны, наверно, превращения по воле аллаха разбойников в святых людей... «Зачем же он пришел? А может быть, он встретил где-нибудь моего Исрафила и хочет мне рассказать об этом?»

- Мешади Алыш! Не слышал ли ты что-нибудь о моем муже? Не случилось ли с ним чего-нибудь плохого?

Алышу приятно было услышать от Гюллюбеим обращение «мешади», но он совсем не желал разговора о муже Гюллюбеим.

- Нет, нет, сестра, мужа я твоего не видел в своих странствиях и ничего дурного о нем не слышал, слава аллаху...

- А почему ты вдруг обо мне вспомнил?

- Честное слово, просто так вспомнил... Подумал, что и святой Али завещал нам помогать людям, попавшим в беду... Дай, думаю, посмотрю, как она?

- Спасибо большое, да укрепит аллах твою веру... Но мне ничего не нужно...

Чуть успокоившись, Гюллюбеим присела на тюфячок на значительном расстоянии от Алыша.

- Пусть и тебе аллах поможет, а кто тебе покупает еду на Базаре?

- Семья покойного Багы...

- Ну что ж... Ну что ж... Помогать ближним нам завещал Али... - «Ах ты, черт! Видно, сегодня другие слова не приходят на ум... Надо бы сразу перейти к делу, чего тянуть...» Он чуть подвинул свой тюфяк поближе к Гюллюбеим. «Ей тоже не сладко одной жить, раньше она отказала мне, а теперь ей некуда деться...» У Алыша вдруг нашлись слова, он заговорил о прошлом, вспомнил о девичьей поре Гюллюбеим, вдохновенно вспоминал о восхищении иманлинцев прекрасной девушкой, откровенно признался, что был влюблен в Гюллюбеим и сохранил это чувство по сию пору.

- Знаешь, Гюллюбеим! Тогда была не судьба, пусть теперь... Откровенно говоря, я решил с тобой сначала поговорить, а потом прислать к тебе мою тетю или еще кого-нибудь... Ты ведь знаешь, я дал зарок... И ты перенесла немало страданий, намучилась, а вместе нам будет неплохо. Я займусь каким-нибудь делом, дети будут, хорошая семья будет...

Алыш увлекся собственными рассуждениями, ему казалось, что все так и есть. Он только опасался, чтобы Гюллюбеим не дозналась, что несколько дней назад старания свахи Азизбике увенчались успехом и Умсалма и Молла Курбангулу отдали свою Нарындж замуж за Мешади Алыша. Честно говоря, Алыша привели в дом к Гюллюбеим совсем другие планы, но, увидев красавицу, он размечтался и увлекся...

Гюллюбеим не знала первоначальных планов Алыша, а в ответ на неожиданное сватовство и объяснения не знала, что сказать... «Да что же это такое? Разве он не понимает, что никто не заключит брак с замужней женщиной... И я все еще люблю Исрафила; не выдержал, бедняжка, гонений, вот и сбежал; если бы он вернулся, я бы все ему простила...»

Как будто услышав мысли Гюллюбеим, Алыш продолжал:

- Откровенно говоря, Гюллюбеим, из него не получилось хорошего мужа для тебя... Уехал ведь! Знаешь, я с моллой советовался, он говорит, что, ежели женщина придет к ахунду и скажет при свидетелях, что целый год не ест хлеба, заработанного мужем, не носит одежды, купленной на его деньги, ахунд разведет женщину с таким мужем...

Алыш незаметно приближался на коленях к Гюллюбеим. Разговаривая, он легонько касался ее одежды, ненароком задевал рукава ее архалука. Разгорячившись, он осмелел и вплотную приблизился к женщине. Красавица, о которой он мечтал в юности, рядом с ним! Он взял ее за руку... Гюллюбеим не прерывала Алыша. Обида и боль разлуки с любимым жгли ей сердце. Как в полусне, ей казалось, что ее руку взяла рука любимого, мужа, по которому она тосковала. На секунду ей почудилось, что рядом муж, оставивший ее и вернувшийся к ней, родной ее телу и душе...

Алыш совсем осмелел. Та, о которой он мечтал, рядом, он весь пылал.

- Ну вот, - сказал он охрипшим, сдавленным полушепотом, - ты от иманлинца не ушла... Иманлинец взял над тобой верх! - злобно подытожил он.

Гюллюбеим мгновенно отрезвела. «Как могли сладкие речи замутить мой разум, заглушить совесть! Как я могла помыслить, что разбойник, давший зарок, может стать вновь человеком! Моим защитником в борьбе против врагов! Все его слова были рождены

только животной страстью! А я размечталась!» Возможная измена мужу привела ее в ужас! Только сейчас ее обуял страх бесчестья, она резко поднялась на ноги. Гневно прозвучали ее решительные слова:

- Ага Алыш! Потрудись выйти из моего дома! Ты отомстишь мне иным способом... Уходи, иначе я так закричу, что сюда соберется весь город. Мне не страшна людская молва. Что дождь тому, кто вышел из грозы? Пусть обо мне говорят все что угодно! А ты уходи, ты мой характер знаешь, на мой крик сбегутся ширванцы, которых ты хочешь убедить, что стал святым...

«Эта сукина дочь правду говорит, ей что! А мне худо придется. Молла Курбангулу, мой новоявленный тесть, что скажет! «Болван! Мало тебе мест для совершения всяких глупостей? Обязательно надо было сотворить эдакое перед моим носом?» А другие добавят: «Алыш таким бессильным сделался, что уже с одной женщиной справиться не мог!» А третьи возмутятся: «Вот вам и Мешади Алыш. Вот вам и посещение святых мест! Каким был, таким и остался!» А еще Нарындж... Избави аллах!»

Страсть иссякла, пыл охладился, а злоба продолжала душить Алыша, он уходил не солоно хлебавши:

- Что ж, Гюллюбеим, мы еще сочтемся с тобой! Ты ответишь мне за все! Да обрушится на тебя кара святого, к которому я ходил на поклонение! Я желал другого, ты сама выбрала...

Алыш вышел, оставив дверь широко распахнутой. Но Гюллюбеим теперь ничего и никого не боялась, как будто, одержав победу над Алышем, она одержала победу над нависшей над ней угрозой гибели от злодейской руки. Горький смех прорвался сквозь стиснутые губы: «Мешади Алыш! Ага Алыш!» Она хохотала над собой: «Ох, дура, дура я...». Внезапно сквозь смех прорвались долго сдерживаемые рыдания, сотрясающие все ее тело. Так она не плакала даже тогда, когда ее покинул Исрафил, даже тогда, когда ее, вопреки правде, сочли виновной в смерти несчастного Багы, даже тогда, когда закрыли ее школу... Она плакала над тем, что, устав от долгой борьбы, на мгновенье расслабилась и обманулась пустыми обещаниями такого, как Алыш...

Злонравная Нарындж часто устраивала скандалы-представления. Ругань и свары были для нее необходимостью, потребностью, в которых ярче всего раскрывался ее характер. Женщины и мужчины квартала бросали все дела, заслышав начало очередной перебранки с кем-нибудь. Для них это было своего рода развлечением, подобным бою петухов, выступлению прирученного цыганами медведя, драке на кинжалах. Люди диву давались, откуда у нее новые ругательства и проклятья, сопровождавшиеся, как в театральном представлении, пением и танцами, причем стихотворчеством Нарындж занималась по вдохновению тут же в присутствии зрителей.

Сегодня жителей квартала ожидала забава. И снова мишенью для очередного скандала была выбрана Гюллюбеим. Дикий крик возвестил, что Нарындж в ударе:

- Эй ты, чанги, выгнавшая мужа! Несчастный скитается по чужим краям, жизнь ему стала не мила! Постыдилась бы людей! Так нет же! Нос задирает, мерзавка! Здороваться с соседями не желает!

«Сохрани аллах от языка этой бесноватой!» - думали женщины, наблюдая за Нарындж, которая начала свое представление довольно далеко от дверей дома Гюллюбеим.

- Ах ты! Чтоб я к могиле твоего отца семь поминальных четвергов собаку привязывала! Ах лиса ты долинная! Ты теперь до того дошла, что меня задирать вздумала! Если бы ты хорошей родственницей была, от тебя бы родная мать не отвернулась! Если бы ты хорошей женой была, от тебя бы муж не сбежал!

Прокричав все это, Нарындж начала приплясывать, ритмичными хлопками помогая себе:

- Проклятая! Пусть мое горе попадет в твой вечно голодный рот, мечтающий о куске хлеба! Люди, вы слышали, как кричит ишак? Знайте, так от радости кричит эта проклятая чанги, когда она находит хлеб!

Хотя некоторые женщины хохотали над словами Нарындж, большинство с ужасом думало: «Как можно попрекать человека голодом? Ах, бесстыдница...» Но никто из присутствующих не решался связаться с Нарындж, заступиться за Гюллюбеим, страшась навлечь на свою голову проклятья бесноватой.

На пороге появилась Гюллюбеим и медленно пошла к воротам. Она молча слушала, какими ругательствами ее осыпает соседка. Полными скорби глазами она смотрела на Нарындж. Потом тихо проговорила:

- Чего ты от меня добиваешься, Нарындж? Почему ты так кричишь и срамишь меня на весь мир?

Минутная передышка, пока она слушала Гюллюбеим, будто удесятерила силы Нарындж:

- Что я делаю, ты спрашиваешь? Хорошо делаю! Отлично делаю! Лучше всех делаю! Что хочу, то и делаю! А ты, ведьма, целый выводок водоноса сиротами оставила! А теперь еще нос задираешь! Они побираются по домам, а ты ешь то, что им подают из милости! Разве твой живот-колодец насытишь просяной лепешкой, которую подают бедным сиротам Сарча Багы! И как только совести у тебя хватает! Люди добрые! И что эта вертихвостка от хороших людей хочет? Или снова захотелось тебе парней из Иманлы? Если бы ты им была нужна, они бы раньше взяли тебя! А зачем им теперь огрызок бесчестья, мусор, что валяется на помойке? Откуда у тебя честь! Смотри живи тихо, не выйдет ничего из твоих уловок и заклинаний! Клянусь!

Только тут Гюллюбеим поняла причину необузданной злобы Нарындж. Ведь говорили люди, что Нарындж просватана за Алыша, а она запамятовала, когда Алыш приходил к ней... Видно, Нарындж проведала о визите своего мужа в дом соседки... «Молла Курбангулу породнился с бывшим разбойником. Вот оно что. Хороший муж для Нарындж... Если бы ее уши были способны слышать, я бы ей сказала... Объяснила, как и за что я выгнала из своего дома этого мерзавца, который мне не нужен...»

Гюллюбеим после этого скандала поняла, что спокойно жить в Шемахе ей не дадут. Она обратилась за помощью к Махмуду-аге. Он помог ей перебраться во Владикавказ, где жили родственники Гюллюбеим. Через некоторое время от Исрафила пришли бумаги, в которых он просил местные власти расторгнуть брак с женой. На основании этих документов был оформлен развод по законам шариата. Отныне Гюллюбеим могла распоряжаться своей судьбой. И она решила посвятить свою жизнь образованию своих младших сестер. В душе гордой женщины уже не было печали, она сумела найти силы забыть человека, который оставил ее одну на поле боя и не пришел защитить ее, когда черные силы сгустились над ее головой.

Так завершилась история Гюллюбеим, нашей первой учительницы. Я рассказала вам о ней, отступив от основных событий. Но думаю, что вы не в обиде на меня...

Напомню вам происшедшее раньше: вы уже знаете о том, что Сеид Азим Ширвани открыл свою школу. Вы присутствовали на заседаниях литературного общества «Дом наслаждения» и познакомились с молодым поэтом Мухаммедом Сафой, его любимой - Гамзой, которая заболела, когда узнала о расторжении помолвки с ее нареченным. Мы оставили поэтов на дороге в Шемаху, когда они отдали своих коней больной Гамзе и ее матери.

Настало время узнать, где сейчас печальная, измученная горем Гамза. Распутать узлы, связанные неумолимой судьбою. Пойдемте посмотрим. Ведь время связало этих людей друг с другом, соединило несовместимые события, что отделить одно от другого невозможно.

ПРОЩАНИЕ (ТРАГЕДИЯ)

Когда они свернули с пути и вошли под сень леса, у Мухаммеда дрожь прошла по телу. До этой минуты подозрения не касались его мыслей. Только взглянув на мрачное лицо старшего брата, Мухаммед почувствовал недоброе. Он успокаивал себя тем, что иначе и быть не может: ведь бедняга Исмаил болен и они идут к святилищу, чтобы вымолить ему выздоровление. Он вспоминал свою встречу с Гамзой, когда ее вели из святилища... Не помогли несчастной молитвы...

Накануне вечером Исмаил позвал к себе Мухаммеда и сказал:

- Завтра утром отправимся с тобой к святилищу... Сил у меня совсем нет, ноги не держат, колени дрожат. Может быть, помолюсь и приду в себя...

Хотя Мухаммед не верил в чудодейственные силы святилища, но не хотел перечить брату. «Только бы он выздоровел... Раз верит - вылечится. Вера и надежда совершают чудеса», - думал он.

Когда ранним утром они покидали дом, Ханумсолтан подозвала Исмаила и повела его в дальний конец дома, чтобы их разговор не мог услышать Мухаммед. Только после этого братья покинули дом, в предрассветных сумерках мягко ступая по блестящей от росы траве. По зеленым холмам рассыпались отары овец, по дороге тянулось стадо коров.

В последние дни братья избегали смотреть друг другу в глаза, в доме царило молчаливое несогласие, недоверие. Братья разговаривали друг с другом нехотя, поэтому Мухаммед не поинтересовался, о чем мать говорила со старшим братом. А если бы узнал, то ужаснулся. Мухаммед вздрогнул, ему казалось, что сердце сдавило. Наверно, от плотной и душной неподвижности воздуха в лесу. Исмаил отрывисто спросил:

- У родника присядем?

- Присядем...

- Ты проголодался?

- Нет...

- Может, возьмешь кусочек?

- Можно.

Мухаммед не смог смотреть в лицо Исмаилу. Всю дорогу в душе он разговаривал со старшим братом, с самым близким и дорогим человеком: «Исмаил, ну разве ты не знаешь людей Базара? Разве не научился разбираться в тех, кто молчит, поджав губы? В тех, кто язвит с издевкой? В чем моя вина? Разбойник Алыш и Закрытый Гаджи Асад всех осуждают. Любой мыслящий человек для них безбожник, ученого человека называют урусом, того, кто хоть один день пропустил молитву в мечети, причисляют к сектантам мултани... Не осталось ни одного человека, которому бы они не придумали кличку... Вспомни, что они устроили несчастной Гюллюбеим, как разгромили ее школу. А теперь у них на очереди Ага. Хотят разделаться и с его школой, открытой с таким трудом. И его, и меня обливают грязью... У этого человека бездна знаний, я хочу получить каплю из этой бездны. Разве учиться зазорно? Я пишу стихи, показываю ему, он учит меня законам стихосложения, исправляя мои ошибки... Ну что плохого ты видел на собраниях поэтов в нашем доме? Ты все знал, на каждом меджлисе присутствовал, брат. Если бы я мог поговорить с тобой откровенно, брат! Как было бы славно!.. Если недовольство или горе высказано, человеку становится легче... Если не высказано, оно каменной скалой на сердце давит... Брат, мы с детства росли с тобой друзьями, хоть ты и старше меня. Ты был товарищем моих игр и моим защитником, опорой: меня ни разу не обидел ни один мальчишка в квартале из страха перед тобой, моим старшим братом. Мы росли при отце, но ты был для меня и отцом, умел узнавать по стуку моего сердца, что у меня на душе... И о том, что я влюблен в нашу двоюродную сестру, бедняжку Гамзу, ты знал, и о том, что она ранит мое сердце своими взглядами, ты знал. Тебе я читал мои первые газели, с шероховатой неумелой рифмовкой. Тебе раскрывал свои тайны, делился обидами и неудачами, мой первый друг, мой родной, любимый брат. Почему же теперь ты мне не веришь? Почему подозреваешь меня в нечестных, недостойных поступках? Почему больше доверяешь сплетням алышей и «закрытых»? Ведь у тебя есть сердце, неужто оно не подсказывает тебе, где правда?! Есть высший суд аллаха, его ты не страшишься, брат?..» Все это Мухаммед в душе твердил Исмаилу, молча вышагивавшему впереди него. Они углубились в густые, трудно проходимые заросли Зогаллы. Мухаммед еще плотнее запахнулся в свою черную чуху, обшитую по краям серебряными галунами, пытаясь унять дрожь. Он не понимал, почему брат выбрал такой странный путь к святилищу, но не решался спрашивать у Исмаила.

Исмаил слышал за собой шаги брата. Он, конечно, сознательно выбрал этот трудный путь через лес Зогаллы. Здесь он сотрет черное пятно, павшее на их род... Вдали от людей, вдали от обычных дорог. Он уже вынес свой приговор...

Уже около года его терзали разные слухи, доходившие до него от постоянных обитателей и посетителей Базара. Слухи роились около Мануфактурных рядов, изматывая вконец Исмаила. Несколько дней назад его пригласил к себе Махмуд-ага. Их беседа протекала с глазу на глаз. Махмуд-ага не уставал повторять:

- Возьми себя в руки, не верь словам подлецов, это происки алышей и «закрытых»... Послушай, я прочитаю тебе газели Аги, ты должен понять, что мир поэзии очень отличен от мира обыденной речи. Воображение поэта рождает символы, непростые сравнения.

Посмотри, какими чертами награждает Сеид Азим Ахунда Агасеидали, всеми почитаемого мусульманина, в стихотворении, посвященном Мешади Кязым-беку:

Точь-в-точь потомок Мустафы, он тайны ведает Лейли.

Такая верность красоте Меджнуном делает меня.

Видишь, Сеид Азим уподобляет Ахунда Агасеидали - красавице Лейли, а себя Меджнуну. Можем ли мы хоть в чем-либо упрекнуть Ахунда Агасеидали? Можем ли из-за этого поэтического сравнения придать газели какой-то скрытый смысл?

Проклиная в душе всех сочинителей подобных символов и сравнений, Исмаил, однако, не смел спорить с Махмудом-агой:

- Избави аллах, нет...

Махмуд-ага, желая быть еще более убедительным, ласково положив руку на плечо Исмаила, продолжил:

- Не следует слушать того, что говорят злопыхатели и недоброжелатели! Тех, кто питает ненависть к поэтам вообще, и тех, кто стремится возбудить в народе подозрения к поэтической дружбе Сеида Азима Ширвани с Мухаммедом Сафой. Они выискивают якобы двусмысленные строки в стихах Аги, посвященных Мухаммеду Сафе. Такого рода приятельские стихи Ага посвящал и мне, и молодым поэтам Карабаха, Баку, Гянджи, многим друзьям. Недостойный человек, если захочет, может и в них найти строки, которые можно истолковать по-разному. Но никто не осмелится упомянуть мое имя или имена других известных нам людей в дурном смысле, поэтому они избрали мишенью сейчас Мухаммеда Сафу, увидев слабое место - твое болезненное отношение к вопросам родовой чести, Исмаил... Пойми, запятнав имя Аги, злопыхатели хотят покрыть позором новую школу, созданную им. Не поддавайся на их уловку, не становись тупым орудием в их руках! Распуская сплетни про твоего брата, они хотят поразить Сеида Азима. Не верь этим выдумкам, не верь!.. - Но, к ужасу своему, Махмуд-ага чувствовал: чем больше он уговаривает Исмаила, тем менее убедительно звучат его слова.

Исмаил долго повторял про себя последние слова Махмуда-аги, то верил им, то сомневался в них.

Через день после беседы с Махмудом-агой, когда все расходились после пятничного намаза из мечети, ему сказали, что его хочет видеть Ахунд Агасеидали. Он задержался, не смея поднять голову, чтобы не встретить любопытствующих взглядов покидавших мечеть прихожан.

Честно признаться, он растерялся. После разговора с Махмудом-агой он, казалось, несколько успокоился, теперь предстоял новый разговор. Как он обернется? Его пугало, что скажет Ахунд Агасеидали. Вдруг он потребует уничтожить того, кто порочит имя семьи?.. Его колени дрожали, когда он приблизился к алтарю. Сидевший на тюфячке справа от высокой, богато украшенной кафедры Ахунд Агасеидали казался существом, спустившимся на землю из мира света: белый шелковый тюрбан, венчавший голову, белая

египетская аба, окутывавшая его невесомую плоть, белоснежная борода и усы, седые брови, мудрое просветленное лицо.

- Подойди ближе, дитя мое, подойди ближе... Садись - пригласил он Исмаила и указал на тюфяк рядом с собой.

Однако Исмаил не осмелился сесть рядом с Ахундом и почтительно опустился на колени на полосатый палас невдалеке. От растерянности он не мог поднять глаза.

- Я знаю о твоем горе, сынок, слышал о разговорах, которые ведутся... Но ты выслушай мое наставление, мой совет, сын мой... Не верь словам недостойных! Они грешные люди...

С души Исмаила будто сняли камень.

Проведя белыми тонкими, как пергамент, пальцами по длинной белой бороде, Ахунд Агасеидали продолжал:

- Ты только внимательно прислушайся к его стихотворению, сынок. Ты сам бывал на их меджлисах, кое-что слышал... Знай и то, что в поэзии необходимы символы, вся великая поэзия строится на символике. Я хочу обратить твое внимание на его стихотворение о благословенном пророке:

Любовь, одна любовь лишь в мире есть –

Ты стать рабом любви сочти за честь.

Сеид, пускай судьба обманет вновь,

Забудь о ней, спасет тебя любовь.

Коль истиной в душе ты наделен,

В Мухаммеда ты должен быть влюблен.

Мухаммед нам и солнце, и луна,

И власть, и мудрость в нем воплощена.

- Вот видишь! Здесь благословенный пророк Мухаммед называется возлюбленным! Гаджи Сеид Азим одним этим стихотворением ответил всем недостойным людям. Он ясно сказал, что его истинной любовью является вера, его истинным возлюбленным - пророк благословенный. Ага - чистый человек! Если ты поверишь людям нечистым, ты сделаешь

себя несчастным, уготовишь себя для ада... Иди, найди девушку, взращенную праведным молоком, чтобы прекратить ненужные разговоры, жени своего младшего брата. Я сам, если понадобится, окажу содействие при сватовстве. Пусть всякие сплетни-слухи прекратятся.

Исмаил машинально наклонился и поцеловал белую, с отчетливо проступающими голубыми венами руку Ахунда. Ноги сами вынесли его из мечети, он и не заметил, как оказался дома.

В те дни, когда брат покойного мужа расторгнул договор обручения помолвленных при рождении Мухаммеда и Гамзы, Ханумсолтан сказала:

- Ну что ж, Гаджикиши не отдает нам Гамзу, жаль, конечно, но у Мешади Агабалы тоже растет хорошая дочь... Когда был еще жив покойный муж, он хотел с нами породниться. Может быть, и сейчас у него не пропало это желание?

И сваты отправились в дом Мешади Агабалы. Мешади Агабала дал сватам очень ясный ответ:

- У нас есть и пес, есть и хлеб для него! А невесту ищите в доме своего дяди, тем более что они были с детства обручены. Если родной дядя не отдает свою дочь за племянника, то почему я должен свою отдать? Был бы хороший парень, дядя бы от него не отвернулся!

Сваты вернулись пристыженные и оскорбленные.

- Мешади Агабала откровенно сказал: «Собаке отдам, а ему - ни за что!»

Весть о неудачном сватовстве молнией распространилась по Базару.

В тот же день старый верный друг отца - главный весовщик Ага Расул - специально вызвал Исмаила на Весовую площадь. Разговор, который состоялся при закрытых дверях на складе, засел в голове, как гвоздь.

- Ага Исмаил, сынок! Ты хорошо знаешь, как я уважал твоего покойного отца, и как мы с ним дружили! Когда я услышал о расторжении помолвки твоего брата с твоей двоюродной сестрой, я очень расстроился. Клянусь аллахом, чуть не кинулся в драку с твоим дядей. Потом счел необходимым сгладить обиду между вами. Пошел к нему... К сожалению, я опоздал вас помирить... Но решил, что время само исправит положение... А теперь... Клянусь пророком, про твоего младшего брата мне рассказали такие вещи, что я просто остолбенел! Ты ведь меня хорошо знаешь, слава аллаху!.. То, что прежде я считал досужими вымыслами врагов и не придавал тому значения, обернулось постоянными разговорами купцов и ремесленников нашего Базара, с которыми мы не можем не считаться! Тут уж выхода нет!.. Как ты мог приютить в своем доме эту заразу?

- Клянусь, дядя, вначале я не придавал всему этому особенного значения, а спустя некоторое время не смог уже повернуть вспять события... Но сколько раз я сам бывал на их меджлисах, я не мог обнаружить ничего плохого или неугодного порядочным людям. Когда до меня дошли слухи об этих сборищах, хоть я и присутствовал на них, я счел своим долгом отругать брата... В ответ он говорил: «Что ты увидел плохого на наших меджлисах? Что недостойное совершил я?». Я был у Ахунда Агасеидали, и он тоже сказал мне: «Все это вранье, пойди и жени его, чтобы прекратить разговоры...»

Ага Расул прервал Исмаила:

- Только аллаху ведомо, что было, чего не было! Как говорит Ахунд: «Аллах превелик». Я - не пророк, не имам... Я знаю только одно совершенно точно: в этом городе никто не отдаст свою дочь в ваш дом после всех этих разговоров, особенно после того, как собственный дядя отказал вам. И не ходи от двери к двери, не срамись! И не подводи солидных мужчин, которых ты просишь быть сватами! У нас есть свои обычай, свои традиции. Здесь идет разговор о чести. Ты должен исполнить свой долг. Если ты не сможешь защитить свою честь, свою честь должен буду защищать я... Твой дядя говорит: «Пока этот парень жив, я им не дядя. Если даже я умру, они не посмеют переступить мой порог, если умрет кто-нибудь из них, я не приду помянуть их к ним в дом!» Теперь ты понимаешь, что черное пятно со своего имени должен смыть ты! Решайся!

Исмаил прекрасно понимал, что Ага Расул лучше многих знает законы соблюдения чести и его устами говорят законодатели Базара. И в эти минуты он в первый раз вынес смертный приговор брату.

А три дня назад, когда Исмаил открыл свою лавку в Мануфактурных рядах, Гаджи Асад громко прокричал своему соседу:

- Гаджи Кадыр! Говорят, твоему приятелю невесту ищут... - Потом добавил еще громче, не глядя в сторону Исмаила: - А что, разве Ага дал ему развод?

Мануфактурный ряд взорвался хохотом. Намек поняли все, хоть и не было названо имя. Кровь бросилась Исмаилу в лицо. Слова ударили, словно хлыстом обожгли.

Один голос перебивал другой:

- Клянусь тобой, чтоб я видел твой труп, у этих людей уже чести не осталось...

- Слушай, а, совсем забыли традиции, завещанные нам отцами и дедами, - держать в чистоте свое имя!

- О аллах, люди совсем стыд потеряли... Честь забыли...

- Да кто за него отдаст свою дочь? Если даже у хозяина, избави аллах, десять слепых щенят появится, он в дом к такому и одного не отдаст!

К лавке Исмаила приблизился Мешади Алыш. Подбоченясь, с наглой улыбкой взирая на Исмаила, он громко, с издевкой спросил:

- Слушай, говорят, твой брат стал для Аги настоящим чанги?

Это было выше сил Исмаила. Не дослушав, что еще хочет сказать Алыш, под громкий хохот, свист и улюлюканье он убежал с Базара. Страшная мысль засела в его мозгу: «Я сделаю его добычей коршуна!»

Едва переступив порог дома, он улегся под одеяло. Его бил озноб. Каким-то образом события стали известны всем членам семьи. Все перестали выходить на улицу. Прекратилась торговля в лавке, в доме воцарилась напряженная тишина, никто не разговаривал друг с другом. Только несчастная мать металась между сыновьями. Поила чаем горевшего в жару Исмаила, утешала измученного раздумьями Мухаммеда.

Ханумсолтан больше всего на свете боялась ссоры между братьями, и вот эта беда у нее в доме.

Исмаил и в жару перебирал возможные выходы из создавшегося положения... И снова вынес свой приговор брату... И Махмуд-ага, и Ахунд Агасеидали пусть говорят, что хотят... Они могут говорить, рассуждать. Честь их семьи не нуждается в очищении... Им нет необходимости жить в согласии с Базаром... «Я больше не могу выносить этого бесчестья... Я сделаю его добычей коршуна!»

... Ханумсолтан, предчувствуя материнским сердцем беду, остановила Исмаила перед тем, как он покинул на рассвете дом, и увела его в боковую комнатку:

- Куда ты все-таки идешь, сынок?

В голосе матери слышалось такое волнение, глаза с такой мольбой взирали на сына, что у Исмаила комок застрял в горле. Не глядя на мать, он проворчал:

- Я же тебе уже говорил, что хочу пойти к святилищу, помолиться... Может, получу облегчение...

- А зачем берешь младшего?

- Не одному же мне идти...

- Возьми Вели!

- Какой он мне помощник...

Ханумсолтан взяла Исмаила за руку, ее поразило, что руки сына были ледяными. Он уклонялся от взгляда материнских глаз. Тревога сжимала сердце Ханумсолтан:

- У меня тяжелые предчувствия, сынок!

- Что ты говоришь на дорогу!..

- Предчувствие беды у меня! И сон привиделся дурной... Слушай меня, Исмаил! Заклинаю тебя этим мгновеньем! - Мать с силой прижала холодные руки к своей груди. - Если с головы твоего брата упадет хоть один волос, молоко, которым я тебя вскормила, накажет тебя! Мое дитя - чище цветка, это тебе я, твоя мать, говорю, поверь мне! Если с ним произойдет что-нибудь, предстанешь ты на том свете перед судом святой Фатимы, дочери пророка!

Исмаил вырвал руки. «Чище цветка! Ты пойди и скажи это Алышу, Гаджи Асаду... Убеди обитателей Базара, всех купцов и бакалейщиков...» - хотел он сказать, но не посмел.

... Мухаммед все время шел сзади. Исмаил придумывал предлог, чтобы заставить его идти впереди себя. Вспоминались слова, крики, хохот: «Стыд потеряли... Честь забыли...» Каждое слово, будто молотком, било по голове.

Исмаил оглядывался по сторонам. Густой кустарник, могучие деревья, шатром закрывающие небо, не пропускающие ни луча солнца, ни единого взгляда, даже лесные

звери обходили эту чащобу стороной... Место было очень подходящее для свершения задуманного.

Исмаил замедлил шаг. Мухаммед догнал его. Братья остановились. Младший ничего не спрашивал, старший страшился взглянуть на младшего. Исмаилу казалось, что если они взглянут друг другу в глаза, если он увидит густые черные брови, утратившее румянец смуглое лицо, то разрыдается и не сможет выполнить свой приговор. А выполнить его необходимо. Разве даст ему Базар возможность выйти на люди, жить, как прежде, не защитив своей чести? Он бессилен, они -сильны и всемогущи... Бедный, несчастный Исмаил! Он проговорил хриплым голосом:

- Малыш, пройди вперед, посмотри, кажется, застряли мы, заблудились...

«Малыш» - так ласково называли Мухаммеда в детстве, так и сейчас называет его мать. Почему в этот миг пришло это слово на ум Исмаилу?

Мухаммед спокойно, без слов прошел вперед и в то же мгновенье почувствовал жжение в спине, будто его ужалила змея. Он успел подумать, что в спину воткнулась острая ветка. И еще он успел медленно оглянуться и посмотреть брату в глаза, и тут догадка осенила его. Слабеющими посиневшими губами он еле внятно произнес:

- Прости меня... - и рухнул под ноги Исмаилу. Черная пелена завертелась перед глазами Исмаила. Он с ужасом отбросил залитый кровью брата острый кинжал и бросился бежать. Низкие колючки цеплялись за его чуху, острые ветки царапали лицо, он не заметил, когда потерял папаху, слезы застилали глаза, с расцарапанного лба ручейками стекала кровь. Он зажимал уши ладонями, но страшные голоса звучали в его голове: Голос Махмуда-аги:

- Выдумка это, не верь!..

Голос Ханумсолтан:

- Мое молоко тебя накажет...

Голос Гаджи Асада:

- Слушай, разве Ага дал ему развод?

Голос Алыша:

- Говорят, твой брат стал чанги для Аги...

Голос Ахунда Агасеидали:

- Ага - чистый человек, не делай себя несчастным, ты уготовишь себя для ада...

Голос Махмуда-аги:

- Они хотят погубить Агу...

Голос Ага Расула:

- Пока этот парень жив...

Голос Ханумсолтан:

- Мое дитя чище цветка...

Голос Мухаммеда:

- Ты прав, брат, прости меня...

Голос Ханумсолтан:

- Предстанешь ты перед судом святой Фатимы...

Собственный голос Исмаила:

- Я сделаю его добычей коршуна...

- Это выдумка...

- Парень жив...

- Мое молоко...

- Стал чанги...

- Добычей коршуна...

- Чище цветка...

- Добычей коршуна...

- а...а...а...

Черную весть о Мухаммеде в город принесли дровосеки, ходившие на работу в лес Зогаллы. Парни из квартала Иманлы, взяв фургон и специальный палас, отправились за телом убитого в лес. Во дворе дома несчастных братьев был разожжен в очаге огонь под казаном, в котором кипела черная краска. Не любили жители Шемахи черный цвет, только в дни религиозного траура или в дни несчастья люди одевались в черные одежды. Молодые девушки и женщины из рода Кербалаи Гамбара принесли каждая что-то из одежды, кто рубашку, кто платок, кто юбку. И каждая бросила принесенные вещи в казан. Туда же опустили одежду бедной матери. На кладбище Шахандан вырыли могилу. Уже после похорон над свежей могилой будет раскинут шатер, в котором семь дней и семь ночей молла из квартала Иманлы будет читать коран.

Черная весть летела по городу. В доме стояли рыдания, хотя тело покойного еще не успели привезти. Двор наполнился родственницами и соседками. Бедная Ханумсолтан лежала в обмороке. Руководила действиями женщин известная в Шемахе плакальщица Сенем. Она возглавляла траурное шествие. Молоденькие незамужние девушки распустили косы, сняв рубахи, завязали их вокруг талии. Они раздирали себе ногтями лицо и грудь, рвали на себе волосы и вторили плакальщице Сенем:

Сенем:

- О горе, горе...

Женщины:

- Невыносимое горе...

Сенем:

- Случилось такое горе...

Женщины:

- Невыносимое горе...

Сенем:

- Умер человек, о горе...

Женщины:

- Невыносимое горе!

Сенем:

- Молодой умер, горе...

Женщины:

- Невыносимое горе!

На женщин было страшно смотреть: растрепались, смешались густые волосы, на окровавленных лицах неистово горели глаза.

И снова Сенем запричитала:

- Он погиб от рук кровавых убийц!

Пусть кровь задушит кровавых убийц!

Была бы я бешеным псом,

Поймала бы кровавых убийц!

Вопли и стоны из дома неслись во двор, со двора - на улицу. Собравшиеся у ворот старики иманлинцы и ротозеи из других кварталов обсуждали происходящее, выдвигая свои версии. Одни говорили:

- Это Алыша работа...

- Да нет, он зарок дал, в святые земли ходил, он крови не прольет!

- Эх, да покарает его святыня, которой он поклонялся! Сам не убил, так другого подучил!

- А почему старший брат на глаза не показывается?

- Говорят, они вдвоем, вместе из дома вышли...

- Может статься, и его убили...

- Исчез бесследно...

- А его тело нашли?

- Нет, не нашли...

- Если бы и его убили, они бы вместе лежали...

- Никто о нем ничего не знает...

- Никто его не видел...

... Когда процессия с телом появилась в начале квартала, у многих молодых мужчин на глазах появились слезы. Фургон остановился у ворот. Мужчины подняли тело, завернутое в палас, чтобы внести его во двор. Ворота распахнулись, из них выбежала Ханумсолтан с окровавленным лицом и бросилась к телу сына. Женщина была без чадры, несмотря на то что вокруг стояла толпа молодых и старых мужчин. По обычаям в дни страшного траура по самому близкому для нее человеку она семь дней не будет покрывать голову.

Опухшими, кровоточащими губами она целовала завернутое в палас тело и шептала:

- О дитя мое! Почему я тебя отпустила! Почему я позволила тебе идти! Почему ты лишил меня надежды, сынок! Почему сломал мою жизнь, малыш?! Я не смогла сыграть твою свадьбу, малыш! Не смогла обнять твою невесту! Да буду я жертвой твоих ран, мой сынок! Смерть твоя - это и моя смерть, сынок! Чтоб отсохла рука, убившая тебя! Чтоб отсох язык твоего врага! Ты, моя детка, чище цветка...

Ханумсолтан едва оттащили от тела. Слезы катились по лицам и бородам умудренных жизнью аксакалов квартала Иманлы. Тихие слова матери размягчили самые жестокие сердца... Ага Расул и Гаджикиши, стоя в воротах дома покойного, принимали соболезнования приходивших на траурную церемонию. Они, разумеется, не считали себя виновниками постигшего семью несчастья, но их потрясло единодушие, с которым простые люди восприняли трагедию матери, лишившейся сына.

Гаджикиши, который совсем недавно сравнивал убитого с псом, к которому не желал приходить и после смерти, будто забыл свои обещания и клятвы. Кровь смыла с имени купеческого дома пятно, поэтому Ага Расул гордо поднял голову...

Ханумсолтан еле передвигала ноги, словно безропотную овечку ее увели в дом. Она все оглядывалась, тихонько повторяя:

- Умоляю вас, ради аллаха всевышнего, дайте мне насмотреться напоследок на мое дитя, дайте мне его поцеловать!

Аксакалы квартала спешили. Прежде всего, по древним обычаям, покойного надо успеть похоронить до захода солнца. С другой стороны, разумные старики решили, что все следует сделать без вмешательства губернского начальства и «урусов». Надо было избежать суда и следствия, ведь большинство безусловно понимало, что убийство совершено Исмаилом во имя чести рода. Нельзя допустить, чтобы погибла семья: один сын уже мертв, второго, если дознаются, засудят и сошлют в Сибирь. Это решение аксакалов было на руку и тем, кто подогревал страсти, кто травил братьев, кто был подстрекателем кровавого убийства. Они не хотели, чтобы разбирательством занялся «Урусский суд». Расследование могло вскрыть тайны Базара. Вот почему в Мануфактурных рядах было тихо и безлюдно. Большинство жителей Шемахи отправились на молитву в мечети или находились на траурной церемонии. По давним народным обычаям, в дом, где люди прощаются с уходящим навечно, может прийти каждый и каждому откроют дверь, если он даже преступник, недаром наши деды говорили: «Не дай аллах, чтобы чья-нибудь дверь открывалась перед незваными гостями по случаю траура...»

По опустевшему Базару шагал со своим сладким грузом на голове лотошник Сирота Гусейн и пел только что сочиненную им грустную песню:

Брат, кинжал мне не готовь,

Вспомни матери любовь –

И твоя прольется кровь...

Брат, не обвиняй меня!

Брат, не убивай меня!

Посмотри, журчит родник,

Посидим, съедим шашлык –

Клевета исчезнет вмиг.

Брат, не обвиняй меня!

Брат, не убивай меня!

Мало на земле я жил,

Мало песен я сложил,

Крик мой на устах застыл.

Брат, не обвиняй меня!

Брат, не убивай меня!

Брат, внемли моим мольбам:

Брось кинжал к моим ногам,

Дай отпор клеветникам.

Брат, не обвиняй меня!

Брат, не убивай меня!

Зла не сделав никому,

Я, певец, сошел во тьму.

Кто мне скажет, почему?

Брат, не обвиняй меня!

Брат, не убивай меня!

У тех, кто слышал эту песню, слезы наворачивались на глаза. Вся история короткой жизни молодого Мухаммеда вставала перед глазами. Чудовищная, нелепая смерть от руки брата только теперь предстала перед людьми в своей реальности.

... Сирота Гусейн разносил по Базару сладости и свою грустную прощальную песню. Он знал, что очень скоро эта песня будет у всех на устах. Быстро забывающие любое горестное событие шемахинцы начнут петь эту песню даже на свадьбах. Пусть хоть так они вспоминают о своем молодом поэте Мухаммеде Сафе...

А во дворе дома покойного купца Гаджи Гусейна завершалась подготовка к похоронам самого младшего из его трех сыновей. Для сотворения поминальной молитвы раздали деньги моллам. В парчовые платки и куски ткани завернули медные подносы с поминальным сдобным хлебом и специально приготовленной халвой. Маленькие мальчики подняли подносы, похожие на праздничные свадебные подношения, и поставили их себе на голову. Молодые парни из квартала подняли катафалк, на котором лежало завернутое в саван тело, и двинулись в сторону кладбища Шахандан. Впереди процессии шествовал квартальный молла Иманлы. За ним шли видные люди квартала, а может быть, и города. Здесь был и мануфактурщик Гаджи Кадыр, Кербалаи Ганбар - сосед братьев, Гаджи Асад, Мешади Алыш и другие. Весь Мануфактурный ряд был здесь. Многие пришли сюда, испугавшись, что на них падет подозрение. Как будто не они четыре дня назад устроили травлю Исмаилу, издевались и смеялись над ним, толкнув его на путь братоубийства. Замыкали шествие мальчики с поминальными подносами на головах.

Только мужское население города провожало покойного. Женщин среди провожавших не было. Не в обычаях ширванцев допускать женщин на кладбище в день похорон. Дома, разложив на полу окровавленную одежду Мухаммеда, они причитали и стенали: «Без свадьбы, дитя, вай! Без свадьбы, дитя, вай!» Стоны и крики долгое время неслись из дома, откуда вышла траурная процессия.

Среди тех, кто шел за катафалком, были и члены поэтического меджлиса «Дом наслаждения». Здесь и Махмуд-ага, и Сеид Азим Ширвани. У главы шемахинских поэтов сердце разрывалось от боли. И он, и другие понимали, почему погиб молодой человек. Сегодня был траурный день их меджлиса. Ширванские поэты потеряли благородного и прекрасного человека. Черные руки обрушили на них тяжелый удар. Пролилась невинная кровь. Темные, невежественные люди объявили войну поэтам, и дыхание смерти коснулось лица одного из них.

Шедшие впереди Алыш, Закрытый и им подобные молились вместе со всеми у могилы убитого ими же. Лицемерие, ханжество, двуличие приводили Сеида Азима в ужас. Видеть подобное - адовы муки в этой жизни. «О великий аллах! Неужели ты сделаешь так, что несчастный Мухаммед Сафа и на том свете столкнется с ними лицом к лицу? О аллах! Где твоя справедливость?!» На миг Сеиду Азиму показалось, что перед его взором промелькнуло смуглое, полное лукавой усмешки лицо Сафы, его стройная юношеская фигура... Воображение поэта рисовало картины одну за другой, но строки не приходили в голову... Был бы он женщиной, он проливал бы слезы над свежей могилой и получил бы облегчение... Он поэт и призван сочинять стихи, лишь так он может излить свою боль... Ему казалось, что погибший молодой поэт исчез в неведомых высотах небес... «Его тело, которое скоро будет предано земле, было одним из твоих редчайших чудес, о могучий создатель! Какой художник согласится с исчезновением самого прекрасного своего произведения! Как же ты согласился на эту смерть, о великий аллах? Откроются ли небесные врата перед духом того, чья плоть начнет разлагаться в сырой земле? Как это произойдет? Когда? Где истина? В чем она, о аллах? Большинство истин постигается через множество ударов и уколов. О великая созидающая сила, помоги мне постичь истину, вдохнови меня познанием истины!...»

Мухаммеда Сафу провожала только что наступившая весна. Ярко-зеленые нежные листья еще не покрыла пыль, они еще не огрубели от жарких солнечных лучей. Вдоль дороги сквозь влажную землю пробивалась трава.

Оборвали молодую жизнь, не дали вдоволь надышаться, налюбоваться весной и красотой...

Сеид Азим схватил за руку Махмуда-агу и дрожащим голосом прошептал:

- Когда я умру, похороните меня в Шахандане...

Любитель и поклонник поэзии, устроитель и хозяин веселых и праздничных меджлисов Махмуд-ага испытывал чувство глубочайшей скорби. Слова поэта, прозвучавшие как завещание, еще больше усугубили боль в его сердце.

ВТОРАЯ ЛЕЙЛИ

Остановись, мой друг, остановись, я хочу поделиться с тобой... Хочу поделиться, но язык не поворачивается... Не знаю, радоваться или печалиться, что на пути к середине своей жизни мой поэт вновь полюбил. Боюсь, что ты поспешишь с упреками, мол, «седина в

бороду, бес в ребро...». Послушай историю возникновения и короткой жизни этого запоздалого чувства - и, возможно, если ты не оправдаешь поэта, как я, то все же не станешь беспощадным судьей ему... На пути к середине своей жизни и к этой любви, верь мне, он не брал мед из каждого цветка, чтобы украсить свою жизнь и свой стих. Его вдохновенный талант и без мимолетных цветов наслаждений был свеж и молод. А когда он пошел навстречу этой любви, он не потерял своих убеждений, не забыл о своих детях... Отвечая на зов любви, он не вычеркнул из своего сердца Джейран-ханум и Сону. Ты скажешь, в одном сердце не могут соседствовать три любимых женщины. И ты в чем-то прав. Но когда ты услышишь короткую повесть, которую я не могу тебе не рассказать, ты увидишь, что каждая из этих женщин занимала в сердце поэта свое место, свое положение, и, по существу, они друг другу не мешали... Разве он забыл Сону? Всю свою жизнь поэт носил в своем сердце имя Соны - царицы фей, ее красота и ум были источником его вдохновения... Всегда с ним рядом была мать его детей, подруга, с которой он шел по жизни, Джейран. Изменял ли он ей? В моем понимании - нет!

Дорогой друг! Я не хочу вернуть тебя в прошлое, наполненное страшными бедствиями, последовавшими за вторым чудовищным землетрясением, происшедшим в Шемахе в 1872 году. И без того еще не затянулись раны, нанесенные первым, второе же разрушило весь Ширван. Помощь ширванцам шла из Баку, Шеки - помогали все, кто мог помочь. Ширван переживал тяжелые дни... Чтобы вытащить из-под обломков живых и мертвых, на улицы вышли все мужчины и женщины, оставшиеся в живых.

Друг мой, для того чтобы ты воочию убедился, как страшно было в те дни в Шемахе, я хочу показать тебе лишь несколько картин бедствия, тем более что они имеют непосредственное отношение к нашему рассказу.

Школа Сеида Азима размещалась неподалеку от дома богатого шемахинского купца Гаджи Нуруллы. В тот далекий день Ага начал урок несколько позже обычного: его задержали молоканские и армянские педагоги, пришедшие познакомиться со школой. Поговорив с ними, он вошел в класс и начал урок письма. Раздал детям тетради и ручки, и только приготовился прочесть стихотворение, по которому они должны были проделать письменное упражнение, как внезапно классная комната погрузилась во мрак. Сеид Азим успел подумать: «Солнечное затмение, что ли?», как его окликнули с улицы:

- Ага, Ай, Ага!

Это был голос школьного служителя - Ширина Абдуллы.

Сеид Азим торопливо выбежал за дверь.

- Что случилось, Ширин? - вопрос его остался без ответа.

Люди, выбежавшие из своих домов, были взволнованы, хотя не все понимали, что происходит. И тут Сеид Азим явственно ощутил, как под ним шевельнулась земля. Мгновенно осенила мысль: «Дети!» Он бросился к двери в школу, но кто-то ухватил его за полы одежды. Это был Ширин. Снова земля заколебалась под ногами; не выдержав толчка, оба упали на землю. Сеид Азим поднялся стремительно на ноги, чтобы открыть дверь школы. О собственных детях, жене и матери он в эти минуты как будто забыл.

Как всегда, если только учитель выходил из класса, его место занимал староста. Так было и сегодня, когда Ширин Абдулла крикнул и Сеид Азим выбежал из школы. При первом колебании почвы под ногами мальчик сообразил, что в доме оставаться опасно, и

приказал: «Быстрее на улицу!» Внутри школы стало еще темнее, с улицы доносились крики, мычание скота, вой собак. Ребятишки столпились у двери, в панике протискиваясь наружу. Раздался страшный треск, дом стал оседать и разваливаться на глазах тех, кто успел выбраться. Большинство сгрудилось вокруг Сеида Азима и Ширина Абдуллы, плача от страха и ужаса. Потолок школы завалился, обрушились стены, несчастный учитель пытался пересчитать всех детей: «О аллах! Неужели кто-то остался под обломками школы?!» В классной комнате занялся пожар: угли из мангалов, которые обогревали школу, при толчках рассыпались, начали тлеть школьная мебель и одежда, которую малыши не успели надеть.

И другие дома наполнялись дымом и пламенем. Начались пожары. Земля колебалась и раскачивалась как люлька. Все вокруг рушилось и валилось. Как будто вековая неподвижность и застылость земной тверди взбунтовалась - горы пожелали ринуться в долины, долины захотели вспучиться и дотянуться до самых высоких вершин. Как будто деревья устали стоять на корнях и легли набок, чтобы отдохнуть. Дым, пыль и пламя стелились по земле. Беспрерывные толчки замедлили свой ритм, стали реже. Как только земля перестала уходить из-под ног, стали явственней слышны крики, стоны и плач. Большинство жителей бежало в школы и моллаханы: там были дети. Над городом стоял сплошной гул голосов:

- Садай! Садай!

- Мама! Мама! Мама!..

- Сальма, детка!..

- Бабушка! Бабушка!..

- Урхан, Урхан!..

- Самаррух, детка!..

Молодые мужчины и пожилые, женщины и девушки работали рядом, пытаясь откопать засыпанных под развалинами. Пока подоспели родители, Ширин Абдулла вместе со старшими детьми и жителями соседних домов, прибежавшими на помощь, смог высвободить нескольких учеников, оставшихся в школе и придавленных потолочными балками. Здание почти полностью заволокло дымом, и люди спешили спасти всех, пока дом не загорелся. Дети работали наравне со взрослыми. К счастью, раненых было немного. Но вот из-под обломков вытащили первую жертву - десятилетнего Салаха, гордость Сеида Азима. Одаренный ученик, любимец школы был убит при падении балки, видимо, одним из первых, когда дети еще не успели выбежать из школы. Сеид Азим горько заплакал. Он опустился на колени перед телом мальчика. Безмолвно катились слезы по его щекам и бороде. Людей, стоящих вокруг, охватил ужас: «Плачет потомок великого пророка, неужели нас ожидают беды страшнее землетрясения?»

Отец погибшего мальчика, узнавший о смерти сына, ждал, когда можно будет отнести ребенка домой и, как только станет чуть спокойнее, обмыть и похоронить его. Несчастье оглушило его, он стоял отрешенный от всего на свете. Но, увидев, что Сеид Азим опустился перед его сыном на колени и плачет, он испугался. Бросившись рядом с ним на колени, он умоляюще просил:

- Ага, дорогой Ага, да буду я жертвой твоего предка, не плачь при мне! Ага, да буду я твоей жертвой, не плачь! Поднимется ураган! Камни начнут лететь с неба! Новое землетрясение не оставит никого в живых, если ты будешь плакать! Мой Салах пал жертвой во имя оставшихся в живых, Ага!...

Сеид Азим, увидев страх на лицах стоявших вокруг него людей, осознал, что они боятся новых несчастий. Он вытер глаза и поднялся на ноги. «Несчастные, темные люди... Они думают, что ураганы и землетрясения начинаются от слез или гнева обыкновенных жителей земли...»

Отец Салаха дождался родственников, которые притащили из дома палас, и на нем отнесли тело мальчика домой. Остальные родители продолжали разыскивать погребенных под обломками, под развалинами домов. Наконец работы на школьном участке были закончены. Родители детей настаивали, чтобы Сеид Азим вместе с ними шел домой. Все ученики были живы, кроме Салаха, но Сеид не ушел. Вместе с Ширином Абдуллой он присоединился к тем, кто принялся раскапывать ближайший к школе дом купца Гаджи Нуруллы. Дом очень пострадал. Крыша полностью обвалилась, прикрыв собой рухнувшие стены здания. Пришедшие на помощь не надеялись, что хоть кто-нибудь из бывших в доме людей останется жив. Из-под камней, кирпичей, досок и балок были извлечены трупы самого Нуруллы, его сына Асада и жены Нурджахан-ханум. Стало ясно, что под обломками никто не смог избежать гибели. Добровольные помощники ушли. Ширин Абдулла умолял поэта идти домой:

- Пойдем, Ага, да буду я жертвой твоего предка. С помощью аллаха всех, кто остался, вытащат. Ты совсем выбился из сил...

- Аллах поможет, Ширин, поможет... Если бы он помогал, то не послал бы одно за другим два землетрясения, не превратил бы в развалины нашу прекрасную родину!

- Опомнись, Ага, родной, ты от горя так говоришь... Грех это... Пойдем... И Минасолтан уже присылала о тебе справиться. Слава аллаху, и дети, и все твои домашние здоровы...

- Слава аллаху! Значит, мы можем здесь еще немного помочь.

- Здесь уже никого не осталось, Ага!

Но Сеида Азима что-то удерживало на месте. Он давно прислушивался и неожиданно для самого себя уловил чей-то стон. Сначала ему показалось, что голос доносится издалека, от стоящих поодаль строений или дальних развалин. Он снова прислушался.

- Ширин, прислушайся повнимательней... Кто-то стонет...

- Нет, родной, тебе кажется...

- Абдулла, я тебе говорю, под развалинами кто-то есть!

- Тебе почудилось...

- Не уверен...

Ширин огляделся, присел, напрягая слух:

- Ты прав, Ага, ты прав! Ведь мы в суете совсем забыли про невестку Гаджи Нуруллы, жену Асада - Сарабеим...

- Ну, скорее!

Они снова бросились к развалинам. Чей-то стон, мольба о помощи удесятерили, казалось, их силы. Сеид Азим с легкостью отбрасывал камни, оттаскивал балки. Ширин Абдулла с радостью поглядывал на него, думая про себя: «Какой он, слава аллаху, сильный и здоровый! Не сглазить - предок помогает ему! Ведь только что еле стоял на ногах... Правда, он еще совсем молодой, не то что я...»

Они вели поиски с той стороны, откуда несся стон. Отброшенные в сторону доски и балки, кирпичи и камни образовали гору. Абдулла и Сеид Азим работали напряженно, не давая себе отдыха. Потом в ход пошли лопаты и лом. Пыль набивалась в горло и нос, заволакивала глаза, известка слоем покрыла одежду. Они подкапывались под толстую балку, которая сдерживала, по-видимому, ударную силу обрушившихся стен и потолка. Она и спасла женщину, которую они обнаружили в уцелевшем углу дома рядом с сундуком.

Округлое, словно полная луна, лицо женщины было бледным, без единой кровинки. Черные сросшиеся брови над закрытыми глазами, стиснутые губы.

Сеид Азим склонился над спасенной. Через несколько минут распахнулись густые черные ресницы. Сквозь слезы на поэта глянули прекрасные черные глаза. Женщина облизнула спекшиеся губы и, всхлипнув, проговорила:

- Спасибо, Ага... Да буду я твоей пленницей... Аллах наградит тебя...

Молодая женщина еще не осознавала всего происходящего, не понимала, что с ней, в каком она виде. Исцарапанными руками она искала, чем прикрыть лицо, потом пыталась подняться на ноги. Поэт удержал ее, чтобы она не увидела трупы близких. Женщина осталась чудом невредимой, только бледность и слабость выдавали, что с ней что-то произошло. Поэт увидел окровавленные юбки и ступни ног. И здесь он уразумел, какое несчастье произошло с бедняжкой: преждевременные роды... Жалость к женщине залила его грудь.

- Ширин, помоги, отведем бедняжку к нам домой...

Ширин Абдулла вместе с поэтом взяли под руки еле стоявшую на ногах Сарабеим и повели в дом к Минасолтан...

Немало дней Сарабеим жила в доме поэта. Он приносил для нее лекарства от врача Мирзамаммеда, выслушивал наставления, как следует лечить бедняжку. Джейран и Минасолтан ухаживали за ней. Молодость и отменное здоровье сделали свое дело: Сарабеим быстро восстанавливала силы. Молодая женщина еще ярче заблистала красотой. Теперь она прикрывалась от Сеида Азима платком, но, встречаясь с поэтом во дворе, где она выполняла работы по хозяйству, стараясь помочь Джейран и Минасолтан, она поглядывала на него, пользуясь малейшей возможностью, стесняясь, однако, смотреть прямо ему в лицо. Сарабеим ощущала в себе растущую привязанность к поэту, желание

постоянно быть рядом с ним поглотило все ее помыслы. Рождающееся чувство любви завладело всем ее существом...

И в сердце поэта родилось желание любви. Он понял, чем это грозит, и попытался справиться с собой, вырвать из своей души... Но не сумел. Будешь ли ты укорять его за это, мой читатель? Или не будешь?.. Я вынуждена рассказать все, другого выхода у меня нет.

Сам Сеид Азим Ширвани называл ее «спустившейся с неба луной», уподоблял ее губы «египетским сладостям», не скрывал и не прятал ее имя. Он посвящал ей газели, в одной из которых писал, что косы Сарабеим благоухают, как цветник, что с запахом ее волос и лучший мускус не сравнится.

Друг мой, я должна тебе признаться, что любовь к Сарабеим не была такой же платонической, божественной, как любовь к «царице фей» - Соне... Тридцатисемилетний, полный физических сил Сеид Азим Ширвани, хоть и жил возвышенными чувствами и мечтами, облагораживая жизнь окружающих тем, что дарил им сокровища своего духа, умел наслаждаться дарами реального мира. А Сарабеим была не из тех женщин, чью любовь можно отвергнуть. Он пошли навстречу друг другу, пренебрегая упреками совести...

Прошло время... Сарабеим на месте разрушенного двухэтажного дома купца Гаджи Нуруллы - своего покойного свекра - построила небольшой новый дом, вполне достаточный для одиноко живущей вдовы. Смерть мужа и его родных печалила ее, но другие мысли тревожили ее сейчас. Она поняла, что больше нельзя здесь оставаться, и переселилась в новый дом, все в нем привела в порядок. Но и после переселения продолжала захаживать в дом Минасолтан.

Еще тогда, когда она жила в доме поэта и смотрела на Агу как на своего спасителя, досужие языки пустили слух, что, наверно, она выйдет замуж за Агу, тем более что мусульманину не возбраняется иметь одновременно четырех жен. Сарабеим с удовольствием помогала Джейран во всех ее хозяйских заботах. Но как только она почувствовала, что между ней и Сеидом Азимом протянулась невидимая миру нить, еще до того, как дом ее был готов, она покинула семью Сеида Азима, проявившую к ней родственную заботу и ласку.

Теперь она довольно часто заходила повидаться со всеми, покупала детям подарки на праздники, не забывала занести свежей пахлавы или шакер-чуреков, испеченных ею самой. Старалась не прерывать отношений с семьей любимого.

Минасолтан полюбила Сарабеим как родную дочь. И Джейран подружилась с нею. Приходя в дом, молодая женщина подолгу играла с детьми, называвшими ее тетей. Она ласкала и целовала детей. Наблюдая это, Минасолтан печалилась: «Несчастное дитя! Как скучает ее сердце! Если бы остался в живых ее ребенок! Деньги у нее есть, без куска хлеба не осталась, может быть, встретит хорошего человека... О аллах! Почему ты делаешь хороших людей несчастными?.. Хотя, с другой стороны, не с ней одной это случилось! Слава аллаху, что живой осталась! Слава аллаху, что Ага услышал ее голос, иначе бедняжка живой легла бы в могилу...»

С той самой минуты, когда он спас ее от гибели, с того мгновенья, когда залитые слезами черные глаза глянули на него из-под пушистых длинных ресниц, Сеид Азии ощутил, что в

его жизни произошла перемена, что его сердцем завладела Сарабеим. Вот почему он делал все, чтобы поскорее было завершено строительство нового дома... «Будет лучше, если она уйдет из нашего дома», - думал он. Но все сложилось совсем не так...

Рассказывая о Сарабеим, мы как будто совсем забыли о несчастной Гамзе, и ты, друг мой, совсем о ней не спрашиваешь. Пойдем, узнаем о судьбе Лейли того времени. Дом Гаджикиши совсем рядом, мой друг, будь мне опорой...

Отец Мирсалеха - Сары не собирался спешить со свадьбой, к тому еще его жена совсем не хотела видеть в своем доме Гамзу, с которой приключились такие беды, что она была, по словам женщин в округе, из-за всего этого немного «не в себе». Только сам жених не изменил своего намерения: Мирсалех во что бы то ни стало хотел жениться на первой шемахинской красавице. Он уговаривал свою мать:

- Все наладится, мама... Пройдет сорок дней траура, и все наладится. У одних муж умирает, спустя время они замуж выходят... У других жена умирает, они женятся... А Гамза даже и невестой Мухаммеда не была... Подумаешь, родители в детстве сговорились! Все забудется, она выздоровеет, сыграешь нам свадьбу. Мама, и отцу передай мои слова! Он сам мне вначале советовал, я не собираюсь менять своего слова...

Прошло сорок дней... Сары решил провести свадебные торжества тихо, без шума, и забрать Гамзу к себе в дом. И Гаджикиши видел спасение дочери в этой свадьбе. Это был единственный выход в ее положении. В противном случае никто в Шемахе никогда не посватается к Гамзе, никто близко не подойдет, не назовет ее имени. Кто женится на девушке, чей нареченный убит при непонятных обстоятельствах, а обрученный с ней второй жених вернул кольцо?

Когда Гамзе сказали о готовящейся свадьбе, она словно пробудилась от сна, в котором пребывала с той минуты, когда ей сообщили о гибели Мухаммеда... «Как, после всего, что случилось, отец отдаст меня наперекор моему желанию? Привяжет меня насильно к чужой двери?..» Хотя в доме не велись разговоры о предстоящем торжестве, девушка не находила себе места. Она не знала, как ей быть. Дела валились из ее рук, она не помнила, что собирается делать или что начала делать минуту назад. Останавливалась в задумчивости и замирала... Прочесть ее мысли было невозможно, никакие чувства не отражались теперь на ее лице. Горе она прятала в себе, лишь изредка слезы сами собой катились из глаз. Она пропускала мимо ушей все разговоры в доме. Однажды ночью до нее донесся спор между отцом и матерью. Гамза поняла, что отец тверд и непреклонен.

Гамза поднялась после того, как Гаджикиши ушел на Базар в свою лавку. Она не выходила из своей комнаты, и мать решила, что девушка еще спит. В последнее время, жалея дочь, она не поднимала ее на утреннюю молитву. Бадамбеим решила пойти к Бике, с которой водила дочь к святилищу. Необходимо посоветоваться, как быть... Выйдя из ворот, она тихонько притворила их и крикнула Гюльсум, которая жила по соседству:

- Гюльсум, доченька, прислушивайся к нашему двору! Если кто спросит, скажи, что скоро вернусь. Гамза еще спит, я пошла к тете Бике.

Гюльсум ответила из дома:

- Хорошо, тетушка Бадамбеим, иди, не беспокойся, я послежу...

Гамза слышала переговоры из своей комнаты. Как только мать удалилась на значительное расстояние от дома, Гамза закуталась в чадру и проскользнула на улицу. Действовала она с превеликой осторожностью, так, что даже старые ворота не скрипнули... Она шла и, как это уже вошло в привычку у нее, разговаривала с Мухаммедом: «Ты думаешь, что если тебя нет, я накину на голову фату невесты и выйду замуж за другого, любимый? Ты считаешь меня такой неверной, любимый?» Гамзе казалось, что все прошедшее - сон, она не верила в смерть своего нареченного. Не правда ли, когда человек не видит своего близкого умершим, ему кажется, что человек жив?.. Так и Гамза. Она разговаривала с Мухаммедом так, как будто он живой. В ее воображении двоюродный брат, с которым они вместе росли и играли, все еще любил ее... А может, все еще предстоит: средний брат Вели наденет на нее свой пояс с пряжкой в знак того, что она входит в семью, тетя Ханумсолтан скажет: «Садись рядом, моя красивая невестка!» И Мухаммед назовет ее своей женой... Вот и теперь он идет впереди и зовет Гамзу за собой. «Куда ты зовешь меня, Мухаммед? Ты же знаешь, если позовешь меня на край света, я пойду за тобой!.. Когда ты взял меня за руки, сажая на коня по дороге из святилища, ты поцеловал мою руку. Жар твоих губ проник мне прямо в сердце. До той минуты мне казалось, что мое сердце застывает, но ты снова согрел меня... Я иду за тобой, иду, хотя колени мои дрожат, и у меня больше не осталось сил...»

Девушка продолжала идти и разговаривать. Теперь она произносила слова вслух, если бы кто-нибудь ей повстречался, он бы услышал ее слова. Но ранним утром никто не увидел девушку в черной чадре, спускавшуюся к реке, и не слышал ее голоса...

Только на противоположном холмистом берегу реки пастушок, пасший ягнят, пел ширванскую народную песню:

На Ширване горы есть,

На горах озера есть.

Смилостивься, Азраил, -

Те, кому я дорог, есть.

Он пел и следил за полетом ястреба, который то взмывал к бирюзовым небесам, то парил неподвижно в вышине. Печальная мелодия едва ли долетела до Гамзы, хотя он пел реквием по ее жизни. Или некое предчувствие подсказало мальчику слова той песни? Так или иначе, пение пастушка сопровождало Гамзу до ее последней минуты. Эта мелодия соединила в себе трепетанье сердец Ханумсолтан и Бадамбеим и плач плакальщицы Сенем. Траурный стон по живой, спешащей на свидание с возлюбленным.

Она вышла на кромку берега реки Русдарчай и остановилась. Полноводная река несла мутные воды, в которые где-то выше по течению впадали потоки селя. Но Гамзе виделась зеркальная чистота, в которой плыл, размахивая руками, Мухаммед. «О аллах! Может быть, он тонет? Или хочет сбежать от меня на другой берег?.. Любимый. Наверно, ты зовешь меня поплавать, как раньше в детстве? Я иду к тебе! Не спеши! Дай я сброшу с головы эту черную чадру, ведь она будет мешать мне в воде плавать с тобой... Так хорошо

плавать, как ты, никто не умеет, любимый! Разве я смогу догнать тебя? Не спеши, Мухаммед, умоляю тебя, не спеши!»

Гамза сняла чадру, привычными движениями сложила ее и аккуратно положила на камень, чтобы волны не замочили ее. Потом стала медленно взбираться на высокую скалу, нависающую над излучиной реки. Поднимаясь, она все время видела Мухаммеда, который плыл к самому глубокому и спокойному месту заводи... Гамза старалась ни на миг не отрывать глаз от любимого. Приблизившись к отвесному краю скалы, она крикнула: «Подожди, Мухаммед, я сейчас прыгну, а ты лови меня, подожди, я иду! Я иду-у!» Эхо повторило ее слова...

Пастушок давно заметил девушку, появившуюся на другом берегу. Сначала он решил, что она пришла стирать, но, не увидев узла с бельем, он подумал, что она кого-то ждет. Гамза поднялась на скалу по тропинке, которая ему была не видна. Он вздрогнул, услышав крик, и в тот же миг заметил падающее в воду тело. Он в ужасе закричал:

- Эй, эй, на помощь! Девушка в воду упала! А-а-а!..

Горы отозвались эхом.

Он снова закричал что было мочи...

- Эй, что случилось?

- Почему кричишь?

- Кого ты испугался, может, волк напал на стадо?

Когда с соседних пастбищ пришли люди, было уже поздно. На берегу, кроме черной чадры, ничего не осталось. Мальчик с плачем рассказывал: «Пришла-а, сняла ча-адру... Упала в воду... Я видел...» Сильные, мужественные парни, умеющие нырять, занялись поисками несчастной в том месте заводи, которое указал пастушок. Они уже отчаялись, как неожиданно один из ныряльщиков ухватил девушку за длинные толстые косы...

Послали за паласом... Тело Гамзы принесли на паласе к воротам Гаджикиши, как сорок дней назад ее нареченного Мухаммеда Сафу.

Возвращавшуюся от Бике мать Гамзы у ворот встретила рыдающая Ханумсолтан, мать Мухаммеда:

- Кровавая судьба не хочет оставлять меня в покое! О горе мне! Сначала отняла сына, теперь отняла невестку! О горе мне!

Давно предчувствовавшая беду Бадамбеим тут же поняла, в чем дело, и заплакала в голос:

- О аллах! Ушло мое единственное дитя! У тебя, сестра, хоть кто-то остался, а у меня - никого... О горе мне! - Женщина рвала на себе волосы, покрывала лицо и голову дочери жаркими поцелуями. - Безжалостный отец! Теперь ты можешь выдать ее замуж за того, кого пожелаешь! Ты выбирал тех, кто может прийти в твой дом свататься, теперь в твой дом может прийти каждый - на похороны твоей дочери!

Гаджикиши скорчился от горя, он сидел в углу двора, обессиленный, сгорбленный, не в состоянии принять участие в траурной церемонии...

Ханумсолтан рыдала над телом девушки, оплакивая вместе сына и его нареченную...

... Рядом с еще не осевшей могилой Мухаммеда Сафы могильщики готовили место для Гамзы - несчастной Лейлы своего времени...

И родинку у милой на губе

Целуют, как святыню в Каабе...

Нежный образ Сарабеим не покидал Сеида Азима. Воображение рисовало ее облик вновь и вновь. Молодая женщина будто знала это и находила тысячи поводов напомнить поэту о себе... Ее страсть находила пути к любимому, чего ей стоило это, знала она и аллах... Ежедневно она изыскивала случай раз или два попасться Сеиду Азиму на глаза. То по дороге в школу он видел ее, то уходя из школы... На пути на Базар, на пути домой... Если только на дороге он оставался один, в ту же минуту рядом оказывалась она... Каким образом ей стало известно любимое место Аги под ивой на берегу Зогалавай? С некоторых пор она часто оказывалась здесь то с кувшином для воды, то с узлом белья, которое здесь стирала.

Это было место, где когда-то поэт встречался с Тарланом, а потом с Мухаммедом Сафой... Дорога вела ее сюда из Минахора почти каждый день.

Сеид Азим уже привык ежедневно видеть Сару. Если поблизости никого не было, женщина подходила к нему вплотную, здоровалась и тихонько спрашивала: «Да буду я твоей жертвой, Ага, придешь ли ты? Ждать ли мне тебя?» Едва показывалась чья-то тень, Сарабеим исчезала так же внезапно, как появлялась. Она словно растворялась в воздухе, сливалась с тенью дома, поэт не мог догадаться, куда она пропадает... Эти встречи иногда были столь мимолетны и призрачны, что Сеид Азим не мог бы с уверенностью сказать, были они на самом деле или нет... Он перестал различать, что в этой жизни оставалось мечтой, что становилось явью. Мечты и желания костром жгли его нутро, опаляли его сердце. Он обращался за помощью к царице фей, искал убежища в близости с Джейран, но нигде не находил успокоения.

Он взывал к рассудку, говоря себе, что уже стар для подобной страсти, что эти желания свойственны молодости. Но разум был не в состоянии руководить сейчас его поступками. Только в близости с Сарабеим он видел сейчас смысл своей жизни, она затмевала все вокруг.

Он стал рабом своей страсти.

Он видел зов любви на губах молодой женщины.

Ему казалось, что счастливая судьба отметила его этой страстью, этим последним подарком проходящей жизни, навечно ушедшей молодости. Если он потеряет Сарабеим, отвергнет ее любовь, глаза его лишатся света, его творчество - вдохновения. Если не

станет этой любви, погаснет навечно огонь в его сердце, чувства превратятся в золу. Желание неотвратимо, оно похоже на мотылька, летящего на пламя свечи, чтобы сгореть в этом пламени. Желание сгореть в огне всепоглощающей любви овладело всем его существом.

Поэт молодым человеком увидел Сону и полюбил ее. Она стала для него феей, царицей фей, источником поэтического вдохновения, платонической, божественной любви.

Он женился на Джейран по традициям предков, не видя ее, и полюбил ее как первую женщину, с которой был близок, которая стала матерью его детей. Семейная жизнь превратила эту любовь в прочную привязанность, в привычку, без которой не проживешь... Сарабеим он полюбил с первого взгляда со всей чувственной страстью, на которую способен полный сил человек... Ему казалось, что она была запоздалым подарком судьбы, в тяжелые годы его жизни стала его солнечным светом. Она не требовала от него ничего: не стремилась занять место Джейран, не отнимала его у детей. Он не мог не чувствовать ее бескорыстия и самоотверженности.

Молодая женщина любила, ничего не прося взамен, кроме любви, не ожидая жертв и уступок. Она знала, что он не станет ее супругом, и не мечтала об этом. Она желала быть только возлюбленной своего любимого, желала любить его со всей страстью молодой женщины, не замечая седых висков и серебра в бороде, усталости и забот, наполнявших его жизнь, не требовала подарков, хорошо зная, что у бедного поэта в доме зачастую нечего есть. Сарабеим любила его голос, когда он читал ей газели, когда он называл ее ласковыми именами. Она хотела зажечь огонь в потускневших глазах своего любимого, хотела опалиться жаром его желаний, ощущать на своих волосах ласковое прикосновение его рук. Она была довольна своим безбедным существованием, большего ей не надо. Под развалинами дома свекра кое-что сохранилось, Ширин Абдулла все откопал и отдал Сарабеим. После строительства нового дома у нее осталось на жизнь, роскошествовать она не собиралась...

- Мне этого хватит, - говорила она Are.

- Ты же не всегда будешь одна...

- Буду одна, свет моих очей... Только бы ты был здоров... Только видеть тебя рядом, слышать твой голос!

- Подвернется случай, выйдешь замуж... Ты же еще очень молода.

- Не приведи аллах! Пусть на меня падут все твои беды, Ага! Не говори так... Если бы у меня тысяча жизней была, я пожертвовала ими ради одного дня с тобой!

Глубокие чувства Сарабеим ошеломляли поэта. Жалость терзала его душу, он страшился ненароком сломать ее сердце. Он не мог отказаться от ее любви, не мог утихомирить свои желания. Разве легко отвернуться от солнечной улыбки в пору жизни, когда тебе кажется, что твой закат близок? Как ты считаешь, дорогой друг?... Я не смею упрекнуть моего поэта, надеюсь, что и ты не упрекнешь. Или я ошибаюсь?

... Они стояли на том самом месте, где в былые годы поэт часами беседовал с Тарланом. Выстиранное и высушенное с утра белье она сложила и завязала в узел. Если бы она заметила чей-то силуэт на дороге, она бы тут же схватила узел с бельем и удалилась торопливо. Она была настороже... Пухлыми пальцами полной руки она распрямляла

кромку шелкового платка, слушая поэта, а из души рвались слова: «Я все знаю о тебе, знаю дом, в котором ты живешь, знаю семью, с которой прожил свои годы, знаю даже, чем ты владеешь в своем небогатом хозяйстве... Мне от тебя ничего не нужно, дорогой, только бы ты жил... Пусть будет долгой твоя жизнь!.. Пусть не коснется тебя горе, дорогой... Живи. Только иногда приходи, только приходи... Я согреюсь твоим теплым дыханием, послушаю твои газели, почувствую жар твоих рук... Я знаю, что ты на мне не женишься, не возьмешь в жены ни взамен Джейран, ни дополнительно к ней в дом... Но тогда...» Ее мысли прервал вопрос Сеида Азима:

- Чего ты хочешь, Сара?

- Чего я хочу? Только твоей любви, пусть тайной, исподтишка, уворованной у Джейран... Хочу тебя видеть... Если не буду видеть тебя, я умру, Ага...

- Не говори так...

- А как мне сказать тебе... Если что и приключится дурного, то пусть это будет со мной! Я же не прошу заключить со мной временный брак по мусульманским законам шариата как со второй женой у кази... Так делают красно-бородые купцы-бакалейщики... Не дай, аллах, дожить до того, чтобы вызвать разлад и скандалы в твоей семье... Только... только приходи ко мне иногда, какой от этого вред моей сестрице Джейран, а?

- Никакого вреда...

- Постарайся, чтобы она об этом не узнала...

- Разве что купить аршин бязи, чтобы завязать рты всем словоохотливым?

- Что скажут - обо мне скажут... Всегда осуждают женщину... Не думай об этом, Ага... Ведь это я ловлю тебя своими женскими уловками, а не ты... Как говорится, женской косынкой сподручней ловить, чем мужской папахой!

- Что ты наговариваешь на себя, Сара!

Сеид погрузился в глубину, прекрасных глаз, полных любви, нежности и мольбы. Он звал на помощь любовь прошедших лет: обращался к помощи царицы фей, к верности, которую хранил Джейран, но ничего поделать с собой не мог. Он понимал, что намного старше Сарабеим, но ничего поделать с собой не мог. Чувства бурлили, кипели... Завораживающие глаза, опушенные густыми ресницами, манили, густые, пахнущие мятой волосы влекли и требовали прикосновения. Сердце потеряло точку опоры - веру в незыблемость достигнутого... Родинки над нежными губами шевелились вместе с округлым припухлым ртом, произносящим какие-то слова, они казались поэту зернами, рассыпанными, чтобы поймать птицу души... Он умирал от невозможности сию минуту прильнуть страстным поцелуем к пунцовым губам и родинкам над ними. Любовь победила ум, волю, совесть...

Глаза твои, что так полны огня,

Как два стрелка преследуют меня.

Уж не небесный сад ли твой небесный лик?

Мед на устах твоих не райский ли родник?

... Эта ночь напомнила Сеиду Азиму другую ночь... Он вернулся памятью в Наджаф, к тем годам, когда он учился... Бедное, полуголодное существование студента высшего духовного училища... Поэт уже значительное время разлучен со своей молодой женой Джейран... Он полон чувственных желаний, молодая плоть корчится ночами, когда Сеид Азим вспоминает жену. Встретив молоденькую арабскую женщину, знавшую тюркский язык, он решил сблизиться с нею, не считая телесную близость с ней изменой Джейран. Она оказалась вдовой и жила неподалеку от медресе, где учился Сеид Азим. Однажды, провожая ее, он узнал, что ее родители куда-то уехали, и в доме никого нет. Она пригласила его к себе... Эта ночь подарила ему немного радости, внесла разнообразие в его жизнь. Еще долго он вспоминал ее трепещущие страстные губы, ласковые горячие руки. Тогда эту мгновенную и бурную вспышку страсти он принял за любовь.

Где те ночи, когда, с луноликой обнявшись, лежал, - где те ночи?

Допьяна упиваясь любовью, тебя целовал, - где те ночи?

Только вспомню те ночи - и сердце пылает в огне,

Как в те ночи, когда огнедышащей страстью пылал, - где те ночи?

Та ночь оставила неизгладимый след в памяти поэта... Но страсть той ночи улетучилась словно дым, когда, к счастью для обоих молодых людей, молоденькой вдове повезло, и вскоре она вышла замуж. Когда она прощалась с ним, он не заметил грусти в ее шаловливых глазах, скорее они скрывали неведомую ему тайну. Молоденькая арабская женщина навсегда ушла из жизни поэта...

Первоначально любовь Сарабеим напоминала Сеиду Азиму страсть той ночи, быстро вспыхнувшей, но и быстро погасшей. Высоким пламенем горела свеча любви, и так же скоротечно таял воск. Но время шло, а любовь к Сарабеим только росла. Думы о Саре образовали глубокую рану в его сердце. Но более всего его ужасало то, что и у молодой женщины чувство к нему крепло с каждым днем, это была беда для Сары, несчастье для нее. Ее не страшили ни обиды, ни чужие взгляды, ни злые слова. Ей не нужна была другая любовь, другое счастье, замужество с другим... Она сама приговорила себя к смерти, если расстанется с ним... Приговорила себя к одиночеству, жила постоянной мечтой о близости с любимым. Она постоянно повторяла ему, что родилась на свет, чтобы подарить ему счастье, что призвана беречь его от невзгод, должна омолодить его сердце. Ах, кто не желает возврата молодости?

Сарабеим жила думами о славе своего поэта, о славе его поэзии, радовалась каждой новой газели.

Временами поэт словно пробуждался от сна. В такие минуты он отдавал себе отчет в том, что необходимо оградить Сарабеим от злых языков, раздумывал, как это сделать... Однако Сарабеим не внимала его советам, она была пьяна от счастья, не замечала пожара, охватившего их обоих. Она боялась упустить хоть час из отведенного ей времени...

Сарабеим еще не сняла траура, который носила со дня гибели мужа и его родителей. Все еще длился этот год. Черное платье делало ее еще красивее, оттеняя белоснежность кожи, подчеркивая стройность полного тела, но поэт не любил этот черный траурный цвет, как и все жители Ширвана. Черные одежды предостерегали, напоминали об ушедших из жизни, о муже Сарабеим. Даже обнимая любимую женщину, Сеид Азим ненавидел ее черное платье, скрывавшее под собой полные груди.

О луна, эти вздохи в любом разговоре-к чему?

Вижу в зеркале сердца твоем лишь одно только горе - к чему?

Почему, как судьба моя, в черное ты убралась?

Этот вид, моя милая, в черном уборе - к чему?

Всякий, в мир приходящий, приходит, чтоб вскоре уйти,

Смысл творения в этом судьбы приговоре - к чему?

О Сеид, коль от свечеподобной не вспыхнуло сердце твое,

То слезинка в твоем заблистала во взоре - к чему?

Со временем повелось так, что некоторые свои стихи и газели Сеид Азим записывал в доме у Сарабеим. Вот и сейчас он должен был перенести на бумагу только что рожденные строки.

- Сара, дай мне пенал и бумагу!

Долго ждать не пришлось, Сарабеим птицей подлетела к нише, где в шкатулке хранилось все нужное поэту. На мгновенье отключившись от повседневности забот, Сеид Азим забылся...

Раздражение от безвыходности положения росло. Не в силах был Сеид Азим развязать узы, крепко связанные жизнью и судьбой. Мать и, по всей видимости, Джейран чувствовали раздвоенность Сеида Азима. Друзья часто подшучивали над внезапными непонятными исчезновениями поэта. Заметно было его отсутствие на музыкально-поэтических меджлисах. Намеками ему давали понять, что это не проходит незамеченным. Но правды пока не знал никто. Камни летели в темный колодец...

Вот тут-то Сеид Азим счел необходимым временно уехать из города. Ему казалось, что он слышит зов ширванских дорог, которые не раз уводили его из Шемахи и приводили в Шемаху, не оставляя в покое его сердце. Посмотрим, куда поведет его ширванская дорога на сей раз?

СОНА

Потрудитесь вспомнить, что в одном из писем Тарлану Сеид Азим писал, что собирается как-нибудь поехать к Алияр-беку, другу Махмуда-аги, у которого в работницах жила Сона. К сожалению, долгое время ему не удавалось выполнить свое намерение. Жизнь преподносила сюрприз за сюрпризом, нанося жестокие раны сердцу поэта... История с Гюллюбеим, открытие школы, где учительствовал сам Сеид Азим, заседания поэтического меджлиса «Дом наслаждения», трагедия Мухаммеда Сафы и Гамзы, борьба с Абидом-эфенди, страшное землетрясение 1872 года и, наконец, любовь, приносящая одновременно радость и боль, угрызения совести и жалость. Все эти годы поэт не забывал Тарлана и Сону. Он часто укорял себя, что не может доказать свою дружбу Тарлану, ведь он оставил его в ожидании известий. Наконец время настало. Он пустился в путь, надеясь что-нибудь разузнать о Соне. Это путешествие хоть на время освобождало его от тех постоянных мыслей, которые были сопряжены с Сарабеим...

Поэт пустил коня по тропе, вьющейся у подножия гор Кавказского хребта, то взбирающейся на отвесные труднодоступные скалы, то сбегающей по округлым мягким холмам. Только летом эта тропа доступна для пешеходов и' всадников. В зимние месяцы здесь невозможно пройти или проехать из-за налипающей к башмакам грязи, в которой вязнут и копыта лошадей и ноги, обутые в самодельные мягкие чувяки-чарыхи.

Был первый месяц лета. Ширван в это время года - настоящий рай. Северная сторона холмов горит стелющимся по земле пламенем - ковер из маков делает картину нереальной... Но вот после ущелья по зеленому атласу ковыльного поля гигантская рука разбросала желтые, голубые, фиолетовые цветы. Мелкие горные цветы очень душисты, голова пьянеет от ароматов трав и цветов. Небо чистое, без единого облачка. Поэту казалось, что до небес рукой подать.

Провожая его, Джинн Джавад пошутил: «Ага, да буду я жертвой твоего предка, когда поднимешься в горы, передай аллаху мою просьбу... Твой благословенный язык ему более понятен, а в горах ты будешь ближе к нему, он и лучше тебя услышит...» Да, Джавад прав, здесь человек ближе к аллаху и наедине ему легче разговаривать с всевышним.

Сеид Азим пытался вообразить, как вращается небесный свод в бесконечном, бескрайнем просторе... Его внимание привлекла птица. «О аллах! Ты только посмотри, сколько птиц в горах, и у каждой своя расцветка, свой голос, своя песня... Вот удод в оранжевом оперении с хохолком на голове!» Он вспомнил сказку, которую рассказывала детям Джейран... «Жила-была невестка. Она мыла однажды голову, как вдруг ее увидел свекор.

А молодая не может покрыть голову и стесняется, ведь нельзя женщине стоять перед мужчиной, а тем более старшим, с непокрытой головой. Взмолилась невестка: «О аллах всемогущий, избавь меня от стыда!» И в тот же миг превратилась в удода, а гребень, которым она расчесывала мокрые волосы, стал хохолком на ее голове...» Поэт вспомнил, как блестели глаза у Хаджар и Мирджафара, когда они слушали материнскую сказку. Он улыбнулся, будто воочию увидел Джейран и детей... И снова от мыслей о доме его отвлекла птица. «О творец! Как не восхищаться твоим искусством! Эта маленькая пушистая нежная куропатка похожа на Сарабеим с руками, красными от хны, словно у невесты... А вот голубая ворона... Мама говорит, что ее кровь лечит детишек от коклюша, а в народе ее называют птицей-сеидом, ведущей свой род от древних священных птиц...» Он вернулся мыслями к своему труду, к поэзии... Он думал о преимуществах ашугов перед поэтами-классиками. Слушая ашуга, человек представляет себе настоящую жизнь с картинками природы. Язык ашугской поэзии ближе народу, понятнее, поэзия ашугов более зримая, вещественная. Ашуги не прибегают к трудным иносказаниям и усложненным символам. Он вспомнил ашуга Курбани...

... Без тебя не прожить мне и дня,

Все ушли. Посидим без огня.

Награди поцелуем меня,

Пусть судачит округа, красавица...

Курбани смело правил судьбой,

Но пленен он отныне тобой,

Не сердись, посиди же со мной,

Глянем в очи друг другу, красавица...

Ашугская поэзия завораживала. Живы и сегодня имена знаменитых ашугов Курбани и Хаста Касума: первый жил в шестнадцатом веке, второй - в восемнадцатом. Созданные ими гошмы легли в основу многих народных песен и веками исполняются ашугами.

... Хаста Касум уж еле носит кости,

Что делать - все мы в этом мире гости!

Всех выше кипарис - что толку в росте?

А на его ветвях плодов не будет...11

Солнце поднималось все выше. Зной становился невыносимым, умолкли птицы, под нестерпимыми лучами солнца бледнели яркие краски цветов. Когда солнце достигло зенита, поэту пришла мысль, что и жизнь жаркого дня коротка, пройдет совсем немного времени, и с гор спустится холод, померкнет яркий солнечный свет, наступит ночь.

Жажда измучила Сеида Азима. Он знал, что вдоль тропы кочевники издавна выкопали пруды, из которых поят скот, поднимаясь по этой дороге на эйлаги – летние пастбища. Во время весенних, зимних и осенних дождей пруды наполняются водой. Но теперь, наверно, в прудах совсем немного воды. «Надо свернуть к стойбищу, прижавшемуся к подножию горы», - подумал он, повернул коня в сторону и тут же ощутил прохладу на своем лице: ветер откуда-то принес белые хлопья облаков на светло-бирюзовый небесный свод. Облако двигалось вместе со всадником, давая передышку от зноя и пекла. Громкий голос заставил его оглянуться:

- Слава твоему милосердию, о аллах! Это ты послал облачко на пышущее жаром небо, чтобы создать тень над головой нашего Аги! Да буду я твоей жертвой...

Сеид Азим узнал старшую жену хозяина зимовья Балоглан Гаджи Кадыма. Дастагюль еще долго благодарила аллаха, даровавшего тень в такую жаркую пору дня. Поэт улыбнулся простодушию женщины: «Бедняжке кажется, что только голова потомка пророка достойна облачка».

Почувствовав запах воды, конь громко заржал.

Поэт давно знал и Гаджи Кадыма и Дастагюль.

- Здравствуй, сестра Дастагюль! Как это ты на равнине сегодня?

Дастагюль славилась знаниями народных обычаев, традиций, народных снадобий. Похлопывая по кувшину, наполненному водой из пруда, она улыбнулась:

- Да буду я твоей жертвой, Ага! Кому оставаться на равнине, как не старухе! Не молодой же девушке или женщине... А если без шуток, то должны были мы доубирать зерновые на равнине... Собралось кочевье, стали молодухи жребий тянуть, кому оставаться, чтоб жнецам еду готовить, чай заваривать. Тогда я сказала: «Эй вы, болтушки! Не ссорьтесь, не таите обиду друг на дружку, не надо жребий бросать, равнина в этом году мне достанется...» По их настроению догадалась, что всем мои слова пришлись по душе... А то в молчанку играли...

Ведя коня на поводу, Сеид Азим, беседуя с Дастагюль, подошел к стойбищу. Но и там никого не было...

- Мужчины на жнивье, Ага... Дай коня напою! - Она быстро и ловко перехватила повод из рук Сеида Азима. - Ты в хорошее время выбрался к нам, Ага. Пока ты прогонишь свою усталость за чаем, мужчины вернутся! А я быстро зажарю тебе молодого петушка.

Женщина увела коня, потом вернулась с кувшином и стала поливать на руки поэту...

Прошло совсем немного времени, поэт уже сидел в одной из землянок стойбища на мягком тюфячке, облокотившись на мутаку. Дастаполь с присущим ей гостеприимством

расстелила перед ним на паласе скатерть. По обычаям кочевых племен она не закрывала лицо перед гостем. Сеид Азии любовался ее осанкой, отличной от городских женщин, привыкших прятать свое лицо и фигуру, закутываясь в чадру. Женщина расставила перед гостем угощение: желтое сливочное масло, жирный овечий сыр, густые вязкие сливки. Горкой лежали свежие пшеничные лепешки. Как ни вкусны и привлекательны были разложенные перед ним яства, Сеид Азим ждал чая. Хозяйка уже разожгла очаг у входа, где в черном закопченном кувшине вскипала вода.

- Сестра Дастагюль! Как тебе удается в такую жару сохранять в такой свежести сливки и сливочное масло? Все крепкое, хоть ножом режь! Открой свою тайну!

- Никакой тайны нет, Ага, да будет моя жизнь тебе в жертву... Чувствуешь, как прохладно здесь, в землянке? В землянке, вырытой в земле, и от жары спрячешься в самый зной, и продукты сохранишь свежими. А сливки я сбиваю каждый вечер в другой половине, там и храню в посуде...

Дастагюль насухо вытерла луженую медную пиалу краем скатерти и налила для гостя чай.

- Ешь, пей, дорогой!

Сеид Азим с удовольствием пил свежезаваренный чай. Хоть есть ему и не хотелось, он отломил кусок лепешки, завернул в нее кусок овечьего сыра и, окуная в сливки, начал есть. Он не мог обидеть хозяйку отказом. Кочевники славятся своим гостеприимством. Гостя или человека, случайно оказавшегося в их краях, они накормят и напоят во что бы то ни стало.

- Сестра Дастагюль, а как поживают твои дочери?

- Твоими молитвами, родной... За тебя молятся... Приходили за мукой для хлеба и солью для баранов пастухи с эйлага, говорили, что все в порядке... А что им сделается? Мужья под боком, руки-ноги целы... - Дастагюль говорила неторопливо и спокойно, чувствовалось, что она довольна судьбой дочерей. - Девочки прислали два круга сыра мотала... Хороший, жирный сыр, один круг я для моей сестрицы Минасолтан отложила. Надеялась с кем-нибудь переправить в ваш дом... Полезен детям...

- Большое спасибо, Дастагюль... Каждый год ты присылаешь нам сыр и масло, можно сказать, большая часть того, что съедают мои дети, сделана руками твоих детей...

- Ну и что ж, родной наш, да будет жертвой твоего предка моя жизнь и имущество, Ага! Мы знаем, что ты вспоминаешь нас в своих молитвах, да не лишит нас аллах твоей тени...

Хоть мусульманскими религиозными законами предписывается отдавать долю своих доходов потомкам пророка, и не будь таких подношений, семья Сеида Азима погибла бы от голода, поэта всегда смущала почтительность, с которой простые люди говорили с ним. Чтобы переменить тему, он снова вернулся к дочерям Дастагюль:

- Скажи, сестра, осталась ли хоть одна невеста в твоем доме или ты всех отдала?

- Всех, дорогой, всех... Да будет тебе в жертву все мое достояние, ведь ты всем дочерям нашим придумал имена. Кажется, у нас в горах не осталось цветка, с которым бы ты не сравнил наших негодниц... Вместо того, чтобы дать мне пять дочерей, было бы лучше, если бы аллах дал мне пять кусков мыла... Я бы пять раз постирала белье, разложила бы

сушить на траве, воду бы земля впитала, а я бы горя не знала... А так... Дочки - тяжелая ноша, дорогой... Мой кривоносый (поэт вспомнил мужа Дастагюль и улыбнулся словам его жены), когда молодым был, часто на охоту ходил. Подстрелит джейрана, принесет к обеду. И дочери рождались, подрастали и становились похожими на быстрых джейранов. Подряд пять дочерей! Мужу я от стыда не могла в глаза смотреть, пока не появился Агагулу, мой сыночек, слуга твоего великого предка... Заговорила я тебя, Ага! Да будет тебе в жертву моя жизнь и достояние... Ты совсем ничего не ешь!

Поэт поспешно опустил лепешку в сливки, откусил, боясь прервать Дастагюль.

- Рассказывай, сестра, я весь внимание!

- Как выдать замуж пять дочерей?.. Я знала прекрасных девушек, которые все-таки застряли дома в девках! А почему? Потому что их родители плохо встречали сватов, приходивших к их дверям. За дочерей своих требовали золото и серебро, говорили: «Эта пряжка не такая! Это ожерелье могло бы быть и получше!» Богатые дворцы им были нужны. Нет, я дешево девочек отдала, прямо по цене сыра отдала дочек... Посватались к дочкам пастухи, которые знали, что девочки мои росли среди гор как лани. Не разглядывала я, что принесли, чего не принесли: каждый дал одно тонюсенькое колечко и один наряд! Да дешевые сладости... И все! Ни за голову денег не брала, ни за молоко не просила... Хорошо, что и мой кривоносый был согласен с моим решением...

- И правильно сделала, сестра Дастагюль, легче всего взять в долг, а потом бы расплачивалась всю жизнь!

- Это ты правильно говоришь, Ага! А еще прибавь к тому, что я не заронила злобу в сердца моих зятьев. Мы с ними друзья, потому что я не мучила их...

- И как дочери живут?

- Хорошо, да буду я твоей жертвой, хорошо... Одно только горе у меня, Ага, родной, удались девочки в меня: выстраивают дочку за дочкой! - Женщина смущенно улыбнулась.

- Разве это горе, сестра! Если твои внучки похожи на своих матерей, то это прекрасно...

- Похожи они, похожи, но что поделаешь, родители зятьев внучками недовольны, не все же такие, как мой кривоносый...

- Не огорчайся, сестра, дай аллах вам всем счастья! Будут у тебя и внуки, было бы здоровье.

- Да услышит тебя аллах, Ага, да поможет им твой предок! Даю обет! Как только у меня внук появится, я у твоих дверей барана зарежу, в жертву принесу. Тогда и сама в город приду, повидаю мою сестрицу Минасолтан... Так, на расстоянии, я ее знаю, а у вас не была, не целовала! Да пошлет аллах такую возможность...

Сеид Азим понимал волнение Дастагюль и жалел ее...

- Большое спасибо, сестра, за угощение, пусть всегда у вас будет в доме чем накрыть стол!

- Но ты же ничего не ел, Ага, да буду я жертвой твоего предка!

- Это тебе только кажется, я сыт, больше не могу, спасибо тебе!

- Ну и ну! А еще говорят, что молла ест как семь буйволов, а сеид - как семь молл. А ты меньше одного ребенка съел! - рассмеялась хозяйка.

Сеид Азим весело расхохотался. Вытерев слезы платком, он поддержал шутку:

- Видно, я не из настоящих сеидов, и к тому же я оставил место для того петушка, которого ты скоро поймаешь!

Хорошо, когда и хозяин и гость любят пошутить...

- Ага, позволь мне тебя спросить, хоть гостя и не спрашивают, но ты - хозяин в этом доме, поэтому я и осмеливаюсь спрашивать тебя, куда ты направляешься?

- Да будут здоровы хозяева этого дома, сестра Дастагюль, путь мой лежит в Арабчелтыкчи...

- Ну что ж, пусть твое путешествие будет удачным и пусть аллах оградит тебя от опасностей... На обратном пути с помощью аллаха здесь проедешь, заберешь приготовленный для детей твоих круг мотала и еще кое-что...

- Прошу тебя, сестра Дастагюль, мотала вполне достаточно, больше не утруждай себя!

- Да что ты, Ага! Если не для тебя, то для кого мы будем утруждать себя? Жаль, что дорога долгая, нельзя послать сливки и молоко. Я хочу передать с тобой немного деревенской пряжи, пусть жена твоя носки свяжет, городские, наверно, по-другому делают, не то что мы, как попало!

- Что ты говоришь, сестра! Кому могут не понравиться носки, связанные твоими руками? Сколько лет всей семьей носими благодарим за тебя аллаха... Чтобы жизнь твоя была долгой, а глаза светлыми!

- Да будет вещим твой язык, Ага, пусть перейдут на меня твои беды! Прошу тебя, дорогой, помолись, пусть аллах даст моему кривоносому сына от младшей жены! Со мной уже кончено, пусть бедняжка родит и у моего Агагулу будет брат... Чтоб он не был единственным сыном...

Поэта поразила самоотверженность Дастагюль. Он взглянул на стареющую женщину... «Подумать только, она просит помолиться за свою соперницу... Какое большое у нее сердце, большое сердце...» Сеид Азим вздохнул. Дастагюль понимала причину грусти Аги. Он всегда порицал многоженство. Когда ее муж взял в дом вторую жену, Ага долго не приезжал к ним.

Женщина не догадывалась, что в эти минуты ее гость думает о себе самом, о Сарабеим и Джейран. «Чем я отличаюсь от этих темных, необразованных людей? Тем только, что не повел Сарабеим к кази. Разница еще в том, что они привели в дом вторую жену открыто, а я все делаю тайно». И сразу ему вспомнились слова Сарабеим: «Я не хочу причинить горе Джейран. Пусть она ничего не знает. Я не собираюсь занять ее место. Ей-свое, мне - свое!»

Ему припомнились слова Дастагюль, когда после долгого отсутствия он оказался у нее в доме, женщина старалась помирить его со своим мужем: «Такая у человека судьба, Ага... Я старею, мне и самой после ухода дочерей из дома живой человек нужен, помощница нужна... Может быть, аллах пошлет ей то, чего меня лишил, и у Гаджи родится сын?» Но получилось так, что после прихода молодой жены у самой Дастагюль родился сын. В честь Аги мальчика назвали Агагулу, что значит раб господина. С тех пор прошло пятнадцать лет, а у второй жены вообще детей не было. Она вела себя как родная дочь Дастагюль, ни разу не поспорила, не возразила старшей жене мужа. Они не стали соперницами, хотя в первые годы рана в душе Дастагюль не заживала. Старшая жена сохранила в семье главенствующее положение. Она всю жизнь, как и большинство женщин-кочевниц, выполняла наравне с мужем все работы по дому и в поле, помогала ухаживать за скотом. Гаджи Кадым часто повторял: «Дастагюль мне не только жена, она мне и брат, который наравне со мной заботится о богатстве в семье».

- Ты устал от моих рассказов, дорогой! Отдохни!

- Сестра...

- Что тебе, Ага?

- Найди мне где-нибудь местечко, хочу писать...

- Сейчас, родной!

Дастагюль вышла из землянки, поэт поднялся за ней. Напротив землянки была кибитка, в которой хозяйка готовила место для гостя. «О аллах! Наверно, рай похож на эти места! Как умеют простые люди выбрать место для жилья! Как глубоко они чувствуют природу! Кочевники всегда выбирают место так, чтобы, отведя войлочную занавеску над входом в кибитку в сторону, видеть просторную, залитую светом луговину. Зимой они ставили кибитку вплотную к отвесной стене горы, чтобы не было сквозного ветра и в кибитке подольше задерживалось тепло. Осенью и весной старались найти место, защищенное от ветра и дождя, чтоб ему не угрожали потоки грязи и воды. Летом искали защиту от жаркого солнца. Но всегда непременно перед кибиткой должно было быть свободное открытое пространство, чтобы душе было легко.

Хозяйка пригласила гостя в кибитку:

- Ага, дорогой, тебе не будет здесь жарко? – Она указала на разложенные в углу на паласе подушки, тюфячки и толстые мутаки.

- Нет, сестра, не жарко... В том мире, куда я сейчас удалюсь, нет ни холода, ни жары, там - рай...

Возможно, женщина не все поняла из того, что вложил в свою фразу поэт, но ей очень понравились слова о рае:

- Джан Ага! Да буду я жертвой твоего предка! Кто, если не ты, может попасть в рай?

- Ты права, сестра, если поверишь мне, что место, именуемое раем, находится под ногами матери... А ты - мать пятерых дочерей и сына, следовательно, я уже в раю!

- Да буду я твоей жертвой, Ага... Пока ты здесь, я пойду готовить обед. А ты выпей еще пиалу чая, я приготовила, пусть у тебя кишки размякнут, чтобы побольше поместилось за обедом! Вот, смотри, я чай ставлю перед тобой.

С этими словами Дастагюль вышла из кибитки.

Внезапно поэту почудилось, что к нему вернулась царица фей, будто крылом провела по его волосам. «Мой дорогой поэт, ты удивлен, что встретил такую женщину? Ты еще не раз будешь удивляться тому, на что способны наши матери и сестры... Место, именуемое раем, находится под ногами у матери...»

Поэт отдохнул, проведя ночь среди друзей. Утром он спустился в долину Кюдрю, пришпорил коня, чтобы к вечеру добраться до имения Алияр-бека в Арабчелтыкчи...

Давайте опередим его. Пусть крылья нашего воображения перенесут нас в Арабчелтыкчи, чтобы раньше поэта узнать, что с Соной.

СОРОКАДНЕВНА

Арабчелтыкчи - одно из больших сел, расположенных на равнине Кюдрю в междуречье Сагырлы и Ахсу. Равнина охватывает территорию длиной в сто сорок - сто пятьдесят километров и шириной от шестидесяти до ста километров. В этой части Ширвана названия многих сел начинаются со слова «араб» - Арабчелтыкчи, Арабгияслы, Арабшалбаш, Арабгадым, Арабшахверды. Это произошло, по-видимому, потому, что равнина Кюдрю напоминает климатом Аравию. Здесь, как и в Аравии, летом сухая безводная пустыня, весной и осенью - гигантское пастбище изумрудно-зеленого цвета, на которое пригоняют скот, спустившийся на зимовку с гор. Если не заметить холм Овчупирим, что в самом центре равнины, то вся низменность ровная, как ладонь. Старики говорили, что если прямо в центр положить яйцо, то оно будет видно со всех сторон. С Ахсуинского перевала или с любой возвышенности Лангебизской горной гряды равнина Кюдрю расстилается как гигантский ковер. В каждом сезоне ковер меняет свой цвет. Сейчас он зеленый с оттенками желтого, бывает и серым, бывает и ржаво-желтым, а иногда-абсолютно белым.

Мы подъедем к равнине Кюдрю со стороны Ахсуинского перевала, прижмемся к подножию Лангебизского хребта и через села Гегели, Гешет, Рагимагали и Гярыс проделаем путь, которым за нами едет Сеид Азим Ширвани. Наш поэт часто бывает в Гешете. Сюда его приводят мысли о хлебе насущном. Местный господин-Керим-бек - щедрый человек. С Сеидом Азимом его связывают дружеские узы, он считает своим долгом помогать поэту не только потому, что он потомок пророка, но и потому, что Керим-бек - любитель поэзии и меценат. Сеид Азим привозит отсюда зерно, а иногда к нему приводят из села Керим-бека скотину...

Но поспешим, наш путь лежит в Арабчелтыкчи. Перенесемся во времена давно прошедшие. Уже несколько дней в имении шла подготовка к празднику - последней среде года, к которому хозяйка дома Шахбике-ханум подгадала сороковой день обета, данного ею. На праздник были приглашены все женщины и девушки-родственницы. По обыкновению, дом, где проводится праздник после сорокадневки, режет только одного

барана, и в последнюю ночь среды уходящего года он съедается весь, от внутренностей до запеченных в золе головы и ножек. Приглашенные на праздник родственники должны приносить угощение с собой. Вот почему во всех соседних домах женщины пекли пшеничные лепешки, поджаривали зерна пшеницы, кипятили кунжут в меду, варили и красили яйца, раскатывали тонкие лаваши... В некоторых кухнях варили даже плов; его положат на подносы и, прикрыв медными луженными колпаками, чтобы не остыл, отнесут в дом Шахбике-ханум. Приглашенные девушки-невесты красили хной руки и ноги, подстригали волосы и с помощью раскаленного в очаге шампура завивались, сооружая на голове сложные прически.

Каждые десять семейств селения, расположенного на землях бека, посылали ему в услужение слугу и служанку. Чаще всего в услужение шли те, кто не имел своего хозяйства, одинокие и сироты. Слуги должны были меняться ежегодно, но зачастую они обихаживали семью своего господина всю свою жизнь. Так уж повелось издавна, что в мусульманские семьи шли в услужение только мусульмане. Между слугами и господами с годами устанавливались своеобразные, почти родственные отношения, хотя сельчане всегда знали свое место. Вот и у Алияр-бека и его жены Шахбике-ханум слуги годами жили в доме и хорошо знали все прихоти своей госпожи.

Сона впервые наблюдала подготовку к празднику. Обычай этот незнаком шемахинцам, поэтому она старалась ничего не упустить, расспрашивала сельских жителей о подробностях.

Погода сегодня не удалась, на улице вьюжило, метель занесла все снегом. Весна запаздывала. Чтобы в домах не было холодно, приходилось разжигать мангалы, от жара горящих в мангале огней алели лица. Еще оставалось время до прихода гостей. Облокотившись на мутаку, Шахбике-ханум грелась, накинув один конец покрывала на мангал, специально приспособленный для этой цели, другим концом покрывала плотно укуталась, чтобы не упустить тепло. Перед ней на инкрустированном эмалью медном подносе высились горками кишмиш, жареные зерна пшеницы и гороха. Она бросала в рот сладости и наблюдала за подготовкой к празднику. Сона, Чеменгюль, Иси, и Гулу суетились, наводя последний лоск в комнате, где должны были собраться гости.

- Гулу! - обратилась Шахбике-ханум к слуге, который всегда мерз больше других.

- Да, ханум!

- Пойди посмотри, холодно ли на улице!

- Очень холодно, ханум, очень, до сих пор не могу руки согреть, - говорил он, переминаясь с ноги на ногу у порога.

- Неужели так холодно?

- Аллахом клянусь, холодно... Не знаю, как гости смогут к нам пробраться. Лучше бы отложить все, аллах принял ваш обет, чего еще желать? Не верю, чтобы в такую погоду кто-нибудь пришел...

Ханум подзадорила слугу:

- Ну, Гулу, не такой уж и страшный холод! Сбегай к моей сестре Гюльгяз, спроси ее слова баяты, которую она пела: «Возьму тебя за руку, поцелую в лицо...» А вдруг она испугается холода, как ты, и не придет к нам, как же мы будем петь?

Гулу испуганно прислушался к завыванию ветра за окнами:

- Ой, посмотрите на нашу госпожу! Сидит в теплой комнате с мангалом у ног, ест жареный горох с кишмишом и посылает человека узнать слова песни, которую хочет петь! И не думает, что человек занят. Ей-богу, ханум, мне нужно барана разделывать. Пошлите Иси, у него память лучше моей! Пока я дойду, слова все равно забуду, снова придется возвращаться, а баран ждать не будет!

Шахбике-ханум очень хотелось походить на городских аристократок. Ее шею украшало множество золотых ожерелий, среди них странно выделялся пучок засохшей полевой гвоздики, за нитку привязанный к ожерелью.

Время от времени Шахбике вдыхала гвоздичный аромат, поднося пухлую руку с пучком к носу. Золотые украшения перекатывались по ее могучей полной груди, обтянутой шелком. Ханум с притворным гневом накинулась на слугу:

- Ах ты, лентяй! До сих пор не разделал барана? Сейчас же убирайся с моих глаз долой!

Гулу убежал.

Начали собираться гости. Молодые девушки с веселым смехом сбрасывали с себя теплые шали, стряхивали с себя снег. Никого не испугал холод и ветер, никто не захотел отказаться от проводов последней среды года.

- А Гулу, негодник, говорил, что никто не придет в такой холод!

- Да примет аллах твой обет, сестра!

- Поздравляю с наступающим праздником!

- Поздравляю с последней средой года!

- И вас также, да будет принят и ваш обет!

- Помоги аллах!

- Я еще в жизни не видела такого начала весны - снег с дождем!

- Сколько тебе лет, цыпленок? Сколько раз в новый год мы неделями не могли высушить белье?

- Я не цыпленок уже!

- Не обижайся, дурочка, не называть же тебя верблюдихой?

Девушки перебрасывались шутками и шлепками, звенел беспричинный смех. Придирчиво разглядывались праздничные туалеты и прически. Постепенно гостьи заполонили весь дом Шахбике-ханум.

Сегодня мужчин в доме не было. В день весеннего равноденствия 21 марта наступает шиитский мусульманский Новый год - у шиитов новруз-байрам. Мужчины встречали мусульманский Новый год отдельно, в чьем-нибудь доме, откуда жена хозяина пришла на женский праздник к Шахбике-ханум. Мужчины тоже насладятся вкусной едой и игрой в нарды и другие азартные игры. Им не будут мешать женщины. Алияр-бек отправился на свой праздник загодя.

Шахбике-ханум сидела на мягкой подушке на главном месте в комнате, опираясь на многочисленные мутаки. Широкие шелковые юбки, надетые одна поверх другой, не могли скрыть очертаний толстых ног, холмами возвышающихся над тюфяком. Шахбике-ханум опиралась округлыми локтями на колени, подперев пухлыми короткими пальцами подбородок. Пальцы были унизаны золотыми кольцами, блеск драгоценных камней слепил глаза. На полных запястьях позванивали браслеты. Алая шаль с кистями была накинута на плечи.

Гостьи тоже выставили напоказ все свои драгоценности и украшения, щеголяя друг перед другом своими праздничными нарядами.

Шахбике оглядела усевшихся в круг девушек и женщин и открыла праздник:

- Смотрите, негодницы, сегодня ночью никто из нас не должен спать! Будем есть, пить, танцевать и петь. Каждый может делать то, что пожелает! Мужчин дома нет, если не принимать во внимание слуг.

- Э-э-э, кто принимает слугу за мужчину?

- У каждой из нас в доме слуги, ну и что... Раздался дружный смех.

Чеменгюль и Сона расстилали перед женщинами скатерти, обнесли всех водой для мытья рук, потом внесли душистое, тушенное с зеленью мясо. Блюда сменяли одно другое. Раз пять менялись тарелки. Слуги, мужчины и женщины, споро выполняли все приказания хозяйки, следя за тем, чтобы на столе всего было вдоволь. Сона не замечала усталости. Она запоминала обычаи, прежде незнакомые ей.

Наконец скатерти и посуда были убраны. По знаку Шахбике-ханум в центре комнаты появилась одна из служанок, которая заиграла на маленькой гармонике. Гостьи начали танцевать. Слуги столпились в дверях, наблюдая за танцующими. Сона стояла рядом с Чеменгюль. Мелодия напоминала ей былые времена, вернее, увела ее от сегодняшнего дня, от положения служанки, от переживаний и забот, выпавших на ее долю. Она невольно поддалась ритму звучащей мелодии, неосознанно повторяя движения танцующих женщин... «Как хорошо танцуют эти девушки, хоть они и не обучались танцам, как мои подружки Малейка, Иззет, Ниса... Как много людей, чувствующих танец, увлеченных им, о аллах!...» Она запоминала новые для себя движения рук, повороты головы, вибрации плечами, изящные изгибы шеи... Она вспоминала, как Махмуд-ага рассказывал ей, что на свете есть страны, в которых танец считают священным ритуалом. Даже молитву творят в танце, избави аллах! «Почему я не родилась в такой стране, где танцевать можно всегда, где это не является зазорным! Вот если бы наши обычаи переменить на подобные. Неужели когда-нибудь придет время, когда танцовщиц не будут называть «чанги»? Когда их искусство, их труд будет вызывать не ненависть, а уважение? Когда танцовщиц станут принимать за людей, у которых то же сердце, что и у других людей, а может быть, еще более чувствующее... О аллах! Помоги!»

... Шахбике-ханум зорко следила, все ли ладно на ее празднике. От нее не укрылось, что Сона невольно повторяет движения танцующих. В тот момент, когда угас пыл господских танцев и еще не пришел черед танцев слуг и служанок, призванных услаждать взор госпожи и смешить ее, она вызвала Сону:

- Эй, Сона! А ну-ка, выйди на середину, станцуй, как умеешь!

Сона вздрогнула. В первую секунду она решила отказаться, хотела сказать Шахбике-ханум, что не умеет танцевать, но не смогла. Она не хотела отказывать хозяйке, которая была добра к ней, которой она обязана своей спокойной жизнью, а главное - не могла отказать самой себе в желании слиться с музыкой в танце, в движении выразить то, что иным путем удавалось ей хуже. Она и не заметила, как поднялись ее руки, музыка приняла ее на свои крылья... Только в первые мгновения зрители замечали, что Сона перебирает маленькими ступнями в стареньких заштопанных носочках, что на ней поношенное платье. Шутки и смех умолкли. Изумление, радость, восторг овладели зрителями. В центре комнаты плыл лебедь с глазами гурии, миндалевидный разрез которых еще более подчеркивал их прелесть. Шахбике-ханум мгновенно оценила сокровище, которое попало в ее дом. Она понимала, что Сона словно драгоценный камень блеснула среди всего ожерелья девушек, показавших сегодня свое искусство в ее доме. Столпившиеся в дверях слуги с удивлением и одобрением следили за танцем своей товарки. У Иси забилось сердце: «О аллах! На беду или на радость появилось среди нас такое чудо? Как будто это не девушка, а пери из сна...»

А Соне чудилось, что она плывет в танце в доме Махмуда-аги на одном из музыкальных меджлисов. Она словно слышала сопровождение музыкантов и голос Наджафгулу. Ждала, что зазвучит голос Ганди, сопровождаемый прищелкиваниями ее пальцев... А напротив, в дверях, стоит Тарлан, глядя на нее восторженно горящими глазами. «Ага Тарлан!... Да буду я твоей жертвой! Почему ты молчишь? Глаза твои пожирают мое тело, зов твой пронизывает меня до самых кончиков волос...» Она не видела, что на нее смотрит Иси, перед ее взором высилась стройная фигура ее Тарлана...

Внезапно девушки вытолкнули на середину Иси. Дыхание парня обожгло Сону. Он раскинул руки над девушкой, словно коршун над лебедем. В комнате послышались крики одобрения. Сона очнулась. Исчезли воспоминания, люди, близкие и дорогие. И неожиданно Сона расплакалась: закрыв лицо руками, она убежала из комнаты. Звуки гармоники оборвались, Иси застыл в недоумении.

- Ой, что это с ней? Парня никогда не видела?

- Наверно, она испугалась Иси... Но как она танцевала! Как танцевала!

- Но плакать зачем? Будто ее обидели!

- Парень прыгнул в круг, словно ястреб на курочку напал, вот она и заплакала...

Шахбике-ханум решила переменить тему, чтобы не испортить так хорошо начавшийся праздник:

- А ну, девушки, бейте в ладоши, я сама буду танцевать!

Как гора поднялась с места. Девушки, окружившие Шахбике-ханум, помогли ей подняться и войти в круг.

- Шахбике, потряси телесами, а то совсем разжирела! - поддела сестру худющая как жердь сестра Шахбике-ханум Чимназ-ханум.

- Не злись, тощая, моему мужу моя толщина не помеха! - Ханум с не свойственным толстухам изяществом и сноровкой начала свой медленный танец. Ее белое полное лицо разрумянилось, золотые украшения заколыхались вместе с движениями могучего торса, но все обратили внимание на то, что танец ее не лишен своей прелести. Внезапно она приложила толстый палец к губам:

- Смотрите, девушки!

Все обернулись и увидели прикорнувшую на тюфячке жену брата Алияр-бека - Вельяр-бека - Фатьму-ханум. Бедняжку сморил сон, устав от подготовки к празднику, она крепко спала, положив голову на мутаку. Временами женщина сладко всхрапывала во сне.

Шахбике-ханум давно ждала этого момента. Глаза хозяйки загорелись. Она дала знак слугам. Этого случая ждали все: в ночь окончания обета сорокадневки спать нельзя, заснувшего пришивают к месту, где он заснул. Чеменгюль выпорхнула из комнаты и вернулась вместе с Соной, держа в руках предметы, заготовленные еще до начала праздника самой госпожой. Все притихли. В комнате, кроме сопения Фатьмы-ханум, не раздавалось ни одного звука. Шахбике-ханум и Чеменгюль начали пришивать платок и шаль, юбку и архалук Фатьмы-ханум к тюфячку и мутаке, потом и их скрепили нитками между собой. Заранее припасенные шумовки, скребки, дымоходная самоварная труба были нанизаны на веревку, и сейчас Чеменгюль закрепляла все это на широкой юбке Фатьмы-ханум. Сона с некоторой жалостью наблюдала за всей церемонией, было и смешно и грустно наблюдать за спящей. Шутка с одной из ханум отвлекла ее от грустных мыслей.

Когда все приготовления были закончены, Шахбике-ханум хлопнула в ладоши. Зазвучала быстрая танцевальная мелодия, все захлопали в ладоши. Шахбике-ханум наклонилась к жене деверя и что было мочи крикнула в самое ухо:

- Фатьма-ханум! Вставай, твоя очередь танцевать!

И все хором за ней закричали:

- Фатьма-ханум, вставай, танцуй! Фатьма-ханум, вставай, танцуй! Не спи, ханум, вставай, танцуй!

Очнувшаяся от сна женщина не сразу пришла в себя. Она улыбнулась и попыталась выкрутиться:

- А я и не спала!

Все снова закричали:

- Фатьма-ханум, вставай, танцуй! Фатьма-ханум! Вставай, танцуй! Не спи, ханум, вставай, танцуй!

Фатьма-ханум попыталась подняться, но вместе с ней потянулись с пола тюфячок и мутаки и даже ковер, занимавший большую часть комнаты. Звенели, ударяясь друг о друга, шумовка и дымоходная труба. Тяжесть тянула женщину вниз, она так и не смогла подняться на ноги и завалилась на бок. Раздался громкий хохот, но больше всех смеялась сама Фатьма-ханум:

- Ой...ой...ой... да ну тебя, Шахбике! А трубу зачем приволокли, хитрецы! Мало вам всего другого?!

Сона тоже весело смеялась. У нее промелькнула шальная мысль: «Вот бы такие картинки народных обычаев показать в танцах!... И собрать побольше зрителей, чтобы все могли насладиться... «Фатьма-ханум, не спи, танцуй!..» Снова сердце ее опалило воспоминание...

Сона и Чеменгюль помогали Фатьме-ханум освободиться от пришитых предметов. Сейчас виновница переполоха будет танцевать, так положено... Пока жена деверя танцевала, хозяйка приказала готовить комнату ко второй трапезе. Девушки унесли все лишнее, взбили тюфячки и подушки и покинули комнату, чтобы скоро вновь вернуться туда. У гармонистки раскраснелись щеки, платок сполз с головы.

Иси отозвал Чеменгюль в сторонку:

- Чеменгюль! Ты не узнала, почему плакала Сона?

- Разве узнаешь, что у кого на сердце?

- Заклинаю тебя могилой твоего покойного отца, узнай, а!

- Узнай, узнай, шел бы лучше снимать шашлыки с шампуров, повар совсем без сил...

- Слушай, Чеменгюль... Клянусь могилой моего отца, если ты меня с ней поженишь, я куплю и привезу тебе точно такой же платок с цветами, какой у нашей Шахбике-ханум!

- Совсем ума лишился! Хочешь, чтобы я попала всем собакам на язык! Если у меня появится такой же платок, как у нашей госпожи, все скажут, что это господин купил мне... А за что купил? А потом я попаду в когти Шахбике-ханум...

- Что скажешь, то и куплю тебе, только постарайся!

- Это другое дело... Но никаких недостойных штучек! Она не из таких, учти. Запомни навсегда! У нее чистая душа, настоящий цветок эта девушка!.. Узнать бы только, какое горе ей сердце гложет? Редко когда на ее губах заметишь улыбку... Принеси ей счастье, аллах!

- Так я же и хочу для нее счастья, Чеменгюль... Клянусь аллахом! Брошусь Алияр-беку в ноги и попрошу - пусть отдаст за меня! У меня чистые помыслы, чистые помыслы...

- Я постараюсь поговорить с ней, но не сейчас, Иси, не сейчас. Ты иди пока на кухню, а то мы с тобой заговорились, как бы не рассердить Шахбике-ханум!

Метель прекратилась, Сона вышла на веранду, чтобы немного успокоить сердце. Потом вернулась в комнату приготовить чистые скатерти. За ней вошла и Чеменгюль:

- Сона, ты здесь? Что с тобой случилось, почему ты плакала?

Сона вздрогнула, испугалась. Тоскливо и отрешенно звучал ее голос:

- Я вспомнила... Была у меня подружка, которая очень хорошо танцевала...

- Не поверю, что найдется человек, который танцует лучше тебя, глупышка! - рассмеялась Чеменгюль. - Даже богатые ханум не спускали с тебя глаз! А как хвалили! Нашла время кого-то вспоминать!

- Она по-другому танцевала...

- Ну и что из-за этого плакать?

- Это она научила меня танцевать, - раздумчиво произнесла Сона.

- И слава аллаху, что научила! Спасибо ей за это, да принесет аллах ей счастье! А плакать зачем?

Сона помолчала, а потом тихо сказала:

- Та девушка умерла...

Слезы снова душили ее. Чеменгюль удостоверилась, что у Соны добрая чуткая душа, - искренно горюет по умершей подруге:

- Вот оно что! Да упокоит аллах ее душу и продлит жизнь тем, кто ее помнит и любит...

- У бедняжки не было жизни здесь, на земле. Она рано умерла, осталась неосуществленной ее мечта...

- Аллах написал у каждого на лбу его судьбу, не нам ее переделать, Сона!... А теперь поспешим к госпоже, как бы она не рассердилась... - Чеменгюль решила отвлечь Сону от грустных мыслей.

Когда Алияр-бек вернулся домой, Шахбике-ханум рассказала ему, как весело женщины встретили праздник...

- А из-за этой негодницы парни друг с другом ссорятся!

- Какие парни? Из-за какой негодницы?

Шахбике-ханум расписала мужу танец Соны, расхвалила талант девушки:

- И не мудрено, что молодые слуги влюбились в нее: такая красавица! А когда танцует, то глаз от нее не оторвешь!

Алияр-бек был доволен, что до сих пор никто не проведал, откуда здесь появилась Сона и кто она такая. Если зрительницы начнут распространяться о необыкновенном танце Соны, все может раскрыться. В свое время он не сумел отказать просьбе Махмуда-аги взять в

дом чанги. Но девушка своим поведением не подвела ни Махмуда-агу, ни Алияр-бека. Однако в любом случае он не хотел, чтобы стало известно, что у него в служанках оказалась чанги. Это испортило бы отношения бека с родственниками, с отцом и братьями, с соседями.

Пока история не стала достоянием злых языков, нужно выдать Сону замуж. Следовало бы посоветоваться с Махмудом-агой, но времени на переписку нет. Да и что он может посоветовать? Лучшего случая не будет. Прекрасная возможность, которой лишены все чанги на свете. Она обретет свой дом, семью, возможно, будут и дети... Будут оба зарабатывать свой честный хлеб! Но надо поговорить с ней самой. Алияр-бек славился как противник всякого насилия, а с характером его жены мы уже немного познакомились.

- Шахбике, а что, если нам выдать ее замуж за одного из тех парней, которые влюбились в нее? Кого из них ты считаешь более подходящим, какой ей нравится самой? Позовем ее и спросим. И ей хорошо, и у нас прекратятся ссоры между слугами.

- Я уже разговаривала с Чеменгюль... Самым подходящим женихом для Соны я считаю Иси...

- Если Сона согласится, дай аллах им счастья! Пригласим моллу, пусть освятит их брак...

Когда Сона пришла в комнату госпожи, она увидела сидевших рядом на мягких подушках Шахбике-ханум и Алияр-бека. Хозяин давно не сталкивался с новой служанкой жены, поэтому в первую минуту не узнал девушку. Он внимательно вглядывался в ее глаза, пытаясь узнать былую танцовщицу-чанги, которой восхищался в доме Махмуда-аги наравне со всеми гостями на музыкально-поэтических меджлисах. «Ах, несчастная, тебя не узнать в этой старой одежонке. До чего изменилась! С таким талантом - и такая тяжелая судьба... Надеюсь, что теперь тебе будет хорошо».

- Сона, Шахбике-ханум хочет выдать тебя замуж за нашего Иси по законам шариата, по воле аллаха... Мы хотим узнать, что ты сама думаешь, что скажешь... - Алияр-бек запнулся. - Правда, я должен был посоветоваться с Махмудом-агой, который прислал тебя к нам, но сейчас, весной, дороги развезло, сколько времени понадобится на переписку, зачем тянуть с этим делом?

Сона задумалась. «Он прав... И госпожа права... Чего еще мне желать? Какой судьбы, кроме этой? Я должна быть счастлива, что на мою долю выпала такая. У какой чанги есть дом, муж, дети, праведный кусок хлеба? В глазах каждого человека это богатство, которое обходит стороной таких, как я... Бедный Алияр-бек, если бы мог, сам бы сказал мне то же самое, а Шахбике-ханум не знает, кто я... Наверно, устами Алияр-бека аллах выполняет свою волю... Пусть так...»

- Извините меня, Шахбике-ханум, что доставила вам хлопоты, - обратилась она не к беку, а к госпоже, - я понимаю, что аллах вершит свои дела устами избранных. Пусть так и будет, я не могу отказать своим благодетелям... Мне кажется, что и Махмуд-ага будет доволен, когда узнает о вашем решении пристроить меня... - Едва сдерживая слезы, она наклонилась и поцеловала руку Шахбике-ханум.

Ханум растрогала проникновенная речь Соны, она погладила девушку пухлой рукой по голове:

- Это хорошая доля, девочка! Да принесет аллах тебе счастье и добро! И бек, и я плохого тебе не желаем. Будь спокойна... Вы оба останетесь у нас в доме... Я послежу, чтобы все у тебя было хорошо. Ну зачем ты плачешь? -

Она улыбнулась:

- У всех девушек при слове «муж» на глазах появляются слезы... Хватит, не расстраивай меня... Алияр-бек обрадовался, что дело завершилось так скоро, умная девушка понимает, что ей желают добра...

- И я желаю тебе счастья, Сона! Я обязательно напишу Махмуду-аге... Ты оказалась благодарным человеком... Сохранила уважение к Махмуду-аге и здесь хорошо работаешь, честно живешь...

Последние слова бека еще более укрепили Сону в мысли, что она приняла верное решение. Намеки, прозвучавшие в словах Алияр-бека, были непонятны только Шахбике-ханум. Сона обратилась теперь к господину:

- Простите меня, ага, что я доставила вам много хлопот и головной боли...

Шахбике-ханум прервала ее:

- Слушай, девушка, ты же не умираешь, не погибаешь, не уезжаешь в далекое путешествие, что это ты говоришь?

- Я просто еще раз благодарю вас и Махмуда-агу за все, что сделали для меня...

- Ну хорошо, ну хорошо, хватит!

Алияр-бек не обратил внимания на раздражительный тон жены, она отходчива и незлопамятна. Он понял, что имела в виду Сона, благодарившая Махмуда-агу... «Конечно, Иси ей не пара, она умна, талантлива, но другого мужа у нее не будет... Она просит меня написать Махмуду-аге, что он может больше о ней не беспокоиться, не заботиться... Сегодня решительно будет порвано с прошлым чанги...»

- Да ниспошлет аллах вам обоим счастье! Будем считать этот вопрос решенным. И ты и он всегда можете-рассчитывать на помощь в нашем доме, вы всегда будете детьми этого дома.

«Спасибо тебе, бек, что ты назвал меня «дитя», я так давно этого не слышала...» Глаза у Соны наполнились слезами при этих мыслях... Она снова поцеловала руку госпожи:

- Большое спасибо, госпожа, да принесет аллах вам свое благословение...

- Ну хорошо, заставила меня прослезиться, негодница... Пойди позови Чеменгюль, хочу поговорить с ней, как лучше подготовиться к вашей свадьбе... А ты, Алияр-бек, поговори с Иси, пусть обещает, что не будет обижать Сону, станет заботиться о ней...

... Сегодня долина Кюдрю залита солнцем. Воздух напоен влагой, но нет ни тумана, ни изморози на траве. Радуга, переливающаяся от желто-красного до сине-лилового, разукрасила все вокруг. Долина Кюдрю надела наряд невесты... Мне кажется, что на свадьбе ашуга, певца, поэта, танцовщицы всегда должно быть яркое солнце. Природа

должна праздновать любовь самых красивых, самых любимых, самых удачливых своих детей. Реки должны журчать, распускаться листья деревьев, цвести цветы, петь птицы... Засветив радугу над долиной Кюдрю, природа дала всем знать, что не забыла своего лебедя, царицу фей, нежнейший цветок жизни...

Сегодня свадьба Соны. Дорогой друг, свадьба моей Соны!.. Но что это за свадьба? Хоть я предпочитаю видеть сватами Соны Алияр-бека и Шахбике-ханум вместо болтливой Азизбике, для моей Соны не шили красивых свадебных нарядов из знаменитых ширванских шелков и шемахинского бархата. Добрая Шахбике-ханум отдала Чеменгюль свою необъятную, ношеную муслиновую юбку для свадебного наряда невесты. Но и в этом наряде Сона была красавицей, затмевавшей более богатых и молодых. Не в моих силах описать, рассказать, как хороша была невеста, как обворожительна! Здесь необходимо перо Сеида Азима и кисть князя Гагарина...

Все богатство семьи проявляется в праздничные дни. Не такой была эта свадьба, не было на ней знаменитых певцов и музыкантов, не были принаряженных, украшенных золотом и драгоценными каменьями гостей. А где же ты, Тарлан? Ведь сейчас под покрывалом ведут твою невесту, которую можно сравнить лишь с жемчужиной из султанской короны! Приди, взгляни на эту красавицу невесту под красной вуалью! Твою любимую сейчас четверо старших подруг уведут за занавес новобрачных! Приди, дай по обычаю деньги за молоко, которым ее вспоили... Где ты, мой Тарлан, где?

Где же ты, мой поэт, где? Твоя пери вдохновения, твоя царица фей идет под свадебным покрывалом. Приди, поспеши сюда, пусть перо напишет тысячу газелей в ее честь! Воспой красавицу!..

А ты, князь Гагарин! В твоих картинах запечатлен ее изящный стан, ее прекрасное лицо, красочные одежды танцовщицы. На далеком Севере ты рассказал нежным русским красавицам о чуде Востока, о прекрасном южном цветке, о ее дивных танцах. Приди же сегодня взглянуть на нее!

Сона прощалась с прошлым, безучастная к празднику, с опустошенным, страдающим сердцем...

Никто из старых друзей Соны не пришел на ее свадьбу. Ни князь Гагарин, который мог бы вдохновиться видом красавицы, чтобы написать новую картину... Ни Тарлан, который в далеких краях не ведает, что наступила минута прощания... Ни наш поэт...

Друг, давай станем облаком, дающим тень Сеиду Азиму, совершающему путешествие в земли, принадлежащие Алияр-беку. Он не мог пренебречь заботами о хлебе насущном для своих детей, для своей семьи и заехал в два-три места ради куска хлеба... Усталый конь еле тащился по дороге, не в силах развить скорость, достойную воображения нашего поэта. В мыслях Сеид Азим устраивал судьбу своего друга Тарлана и царицы фей, мечтал о том, что разлученные соединятся. Но разве такое возможно? Давайте не спешить в наши дни! Склоним головы перед людьми той эпохи! Жизнь и нас не всегда балует, а каково было им? Старики во всех частях света говорили в таких случаях: «На все божья воля!»

Они сидели в комнате вдвоем... Алияр-бек читал письмо Махмуда-аги. По мере чтения его лицо окутывала печаль. Прочитав, он еще помолчал немного, собираясь с мыслями, и обратился к Сеиду Азиму:

- Мне очень жаль, Ага, что письмо Махмуда-аги пришло с большим опозданием. То, что он рассказал о несчастной любви, делает понятным особое состояние Соны, которое я не в силах был объяснить... Какая горькая и удивительная судьба у этой женщины, изменить которую уже никто не может. Сона больше не принадлежит моей воле, она не принадлежит и себе. Я отдал ее замуж по всем правилам законов шариата, предписанных нам пророком. Она жена моего слуги, хорошего, честного человека... Просьбу Махмуда-аги, хоть я очень его уважаю, выполнить не смогу, иначе опорочу свое имя!

- Помоги, аллах, помоги, аллах, не нужно ничего предпринимать! Махмуд-ага ничего не знал! Он благородный человек, сумеющий оценить ваши хлопоты о несчастной девушке по достоинству...

Алияр-бек поспешно сказал:

- Если бы письмо пришло сюда месяца три назад, тогда другое дело. Видно, суждено ей судьбой и аллахом быть женой моего слуги, сейчас уже никто не в силах ей помочь...

Алияр-бек опасался, что Сеид Азим и Махмуд-ага подумают, что он самовольно отдал Сону, чтобы спрятать свои грехи, как обычно поступают беки и господа с девушками, которых завлекли в свои сети. «Нет, этим разговором мы не ограничимся! Надо, чтобы Сеид Азим узнал все от самой Соны...»

Сеид Азим увидел, что хозяин внезапно разволновался. Чтобы успокоить его, он сказал:

- Махмуд-ага в трудную минуту обратился к вам с просьбой помочь Соне, зная вас как очень уважаемого и благородного человека...

Сона месила на кухне тесто. Она вливала в ямку горстями воду и смешивала рукой пшеничную муку с водой. Образовавшиеся комки не сразу удавалось превратить в однородную массу, один из комков шлепнулся на пол. «Говорят, у кого из рук тесто выплескивается, ту счастливицу муж любит... Наверно, я тоже из тех счастливых, Иси меня любит и жалеет...» Она вздохнула. Перед ее глазами неожиданно выплыло лицо Тарлана, такое дорогое, такое родное... «Лучше бы ты меня любил, тогда бы я радовалась, что у меня тесто выплескивается, а сейчас я только вижу, что еще недостаточно вымесила его...» Глаза застилали слезы, потекли по щекам, она попыталась смахнуть слезу тыльной стороной ладони, но только испачкала лицо в муке. Тяжело вздохнув, она принялась с неистовством месить и дубасить большой ком кулаками, словно вымещая всю боль, накопившуюся в сердце. Ее прервала Чеменгюль:

- Сона, тебя хозяин зовет на господскую половину...

- Зачем?

- Не знаю, я сказала, что ты месишь тесто, а он послал меня... Пусть придет, говорит. Гость приехал к хозяевам из Шемахи, сеид... Иди, приведи себя в порядок, у тебя все лицо в муке...

Сердце готово выскочить из груди, ноги не идут, только кровь толчками бьется в виски... Сона уступила свое место Чеменгюль, а сама начала умываться. «О аллах! Зачем ты привел ко мне Агу так поздно? С какой вестью он сюда приехал?... О аллах! Охрани Сеида Азима от всех бед, его, протянувшего мне руку добра! И того несчастного, которого я любила, защити!.. Пожалей и меня, бедную, не сжигай мое сердце черной вестью о нем!... Нет, нет, если бы это была черная весть, Ага бы не принес мне ее... Неужели еще какое-нибудь горе свалится на мою несчастную голову?.. Нет, я не жду от Сеида печальных новостей... И почему мое сердце так трепещет, словно ждет, словно предчувствует?.. Зачем? Для чего? Для меня уже все кончено...» Она прикоснулась рукой к амулету, который, как ей казалось, убережет ее от беды. «Помнит ли Ага, что написал по заказу Тарлана газель для меня? Помнит ли розу, которую он подарил мне? Знает ли, что его подарки - мой амулет?.. Я так верю, что его рука может защитить меня от беды... Узнав его почерк, люди не тронут меня... Единственная память тех далеких дней, когда я была близка к счастью, когда рядом со мной был любимый...»

Сона вошла в господскую половину. Они остались в комнате вдвоем. Поэт подумал, что и в простой, заштопанной одежде Сона все так же изящна и грациозна. По шемахинскому обычаю она прикрыла рот от гостя, на поэта смотрели прекрасные бархатные глаза его феи вдохновения. Взгляд проникал в самое сердце, в нем читался вопрос и волнение, мольба и тревога. Тысяча газелей родится от этого взгляда, тысяча легенд о несчастной любви, о несчастной судьбе...

- Как ты живешь, Сона?

- Слава аллаху, хорошо, спасибо... - голос ее дрожал, из глаз катились бусинки слез. - Как поживает Минасолтан?

- Слава аллаху, она здорова, посылает тебе привет...

- Пусть аллах дарует здоровье и посылающему привет, и приносящему его...

У Сеида Азима сжималось сердце... Сона, лебедь, который с каждым взмахом руки приобретал любовь десятков пленников, говорила послушным голосом бекской прислуги. «Как скоро проложила судьба свои следы на твоем лбу и щеках, углубляя дорожки с каждым днем!.. Роса ли упала на твои блестящие каштановые волосы, распрямив густые кудри? Где ты, красавица, что зажгла пожар в душе Тарлана? Вызвавшая мою вдохновенную любовь?!»

- Алияр-бек мне сказал, что ты вышла замуж, Сона... Будь счастлива!

- Слава аллаху! Дай бог долгой жизни Алияр-беку и Шахбике-ханум! - Лицо Соны залила краска: - Смогу ли я быть счастливой? Или не смогу? - В голосе Соны зазвучали нотки гнева, как показалось поэту: - Ни вы, ни Махмуд-ага обо мне ничего дурного не услышите. Я не зачеркну неблагодарностью уважение людей, заботившихся обо мне!

- Я не о том, Сона! Я действительно пришел сюда узнать, счастлива ли ты... Пришел сюда, желая тебе счастья... В те прошедшие времена я не знал достоверно, где Тарлан...

Сона вздрогнула, замерла, щеки ее пылали.

- Некоторое время назад Тарлан написал мне письмо из Ашхабада, в котором подробно расспрашивал о тебе. У меня были дела в Лангебизе, вот я и решил, что заодно заеду сюда. И мама поручила разузнать, как ты живешь. И Махмуд-ага справлялся о тебе в своем письме Алияр-беку... Вот, приехал повидаться с тобой...

«Говори, дорогой Ага, говори! Да буду я жертвой твоего языка! Значит, Тарлан здоров, здоров! Слава аллаху! О праведные люди, почему бы мне не радоваться этой доброй вести? Почему я не могу крикнуть громко на весь мир: «Мой Тарлан здоров, люди, поздравьте меня!» Он спрашивает обо мне, он не забыл меня! И на другом конце света есть человек, помнящий обо мне! Оказывается, я тоже достойна хорошей вести и я не забыта аллахом! Только меня нельзя поздравлять, я даже не могу открыто радоваться тому, что мой любимый жив! Я не могу даже назвать его имя! Месяцы, годы я ждала его без стонов, без слов. Мечтала о нем, любила его... А теперь, когда он нашелся и вспомнил обо мне, я и радоваться не могу, я принадлежу другому».

- Спасибо, Ага, за добрые вести... Но ты опоздал: у меня теперь семья, я не смею даже передать ему привет через тебя... Хочешь, напиши ему, что я умерла. Пусть он думает обо мне как о мертвой. Всему свое время, мое время ушло... У меня такая судьба, я не могла быть счастливой...

Он хотел меня спасти, бежать со мной, но я бы ни за что на свете не согласилась, чтобы он был опозорен за связь с чанги... Скажи ему, что меня больше нет... Моя судьба предначертала мне жизнь с моей семьей, я буду ей верна... Ты опоздал... Пожелай ему счастья, Ага... Да хранит вас обоих аллах всемогущий...

Всю дорогу от Арабчелтыкчи до Шемахи Сеида Азима не оставляли горькие раздумья... Он не смог помочь другу, сделать хоть что-нибудь для его счастья. Он не смог вовремя помочь и той, которая многие годы была для него музой, источником вдохновения и примером красоты, изящества, таланта... Всю дорогу он клял себя за то, что не собрался раньше навестить Сону, разузнать о ней. Не смог помочь их чистой, прекрасной мечте о счастье, опоздал, безнадежно опоздал... Он винил во всем себя, упустив из виду, что эпоха, свидетелем и современником которой он был, сама диктовала свои законы, не считаясь с мечтами и помыслами людей.

Когда он добрался домой, волна новых событий захлестнула его, он не собрался в день возвращения написать другу в Ашхабад, а уж потом не смог.

И мы сейчас расстанемся с Соной. Доведется ли, нет ли, встретить нам ее вновь? Увидит ли ее Ага? Как знать? Останется ли прежней ее роль в его жизни? Думаю, что нет. У нее теперь своя семья. Она удалилась из жизни Сеида Азима... Ее красота, ее высокое искусство будут вдохновлять поэтический дар нашего героя. А может статься, что мы еще будем свидетелями их встречи в будущем...

Сона сохранила две газели поэта, посвященные ей, и высохшие лепестки розы, как амулет от несчастья, от беды...

Давайте вместе с Сеидом Азимом вернемся в бурлящий, как котел, Ширван. Посмотрим, что еще готовит судьба нашим героям.

ЗАСУХА

Давно уже не было дождя... Устали глаза, устремленные в белесое от жара небо. В светло-голубой вышине люди не могли обнаружить ни облачка. Плодородные земли Ширвана под палящими безжалостными лучами высохли, растрескались, покрылись окаменевшей коркой, которая под ветром рассыпалась и пылью заносила все вокруг. Мельчайшая пыль забивала легкие, разъедала глаза. Посевы горели. Сады опалило, арыки пересохли, в реках стали видны камни на обмелевшем дне самых глубоких заводей.

Началась великая нужда. Везде шли разговоры о засухе: в чайхане, на Базаре, в мечетях, в банях, в поминальные дни, и в радостные. Такого не помнили даже старики. Засуха была таким же бедствием для города, что и землетрясение. В ожидании водовозов очереди выстраивались на улице. «Вода стала дороже крови», - говорили старики. Водовозы - владельцы ослов - возили воду издалека, из горных родников. Но и в горах большинство родников пересохло, из самых крупных источников вода лилась тонкой струйкой. Под ними нескончаемо менялись кувшины, люди боялись, чтобы хоть капля драгоценной жидкости пролилась мимо. Родниковая ледяная вода, пока ее привозили в город, согревалась, теряла вкус... Водой запасались: заливали ее в чаны и баки, ведра и казаны, установленные в подвалах... В ближних речках пересохли даже заводи, оголились подножия скал и гигантские валуны, которые народ окрестил «верблюжьими камнями». Самые глубокие раньше места превратились в илистые топкие лужи, в которых нельзя было ни умыться, ни тем более постирать белье. Но все же для питья вода была. Хуже обстояло с хлебом. На Базаре никто не произносил слова «пшеница». Муку продавали не мешками, как в былые времена, а на граммы, как золото. Ячмень, просо, фасоль, горох смалывали вместе с остатками пшеничного и кукурузного зерна и из этой мешанины пекли хлеб.

В доме Сеида Азима царила тревога: несколько дней назад Ага уехал к Селим-беку за обещанным зерном. По всем расчетам он уже должен был вернуться, но его все не было... Минасолтан не находила себе места. «Наверно, не дали, и он направился еще куда-нибудь. Бедное мое дитя! Не хотел вернуться с пустыми руками к семье...»

Джейран варила на кухне остаток запасов фасоли. Мирджафар еще не вернулся из школы. Хаджар помогала матери в домашних делах. Айша-Фатьма качала люльку с Сеидом Османом. У Минасолтан холодело сердце, когда она думала о своих голодных внуках. «Бедная Джейран, несчастные дети, как будто их шафраном вымазали. Сколько дней во рту у них крошки хлеба не было... Сколько можно кормить малышей фасолью с горохом? Скоро Мирджафар вернется из школы, чем накормить мальчика, о невидимый аллах?!»

- Джейран, где ты, я с голоду... - Голос Мирджафара осекся. Он уже большой мальчик, видно, сообразил, что не время для шуток...

Минасолтан вышла навстречу внуку:

- Джейран на кухне, детка, фасоль варит. Подожди немного, сейчас она тебя накормит.

Бросив сумку с книгами и тетрадями на стол, мальчик вышел во двор. Стукнул молоток на воротах.

- Кто пришел, детка?

Мирджафар крикнул со двора:

- Дядя Ширин!

Прикрывшись платком, Минасолтан вышла на порог.

Абдулла был ближайшим соседом семьи. Его отличала необыкновенная мягкость характера, за что Сеид Азим прозвал его «Ширин», что означает - сладкий. Это прозвище так и пристало к нему: теперь для всех он был - Ширин Абдулла. Раньше Ширин Абдулла был дровосеком, но с тех пор, как открылась школа, он стал служителем в ней, во всем помогая Сеиду Азиму не только в школе, но и в домашних делах: приносил дрова, уголь, отвозил зерно для помола на мельницу. У этого безграмотного человека была редкая слуховая память: он заучивал стихи и газели Сеида Азима с голоса и любил их повторять. Он питал родственные чувства ко всем членам семьи поэта. Ага очень ценил своего необыкновенного помощника, учил детей Ширина в своей школе, не беря с них платы за обучение... Ширин Абдулла был в доме своим человеком, поэтому Минасолтан не очень закрывалась от него.

- Здравствуй, Минасолтан!

- Добро пожаловать, Ширин! Ты к Are? Его, к сожалению, нет дома. Ты что-то хотел сказать?

- Минасолтан, я знаю, что Аги нет... Я на Базаре слышал, что он из Биджова поехал в Лангебиз. Я пришел тебе сказать, чтобы ты не волновалась. Его видели на дороге... Минасолтан, завтра все выйдут на молебен: будут просить у аллаха всемогущего дождя. Как было бы хорошо, если бы и Ага подоспел!.. А еще я хочу сказать, - он смущенно переминался с ноги на ногу, - я знаю, у вас в доме совсем муки не осталось, а мне удалось купить на Базаре немного ячменя и проса. Я разделил, часть отнес своим, а вот принес вам...

Ширин Абдулла протянул Минасолтан маленькие мешочки.

«О аллах! Как отблагодарить такую доброту, у самого большая семья, а он и нас не забыл... Но нельзя брать у него, нельзя...»

- Нет, Ширин, нет! Твоя семья в таком же трудном положении, отнеси домой, пусть твои дети не останутся голодными. Если бы Ага был дома, он бы то же самое сказал!

Абдулла тихо проговорил:

- Клянусь аллахом, я им отнес, Минасолтан! Да разве этих обжор накормишь? Что тут есть, чтобы им хватило? - улыбнулся он. - Возьми, клянусь, обижусь... Я в долг даю, когда Ага вернется - отдадите... Когда у нас не будет, я к вам приду, Минасолтан.

- А если, не приведи аллах, Ага вернется с пустыми руками, тогда как?

- Как вы, так и мы... Аллах милостив, бери...

Минасолтан протянула руки к мешочкам. Нельзя отвергать доброту.

- Большое спасибо, Ширин, да укрепит аллах твою веру, да сохранит твоих детей!

- Да будет нам в помощь великий предок Аги! Всем, и нам в том числе.

С этими словами Ширин ушел. Минасолтан долго смотрела ему вслед. Она не могла обидеть Абдуллу отказом, ее растрогала бескорыстная помощь друга. На ее глазах появились слезы благодарности.

- Джейран! Джейран!

Невестка торопливо вышла во двор.

- Что случилось, мама?

- Принеси сюда жернов...

Джейран присела на землю, совершенно обессиленная:

- А что ты собираешься молоть, мама?

Мирджафар радостно ответил за бабушку:

- Дядя Ширин нам зерно принес! Ай, дядя Ширин!

Джейран с сыном вынесли во двор тяжелые круглые жернова ручной мельницы. Она расстелила на земле палас, поверх него скатерть, потом взгромоздила жернов посреди скатерти. Насыпав из мешочка горсть зерна в отверстие воронки, она взялась за ручку и принялась крутить. С каждым поворотом на скатерть сыпались щепотки желтой ячменной и просяной муки. Расстелив другую скатерть, Минасолтан разлила фасолевую похлебку и начала кормить маленьких. Дети ели и радостно переговаривались:

- Ай джан, Ай джан, скоро Джейран хлеб испечет...

- Скоро Джейран нам хлеб испечет...

... Сеид Азим вернулся домой к вечерней молитве. Во дворе его дома пахло хлебом. Расседлав отощавшего, усталого коня и устраивая его на ночь, он размышлял: «Интересно, кто на этот раз помог нам?» Среди имен, которые он перебирал в уме, не было имени Ширина. Что есть у голодного, чтобы он отдал несытому?...

Мать встретила его на пороге.

- Ну, мама, в доме хлебом пахнет, чей склад вы ограбили? Какой богач с вами поделился? Может быть, Закрытый или Алыш?

Минасолтан всегда подхватывала шутку сына, понимая, что он хочет рассеять ее невеселые думы. Она постаралась улыбнуться:

- Этот богач - наш Ширин! Он раздобыл на Базаре немного ячменя и проса и поделился с нами... Вот, помололи, испекли...

- Как всегда... Пшеница у богатого, щедрость у Ширина... Так и должно быть...

«Год великого голода» навсегда остался в памяти людской... Если в те дни в каком-нибудь доме пекли хлеб, то запах его доходил до седьмого соседа. Ради куска хлеба для голодного ребенка матери ходили с мольбой даже к дверям вчерашнего врага... Сегодня хлебный дух шел из дома Сеида Азима. Ворота, от которых еще никто не уходил с пустыми руками, без надежды, отворились не сразу, а медленно, тихо, только в последнее мгновенье скрипнув. Во двор вошла старая женщина с ввалившимися глазами. Она взглянула на Минасолтан, которая перестала вращать рукоятку жерновов.

- Добро пожаловать, сестрица Гюльгез, заходи, соседка, заходи...

Мать большого дома Гюльгез ступала боязливо, хотя глаза ее были полны надежды и мольбы. Она стеснялась своего прихода в этот небогатый дом, где тоже полно детей, но не могла отвести взгляда от ручного жернова...

- Минасолтан, родная, дети мои пропадают...

Минасолтан знала, что не может отказать голодающим, но и у своих детей она отнимала последнее. Она взглянула на сына, который умывался неподалеку у края бассейна. Их глаза встретились. Мать с сыном прекрасно понимали друг друга. Минасолтан проговорила:

- Аллах милостив, дал на сегодня, даст и на завтра... Если сосед останется голодным, разве мы сможем проглотить кусок?

Гюльгез не позволила себе взять много. Она отделила от готовой муки несколько горстей, на одну-две лепешки, переложила в платок и тщательно завязала его, чтоб не просыпать даже щепотку.

- Пусть аллах принесет вам изобилие, Минасолтан, пусть аллах не сочтет Агу лишним и для тебя, и для нас...

До самых ворот раздавался голос, молящий за здоровье хозяев.

Не успели затихнуть шаги Гюльгез, как ворота отворились снова. Вошла плакальщица Сенем... В былые дни люди одаривали плакальщицу сверх меры, теперь же, хоть в городе по-прежнему умирали люди, никто не прибегал к ее помощи, а когда она приходила сама, старались выпроводить ее... Сенем вошла во двор, когда за жерновом сидела не Минасолтан, а Джейран. Не успели закрыться ворота, как они скрипнули вновь и во двор вошла третья женщина.

Джейран знала положение соседей не хуже свекрови. Но ее дети, ее дети... «Что же нам останется? Если мы все раздадим, чем я буду кормить своих маленьких? О аллах! Помоги!» Она посмотрела на мужа, увидела улыбку, промелькнувшую на его губах, и как будто прочла его мысли: «У нас, жена, просто дом Гаруна аль-Рашида. Богатство не успеваем раздавать!» Он незаметно подмигнул Джейран, стараясь приободрить ее.

Так как Минасолтан не было во дворе, женщины обращались к Сеиду Азиму:

- Ага, да буду я жертвой твоего предка...

- Да буду я твоей жертвой, Ага! Пусть все беды твоего сыночка Мирджафара-аги войдут в мой правый глаз... Дай и мне на один лаваш.

- Дай, Джейран... Обеим дай... Раздели оставшееся...

- А мы?..

- На сегодня есть, сегодня поедим. А завтра, как мама говорит: «Аллах - милостивый падишах!» Хоть наш Ширин на падишаха не похож... Как все, так и мы...

- Я...

- Я уже все сказал, Джейран... Если у соседей дети заснут голодными, будут плакать, и у меня, и у тебя кусок в горле застрянет, не то что хлеба, даже масла... Дай, дай им... Нас с тобой и без того народ своими подношениями кормит, пусть аллах народу и дает прежде всего.

Минасолтан вышла во двор, когда происходил дележ муки. Она без слов поняла все. Наклонилась молча над скатертью, отделила от уже распределенного по две полные горсти и только тут сказала:

- Про меня, я вижу, вы забыли... У меня тоже дети есть... - И ушла в дом с остатками муки.

Сеид Азии и Джейран не могли удержаться от смеха... Этот поступок всегда щедрой и ласковой женщины прозвучал укором сыну, как будто она сказала: «Если ты, отец, не можешь позаботиться о своих детях, я сама о них позабочусь! Разве мои - не дети?!»

... Да, это был известный в истории «год большого голода».

В тяжелом положении семья Сеида Азима оказывалась довольно часто. Кредиторы требовали денег, бакалейщики, мясники, хлеботорговцы отказывались продавать в долг. Он часто вынужден был обращаться к ростовщикам, закладывая то, что тот соглашался брать под залог, иногда даже пенал с письменными принадлежностями поэта...

Сегодня пожелтевшие лица детей окрасились румянцем сытости и счастья. «Хорошо, сегодня - Ширин Абдулла нас накормил, а завтра? Богатство - у богатых, щедрость - у бедняков...» Жизнь моего поэта целиком зависела от пожертвований, а в «год великого голода» жертвователей становилось все меньше и меньше, и сегодня он вернулся из Лангебиза и Биджова с пустым хурджином...

Когда на рассвете Минасолтан вышла во двор после утреннего намаза, она увидела у ворот маленький мешочек. В нем была мука. Кто бы это мог принести? Снова Ширин? Нет, непохоже, ведь он приносил только вчера, а о том, что они все раздали, он еще не успел узнать... Минасолтан бережно отсыпала немного белой муки. Сегодня она сварит детям пшеничную кашу.

Джейран закончила кормить малышей, когда из дома показался Сеид Азии.

- А кто сегодня кормит мою семью? - удивился он.

Минасолтан показала аккуратно завязанный красным шерстяным шнурком мешок, сшитый из шерстяного синего платка с ярко-красными розами по всему полю:

- Чья-то добрая душа кормит сегодня детей сеида, я не видела, кто приходил к нам, сынок.

Сеид Азим замер, он узнал платок Сарабеим.

Известие, что все жители города выйдут на молебен, стало достоянием всех. Глашатай Махмуд за день до этого возвестил с минарета всем:

- Эй, люди! Эй, жители Ширвана! Завтра все на молебен! Все на молебен! Сам Ахунд Агасеидали будет молиться! Эй, люди! Все на молебен! Воздадим мольбу всевышнему!

В людских сердцах затеплилась искорка надежды. Все готовились к молебну: приводили в порядок лавки и дворы домов, шли в баню для совершения ритуального омовения. Мирились рассорившиеся, просили прощения у обиженных и оскорбленных, чтобы с чистым сердцем и ясными мыслями отправиться на молебен.

... Еще не рассеялся предутренний туман, как народ начал стекаться из кварталов к городским воротам, а оттуда на равнину вблизи от кладбища Лалазар. Ученики школ, медресе со своими учителями и моллами пришли раньше других. Позади них столпились женщины, закутанные в чадры. Особое место было отведено почетным, уважаемым людям города. Сюда пришли и местные богатеи, купцы, владельцы лавок и магазинов, независимо от возраста: старые и молодые. Шли армяне, азербайджанцы, грузины, немецкие миссионеры, молокане, русские - все пестрое население Шемахи. Здесь были представители губернаторской власти, православные и грегорианские священники и должностные лица. Местные интеллигенты собрались вокруг Махмуда-аги и Гаджи Сеида Азима Ширвани.

Людей становилось все больше, на всех лицах - печаль и глубокая скорбь. Все молчали, будто собрались у постели больного, которому остались считанные минуты земного существования. Даже балагур и острослов Джинн Джавад не раскрывал рта.

Издалека известили, что пришел Ахунд Агасеидали. Приготовившиеся к молебну ждали Ахунда; увидев старика, многие начали плакать и бить себя по голове. Он взмахнул рукой, чтобы успокоить отчаявшихся, и поднялся на большой плоский камень. Старик снял со своей головы чалму, развернул ее и набросил на шею, плач только усилился. Агасеидали поднял руку:

- О люди, братья мои, дети мои! От нас, грешных, отвернулся великий аллах... Давайте сообща помолимся великому творцу, сделавшему пищу законом всей жизни. Попросим его совместно даровать нам прощение и ниспослать на нашу землю благодать... Скажем: «О аллах!»

- О аллах!

Сотни губ одновременно повторили призыв, гул отозвался в небесах.

Солнце начинало нестерпимо палить. Ахунд Агасеидали сбросил с ног чувяки и сошел с камня. Белоснежные пергаментные ступни шагнули на колючки и ветки стелющихся кустов. Он пошел вперед, подняв руки к небу, - сотни рук взметнулись тут же вверх. В безмолвную, низвергающую беспощадный жар вышину поднялись тысячи рук... Руки... руки... руки в надежде, руки без надежды... нежные руки, мозолистые руки... бессильные детские руки... покрытые хной женские руки...

- Ты наш создатель, о аллах!

- О аллах!

- Пищу у тебя просим...

- Просим...

Духовные пастыри восклицали:

- Внемли! Внемли! Беки, купцы и торговцы:

- Каемся! Каемся!

Каменные сердца смягчились как воск. Сегодня сунниты и шииты забыли о вековой вражде, их объединило всеобщее горе... Никто не оглядывался на идущего рядом, никто не опасался за чистоту своей веры. Правоверный мусульманин не боялся осквернить прикосновением к армянину или молоканину. Смешались крики: «О хазрат Фатьма!», «О шахи Мардан!», «О Али!», «Божья матерь!», «Аствац!»... Армянские женщины стенали рядом с мусульманскими, молла молился рядом с православным священником.

Только Ахунд Агасеидали шел впереди один и возносил свои молитвы первым... Первыми повторяли за ним слова молитвы учащиеся медресе, шедшие, как и он, босиком, с непокрытыми головами, и у каждого в руках был коран. Толпой выступали бакалейщики, купцы и мастера-ремесленники, обитатели Базара и аристократы, нищие и одетые в черное женщины. Все били себя по головам и плакали. Над толпой поднялась туча мелкой пыли...

Ахунд Агасеидали поднялся на камень, возвышавшийся среди кустов. Один из мусульманских служителей дал ему четыре камня, на которых были начертаны арабские молитвы и заклинания. Ахунд поднес камни к лицу и прочитал над ними свою молитву. Из-за шума и гвалта его слова никто не услышал. Помощники Ахунда пытались утихомирить толпу, но им не удалось ничего сделать. Как только старик закончил молитву, он попросил служителя бросить камни на все четыре стороны света; первый в сторону священной Мекки, потом к восходу солнца, потом к заходу, потом...

- Будь осторожен, братец, людей так много, как бы не попасть ненароком в кого-нибудь...

С почтением и осторожностью камни были приняты из тонких пальцев старика, губы поцеловали руку дающего...

Плач возродился с новой силой... Солнце палило все нестерпимей, как будто стремилось вскипятить мозг под теменем. Многие теряли сознание, но никто не обращал внимание на упавшего, лежащего без чувств от перегрева. Охваченные ужасом и безысходностью люди желали вымолить у своего бога прощения. Многие упали на колени. У тех, кто полз по верблюжьим колючкам и чертополоху, руки и ноги были в крови. Женщины, забыв предписанный законом и воспитанием стыд, сбрасывали платки и рвали на себе волосы, царапали лица и грудь, посыпали головы землей.

Сеиду Азиму было страшно взирать на этот фанатизм, сросшийся с невежеством массы. Его внешнее спокойствие поддерживало Махмуда-агу, у которого по лицу лились слезы. Они шли чуть в стороне от толпы, не разбиравшей дороги, словно стадо овец.

Среди этих людей меценат и аристократ Махмуд-ага забыл о своем авторитете, богатстве, о древности своего рода агаларов. Забыл о том, что любое его желание или приказание тотчас исполняется окружающими людьми. В этой толпе он черпал силу у своего друга, возвышающегося над всеми силой своего духа, своего таланта. А поэт тихонько шептал:

- Надо открыть им глаза, научить их... Бедные, невежественные люди, они похожи на мертвецов...

У Махмуда-аги рвались из души слова: «Встань, возвысься над толпой! Взойди на высокий престол! Только твоя бессмертная поэзия способна вразумить их!» Махмуд-ага понимал, что сейчас творится в душе поэта. Сегодня Гаджи Сеид Азим Ширвани напишет новые стихи, в которых увековечит плач народа. Потомки как воочию увидят обессиленных и обездоленных, сжигаемых палящим солнцем, задыхающихся от пыли, умирающих от жажды.

Всех ученых речей, что и мертвых могли воскресить,

Недостало для мертвой земли, чтоб ее оживить...

Не упало ни капли дождя - было нечего пить,

А на головы сыпалась с неба сухая земля, -

Даже птицы сгорели от зноя - нельзя было жить.

А с земли возносились к сухим небесам голоса,

Проповедники начали, грудь раздирая, вопить,

Дети вышли в пустыню с кораном в иссохших руках,

Всех святых призывали мужчины на помощь спешить,

Дочь пророка Захру умоляли их жены помочь.

Мусульмане к Мухаммеду взор обратили в мольбе,

Христиане пророка Ису стали громко молить,

Даже камни покрылись словами с мольбой о дожде,

Но ни капли не выпало-жаждущих всех напоить,

Хоть «внемли!» все вопили под солнцем - никто им не внял...

Он уже знал, уже слышал свои стихи. Он еще не записал стихотворение, но строки его рвались из сердца, слетали с высохших, опаленных жаждой губ.

«Милый мой друг, дорогой брат!

Я получил твое письмо, в котором ты подробно описал долгое и мучительное путешествие из Шемахи в Арабчелтыкчи. Спасибо тебе за то, что вызвался выполнить мою просьбу и узнал о судьбе той несчастной. Любимый мой брат! Я всегда желал ей счастья! Если я не смог дать ей его, значит, так было предрешено аллахом, значит, не судьба... Хоть бы она была счастлива в действительности. Хоть бы в этом судьба улыбнулась ей. Интересно, достоин ли счастья тот человек, которому судьба подарила такое сокровище? Я мечтал бы один только раз увидеть ее, а потом бы умер. Не переживай, что счастье обошло меня стороной, дорогой брат. Не в моей власти было оградить ее от бед в те далекие времена, поэтому и счастье не в моих руках... Не получилось.

Брат мой! Теперь тебе ясно, почему я не вернусь на родину: я не вернусь на озеро, с которого улетел мои лебедь... Я не хочу горьких воспоминаний...

Если тебе удастся навестить маму, передай ей мой привет, скажи, что я целую ее руки, скажи, пусть она простит мне мое невозвращение; не проклинает молоко, которым вскормила меня.

Жизнь моя наладилась. Я путешествую с верблюжьими караванами по Туркестану, изучаю жизнь людей здесь, вдали от моего дома, от Ширвана, богатого садами и родниками, похожего на рай.

Здешние места словно пустыни Аравии, в которых изредка встречаются удаленные друг от друга на большие расстояния оазисы. Одинокие хижины под пылающим солнцем, безводные песчаные барханы, на которых не увидишь даже колючку, караваны верблюдов, медленно плывущих по этим барханам... Иногда мне кажется, что так выглядит ад. Пророк великий мог наблюдать эти картины в Аравийской пустыне и сам настрадался от этого. А наш Ширван с журчащими реками, тенистыми лесами, прохладным ветерком он изобразил в коране как рай. По-моему, родившиеся и выросшие здесь люди не будут особенно страшиться мук ада, они здесь уже все испытали. От жара подчас невозможно дышать, раскаленное пекло врывается в легкие, начинаешь жалеть, что родился на свет.

В своих путешествиях я нахожу отдохновение в том, что под мерное покачивание в седле верблюда без помех переношусь мыслями на родину. Душа моя там, у вас. Жизнь моя, любовь моя несчастная там, у вас. Временами я даже горюю об оставленных навеки врагах. Ширван - прекрасное чудо, созданное творцом. Изумрудные горы, ароматные родники, росистые травы, пение тысяч птиц, бирюзовые небеса, лазурные воды рек. Под каждым деревом готова тень для меня, в каждом доме - хлеб. Без Ширвана душа моя мертва. Я жив его жизнью, его мугамами, его поэзией. На этих днях я встретился с дервишем, который пришел в эти далекие земли с нашей родины. «Мы, ширванцы, - люди аллаха! - сказал он мне. - Склоняем голову перед судьбой, довольствуемся тем, что записано у нас на лбу. Аллах испытывает наше терпение землетрясениями, засухами. Пытается под страхом этих бедствий изгнать нас за пределы нашей прекрасной родины, сделать нас скитальцами. Однако ни скитания, ни бедствия, ни сама смерть не могут

вырвать из наших сердец любви к родине. Мы довольствуемся лишь горстью родной земли, лишь памятью о ней, чтобы ее дух жил вечно».

Дорогой друг! Я попросил Кербалаи Вели передать тебе кое-какую денежную сумму на нужды нашей школы. Пусть это будет мой вклад в общее дело, пусть они пойдут на образование бедных детей. Распорядись деньгами по своему усмотрению.

С тоской целую твои глаза и руки, твой друг и брат в изгнании Тарлан.

10 число... месяца... года».

Поэт отвечал на письмо друга...

«Свет очей моих, Тарлан!

Первый вопрос, который меня волнует: как твое здоровье?

Письмо и деньги, посланные тобой на нужды школы, я получил. Да наградит тебя аллах постоянной удачей, брат мой! Над нашей несчастной родиной проносятся черные тучи. Одно горе сменяется другим, когда земля еще не успела оправиться от первого. Мало было землетрясения! Засуха и холера доделывают то, что не смогло учинить первое несчастье. С тех пор как из Шемахи переехали правительственные учреждения - губернатор и его канцелярия, заботы о простом бедствующем народе уже никого не волнуют. Когда что-нибудь случается, неизвестно, к кому обращаться за помощью. Богатые и образованные люди покидают Шемаху и уезжают в Баку, Владикавказ, Ашхабад, Иран. Эх, грустно признаться, но большинство избежавших смерти друзей уже оставили город. Я не желал бы описанием наших невзгод омрачать твое и без того безрадостное существование. Группа людей, болеющих за родной Ширван, на этих днях отправится с прошением в Петербург. В группу входят Махмуд-ага, Керим-бек и господин Лалаев. Эти уважаемые господа будут просить правительство рассмотреть вопрос о переводе губернского управления обратно в Шемаху. Посмотрим, что им удастся сделать? Может быть, беды оставят наш город, исчезнет неразбериха, прекратится произвол местных воротил.

Мой дорогой друг Тарлан!

Я собираю газели для сборника. Когда станет ясно, что войдет в сборник, я отдам переписать его каллиграфу Гаджи Таги, а другой экземпляр попрошу переписать каллиграфа с псевдонимом Мектеби. Заплатить за их труд вызвался, как всегда, Махмуд-ага. Кроме того, я составляю литературный альманах, включающий биографии и произведения ближневосточных, турецких и азербайджанских поэтов. Надеюсь, что сборник и альманах заинтересуют любителей поэзии Востока. А еще я продолжаю работу над историей Ширвана под названием «Ширванские события». Спасибо Мешади Гуламу - он достает мне нужные материалы, дает для прочтения без всякой платы, зная, что купить нужные книги мне не позволит мой карман. После изучения материала я возвращаю Мешади Гуламу книги, а он их продает тем, кто изъявил заранее желание купить. Так ко мне попали книги по истории Ирана и других ближневосточных стран, принадлежащие перу историка Искандера Мунши.

Несколько слов напишу тебе о школьных делах. Не следовало бы тебя огорчать, но по милости местных осведомителей - приверженцев старозаветных невежественных молл - дела мои обстоят далеко не лучшим образом. Ходят слухи, что меня собираются убрать из городской школы, более того, говорят, что и над самим существованием школы нависла угроза. Если слухи соответствуют действительному состоянию дел, мне следует поехать к главному попечителю учебных заведений в Тифлис, чтобы с помощью тамошних друзей попытаться при его покровительстве поправить дела.

Наша школа, как тебе известно, целиком содержится за счет пожертвований друзей просвещения. После переезда Керим-бека, одного из главных жертвователей, с деньгами стало очень плохо... Конечно, еще остались такие, как ты, бескорыстные друзья, которые сами протягивают нам руку помощи, но вместе с тем дела наши очень плохи. Я не умею упрашивать людей, не умею собирать пожертвования. Несмотря на то, что мои предки сеиды привыкли спокойно получать узаконенную шариатом милостыню, причем для своего кармана, я совершенно не приспособлен для такой деятельности. Даже когда я прошу жертвовать деньги на нашу школу, у меня все внутри переворачивается. К сожалению, моя собственная семья живет за счет подношений моего народа. Я отношу эти пожертвования не только к тому, что я из рода сеидов, а к тому, что среди нашего народа очень много любителей поэзии. Жители окрестных сел и деревень, кочевники из близких и далеких стойбищ, хозяева ширванских имений считают своим долгом помогать мне, посылать мне то, что родит земля, политая их потом, что собрано и приготовлено их руками. По всему Ширвану, от Шемахи до Лангебиза, Гашата и Биджова, есть люди, которые мне помогают. Но вместе с тем несчастна та семья, чьи глаза устремлены на чужие ворота. Иногда мне кажется, что настанет черный день, когда люди, к которым я обращусь за пожертвованиями для школы, скажут мне: «Слушай, сын покойного, уж сколько лет мы содержим твою семью, этого мало, ты еще без стеснения протягиваешь руку к таким беднякам, что перебиваются с хлеба на воду!»

Да, брат мой! Вот что такое пожертвования. А помощь аристократов тем, кто пострадал от землетрясения, засухи, голода... От бакинских богачей прислали бязь на саван для умерших... Как говорится, из фаты штанов не сошьешь. Пять мер пшеницы не помогут тому, у кого сгорело все поле... В чем выход? Как найти правильный ответ, я не знаю... Только одно мне ясно: нельзя содержать школу на пожертвования. С помощью пожертвования целый народ не сможет стать просвещенным, образованным. Получая деньги от добрых людей, я чувствую себя нищим, попрошайкой, горечь жжет мое сердце. В каждом взгляде мне чудится недовольство. Как будто мне говорят: «Все дети бедняков не могут получить образование. Что мне до того, что «Вели - способный ребенок»? Есть у его отца деньги - пусть учится, нет - пусть сидит дома!»

Одного пристыдит Махмуд-ага, другому я надоем. Один дает с охотой, другой - нехотя, только ради известности, чтобы о нем говорили: мол, господин такой-то пожертвовал столько-то... С такой помощью бедных и обездоленных не просветить... Но где искать выход? Не знаю! Должно быть все по-другому... В воле аллаха изменить существующее положение. Очевидно, люди бессильны что-либо переделать...

Прости, что огорчил тебя...

Вечный привет.

12 числа месяца... года...»

ШКОЛА

И ранним утром в Мануфактурных рядах уже есть покупатели.

Сеид Азим вошел в лавку Гаджи Кадыра и увидел, что в углу плачет его ученик - сын Гаджи Кадыра Рамазан. Поэт не мог видеть слезы детей. Замечательный педагог никогда не наказывал и не бил детей, добиваясь нужных результатов лаской и убеждением.

Гаджи Кадыр сам привел маленького сына в школу Сеида Азима со словами: «Ага, делай с ним что хочешь! Наказывай, если нужно! Но пусть хоть немного научится считать и обращаться со счетной доской, сумеет помочь мне в лавке. И если еще этот неверный армянин научит его русскому языку, он мне вместо толмача будет переводить, что говорят в суде. А то я не доверяю толмачам этих неверных...»

Надо сказать, что Гаджи Кадыр назло Закрытому, с которым в последнее время был не в ладах, благоволил к Сеиду Азиму. Малыш Рамазан уже два года ходил в школу и хорошо учился. Гаджи Кадыр засуетился, увидев, что сам Ага зашел в его лавку. «Пусть горит огнем поганец Закрытый... В последнее время даже не здоровается!» Он покосился в сторону лавки Гаджи Асада, чтобы удостовериться, увидел Закрытый, что к нему пришел Ага, или нет...

Не зная, в чем причина наказания, Сеид Азим обратился к отцу:

- Гаджи Кадыр, если вина моего ученика очень велика, наказание должны нести мы оба. Я тоже виноват, раз недостаточно хорошо его воспитал, - проговорил он, а сам подумал: «Наверно, и тебя молла бил в моллахане, бедняга...»

Гаджи Кадыр вытаращил глаза:

- Избави аллах, Ага, что ты говоришь! Пожалуйста, проходи, добро пожаловать в нашу лавку, Ага... Рады тебя видеть, для нас большая честь, чем обязаны? А ты что нюни распустил? Убирайся! - Гаджи Кадыр подтолкнул сына к двери. - Чтоб я тебя не видел!

- Спасибо, Гаджи, решил кое-что купить из одежды для детей...

- Поздравляю, прекрасное дело. Я желаю, чтобы ты с помощью аллаха еще много таких покупок совершил... Пусть благословение аллаха будет над тобой, когда будешь делать покупки для свадьбы своего сына...

- Спасибо, Гаджи, за добрые слова, но скажи мне, чем провинился Рамазан? Как велика его вина?

- Не хотел бы говорить об этом, но раз ты просишь, отвечу: вина твоего ученика, я скажу, не большая, но и не маленькая.

- Да что он сделал?

- Как что? Я увидел, что он играет за лавкой в альчики с сыном армянина мастера Вартана! А я его послал за обедом домой, к матери. Клянусь, я так рассвирепел! Что это такое!

- Да... конечно, альчики - такая же азартная игра, что и карты, здесь я с тобой согласен. Я тоже вынесу ему порицание, объясню, чем плохи азартные игры...

- Да будет над тобой благословение аллаха...

- Но для того чтобы твой сын стал толмачом, как ты того сам хочешь, ему очень полезно общаться с детьми, которые говорят на других языках. Очень полезно, Гаджи... И еще позволь тебе сказать, нельзя бить ребенка...

- Ну, уж, так и нельзя? Разве нас не били, когда мы росли?

- Нельзя, Гаджи, поверь мне. Мудрецы говорят, что в побоях вырастают трусы и лгуны.

- Не пойму что-то...

- Трусом будет потому, что будет считать, что каждая поднятая рука непременно его ударит... И лгуном станет из страха, будет говорить то, что захочется сильному. Даже истинную любовь его ты не сможешь завоевать...

Сеид Азим мог бы продолжить, что таким образом легко приобрести ненависть сына...

- А зачем я ращу сына? Разве не затем, чтобы в старости он помогал мне?..

- Значит, ты даешь своему ребенку взятку?

- Это что за слово, Ага?

- Я даю тебе теперь, чтобы ты дал мне потом...

- Ну да, а как же иначе? - Гаджи Кадыр обрадовался, что Ага наконец его понял.

- Но это же тогда не бескорыстная родительская любовь... Вины за тобой нет, Гаджи, все дело в том, увы, что и аллаху мы даем взятки...

Гаджи в страхе задрожал:

- Да что ты, Ага, да буду я жертвой твоего предка!.. Хоть ты и потомок пророка, но за такие кощунственные слова не боишься разве, что твой рот скривится?

- Не ужасайся, Гаджи, У меня есть основания так говорить, Гаджи. Я думаю, ты и сам со мной согласишься. Вот смотри: ты даешь обет принести жертву аллаху... Зачем? Ты говоришь: «О аллах! Устрой мне это дело, а я тебе пожертвую то-то». Разве это не взятка? Или... ты говоришь: «Я буду соблюдать пост, молиться, раздавать бедным десятую часть своего имущества, а ты, аллах всемогущий, пошли меня в рай». А что это, если не сделка, а? Поразмысли сам, так это или не так? Приносимая жертва, соблюдаемый пост или возносимая молитва, как и забота о сыне, должны быть бескорыстными, не надо за них ничего просить у аллаха, пророка или имама... Вот что я хотел сказать...

Задумался, опустив голову, Гаджи Кадыр.

- Вот ты даешь своему ребенку еду, одежду, но часто попрекаешь его, мол, смотри, не забывай мою доброту! У меня к тебе счет, ты должен все мне вернуть! А иногда для устрашения ругаешь и колотишь его... А я думаю, что родительская любовь должна быть совершенно бескорыстна, не должна обижать и унижать. Высокодостойный и гордый человек будет всегда ценить и любить своих родителей, не бросит их в старости на произвол судьбы, не будет ждать смерти отца, чтобы завладеть его имуществом. Воспитывая достоинство и гордость у своего ребенка, отец может заслужить подлинную, бескорыстную любовь.

Мысли Гаджи Кадыра смешались. Все, что он слышал с детства, чему верил, не вязалось со словами мудрого Сеида Азима. Природный острый ум Гаджи Кадыра подсказал: «О аллах милостивый, а ведь Ага, кажется, - прав...»

Нельзя злоупотреблять гостеприимством хозяина, Сеид Азим поднялся...

- Да буду я жертвой твоего предка, Ага, что же ты так быстро уходишь? Чаю бы выпил... - Гаджи Кадыр почтительно встал.

- Большое спасибо, Гаджи, за приятную беседу... А чай я недавно пил... Позволь нам уйти в школу...

Гаджи Кадыр не все еще продумал из услышанного и не стал тут же высказывать свои соображения, а тем более возражать Are. Он приоткрыл дверь и позвал сына:

- Рамазан!

Рамазан тут же вошел в комнату. Опустив голову, он остановился у порога, на мгновение стрельнув глазами в сторону отца и учителя. И тут Гаджи Кадыр уловил, сколь непохожи были эти мимолетные взгляды: на отца мальчик смотрел боязливо и выжидательно, на учителя с обожанием.

- Рамазан, нам с тобой время отправляться в школу. Уже пришел, наверно, молла Гусейн. Ведь сегодня первый урок - законы шариата, не так ли, сынок?

- Да, Ага, шариата...

Лицо мальчика хранило следы слез... Гаджи Кадыр искренне удивлялся: боязливый и уклончивый в ответах Рамазан спокойно и благодарно смотрел на своего учителя. И в голосе Аги слышалась настоящая забота. Купец с минутной завистью подумал, что его сын никогда не смотрел на него такими глазами. Неожиданно с непостижимой для него самого теплотой он сказал:

- Рамазан, детка, перед тем, как пойти в школу, умойся, иначе, если кто-нибудь увидит тебя рядом с Агой, подумают, что учитель поймал цыганенка...

От удивления ребенок не мог сдвинуться с места, в голосе отца не было ни обычного раздражения, ни злобы, ни гнева. Сеид Азим чутко уловил перемену, происшедшую на его глазах, он ласково погладил остриженную наголо голову мальчика:

- Да, Гаджи прав, что ты стоишь? Беги, не задерживай меня...

Мальчик выбежал за дверь.

- Извини меня, брат Гаджи, но ты и сам убедился, какое удовольствие и удовлетворение чувствуешь, когда видишь глаза ребенка, взирающие на тебя с любовью и уважением. Этот взгляд стоит всего на свете!.. Дружбу с сыном нельзя завоевать ничем, кроме любви. Любовь - это счастье, любовь - сокровище... Не каждому она достается, но если досталась, считай, что прожил две жизни. Я желаю тебе, чтобы аллах наградил тебя любовью твоих детей!

Надо было еще поразмыслить над словами Аги, но пожелание, как хорошее напутствие на будущее, очень растрогало Гаджи Кадыра:

- Большое спасибо, Ага, да укрепит аллах твою веру...

Пока Рамазан умывался и приводил в порядок свою одежду, Сеид Азим добавил:

- Знаешь, брат Гаджи, в Баку появился ученый человек - наш соотечественник по имени Гасан-бек. Он выпускает газету, старается приохотить людей к образованию. Это не так уж дорого, выпиши газету, пусть ее привозят специально для тебя, а Рамазан будет ее тебе читать... И сам ты, слушая умные советы, получишь удовольствие, и Рамазан, сообразительный и старательный ученик, увеличит свои знания.

- Ага, ведь говорят, что газеты пишут бабиды, - шепотом сказал Гаджи Кадью, озираясь по сторонам.

- Как ты думаешь, Гаджи, стал бы я советовать тебе малопочтенное занятие? Ты мне веришь?

- Ну как же, Ага, конечно... Если бы не верил, разве послал бы к тебе учиться своего старшего?

- Тогда поверь и этим моим словам! Все это выдумки врагов нашей нации. Происки людей, мошна которых пострадает, если народ наш будет больше знать, больше разбираться, что для него благо, а что ему во вред.

- Ну что же, я подумаю, Ага...

Сеид Азим хорошо знал Гаджи Кадыра, знал, что тот должен был хорошенько все взвесить, прежде чем согласиться на покупку газеты. Когда-то он долго раздумывал, прежде чем решился послать Рамазана в школу. Поколебавшись, поэт вытащил из кармана газету «Пахарь», издаваемую Гасан-беком Зардаби, и протянул Гаджи Кадыру:

- С помощью аллаха вернется твой Рамазан после полудня из школы - дашь ему почитать вслух. Сам удостоверишься, что там нет ничего задевающего шариат и религию.

Хозяин с осторожностью взял газету и положил ее на прилавок.

- Ни разу мы с тобой не выбрали время поговорить по душам, Гаджи... Я даже не знаю, сколько у тебя сыновей...

- Пять-шесть, должно быть.

- Как это «пять-шесть», а более точно ты не знаешь?

- Моя покойная мама никогда не перечисляла, сколько у нее добра, не говорила точно, сколько у нее детей. Боялась - сглазят. Когда у нее спрашивали: «Сколько у тебя голов рогатого скота, сколько баранов?», она неизменно отвечала: «Разве подобает человеку считать всех животных, которые подходят к его двери?..» Когда у нее спрашивали: «Сколько у тебя детей?», она отвечала: «Нисколько, семеро». Мол, что такое - семеро, так, ничего! Теперь у меня, не ею будь сказано, кроме твоего ученика Рамазана, еще и Сафар, Шабан, Мухаррем, Раджаб...

Ага рассмеялся:

- Ах ты, внук покойного, а если бы тебе аллах дал еще сыновей, тогда бы тебе не хватило названий месяцев арабского календаря... Что бы ты стал делать?

Гаджи Кадыр тоже рассмеялся:

- Ты прав, Ага, клянусь аллахом, каждый раз, когда у меня рождался ребенок, я шел к молле, чтобы он в коране нашел подходящее имя. Молла неизменно спрашивал: «В каком месяце родился ребенок? В таком-то! Так пусть именем этого месяца его и называют». Теперь, когда я начинаю перечислять месяцы мусульманского календаря, вспоминаю имена своих сыновей...

Вернулся Рамазан. Поправив папаху на голове, он удивленно смотрел на улыбающихся отца и учителя. Повесил сумку с книгами через плечо и приготовился идти за Сеидом Азимом.

- Ну, детка, пошли!

Рамазан пропустил учителя вперед и только хотел шагнуть через порог, как почувствовал руку отца, которая ласково погладила мальчика по спине. Впервые ребенок ощутил нежность в руках отца, прикасавшихся к нему...

Всю дорогу Сеид Азим думал о стихах, которые написал накануне. Это стихотворение он посвятил Гасан-беку Зардаби. Если это стихотворение будет опубликовано, среди мусульманских пастырей поднимется буря. Кого заинтересует то, что поэтом руководила забота о благе народа? Что он поддерживает Гасан-бека в его стремлении бороться за образование народа? Что только ум и наука способны двигать мир вперед... А для этого нужно открывать школы, просвещение должно распространяться. Но самое главное: в своем стихотворении поэт открыто выступает против сеидов, ахундов, молл, дервишей, у которых на языке сплошная ложь, а занимаются они лишь тем, что грабят свой народ... Да, поэт вышел на неравный бой... Тысячи молл, сеидов, дервишей и других мракобесов поднимутся с ним на борьбу, как только опубликуют его стихи во славу Гасан-бека.

Учитель и ученик вошли в школу. Это было одноэтажное, вытянутое в длину, похожее на сарай строение. Даже в самые солнечные дни в классе было сумрачно. На стене, против двери, была прибита черная классная доска, сбоку висела испачканная в мелу подушечка, которой вытирали доску. Напротив доски в пять рядов стояли продолговатые столы и табуретки, сделанные из грубо обработанных досок. За столами сидели ученики - одиннадцать мальчиков в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. Мальчики

положили на столы сумки, сшитые матерями из сатина или ситца, похожие на пастушьи, в которых они принесли книги, тетради и пеналы...

Ага начал свой урок литературы, на котором он обучал детей законам стихосложения, говорил о поэзии Востока, приводя примеры из турецких и фарсидских поэтов. Детям полюбились эти уроки, проходившие живо и интересно. Обычно поэт читал ученикам одно из новых своих стихотворений. Вторая половина урока была посвящена опытам учеников. Поэт приводил для примера двустишие, к которому ученики должны были придумать соответствующее продолжение. Иногда он давал стихотворные упражнения на определенную рифму или редиф. Как и все ширванцы, каждый из мальчиков мечтал стать поэтом, как Ага. Живых, шустрых ребятишек не надо было уговаривать не шуметь: они боялись пропустить хоть слово учителя. Загодя готовили дома примеры для урока литературы. С наибольшим усердием занимались Алекпер и Агалар.

Как только учитель открыл классную дверь, дети поднялись за своими столами:

- Садитесь, садитесь, дети мои!

Маленький Алекпер был вне себя от радости: учитель отвел ему место напротив своего стола. Все уроки маленький мальчик не спускал с учителя восхищенного взгляда... Сеид Азим провел рукой по черной бороде, в которой уже поблескивали серебряные нити. На выбритую голову была надета высокая коричневая папаха.

- Дети мои, сегодняшний наш урок мы посвятим поэзии. Поэзия похожа на цветок, цвет его приносит праздник взгляду, аромат - доставляет наслаждение нашему обонянию. Поэзия сродни хлебу, который человек ест всю жизнь и который никогда не приедается. Когда поэзии нет, душа ощущает голод. Она появляется - и услаждает наш слух, волнует сердце. Она способна вызвать у человека сострадание к униженному, подвигнет его на добрые дела и праведные поступки. Сходство поэзии с цветком - во внешней красоте, с хлебом - во внутреннем содержании, священность - в силе воздействия. Поэзия - священное сокровище, которое человек призван сохранить.

Я хочу, чтобы вы усвоили, дети, что поэзия опирается на четыре опоры: размер, рифму, чувство и содержание. Без них стихи - пустой набор слов.

Наш народ всегда чувствовал поэтическое слово. Не только чувствовал, но и создавал. Наш народ дал миру великих поэтов, каждым из которых гордится культурный мир: Шейха Низами, Хагани Ширвани, Мухаммеда Физули и многих, многих других, имена которых перечислить невозможно. У истинных поэтов главным был их непревзойденный талант. Их поэзию рождало вдохновение... Но главным среди главных было знание жизни, глубина познаний. Поэт должен знать и свойства родного языка и уметь украсить стихотворения сравнениями, символами. Поэт должен очеловечивать безжизненные предметы, наделять их новыми качествами, уметь создавать новые определения. Когда Физули говорит, что его слезы могут «потопить весь мир», он прибегает к преувеличению, гиперболе. Когда говорит, что его могила «выложена камнем рока», это особый вид сравнения, который передает большое горе Физули...

Речь учителя внезапно прервал крик: пронзительный голос глашатая Махмуда призывал людей идти на площадь Весов. Вот голос приблизился, видимо, путь глашатая пролегал недалеко от школы, и тогда все ясно услышали:

- Эй люди-и-и! Губернатор зовет всех на площадь Весов! Сегодня после полуденного намаза по приказу царя будет повешен Джаби оглу Джавад, главарь разбойников, враг правительства и правосудия, грабивший людей, убивавший путников на дорогах, нападавший на караваны, убивавший погонщиков... Многие семьи по его вине остались без отцов... Люди-и-и! Все на площадь Весов! На площадь Весов!

Дети замерли. На лицах одних застыл испуг, на других - печаль, на третьих - удивление... «И невдомек им, что мир покинет еще один человек, пытавшийся своими силами отнять богатства у богатых и раздать их беднякам, враг захватчиков и защитник униженных!..» - подумал Ага. Он был рассержен громким голосом, прервавшим урок. Но в этот миг дверь в класс приоткрылась и в щель просунулась продолговатая, словно дыня, голая голова глашатям Махмуда. Махмуд видел, что в армяно-молоканских школах учителя и ученики снимают шапки, заходя в класс. Желая продемонстрировать, что он человек культурный, он снял папаху и был удивлен, что в этой странной школе, хоть дети сидели и не на полу, как в моллахане, а за столами, как в школе урусов, на мальчиках и учителе были надеты папахи. А в классе его голая яйцеобразная голова вызвала приступ безудержного смеха, будто не они минуту назад были похожи на испуганных ягнят. Быстрая смена чувств на детских лицах еще раз напомнила, что в этой удивительной жизни плечом к плечу идут рядом горе и веселье, печаль и смех...

- Что тебе, Махмуд? - строго спросил Ага.

Глашатай все еще продолжал изумленно оглядываться, как будто забыл, зачем пришел. Учитель снова повторил вопрос.

- Ага, господин пристав велел сказать, чтобы школьные моллы вместе с учениками обязательно пришли на площадь Весов, с целью назидания... Чтобы каждый все видел своими глазами...

У Сеида Азима упало настроение... Не следует детям видеть, жестокость, кровь и смерть, это он понимал ясно. Но если он не пойдет на площадь и не поведет с собой учеников, это будет вызовом приказанию властей. Недоброжелатели наверняка не пропустят возможности указать на этот факт в своих доносах, используя его для борьбы против него и его школы.

- Хорошо, мы придем...

Дети снова примолкли.

Остановись, читатель! Не спеши! Знаешь ли, куда ты идешь? Я боюсь, что сердце твое не выдержит, ты не привык к таким зрелищам, ты - дитя другой эпохи...

... Середина площади Весов пока пуста. По приказанию властей ее освободили от грузов, ожидавших своей очереди перед весами Ага Расула, вымыли и посыпали чистыми опилками, принесенными специально из Столярных рядов... Неосведомленному зрителю может показаться, что идут приготовления к выступлению народных силачей-борцов. Так же середина площади готовится к этому, любимому народом, зрелищу. Но сегодня на этом приготовления не закончились; как только принесли опилки, начали сколачивать виселицу... Разве ты не слышал глашатая Махмуда, дорогой друг? Сегодня казнят Джаби оглу Джавада, одного из самых храбрых сынов своего народа, наследника легендарного Бабека и мужественного Кероглу... Я надеюсь, что ты чтишь их имена, мой читатель. С каким бы негодованием я отказалась идти на казнь, но туда идет наш герой, и мы не

можем не последовать за ним... Ну что ж, нам выпала доля увидеть, как уходит из жизни мужественный человек, герой, не склонивший голову перед врагом!

Площадь заполнялась народом... Вот справа от виселицы появился Молла Курбангулу, недавно назначенный приходским моллой. В руках он держит коран бухарской работы. Этим кораном он осенит Джаби оглу перед концом, примет покаяния «преступника» и отпустит ему грехи. Коран бухарской работы взят Моллой Курбангулу на казнь, чтобы привлечь внимание верующих к своей новой должности... Молла поверх черного одеяния накинул на плечи дорогую хорасанскую шубу, голову его венчает огромная чалма из самого тонкого белого ширванского шелка. Ему нравится центральная роль, которую он сегодня призван исполнить.

... Пока дети шли к площади Весов, Сеид Азим разрешил самым маленьким уйти домой. Он бы отпустил всех, чтобы избавить детей от кровавого зрелища, но вынужден был оставить старших. «Жуткая картина и для глаз взрослого человека, но что поделаешь, пусть это будет для них жизненным уроком...» Необходимость, только необходимость заставила учителя привести на площадь Весов своих учеников. Будь прокляты законы, которые рождают ее!

В передних рядах, как нарочно, стояли самые маленькие дети, пришли даже шести-семилетние девочки, приведенные за руку взрослыми. Они прятались за спинами своих маленьких братьев.

Сеид Азим посмотрел на Моллу Курбангулу. «Эта старая лиса готовится послать на тот свет несчастного, прикрываясь священной книгой... Он смог принять обет покаяния у Алыша - настоящего разбойника? Не побоялся отдать за него свою родную дочь и ввести его в свою семью?.. А этого несчастного...»

Думы поэта прервала дробь барабана. На площадь Весов ввели Джаби оглу Джавада. Он шел меж двух рядов вооруженных ружьями стражников. Толпа расступилась, приговоренного повели к центру площади. Дробь барабана эхом отдавалась на площади. Встревоженно бились сердца присутствующих. Если бы его воля, поэт прекратил бы барабанный бой, он был готов закрыть уши от ужаса, чтобы ничего не видеть и не слышать. Что поделаешь? На земле пока еще нет места, где повелевали бы поэты... Как говорил Ширин Абдулла, если бы правили поэты, на земле не осталось бы голодных, раздетых и разутых...

Вперед вышли офицер и переводчик. Стих шум на площади, умолкли барабаны. Офицер начал чтение смертного приговора. Время от времени его голос сменялся голосом переводчика... «Кто ты такой, парень? Почему убежал в горы? Какими грехами ты «дослужился» до виселицы? За что ты поджег стога Алхаз-бека? Что в твоем сердце? О чем ты думаешь? Что хочешь сказать в эти последние минуты?..» Сеид Азим не спускал взгляда с парня. Джаби оглу был еще молод, ему едва исполнилось двадцать пять - двадцать шесть лет. На нем была поношенная, но совершенно чистая, заштопанная чуха, на ногах домашней вязки шерстяные носки и самодельные кожаные чувяки, на голове лохматая баранья папаха. Его горящие глаза искали кого-то в толпе. Сеид Азим проследил за взглядом и увидел, что парень смотрит на старую женщину с непокрытой головой и стоящую рядом с ней молодую, обе смотрели на осужденного с тоской, обе не ощущали холода. Отсутствие на обеих чадры говорило о том, что к ним траур уже пришел...

Поэт перевел взор на парня, присмотрелся внимательней. Открытый лоб над черными бровями был пересечен, морщинами горя, тонкий рот слегка улыбался. По знаку есаула

парню разрешили попрощаться с близкими. Старая женщина опустилась на колени и поползла к сыну... Она не спускала с него глаз. Джаби оглу гневно посмотрел на есаула Ага Башира. Есаул тут же наклонился, поднял женщину и под руку подвел к сыну. Старуха припала к нему. Многие женщины на площади зарыдали. До слуха Сеида Азима донеслись слова осужденного:

- Не плачь, мама, не плачь! Если ты хочешь, чтобы я спокойно покинул мир, ты не должна плакать... Чтобы враг не видел твоих слез, мама... Спасибо тебе за жизнь, которую ты дала мне, спасибо за молоко, которым меня вскормила...

Он наклонился и поцеловал у матери руку, потом грудь и глаза:

- Не плачь, родная, чтобы враг не видел твоих слез! Я не был бесчестным человеком, пусть плачет мать бесчестного. Держи голову высоко, твой сын не преступник!

- Не-е-е плачу-у...

Из глаз несчастной женщины непрерывным потоком лились слезы. Она целовала сына, прижимала его к груди и никак не могла оторваться. По знаку офицера есаул Ага Башир с силой взял ее под локоть и увел. Взгляд уводимой силком женщины не отрывался от сына. Ага Башир подвел ее к молодой, стоявшей в первом ряду, она поддержала ее: старуха словно осела на землю, глаза ее заволокла дымка, она потеряла сознание.

Откуда-то появился квадратный грубо сколоченный табурет, который установили под виселицей. По знаку офицера Джаби оглу поднялся на табурет. Петля веревки раскачивалась на уровне его головы, но он будто не видел ее. Тоскующим взглядом он прощался с родными местами: горой Пирдиреки, хорошо видной с этого места, с Пиркули, с лесами и холмами по берегам рек Русдарчай и Зогалавай, с родниками Нанели и Минахором. Он смотрел поверх голов стоявших внизу людей. Внезапно быстрым движением он поймал веревочную петлю, которая раскачивалась под осенним ветром, продел сквозь нее голову и сильным резким ударом правой ноги оттолкнул табурет...

Над площадью раздался нечеловеческий вопль: «И-иииии-и!»

Страшные рыдания сотрясли тело Сеида Азима... Когда тот открыл глаза, он увидел рядом с собой Джинна Джавада и Сироту Гусейна. Из-за их спин выглядывало скорбное лицо Ширина Абдуллы.

Толпа давно разбрелась. Детей Ширин Абдулла отправил домой. У виселицы, кроме вооруженных стражников, никого не осталось. Все вернулись к своим делам, прерванным казнью... Как будто ничего не произошло... А поэт до самого последнего мгновения ожидал помилования. Он так надеялся на это... «Стоило ли надеяться? - думал он. - Разве позволили бы беки, ханы и моллы помиловать человека, поднявшего руку на их достояния, на их богатства? Никогда! Что для них жизнь человека? Молодого, полного сил, у которого могли быть дети, семья?» Помилование не пришло... «И не могло прийти! Наивно было надеяться», - укорял себя Сеид Азим.

Окруженный друзьями, он подошел к постоянному месту встречи на Базаре - к огромной шелковице, где всегда можно найти Джинна Джавада.

Джинн Джавад, Сирота Гусейн, Ширин Абдулла и поэт расположились на камнях.

- Так в мир иной отправился Джаби оглу Джавад. Посмотрим, как с миром распростится Джинн Джавад. - Горечь звучала в шутке городского остряка и балагура.

Сеид Азим остановил его взмахом руки:

- С этим не шутят, Джавад! Клянусь нашей дружбой, я обижусь на тебя.

Лотошник Сирота Гусейн предложил поэту освежиться шербетом, поэт сделал несколько глотков и обратился к Абдулле:

- Пора нам отправляться домой, Ширин. Без твоей помощи мне сегодня не обойтись: после всего пережитого ноги что-то не идут.

Сирота Гусейн тоже присоединился к уходящим:

- Мне тоже в твою сторону, Ага, если позволишь, я пойду с вами. Я думаю, ты напрасно пришел сюда, Ага, такие зрелища не для тебя!

- Не мог не прийти, Гусейн... Пристав специально прислал глашатая Махмуда за мной в школу... - Поэта потрясло увиденное: прощание с матерью, петля, раскачивающаяся над головой, петля в руках Джаби...

Помолчали, думая каждый о своем...

Джинн Джавад тоже решил проводить поэта. Всю дорогу он думал о Джаби оглу... Думал о том, что повешенного нельзя считать преступником, скорее он жертва преступления... Он герой... Герой-одиночка... К сожалению, из борьбы в одиночку ничего не выйдет, каждого, кто будет выходить на борьбу в единственном числе, ждет такая же участь. Чтобы уничтожить гнет богачей и властей, необходимо собраться вместе. Как Бабек, который в девятом веке объединил вокруг себя народ и тридцать лет боролся с арабскими завоевателями. Как Кероглу, объединивший народ для борьбы с турецкими поработителями... Джинн Джавад искал причину того, почему в наши дни перевелись герои, достойные Бабека и Кероглу. Ему казалось, что ответ прост. Надо с детства воспитывать в детях храбрость и мужество. Когда в груди матери бьется сердце львицы, когда она говорит сыну: «Иди, мой сын, и если в битве с врагом, в столкновении со злодеем тебя ранят в спину, пусть накажет тебя мое молоко!» - тогда мать непременно воспитает героя. А когда героев много, то свобода - дело времени. Свобода... Свобода - не подарок, ее не дают, ее отнимают, ее завоевывают в борьбе... «Брат мой, Джаби оглу Джавад! Ты - одна из жертв борьбы за свободу, жаль, что кровь твоя пролилась напрасно».

Как будто продолжением мыслей Джинн Джавада прозвучала песня Сироты Гусейна, которую он потихоньку начал напевать:

На коня Джавад вскочил,

Но не враг его убил,

А предатель погубил.

Ай, Джаби оглу Джавад,

Твой калам в руках солдат,

А палач стараться рад.

Свист, как ветер, с гор летит,

Мой Джавад убит, но мстит:

Алхаз-бек в крови лежит.

Ай, Джаби оглу Джавад,

Твой калам в руках солдат,

А палач стараться рад.

Сирота Гусейн пел песни, сам не зная, откуда и как приходят к нему слова. Он не придавал значения своему таланту, считая песни частью собственной жизни. И теперь Сирота Гусейн погрузился в свой мир. Сеид Азим с волнением и восторгом вслушивался в мгновенно создающийся стих, простой и понятный каждому человеку. Худое, одухотворенное лицо, тонкие черты, горящие глаза, - он весь отдавался своей песне.

В зимнюю стужу Сироту Гусейна постоянно бил озноб. Старая черная рубашка без пуговиц не скрывала выступающих ключиц и ребер тщедушного тела. Короткие шаровары, залатанные во многих местах, протерлись в тех, где еще не успели пришить заплаты, обшлага свисали лохмотьями. Его ноги ни разу в жизни не знали башмаков и носков. На босые ноги он натягивал сыромятной кожи драные чарыхи, для тепла заматывая толстыми портянками поверх. Огрубевшие пятки растрескались, в местах разрывов образовались ороговевшие бугры и впадины.

Безжалостная к нему жизнь не оставила надежды на лучшие времена, но сердце, полное доброты и таланта, билось любовью к людям. Улицы и базарные ряды невозможно было представить без Сироты Гусейна, без его ежедневно рождающихся песен. Надо еще добавить, что большинство песен начиналось со слов «Ширван» и «Шемаха». Особенно грустными были песни лотошника о любви.

Ночи, полные тоски,

Звонко кличут петушки,

Как заснуть мне без тебя

В ночи, полные тоски...

Ах, ширванские гранаты,

Сладким соком вы богаты,

Мне любимую отдайте,

О ширванские гранаты.

Джинн Джавад любил подшучивать над ним:

- Слушай, Гусейн! Почему ты всегда поешь о любви?

- Что делать, брат, ашуги, как тебе известно, всегда поют о любви... Ты бы лучше спросил, почему я часто пою о гранате и айве?

Ходили слухи, что в молодости Сирота Гусейн любил, но любовь была несчастной. Чаще всего люди не задумывались, почему у него нет семьи, нет дома, нет ничего, о чем бы можно было посудачить. А находились и такие, которые в безрадостном существовании бедняка видели преимущества: «Эх, какие у него горести и печали? Ничего не надо покупать, не надо заботиться о семье и детях, о доме, не надо платить налог и оброк... Где ночь застала, там и заночевал, что аллах послал, тем и пообедал. Только и остается ему петь свои песни. Не то, что мне: товар прими, товар отпусти, счета проверяй, и так с утра до вечера... Что ни говорите, а ему повезло. Как говорится в арабской пословице: аллах голого избавил от забот со стиркой!»

К голосу Сироты Гусейна привыкли все, как к чему-то необходимому. Если хоть один день его не видели в рядах, бакалейщики теряли свое обычное безразличие и с любопытством спрашивали друг друга:

- Эй, сосед! Не слышал Сироту Гусейна? Где он?

- Да, сосед, и сам удивляюсь, где он запропастился? Может, Кербалаи Манаф его за чем-нибудь послал или, избави аллах, заболел? Приключилось что с ним?

- Да ты что, сосед, разве он заболеет? Разве кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтоб он хоть раз в жизни охнул? Он крепче камня... Всех нас переживет.

- Над нами воля аллаха! Наверно, он у него в милости...

... Утро давно наступило. Ага поспешно ушел из дома, только выпив стакан чаю. Джейран чувствовала ломоту во всем теле. Не было сил заниматься уборкой. Она заглянула в комнату свекрови, где внуки спали вместе с бабушкой, но решила детей пока не будить. Уже давно Джейран не могла успокоиться, с самого рождения своей младшей дочурки, которая запеленатая лежала в спальне Аги и Джейран. С тех пор, как девочка родилась и отец решил назвать ее суннитским именем Айша, в доме зрела ссора. Среди родственников и знакомых шли разговоры и пересуды. Все были недовольны именем, выбранным Сеидом Азимом. Один говорил: «Пусть отсохнет мой язык, прежде чем я назову девочку этим именем!» Другой называл Агу «суннитом», прекрасно зная, что он принадлежит к секте шиитов. Третий заявлял, что это проделки бабидов... И так каждый.

Джейран, глядя на маленькую, вызвавшую раздоры в семье, думала: «О аллах! Вместо того чтобы ты надоумил Агу дать девочке такое имя и этим выставить всех нас на посмешище, лучше бы она задохнулась в моей утробе! Лучше бы я погибла родами, лишь бы у Аги не было неприятностей!» Радость от рождения девочки сменилась тревогой... Как будто ребенок был в чем-то виноват...

Мать Джейран - Беим-ханум-выражала свое недовольство:

- Детка! Аллах рассердится на вас... Ага сам себе вредит, да буду я жертвой его предка. В чем вина ребенка, что родной отец назвал ее именем врага нашей веры? Разве он не знает, что жена пророка Айша поднесла яд своему мужу? Что эта проклятая после смерти великого пророка вышла на битву со святым халифом Али? Зачем надо было моей прекрасной как цветок внученьке давать это проклятое шиитами имя? Зачем давать людям повод для ненужных разговоров?

Джейран не могла слышать, как ругают ее Агу:

- Мама, родная, Ага говорит, что Айша была любимой женой пророка благословенного. Когда святой Али обвинил ее, - тут Беим-ханум, а вслед за ней и сама Джейран проделали часть ритуала молитвы, который необходимо совершить, упоминая имя святого, - провели ладонью по лицу, только после этого Джейран продолжила: - ...обвинил ее в совершении греха, когда она осталась в пустыне на ночь с арабским воином Савфаном, сам пророк благословенный сказал, что архангел Гавриил дал ему знак с неба, что Айша не совершала порочных поступков... Поэтому мы не должны избегать ее имени... - Лицо Джейран разрумянилось, она еще более похорошела. - Ага мне все хорошо объяснил, мама...

- Но, девочка моя, ведь Айша была во главе тех, кто воевал со святым Али? Что по этому поводу сказал тебе Ага?

Беим-ханум нельзя было упрекнуть в нелюбви к зятю, наоборот, она и любила и уважала его. Но в ней сильны были догматы, которые она впитывала всю свою жизнь, в которые верила, которые укоренились и укрепились с помощью ежедневных повторений и многократных проповедей молл. Во имя этих догматов она готова была сражаться даже с любимым зятем.

Джейран задумалась, она не нашлась что привести в ответ на последний довод матери. В глазах ее снова была печаль, она не смогла сдержать слез. У Беим-ханум заныло сердце:

- Доченька, может быть, он еще одумается?

- Не одумается! Ага говорит, что враги нашего народа затеяли эту неразбериху, чтобы специально сеять раздоры между мусульманами, шиитами и суннитами. Так им легче обманывать людей... Для того чтобы показать, что все люди одинаковые, Ага решил давать детям суннитские имена. «Всем пожертвую ради объединения нашей нации! Эту назову Айша-Фатьма, а если будут еще дети, дам им имена суннитских халифов - Омара, Османа...» Да отсохнет мой язык, мама, что я могу сделать? Он отец, все в его воле! Пусть предок его меня накажет, но что я могу...

Она упала на материнские колени и залилась слезами.

Я сделаю для вас отступление, мои читатели! Джейран оказалась права. Сеид Азии Ширвани действительно назвал рожденных после этого сыновей именами суннитских

халифов - предводителей мусульман - Сеидом Омаром и Сеидом Османом... Ему не суждено было узнать, что со временем дочь Айшу-Фатьму станут называть Сеид Фатьмой. Что Сеид Омар умрет маленьким, так и не узнав всей горечи преследований и проклятий... Что Сеид Осман должен будет доказывать правдоподобность своего имени даже прогрессивному ученому и педагогу Рашид-беку Эфендиеву. Понадобится свидетельство ширванского купца, который удостоверит: «Это сын моего соотечественника Гаджи Сеида Азима Ширвани - Сеид Осман. У него есть брат - Сеид Омар и сестра Айша-Фатьма. Отец пожертвовал собственными детьми во имя объединения нации, во имя прекращения вековой борьбы между суннитами и шиитами!» Все это будет потом...

Гаджи Сеид Азим Ширвани уготовил для своих младших детей тяжелую участь. Они стеснялись произносить свои имена в шиитских кварталах города! Ортодоксальные шииты с ненавистью произносили их имена. Из сочувствия к несчастным детям родственники изменят их: дочь будут называть Сеид Фатьмой, а Сеида Османа - Ага Сеидом; к счастью, как вы уже знаете, Сеид Омар до этого не дожил... И это будет потом... А теперь драма, выходящая далеко за пределы одной семьи, только начинается.

Давайте послушаем сердце Джейран. Оно горячими толчками движет кровь, «от его жара вздуваются волдыри на пальцах, если к нему притронуться...» - так говорил карабахский поэт Закир, живший на рубеже двух веков: восемнадцатого и девятнадцатого... Сердце Джейран колотится, едва она услышит плач Айши-Фатьмы в другой комнате, черный страх сжимает горячим обручем, она кидается к ребенку... И так всегда с тех пор, как Ага записал имя ребенка в регистрационную тетрадь моллы прихода - Моллы Сафтара. С быстротой молнии эта весть разнеслась по городу, о ней заговорили и стар и млад. Поздравить с рождением ребенка не пришел никто. Вечером пришел Джинн Джавад:

- Я на твоей стороне во всех твоих делах, Ага! Но зачем ты дал это имя своей дочери? Ты должен был ее пожалеть! Нельзя было делать свое имя мишенью для клеветы и поношений!

Резко прозвучал голос Сеида Азима:

- Рассуждая о бедах нашей нации, нашего народа, мы говорим, что они заключены в разногласиях и борьбе шиитов-фанатиков и фанатиков-суннитов. Это действительно так: великое горе, когда люди, говорящие на одном языке, чьи предки жили рядом на той же самой земле, чья религия восходит к одному великому пророку, - когда эти люди поклоняются разным святым и святыням только потому, что в древней Аравии враждовали две главенствующие ветви, которые разделились на два непримиримых лагеря и перебили, изничтожили друг друга... Прошли века, но люди не изменились в своих заблуждениях. Ты тоже знаешь об этом, брат. И когда кто-нибудь желает развеять предубеждение и протянуть руку в другой лагерь, даже друзья отступаются от него. Так не должно продолжаться. Или мы собственным примером подтвердим, что наши рассуждения не пустая болтовня, что мы сами верим в то, что говорим, и не боимся кары аллаха, тогда и недруги поверят нам!

Джейран внимала голосу мужа с огромным волнением... Она предугадывала, что много бед ожидает ее и ее детей в будущем, но не могла не оправдывать Агу, не могла не поддаться логике его рассуждений. Кто-то должен быть первым в борьбе со злом. Кому же, как не ее мужу, уважаемому и бесстрашному Гаджи Сеиду Азиму Ширвани, быть первым?! Он представлялся ей могучим раскидистым дубом, под кроной которого прячутся обыкновенные люди. Она гордилась им... А рядом с Джейран сидела свекровь,

прислушиваясь к шагам любимого сына, и проливала горькие слезы... Джейран впервые увидела свекровь плачущей. Но вдруг обе женщины замерли: они услышали, как криком заходится ребенок.

- Джейран, детка, что это с малышкой?

Они обе бросились в соседнюю комнату...

Уважая стыдливость невестки и сына, Минасолтан никогда не разглядывала неубранную постель в их комнате. Минасолтан понимала и то, что в присутствии свекрови невестка по обычаям не возьмет ребенка на руки, как бы он не плакал, поэтому она хотела взять внучку сама. Оглянувшись на голос девочки, она с удивлением увидела, что та лежит в середине постели Аги и Джейран... Она наклонилась и взяла ребенка на руки, прижала ее к груди и принялась баюкать: «Ах ты, мое золотко, никто и не знает, какое у нас золотко! Ах ты, мое солнышко, никто не знает, какое у нас солнышко!»

Она машинально приговаривала слова своей песенки, а душа ее полнилась тревогой: «Сказать или не сказать? Стыдно вмешиваться в дела между мужем и женой... Почему Джейран положила ребенка между собой и Агой? Не приведи аллах, может быть, они поссорились? Что случилось? Так нельзя. Жена должна спать с мужем вместе, чтобы у них смешивалось дыхание, иначе они охладеют друг к другу. Скажу, будь что будет...»

- Дочка, шариат наш этого не разрешает... Жена должна спать с мужем. Предки говорили, что если спеленатого младенца положить между мужем и женой, взрослые могут нечаянно во сне подмять его под себя. Ребенок может задохнуться и умереть. В небе ангелы увидят малыша в постели родителей и скажут, не дай аллах: «О аллах! Забери этого младенца с земли, чтобы он не влезал между любящими мужем и женой, не разлучал их во время сна, не мешал бы смешиваться их дыханию...» Знаешь, дочка, поверь моему опыту, если жена спит отдельно от мужа, муж быстро от нее отвыкнет... Как бы ей в будущем не пришлось об этом жалеть...

Джейран зарделась, слушая совет свекрови, у самой Минасолтан покраснели щеки, но она была довольна, что высказала невестке все, что думала.

«Какая у меня замечательная свекровь! Она мне как мать, словно за дочь болеет... Не мучает попреками, не выискивает недостатки, не указывает на них сыну...» Чтобы успокоить Минасолтан, она сказала, не ведая, что внесла еще большую смуту в материнское сердце:

- Мама, мама, я положила Айшу в середину постели, потому что боюсь... боюсь, что из-за ее имени кто-нибудь подстережет момент и украдет ее... Обрушат горе на нас на всех.

Минасолтан ничего не успела ответить, как во дворе послышались голоса. Женщины выглянули в окно. Агу вели под руки Джинн Джавад и Ширин Абдулла, за ними выглядывала голова Сироты Гусейна.

Минасолтан отдала Айшу невестке, торопливо прикрыла лоб и рот шелковым ширванским платком и вышла навстречу пришедшим.

- Что с Агой, Ширин? - обратилась она к тому, кого знала лучше других.

- Ничего такого, из-за чего стоит волноваться и беспокоиться, с Агой не случилось, Минасолтан...

По голосу старого друга обостренным чутьем мать поняла, что продолжать расспросы сию минуту не следует, потом он все расскажет.

- Проходите, проходите в дом, я сейчас поставлю чай... Сеид Азим, поддерживаемый под руку Джинном Джавадом, прошел в свою комнату. Тогда Ширин Абдулла продолжил:

- Дай тебе аллах слышать только добрые вести, Минасолтан, но сегодня я не принес таких... Сегодня казнили человека... Глашатай Махмуд всех мужчин заставил идти на площадь Весов по приказу есаула и урядника... Ага со своими учениками тоже там был, насмотрелся на ужасы, вот ему и стало нехорошо...

Обида предшествующих дней, вызванная историей с именем внучки, испарилась как туман при первых солнечных лучах:

- Ширин, проходи и ты в дом, сейчас чай будет готов!

Абдулла понял, о чем думает Минасолтан: Агу не надо оставлять одного. Он понизил голос:

- Не волнуйся, Минасолтан! Джинн Джавад с ним рядом! Ты лучше скажи, где зерно, я нагружу осла и поеду на мельницу: сегодня очередь нашего квартала.

Минасолтан не стала отказываться, она с благодарностью отдала Ширину мешки, которые он перетащил во двор и увез, а сама принялась готовить чай.

Наступил вечер. Мелодичный голос Кебле Мурвата призвал верующих к вечернему намазу. Сегодня в нем слышались печаль и грусть. Материнское сердце сжимали боль и страх. Минасолтан спешила поскорее приступить к молитве, чтобы ее просьбы быстрее всех достигли седьмого неба. Чтобы великий всемогущий аллах не возвращал от своих ворот дух несчастного Джаби оглу Джавада, простил бы ему его грехи во имя несчастной его матери... Минасолтан попросит великого и всемогущего аллаха хранить ее сына от несчастий, бед, зла, клеветы и невзгод, подстерегающих его на каждом шагу... Уменьшив огонь в плите, разворошив угли кочергой, Минасолтан позвала Джейран и поручила ей последить за чаем, торопливо прошла в свою комнату, плотно прикрыла дверь и развернула молитвенный коврик:

- Нет бога, кроме аллаха...

В тот вечер Джинн Джавад долго беседовал с поэтом... Их голоса перемежались, но чаще звучал голос Джавада...

Утром, несмотря на слабость, Сеид Азим открыл дверь школы... Он начал урок так:

- Дети мои! Сегодня у нас будет важный урок. То, что я вам скажу, очень важно знать любому человеку... Дети мои, я призываю вас быть между собой друзьями, относиться друг к другу сердечно, по-братски... Хороший друг поддержит, научит хорошему. Персидский поэт Саади, живший задолго до нас, написал, что однажды поздней осенью к нему в руки попал сухой листик. Он поднял его, понюхал и ощутил нежный аромат розы. Поэт спросил:

«Если от тебя веет ароматом розы, значит, ты роза?» А листик отвечает: «Я - простой лист, но одно время я жил рядом с розой!»... Давайте подумаем, какую мысль заложил Саади в свое стихотворение? А мысль такова: если ранней весной листик сумел перенять у розы ее лучшие качества, то он сохранит их надолго. Так и у человека: если дружба зародилась в раннем детстве, она выдержит все испытания, и хорошие черты, воспринятые от друга, в зрелом возрасте только разовьются...

Дети мои! Старые мудрецы рассказывали, что однажды человек почувствовал приближение каравана смерти. Тогда он призвал к себе сыновей, и задал им вопрос: «Кто сильнее всех на свете, сыны мои?» Один говорит: «Быстрый конь». Другой: «Тигр». Третий: «Лев»... «Нет, сильнее всех на свете - человек, - ответил старик. - Потому что человек умеет думать!» Потом попросил сыновей принести из сада по две ветки гранатового дерева. Сыновья выполнили желание отца. Каждый вернулся из сада с двумя ветками гранатового дерева. «Пусть каждый из вас попробует сломать одну из принесенных веток». Сыновья с легкостью выполнили пожелание отца. «А теперь попробуйте сломать ветки, которые я предварительно свяжу между собой!» Отец связал оставшиеся ветки и протянул их сыновьям. Ни у одного недостало сил сломать связанный пучок. Тогда отец сказал своим сынам: «Отдельно ветку сломать легко, вместе они не поддаются. Так и вы - после моей смерти держитесь вместе, если вы будете заодно, никакой враг не сможет с вами справиться!»

Дети мои! Тот старик был прав! Берясь за какое-нибудь дело, не думай, что ты сможешь совладать с ним в одиночку... Сообща все легче. Только в единении люди становятся сильнее...

Вы вчера были свидетелями того, как по приказу властей был повешен Джаби оглу Джавад, храбрец и герой. Все знали, что он был невиновен. Но мстивший ему бек и объединившиеся с ним родственники сговорились. А он один против них не мог победить... Как говорил народный герой Кероглу: «Даже выходящий из леса лютый лев не должен выходить в одиночку...»

Этой ночью, дети мои, я написал стихотворение, которое я продиктую вам... Запишите его в свои тетради и выучите к следующему уроку. В первых фразах вы услышите обращение к моему сыну Джафару, но точно так же, как к нему, в своей поэзии я обращаюсь и к вам, моим детям...

О Джафар, о немеркнущий свет моих глаз,

О бутон, распустившийся только сейчас.

Мой наказ тебе: с другом крепи ты союз,

Нет прочней и надежнее дружеских уз.

Не стремись к одиночеству, сын мой, пойми:

Только в дружбе становятся люди людьми.

Неустанно возделывай дружбы сады,

Знай, прекрасные дружба приносит плоды.

Если дружат пять пальцев, то легче им жить,

Чем когда перестанут друг с другом дружить.

Если дружбу руке не предложит рука,

То одною не сделаешь даже хлопка.

Как-то неожиданно отворилась дверь, и у поэта дрогнуло сердце: он вспомнил вчерашний день... Но вошел Абдулла и протянул Сеиду Азиму пакет:

- Извини, Ага, ты просил, чтобы от уроков тебя не отвлекали, но я знаю, ты ждал письма из Баку... Я проходил мимо почты... Зашел, спросил... Почтмейстер Ага Салман передал тебе этот сверток, говорит: «Для Аги!»

Ага поспешно взял из рук Ширина пакет и вскрыл его. Это был экземпляр газеты «Пахарь». Поэт торопливо развернул его и увидел напечатанным свое стихотворение, посвященное редактору газеты - Гасан-беку Зардаби. Кровь прилила к сердцу, радость рвалась из груди: «Вот таким образом я могу принести моему народу больше пользы, чем своей школой... Люди будут читать мои стихи, возможно, они разбудят их от спячки... Каждый, в ком проснется совесть, внесет небольшой вклад в дело просвещения своего народа... Пусть мракобесы теперь вопят сколько угодно! Близится время, когда к образованию будут стремиться все люди!..»

Радостный и вдохновленный успехом Сеид Азим продолжил урок. Теперь он собирался прочесть детям басню, написанную недавно, «Лев и два быка», басню о том, как лев не смог справиться с двумя пасущимися на лугу быками, так как быки все время были вместе... Хитростью он обманул бедняг и разорвал их на части... Ему казалось, что доходчивая история более коротким путем приведет его к желаемому результату, чем назидания, которые он прочел детям в начале урока.

И снова урок был прерван: отворилась дверь и, недовольный тем, что его снова оторвали от урока, учитель взглянул на вошедших: первым переступил порог человек в казенном мундире, фуражку с золотым околышем он держал в левой руке. Следом за ним показался Махмуд-ага в суконном пальто, подбитом мехом куницы. Третьим вошел переводчик Агаси-бек.

Учитель и ученики поднялись, приветствуя гостей.

Сеид Азим не знал чиновника, который с приветливой улыбкой на полных губах шел к нему навстречу. «Улыбка - первый признак хорошего человека, а такая открытая - особенно», - подумал Сеид Азим, с пристальным интересом рассматривая официального гостя. Круглое полное туловище с округло выступающим под мундиром животом безо всякой шеи соединялось с совершенно круглой лысоватой головой, где лишь на висках пушились желтые как солома волосы. Голова и лысина казались розовым шаром... Светлые глаза незнакомца тоже были поразительно круглыми, с белесыми бровями и ресницами. Поэт многозначительно переглянулся с Махмудом-агой: «Слушай, где ты отыскал такого круглого человека?» - хотел спросить старого друга. Махмуду-аге и без слов было ясно, что так развеселило поэта, он и сам едва сдерживал смех. Протянутая рука легла в ладонь поэта, он ощутил ее мясистость и пухлость: такая рука должна принадлежать, без сомнения, приветливому человеку, снова подумалось поэту.

Гость обернулся к детям и поздоровался с ними по-русски:

- Здравствуйте, дети!

Ученики хором ответили по-русски.

- Садитесь!

Мальчики спокойно сели. Один из учеников по знаку Сеида Азима вышел и вскоре вернулся в сопровождении Ширина Абдуллы, они принесли табуретки для гостей. Переводчик Агаси-бек держался скромно в стороне. Соблюдая местный этикет, он не мог вмешиваться без указания Махмуда-аги. Легким жестом Махмуд-ага предложил гостю и переводчику сесть и, когда все расположились, представил учителя гостю, а после этого сказал:

- Господин учитель! Наш уважаемый гость - главный попечитель кавказских, в том числе - мусульманских школ. Он прибыл к нам из Тифлиса проинспектировать школы, которые находятся на государственном попечении. Господин попечитель желает ознакомиться с работой школ, увидеть все своими глазами. На собрании господ, желающих внести пожертвования, он расскажет о том, в чем нуждаются наши школы...

Сеид Азим понимал, почему Махмуд-ага обращается к нему так официально и торжественно: при госте и детях он не мог иначе. «Слава аллаху! Какие на свете есть хорошие люди... Наш Махмуд-ага... Или вот этот толстяк, у которого будто нет собственных забот, и он готов ездить из края в край, чтобы узнать о нуждах бедных ребятишек... С помощью аллаха и таких вот хороших людей дела народного просвещения пойдут на лад...»

Сеид Азим поднялся и в приподнятых выражениях поблагодарил гостя:

- Прекрасная цель - просвещение людей! Высокие и благородные намерения... Хвала милости аллаха! Да будет над вами, господин попечитель, благословение аллаха!

Переводчик Агаси-бек тихо и медленно переводил попечителю слова Махмуда-аги и Сеида Азима. И снова заговорил Махмуд-ага:

- Господин Иванов несколько дней будет гостем нашего города. Он ознакомится с русскими, армянскими, армяно-молоканскими и русско-татарскими школами. Но прежде всего он пришел в нашу школу познакомиться с вами...

«Как хорошо стоять рядом с тем, кто держит разливательную ложку, самый наваристый суп тому достается. Так и мы, стоим ближе других к Махмуду-аге, он и привел попечителя сразу к нам...» Учитель снова поднялся:

- Еще раз добро пожаловать, господин Иванов! Мы очень рады видеть вас у себя... Пусть будет удачным ваше путешествие.

- В молодости господин Иванов был известным педагогом в России. А теперь он возглавляет попечительский комитет...

Поэт улыбнулся последним словам Махмуда-аги, глядя на приветливое лицо гостя, мягко возразил:

- Слава аллаху, господин Иванов и теперь еще не стар, не сглазить бы...

Махмуд-ага уловил смешинки в глазах поэта... Но Агаси-бек задумался, не зная, как точно перевести слова «не сглазить бы»... Ему не хотелось, чтобы местный учитель выглядел отсталым человеком, и он решил опустить последние слова.

Махмуд-ага тотчас уловил это:

- Агаси-бек! Пусть перевод будет точным, прошу вас...

Гость с интересом наблюдал за переговорами, которые шли между мусульманами, но не задавал лишних вопросов. Когда Агаси-бек с помощью Махмуда-аги перевел фразу Сеида Азима, полные губы гостя расплылись в улыбке:

- О, восточный комплимент, спасибо!

Поэт немножко понимал по-русски, но слово «комплимент» ему слышать не приходилось.

- Что значит «комплимент», господин Агаси-бек?

- Похвала... Похвала...

А гость продолжал улыбаться. Он оценил тонкость восточного комплимента, ему понравилось, что его сочли молодым... Этого учителя с таким одухотворенным лицом ему еще в Тифлисе хвалил Захаров. И местный меценат и аристократ Махмуд-ага много рассказывал о нем... Учитель производил самое благоприятное впечатление...

- А позвольте узнать, уважаемый педагог, как же вы преподаете в русско-татарской школе, не зная русского языка?

Еще до того как Агаси-бек перевел слова гостя, Сеид Азим понял смысл вопроса.

- Господин учитель, может быть, вы и правы. А как же вы? Являетесь попечителем мусульманских школ, а языка мусульман не знаете? - добродушно пошутил учитель.

Поэт понимал, что гость может обидеться. Но приветливость этого человека и то, что он многие годы сам учительствовал, подсказали ему, что гость поймет его правильно.

Попечитель уловил остроумие и смелость в словах учителя. Он весело рассмеялся. В классе все замерли: и дети, и взрослые, всех волновал вопрос, как ответит гость на слова Сеида Азима? Что означает веселый смех? Господин Иванов вытащил из кармана белоснежный носовой платок и вытер слезы. Отсмеявшись и успокоившись, неожиданно ловкими движениями своих коротких толстых пальцев отстегнул цепь, прикрепленную ко внутреннему карману жилета под сюртуком, и вытащил из бокового кармашка большие часы-луковицу. Он протянул часы Сеиду Азиму со словами:

- Господин учитель, хотя эти часы не столь достойный подарок, чтобы соответствовать вашему остроумию, но я прошу вас принять их как свидетельство нашей встречи и дружеских чувств, которые я питаю к вам.

Агаси-бек радостно перевел его слова. Все заулыбались. Только Сеид Азим смущенно украдкой оглядывал класс, лихорадочно раздумывая: «Взять или не взять? Не стыдно ли? Как быть?» Но потом решил, что с искренним человеком нельзя хитрить:

- Благодарю вас, господин попечитель! Только я думаю, что в путешествии вам очень пригодятся часы, нельзя допустить, чтобы вы остались без них...

- Нет, нет! Я обижусь! Я уже успел изучить характер кавказцев. Когда не берут ваш подарок, вы смертельно обижаетесь. Я тоже очень обижусь на вас! Поэтому - берите! В Баку я куплю другие... Ну, право же, это такая безделица, им стоимость - пять рублей! - Он настойчиво протягивал руку.

Отказываться дольше было неловко. Сеид Азим взял часы, посмотрел на них с улыбкой, потом поднес к уху, послушал, медленно пристегнул цепь к пуговицам своего архалука и положил в карман:

- Для меня, господин попечитель, эти часы стоят миллион.

После ухода гостей один из учеников, смелый не по возрасту Агалар, поднял руку и, заглядывая учителю в лицо, спросил:

- Ага, почему вы сначала не взяли часы?

Сеид Азим ответил, помедлив:

- Брать подарок сразу - проявлять свою невоспитанность и жадность... Будто человек никогда ничего не видел...

Агалар не унимался:

- Но вы все-таки взяли?

Поэт улыбнулся: «У него время задавать вопросы! Вырастет - будет поздно...» А вслух добавил:

- Почему я взял? Возвращать подарок искреннего и доброго человека - значит обидеть его. Дело не в ценности подарка, а в глубине чувств, сопутствующих ему... Глядя на подарок,

человек думает о другом человеке, вспоминает его... Когда же ты возвращаешь дар, то ты этим хочешь сказать: «Я тебя забуду, не трудись мне ничего дарить!» Понял, Агалар?

Дети с восторгом разглядывали сверкающую на груди учителя цепь, а после окончания урока он дал им послушать, как часы стали отбивать новое для их школы время.

Была самая прекрасная пора весны. Ярко-зеленые и только что распустившиеся нежные желто-зеленые листочки деревьев еще не покрылись пылью. Ветви деревьев напоминали тонкие кружева, сквозь них голубело бескрайнее небо. Приближался праздник жертвоприношения курбан-байрам. Город наполнится блеянием овец, приведенных для заклания... Ребятишки будут похваляться друг перед другом красотой жертвенных животных, будут красить их хной, разнарядят лентами и бубенцами, будут с руки кормить кусочками сахара... Женихи, обрученные с невестой, купят, а друзья жениха поведут по улицам города в подарок жертвенных овец... Вот и сейчас Сеиду Азиму навстречу попалась красочная группа: четверо парней вели по дороге упирающегося барана. Голова и шерсть большого белого красавца были выкрашены хной. Видимо, баран противился окраске, поэтому шерсть в нескольких местах была ярко-рыжего цвета, а кое-где остались белые пятна. На шее животного раскачивался и позванивал колокольчик, а сверху был наброшен пурпурно-красный шелковый платок. Видно, барана долго и тщательно мыли и расчесывали - шерсть лоснилась и ниспадала пушистыми прядями.

- Пусть будет принята ваша жертва великим и всег могущим творцом! - говорили люди, встречая их.

- Пусть примет аллах!

- Чтобы и в ваш дом пришел жених! С помощью аллаха!

- Да будет так, аллах велик!

- Пусть будет достойным, слава аллаху!

... Поэта заботило приближение праздника: «Да, приближается курбан-байрам... Как я буду смотреть в глаза своим детям? Они тоже захотят иметь свое жертвенное животное, как в других домах округи... Как мне объяснить им, что мы не можем соперничать с другими. В прошлом году пришлось отметить праздник одним петухом. Маловато. Правда, на курбан-байрам мясо в доме не переводится: приносят соседи, друзья, знакомые, родственники, присылают с кочевья. О дружок курбан! Посмотрим, что ты приготовил нам на этот раз?..»

Поэт принял предложение Махмуда-аги провести с ним и друзьями музыкально-поэтический меджлис на лоне природы, чтобы развеять уныние и печали прошедших дней. Все необходимое для празднества слуги отвезли на место накануне вечером. Часть кавалькады, пришпорив коней, умчалась вместе с утренним ветром. Сеид Азим и Махмуд-ага отпустили поводья, чтобы спокойно поговорить. Махмуда-агу, как всегда, интересовали молодые таланты Ширвана. На одном из предыдущих меджлисов в его доме кто-то рассказывал об одном из учеников Сеида Азима. Это очень волновало Махмуда-агу, он направил русло разговора по этому пути:

- Ага, я слышал, будто один из ваших учеников экспромтом сочиняет стихи?

Вопрос доставил Сеиду Азиму настоящее удовольствие. Он радостно улыбнулся:

- Да, слухи правильные. Алекпер - один из лучших моих учеников. Я верю, что у него большое будущее. Его характер поможет ему достичь того, чего мы не достигли.

- Чей он сын, Ага?

- Он здешний, его дед Гаджи Тахир был превосходным мастером, делал чубуки и мундштуки к наргиле и кальянам; наверно, и среди кальянов, хранящихся в вашем доме, найдутся сделанные им.

- Аа...

- Отец мальчика - Мешади Зейналабдин - отличается в лучшую сторону от своих соседей - хозяев бакалейных лавок. В молодости он был одним из гостей нашего меджлиса... И в вопросах разрешения скандалов между суннитами и шиитами он всегда придерживался мудрых решений... Вот и сын у него растет толковый.

- Хорошо бы мальчику помочь, такие люди - будущая гордость нашего народа...

- Я очень верю в него...

Жаль, не удалось узнать учителю, что его любимый ученик - Алекпер Сабир - станет великим азербайджанским поэтом, гордостью и славой своего народа, так же, как и его великий учитель...

Махмуд-ага внимательно посмотрел на поэта. Начинающая седеть борода все еще была черной, на лбу и вокруг глаз собрались морщины, плечи ссутулились. «Ему еще нет пятидесяти, а как постарел! Выглядит, будто приходится мне отцом... Тяжелая жизнь выпала на его долю. Каждая написанная им строка отнимает день его жизни... Проходят дни нашего поэта...»

- Оправдаются ли мои слова, увидим в будущем... Если не я, то вы, Махмуд-ага...

- Сеид, почему ты не увидишь? Ты же не старше меня, слава аллаху. - Махмуд-ага пытался скрыть грусть, которая овладела его сердцем.

- Махмуд-ага, я молю аллаха, чтобы ваша жизнь длилась долго, лет сто, сто пятьдесят. Вы стольким людям помогли, что аллаху следует продлить ваши дни! Пусть продлятся, не сглазить бы...

- Сеид, жизнь не балует тебя, но ты вознагражден талантом, отпущенным тебе самим аллахом!

Поэт не захотел продолжать грустный разговор, тем более что знал мнительность Махмуда-аги и желал хорошего настроения устроителю ожидаемого меджлиса. Поэтому он пошутил:

- Господин мой, вы засыпаете под музыку, просыпаетесь со звуками музыки. Ваши пиршества и меджлисы протекают под волны музыки... Уж если вы не будете жить долго, то кто же тогда?

И сразу улучшилось настроение у Махмуда-аги:

- Клянусь духом покойного отца, ты прав, Сеид!

Друзья радостно улыбались друг другу.

- Прекрасное место выбрали вы для проведения меджлиса, дорога туда напоминает дорогу в рай.

- Ты только взгляни, Сеид, эти места дарят радость... Окрестности Шемахи должны вызывать вдохновение поэтов, недаром наша земля так богата поэтами...

Кони перешли в галоп, не слишком опытные наездники разом вздрогнули и подхватили поводья, чтобы удержаться от падения.

Солнце уже поднялось над вершинами и осветило склон горы Фит, прогоняя туман в ущелье. Волны его вставали плотной завесой между залитой солнцем и затененной частью склона. Как жемчужины сверкали на ярко-зеленой траве росинки, над бархатом травы поднимался пар. Громадный простор, раскинувшийся между резко очерченными, вздымающимися очертаниями гор.

Они приближались к месту, выбранному для пирушки. Уже были видны фигуры приехавших раньше, они размахивали руками, кое-кто приветствовал друзей, надев папахи на длинные палки и вращая их над головой. Махмуд-ага и Сеид Азим одновременно пришпорили коней.

На лугу слуги приготовились расстелить ковры, как только трава просохнет от росы. Были привезены из города паласы, тюфячки и мутаки, посуда и напитки. Испеченные ночью лепешки и лаваши, завернутые в чистые белые салфетки, сохраняли свежесть. В стороне дымили разожженные недавно мангалы; знатоки за ними приглядывали, ждали, пока раскалятся угли...

Слуги приняли поводья у Махмуда-аги и Сеида Азима, поддержали стремена и помогли им опуститься.

Хозяин и гости сняли обувь и ступили на только что постеленные ковры, они усаживались по кругу, подкладывая под себя тюфячки и мутаки. Музыканты готовили инструменты: Садыгджан настраивал тар, певец Гуси разогрел свой бубен над раскаленным мангалом, а теперь растирал его ладонью. И Гуси, и Садыгджан готовили свои инструменты, сидя на коленях. Оба волновались, особенно певец: Сеид Азим Ширвани, его знаменитый соотечественник, был строгим ценителем искусства. Чтобы не обнаруживать волнения, скрыть дрожь в пальцах, Гуси крепко прижал левой рукой бубен к колену, а правой непрерывно растирал кожу, обтягивавшую широкий обруч. Наконец тар был настроен. По знаку Махмуда-аги Садыгджан начал... Мелодия мугама поплыла над горами, низкий голос Гуси словно изливался из глубин его существа.

Услышав первые слова, Сеид Азим вздрогнул. От Махмуда-аги это не укрылось. Его глаза весело прищурились: певец специально выбрал слова Сеида Азима для исполнения мугама.

Облокотившись на бархатные мутаки, Махмуд-ага весь отдался наслаждению от чарующего голоса певца, он покачивал головой в такт мелодии, даже неслышно подпевал одними губами. Голос певца звучал словно стонущая свирель, переплетаясь с переливами и вибрирующим звучанием тара. Музыка лишала Махмуда-агу покоя, открывала, казалось, тысячу тайн, приподнимала завесу неизвестности «райских наслаждений».

Тарист поднял свой изящный, отделанный перламутровой инкрустацией инструмент высоко на грудь, словно желая прислушаться, что происходит внутри тара. Он весь отдался исполнению, не обращая внимания на слушателей. Мугам звучал то на высоких нотах, то опускался к басовым, то переливался нежными трелями, то резкими, строгими взлетами взмывал к небесам. Голосом Гуси говорила, жаловалась вечная любовь, то взрываясь пламенной страстью, то изливаясь безграничной скорбью, неудовлетворенностью, безнадежностью. А Гуси уже пел газель Физули...

«Нет поэта, кроме Физули...» - прошептал Сеид Азим Ширвани. Он поставил пиалу с шербетом на скатерть. Снующие за спинами слуги неслышно разливали напитки в пиалы. Внезапно поэту показалось, что наступила глубокая тишина, он достал из кармана тетрадку и ширазский пенал. Он не слышал ни разговоров, ни шума приготовлений к пиршеству...

Слуги быстро нанизывали мясо молочных барашков на длинные шампуры, стараясь, чтобы мангалы не пустовали и сохранился жар углей.

- Эй, Мамед, не клади мясо на одуванчики, шашлык горчить будет! Клади вот сюда, на клевер!

- Эй, Али, неси лаваши!

- Зелень, зелень не забудьте!

- Неси барбарис с солью!

В чистом горном воздухе далеко разносились голоса говоривших.

... Газель окончена. Сеид Азим поднял голову и оглядел присутствующих, как будто впервые увидел всех. Махмуд-ага протянул к нему руку:

- Разреши, Сеид, прочитать мне первым твою новую газель!

С глубоким проникновением в самую суть стихов читал Махмуд-ага новую газель Сеида Азима. Он громко повторил строку из последнего двустишия:

Вперед пойду я в битву за любовь!

И СНОВА СОНА

Беда ищет того, кто умеет ее переносить. И находит...

Дорогой читатель, я получила известия о Соне. Прошло немало лет. Мой язык не осмеливается произнести: «Сона постарела...» Время оставило безжалостные следы на лице царицы фей. Но она по-прежнему прекрасна, фея вдохновения поэта, та, которая осталась единственной любовью в жизни Тарлана, его единственной надеждой на счастье. По сей день он скитается в чужих краях с ее именем на устах...

Недолгим было семейное счастье Соны. Умер Иси. Не прошло и года после его смерти, как погиб на охоте заступник и защитник Сонны - Алияр-бек. Тело господина привезли на коне, завернутое в красочную попону охотника. Безутешная Шахбике-ханум несколько раз лишалась сознания в те минуты, когда плакальщицы поднимали к небесам свои крики и стоны. Вдова так и не оправилась от несчастья, выпавшего на ее долю. Через сорок дней траура в день поминок по мужу она тоже покинула этот мир. Ее громкий, призывный крик: «Алияр! Алияр!» - был последним словом когда-то смешливой и доброй толстухи, которая закрыла глаза с именем любимого мужа на устах. Жизнь ее кончилась задолго до этой минуты, она распростилась с нею в ту минуту, как увидела тело мужа. За сорок траурных дней от непрерывных слез и мучительных страданий от ее огромной, тучной фигуры осталась только тень. Сона все время думала о бедной Шахбике-ханум: «Как быстро ты воссоединилась с любимым, Шахбике-ханум! Какой верной женой оказалась, что только сорок дней, необходимых для поминаний о нем, оставалась с нами... Как сильно ты любила Алияр-бека, кто бы мог подумать! Твое доброе сердце, изнеженное радостью и счастьем, не вынесло несчастья, разорвалось от боли... Под вздымающейся как холм грудью пряталось нежное, беззащитное сердце...» Сона горше других оплакивала свою мягкосердечную ханум, и не зря...

Потянулись тяжелые, безрадостные дни... Жизнь Соны постепенно осложнилась...

У Алияр-бека и Шахбике-ханум был единственный сын-наследник - Бейбала-бек. Он получил образование то ли в России, то ли в Тифлисе. А говорили, что и тут, и там, а еще и во Франции. Бейбала-бек был ровесником покойного Иси, в детстве Иси приводили в дом поиграть с бекским сыном... Но с тех пор прошли многие годы. Бейбала-бек провел в дальних странах около двадцати лет. Шахбике-ханум и Алияр-бек горестно вздыхали, думая о сыне: не таким мечталось им видеть единственного сына, но судьба распорядилась по-своему. Очевидцы рассказывали, что молодой бек содержит иноверку в своем доме, то ли русскую, то ли татарку, то ли армянку. Никто толком ничего не знал. За те годы, что Сона провела в имении Алияр-бека, молодой хозяин приезжал дважды, и оба раза ранней весной. Побыв в родительском доме день или два, он уезжал. В эти дни слуги сбивались с ног: гости валом валили, Шахбике-ханум стремилась удержать сына в родных местах женитьбой, показывала невзначай молоденьких невест из уважаемых домов, но молодому беку никто не нравился. И мечта Шахбике-ханум о веселой и пышной свадьбе сына так и осталась мечтой. Не суждено было Шахбике-ханум ввести в свой дом невестку, увидеть внуков...

Как только тело Алияр-бека, убитого на охоте, внесли в дом, Бейбала-беку послали телеграмму о смерти отца. Он смог приехать в Арабчелтыкчи лишь к седьмому поминальному дню. На этот раз молодому хозяину пришлось задержаться: на сороковой день после смерти отца умерла неожиданно и мать - Шахбике-ханум, снова похороны и поминки...

В первое время тетка Бейбалы-бека - вдова Махджа-малбеим - из Гияслы переехала в Арабчелтыкчи и взяла ведение хозяйства в свои руки. Это была властная самолюбивая

женщина. Ее заветным желанием была женитьба Бейбала-бека на ее дочери или на дочери другого брата Алияр-бека. В течение целого года она вела уговоры, которые ни к чему не привели. Бейбала-бек не собирался жениться на двоюродных сестрах, он намеревался привезти в родной дом свою бывшую содержанку, у которой к тому времени родился сын. Махджамалбеим, привыкшая властвовать в своем доме и не добившись того, чтобы племянник прислушался к ее советам, обиделась и покинула дом.

Бейбала-бек был не из тех хозяев, которые обращают внимание на слуг. Но по прошествии года он заскучал. Увидев Чеменгюль, как всегда убиравшую в господских комнатах, он неожиданно прикрикнул на нее: «Кроме тебя, нет служанок в этом доме? Или все такие же противные, что хочется плюнуть?» Чеменгюль расплакалась и выбежала из комнаты. С тех пор она и ногой не ступала на господскую половину. Эта вспышка хозяйского гнева осталась бы незамеченной, если бы Сона не обратила внимание, что убирать хозяйскую комнату посылают Гаратель. Еду беку носит Гаратель...

Это имя девочке дал сам Алияр-бек. Сона только поднялась на ноги после родов и очень уставала, нянчить малышку ей помогала Чеменгюль. Молодая мать еще не показывалась хозяевам на глаза, и добрая Шахбике-ханум сама пришла ее навестить. Она взяла девочку из рук Чеменгюль и отнесла ее в господские комнаты, нежно прижимая к сердцу, бедняжка так мечтала о внуках.

- Алияр, ради аллаха, взгляни на эту малышку.

- На кого?

- Ты только посмотри на дело рук аллаха! У такой крошки - и такие локоны, о аллах, не сглазить бы, какая хорошенькая! - В голосе Шахбике соединились восторг и нежность, лицо просияло.

Алияр-бек полюбопытствовал, взглянув на ребенка:

- Чей ребенок, Шахбике-ханум?

- Да Соны, помнишь ту служанку, которую мы отдали за Иси? Это их девочка.

Алияр-бек, не скрывая интереса, посмотрел на малышку. Он вспомнил молоденькую красавицу Сону, когда во время танцев черные косы змеями обвивали ее стройную, грациозную фигуру.

- Шахбике! А ты придумала, какое имя дать девочке?

- Нет, бек, нет... А что?

- Может быть, родители уже сами назвали ее?

- Да как они посмеют, не посоветовавшись со мной? Они меня не обидят, я думаю.

- Тогда скажи им, пусть назовут Гаратель.

- Ай да Алияр-бек, какое красивое имя придумал! Не сглазить бы, будь счастлива, девочка, какое красивое имя придумал тебе ага, еще больше украсил этим именем.

Шахбике-ханум громко покричала в дверь:

- Чеменгюль, Чеменгюль!

Служанка появилась в дверях в ту же секунду:

- Да, ханум...

- Возьми-ка ее, пойди к отцу и матери и скажи, что Алияр-бек назвал ее Гаратель - чернокудрая...

Алияр-бек вынул из кошелька золотую пятерку и дал монету Шахбике-ханум. Хозяйка завязала монету в уголок пеленки, в которую была завернута Гаратель, и сказала:

- А вот ей и приданое...

К моменту описываемых событий Гаратель превратилась в чернокудрую красивую четырнадцатилетнюю девочку, грациозную и изящную, какой когда-то была Сона. Жизнь в родительском доме не баловала девочку богатством, но и отец и мать были с ней ласковы. Она видела, что хлеб свой родители добывают праведным путем, все дни свои отдавая работе в господском доме. Шахбике-ханум очень жалела девочку и заботилась о ней: отдавала перешить для нее свои юбки и кофты. Она часто говорила Гаратель:

- Ты очень похожа на молодую Сону, когда она только приехала в наш дом... Да... У нас была сорокадневка, так она там танцевала! Да как танцевала! Тогда твой отец Иси увидел ее и полюбил. Потом родилась ты, счастливица, и имя тебе дал сам Алияр-бек!

Шахбике-ханум ценила Сону: эта служанка, которую прислал Алияр-беку его друг, знала всему место, понимала все с полуслова, была исполнительна и несвоенравна, не перечила хозяйке никогда, отличалась скромностью и молчаливостью. Чего еще желать? К тому же Сона где-то выучилась читать. Временами, когда Алияр-бек уезжал по своим делам из Арабчелтыкчи, Шахбике-ханум звала Сону к себе и просила ее почитать. «Ах ты, умница! Клянусь аллахом, эту Сону аллах создал для шахского дворца! Как получилось, что такая красавица, такая умница бедна?» - гадала Шахбике-ханум...

Теперь многое изменилось. С тех пор как домом стал править Бейбала-бек, никто уже не заботился о Соне и Гаратель. Иси умер, добрые хозяин и хозяйка ушли за ним. Трудным стало положение вдовы с дочерью на руках.

В дом часто стали съезжаться молодые гости. Слуги выбивались из сил от бесконечных празднеств. Застолья следовали одно за другим.

В один из таких дней, в перерыве между блюдами, один из гостивших в доме беков вышел на веранду. Он неожиданно увидел во дворе Гаратель. Брови его изумленно поползли вверх. Он минуту-другую подумал, а потом отвел Бейбалу-бека в сторону:

- Слушай, бек, кто эта девушка?

Обведя пьяным взглядом двор, Бейбала-бек увидел Гаратель.

- А... Это моя служанка... А что?

- Странно... - Гость делал подсчеты в уме. - Она мне напомнила одного человека. Не знаешь, чья она дочь?

- Нет, - Бейбала-бек был недоволен неожиданной остановкой карточной игры и раздраженно проговорил: - Мне только и дела - выяснять, откуда родом мои слуги! Все они здешние, издавна работают в доме, еще при родителях жили.

Гость упорно твердил:

- Ты только подумай, как могут быть похожи люди!..

Неожиданный интерес гостя привлек внимание Бейбалабека:

- Да на кого она похожа?

- Знаешь, я тогда был совсем юнцом... Однажды вместе со старшим братом мы попали в дом Махмуда-аги... В Шемахе... Ты слышал, наверно. В его доме устраиваются музыкальные меджлисы с танцами.

- Слышал, говорят, он ведет веселую жизнь?

- Так вот, скажу я тебе, эту девушку я видел там, среди танцевавших в его доме чанги. Если это она, то это чудо. Она за эти пятнадцать лет совсем не повзрослела, скорее наоборот. Будто ее перенесли в твой двор, не мусульманином будь сказано, из другого времени.

- Тебе почудилось, ей лет тринадцать, не больше... - Бейбала рассмеялся.

- Как она танцевала! Как танцевала, злодейка! Она была жемчужиной шемахинских чанги, ее имя было у всех на устах! И имя ее, и она сама... Ее звали Сона! Каждый взгляд ее, каждый шаг приводил очевидцев в восхищение... Эх, потом я услышал, что разбойники похитили ее и увезли в горы... С тех пор она пропала... И вот теперь я ее увидел в твоем дворе и подумал: а может быть, это ее чадо? Не может быть двух столь похожих людей на свете, если это только не ее дочь! Нет, не поверю!

Бейбала-бек окончательно протрезвел:

- Нет, по-моему, эта девочка родилась и выросла в нашем доме, она дочь одного из старых отцовских слуг... Наверно, просто очень похожа...

Гость не мог успокоиться:

- Бывает... Бывает... Над нами власть аллаха... И вот теперь не верь рассказам, что у каждого человека на земле есть двойник. Может быть, это и так, кто знает...

Из комнат раздался призывный крик:

- Куда запропастился хозяин? Гости ждут! Бейбала!

Бейбала-бек настойчиво приглашал рассказчика в дом:

- Ну ладно, пошли, игра стоит...

Хозяин еще больше заинтересовался Гаратель, которая не подозревала, какие за ее спиной идут разговоры, и продолжала спокойно подметать двор. Он не хотел, чтобы гость продолжал смотреть на девушку, эти взгляды пробудили в нем чуждое его сердцу раньше чувство ревности.

На следующий день гости покинули дом. Гаратель послали в комнаты убирать после гостей. Вдруг появился Бейбала-бек. Он молча наблюдал за девушкой, потом приблизился к ней и взял ее за нежный подбородок. Гаратель покраснела, но не посмела отвести хозяйскую руку. Бейбала-бек внимательно вглядывался в глаза девушки, а потом спросил:

- Ты чья дочь?

- Иси.

- Отец твой что здесь делает? - Бек давно забыл приятеля своих детских забав, который часто заменял ему «коня»...

Глаза девушки наполнились слезами:

- Он умер год назад, незадолго до гибели Алияр-бека, упокой аллах души обоих...

- Аллах упокоит... А кто твоя мать?

- Ваша служанка, бек...

- Как ее зовут?

- Сона...

- Сона? - У Бейбалы загорелись глаза: «Видно, прав был гость, эта та самая...»

- Чанги Сона?

- Что? Моя мама служит у вас, бек, среди дворовых людей.

- Откуда она родом, не знаешь? Она здешняя?

И тут Гаратель поняла, что она ничего не знает о матери.

- Нет, мама, кажется, не здешняя, никого здесь у нее нет.

Сона караулила Гаратель; как только дочь вышла из комнаты бека, она перехватила ее. Так она делала все последнее время, как только смекнула, что бек сверх меры заинтересовался ее дочкой.

- Почему ты так долго, детка?

Девочка залилась краской:

- Хозяин меня задержал...

Черным туманом заволокло глаза, страх сжал сердце:

- Что он делал?

- Ничего! Только спросил, кто твой отец, откуда твоя мать...

- Что?!

- Когда он услышал твое имя, он спросил: «Это чанги Сона?» Я ответила, что ты служанка...

Будто сорвали корку с недавно затянувшейся раны. Соне почудилось, что ее тайна уже раскрыта. Тайна, которую она скрывала долгие годы, станет достоянием всего села. Те, кто до сих пор называли ее «сестрицей», отвернутся от нее, будут кричать ей «чанги, сукина дочь чанги», изобьют и прогонят из села, а хуже всего, что над Гаратель нависнет угроза позора, ей тоже станут кричать: «ублюдок чанги»... Теперь не только она, но и Гаратель будут проклинать тот день, когда появились на свет... И снова она вспоминала взгляды, сопровождавшие ее в молодости: исполненные презрения женские и похотливо-блудливые мужчин... О аллах!... Сердце покатилось, покатилось... и, если бы не Гаратель, она бы упала...

Когда Сона очнулась и увидела испуганные, устремленные на нее с мольбой глаза дочери, она поняла, что надо взять себя в руки, иначе она ничего не сможет сделать для своего ребенка. Для нее самой страх бесчестья уже не имел того первоначального смысла, это над дочерью кружит опасность... Она не может быть глупой курицей, которая способна только на то, чтобы спрятать своего цыпленка в минуту страха, она должна стать коршуном, готовым выклевать глаза любому, кто приблизится к ее птенцу. Ее решимость подстегнул разговор с Чеменгюль... Подруга Соны теперь выполняла самые грязные работы по дому.

С тех пор как Бейбала-бек запретил ей показываться ему на глаза, она работала на кухне и не забывала, как сегодня, занести Соне чего-нибудь вкусного. Чеменгюль забеспокоилась, увидев впалые щеки и провалившиеся глаза Соны:

- Сона! Что с тобой! Ты вся горишь, уж не заболела ли ты?

- Ничего, Чеменгюль, ничего... Материнские заботы, знаешь.

- Очень хорошо, что ты первая об этом заговорила, а то я не знала, как начать...

Сона встрепенулась:

- Что-нибудь случилось?

- Пока ничего не случилось, но неприятностей нужно ожидать. Молодой хозяин давно присматривается к Гаратель, я заметила...

- О аллах! О аллах!

- Не волнуйся, не только я, все слуги и служанки от мала до велика присматривают за ней... Мы все здесь выросли, похоронили наших родителей в этой земле, знаем наших господ лучше, чем ты... Поэтому и не спускаем с нее глаз...

- О Чемен! Пусть аллах тебя наградит, никого у меня на свете нет, кроме тебя, сестра...

- Говорю тебе, не волнуйся пока. Как только Гаратель по его приказанию идет убирать господские комнаты, кто-нибудь из наших парней оказывается в соседней, или девушки под каким-нибудь предлогом вызывают ее от бека. Всегда с ней рядом кто-то есть из наших...

Сона залилась слезами:

- О, дитя мое пропадает! Помогите, люди! Помогите!

- Говорю тебе, что-нибудь придумаем...

Сона не находила себе места. Она часто смотрела на девочку и думала: «О аллах! Мать всегда радуется красоте своего ребенка, почему же я мечтаю, чтобы моя Гаратель была уродливой и безобразной! Только была бы здоровой! Зачем она источает аромат весны? Зачем ей эти нежные, алые, как лепестки розы, щечки?.. Зачем ей эти полные, пахнущие рейханом губы? На что ей безмерная красота, раз она вызывает похотливые желания бека!.. Для чего на мир смотрят ее глаза, неужели для того лишь, чтобы увидеть всю мерзость нашей жизни? О аллах!

Лучше бы ты мне еще дал сына, если дал дочь. Он был бы опорой сестры, никто бы не посмел к ней приблизиться! О аллах! Зачем ты отнял у нее отца, под его защитой мы бы ушли из этого, ставшего чужим нам, дома!..»

Мысль покинуть дом Бейбалы-бека не оставляла Сону. Но куда идти? К кому обратиться за помощью? У кого искать прибежища? Она машинально сбивала масло для господского стола из свежих сливок. Если бы горечь, накопившуюся в сердце несчастной матери, смешать с тем маслом, что готовилось для бека в маслобойке, получился бы яд... В просторном светлом мире не было места для нее и ее единственного ребенка...

После того как Чеменгюль разобрала бурдюки и кувшины, привезенные в бекский дом с зимовья от арендаторов его земли, она подошла к Соне:

- Сегодня будь начеку, Сона! Бейбала с утра напился, лучше бы Гаратель ему на глаза не попадалась...

Сона позвала Гаратель и велела ей не выходить из их комнаты. Но предотвратить несчастье было уже невозможно - с господской половины раздался зычный голос бека:

- Гаратель! Гаратель, где она?

- О черный день, будь ты проклят! Он записан на моем лбу, Чемен!.. Я знаю, чует мое сердце...

Сона вместе с Гаратель и Чеменгюль подошли к дверям в комнату Бейбалы-бека. Сона шепнула подруге:

- Умоляю тебя! Побеги за Исрафилом, может быть, понадобится его помощь...

Чеменгюль осталась за порогом комнаты бека... «Чем я могу помочь этой несчастной, о аллах?! Кто может ей помочь? Я даже не осмеливаюсь с ними войти в комнату к этому пьянице...»

Сона и Гаратель остановились у самой двери. Гаратель не совсем понимала, почему мать идет с ней рядом, держа ее за руку, почему у нее и тетушки Чеменгюль такие перепуганные лица. Она видела, что дядя Исрафил и другие слуги всегда сопровождают ее в комнаты бека, но относила это за счет любви, которой была окружена с детства. Эти простые люди всегда баловали девочку, угощали сладостями, играли с ней. Она спокойно вошла в комнаты, которые теперь часто убирала.

Бейбала-бек полуодетым развалился на тахте, лежа на бархатных подушках. Не узнав Сону, которую в первую минуту принял за Чеменгюль, он завопил, пьяно брызгая слюной:

- А ты убирайся! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты здесь не появлялась!

В порыве безысходного горя Сона бросилась перед беком на колени:

- Бейбала-бек! Пожалей меня, не делай несчастным мое дитя!

Дорогой друг! Позволь избавить тебя и себя от описания того, как царица фей ползала у ног ненавистного ей и мне пьяного негодяя. Эта сцена прекратилась неожиданно: озверевший Бейбала-бек схватил трость, валявшуюся у тахты, и начал стегать Сону и Гаратель. Он злобно повторял, нанося удары:

- Хорошо, сукина дочь, что ж, пусть будет так! По-доброму не захотела - заставлю! Сукина дочь! Каждая мразь бережет свою честь. Ну я тебе покажу!

Злоба протрезвевшего бека еще больше распалилась. Как стон донеслись до стоявших за дверью слуг слова Соны:

- Бей, убивай, бек, только не обесчесть! Бей...

Ни Сона, ни Гаратель не сопротивлялись ударам трости; когда они вышли из комнаты бека, на них было страшно смотреть. Служанки не могли сдержать слез... Но в те минуты, когда ее избивал бек, к Соне пришло решение: ей вспомнилась Минасолтан. В тот единственный день в ее доме она увидела лицо матери, почувствовала материнскую заботу... «Она мне поможет. Пристроит на работу в какой-нибудь праведный дом. Служанки везде нужны. Теперь я не красавица чанги, теперь меня никто не узнает. Пойду, брошусь в ноги, буду умолять. Пусть хоть дочку устроят, а сама я утоплюсь в заводи, чтобы снять с девочки клеймо, чтоб никто не смог ее упрекнуть, что у нее мать - чанги... С мертвого какой спрос?! И ребенок будет присмотрен... Нет, семья Аги не откажет мне, Минасолтан что-нибудь придумает для моего ребенка. Они достойные люди, не пустят мое дитя по дурной дороге. Они небогаты, но сердца у них золотые. Мне бы только добраться до них и поручить дочку их заботам, а потом...»

После того как Сона пришла к такому решению, ей уже были не страшны побои Бейбалы-бека. Когда Чеменгюлъ и Исрафил привели избитых в комнату Соны, она обратилась к Исрафилу:

- Братец Исрафил, вся надежда на тебя! Я хочу этой же ночью отправиться в Шемаху к Are. Он благородный сеид и знаменитый поэт, пожалеет нас и придумает что-нибудь...

Когда на темно-синем небосклоне засверкала утренняя Венера, от окраины Арабчелтыкчи ушел крошечный караван, состоявший из одного верблюда и троих спутников. Их тени расплывались в предутреннем сумраке, скрывая Сону, Гаратель и немолодого погонщика двугорбого верблюда. Сона непрестанно молилась: «О аллах! Помоги мне уберечь своего ребенка!» В ее ушах звучали напутственные слова Исрафила:

- Старайтесь не показываться на глаза путникам, пусть никто не видит ваших лиц... Сестрица Сона... Если бы моя власть, я бы никогда в жизни тебя не отпустил. Но в селе вам спрятаться негде, и с беком лучше не связываться и держаться от него подальше... Я понимаю, что отправлять в путь без присмотра одиноких беззащитных женщин нехорошо, на такие небезопасные дороги даже мужчины выходят с целым караваном, но я не могу придумать другого способа, чтобы вам быстро исчезнуть из села. Этого погонщика я знаю хорошо, он развозит по селам мазут и соль, на его груз не позарятся разбойники. Он поведет вас кружными дорогами, спрячет словно язык во рту. Это надежный человек. Он будет охранять вас, как родных сестер, будьте уверены в нем... Бедняга Иси, он, верно, переворачивается в могиле, что ничем не может помочь самым близким своим... - Исрафил ладонью вытер слезы и снова отошел к стоявшему в стороне погонщику.

Чеменгюль тоже прощалась с ними со слезами на глазах. Перед выходом из дома она вымазала лица Гаратель и Соны сажей, подшучивала над ними:

- Не смейте умываться, грязнушки... Вот вам мешки, накиньте их на голову, и от холода вас прикроют, и от дурного глаза, кому захочется приблизиться к таким оборванцам? Пусть нас прикроет ладонь аллаха, с его милостью вы доберетесь до нужного места.

Чеменгюль долго вспоминала эти проводы, жалела бедняжек. Под покровом сумрачного предрассветья Сона и Гаратель отправились в свое нелегкое путешествие.

СГУСТОК ПРОТИВОРЕЧИЙ

Сеид Азим вошел в мечеть задолго до призыва к молитве, он хотел встретиться и поговорить с Ахундом Агасеидали.

Ахунд сидел на своем обычном месте под алтарем. Вокруг него уже собрались верующие: слева от Ахунда сидели Гаджи Асад и Мешади Алыш, справа - Молла Курбангулу и другие почтенные и уважаемые лица. Напротив расположилась беднота. Многие перебирали в руках четки, на бритых головах высились высокие тюрбаны и калмыцкие папахи, бороды и усы рыжели от свежей хны. Сразу бросалась в глаза разница между купцом-горожанином и неграмотным кочевником.

Как только Ахунд Агасеидали увидел, что Сеид Азим переступил порог мечети, он оперся руками о колонны и со словами: «Нет бога, кроме аллаха...» - поднялся на ноги. Когда встает святой Ахунд, никто из верующих не должен сидеть. Гаджи Асад, Молла Курбангулу, Алыш и другие, не сумев спрятать ненависть на лицах, вынуждены были подняться. Сеид Азим был польщен и смущен высоким почтением, оказанным ему

духовным пастырем всего Ширвана. Он не посмел занять место рядом с Ахундом Агасеидали и сел у стены.

- Да благословит тебя аллах, двоюродный брат мой!

- Да благословит аллах!..

Издали он лучше видел благочестивое лицо старика; невесомая плоть его была облачена в белые одежды, и вся его фигура словно светилась в полумраке мечети.

Гаджи Асад, стараясь, чтобы никто его не услышал, наклонился к Ахунду и тихо спросил:

- Уважаемый Ахунд, почему ты, человек, наделенный властью над мусульманами, оказываешь этому сыну покойного такое уважение?

Тонкая рука Ахунда невесомым взмахом скользнула по белой шелковистой бороде, он спокойно ответил:

- Он достоин такого почтения...

- За что? Не за то ли, что умеет сочинять свои бессмысленные, а зачастую и вредные стихи?

- Поэтический дар - сокровище, ниспосланное аллахом самым любимым своим детям... Сам основатель нашей религии Мухаммед благословенный обладал этим даром и излагал свои откровения в стихах.

- Но что этот человек пишет в своих стихах? Он клевещет на праведных людей...

- И еще я оказываю уважение Сеиду Азиму потому, что он говорит правду, руководствуясь указаниями Мухаммеда благословенного всегда следовать правде... Если ты, Гаджи Асад, так не любишь его, почему ты сам поднялся, здороваясь с ним? - искра насмешки сверкнула в глазах Ахунда.

- Когда Ахунд Агасеидали поднялся, могу ли я продолжать сидеть?

Сеид Азим уже начал раскаиваться в том, что пришел сегодня в мечеть. «Какие люди его окружают! Приходя в мечеть, они тянут сюда свою злобу и ненависть, их молитвы полны неискренности и фальши. О душа, пока у тебя в руках кубок с вином, не говори, что постишься! О святые праведники! Имущество скольких сирот вы сегодня присвоили? Достояние какой беззащитной женщины положили в свой карман?...»

К Сеиду Азиму приблизился Мир Керим - доверенное лицо Ахунда Агасеидали, он опустился перед поэтом на колени и прошептал:

- Сеид! Святой Ахунд просит вас задержаться до конца религиозного диспута. Он желает с вами поговорить...

Люди поднялись для совершения намаза, расстелили перед собой молитвенные коврики. Ахунд Агасеидали занял свое место перед алтарем. Мукаббир - служитель мечети, который вслед за Ахундом будет громогласно повторять слова молитвы, - поднялся на

ступеньки кафедры. До тех пор, пока муэдзин не кончил распевать азан на минарете, ладони верующих, заполнивших мечеть, были приложены к ушам.

Верующие расположились правильными рядами и не спускали глаз с Ахунда Агасеидали, чтобы в точности воспроизводить все его движения во время ритуальной молитвы.

Когда намаз был окончен и Ахунд Агасеидали обратил свое лицо к собравшимся, начался традиционный религиозный диспут, который обычно привлекал большое количество верующих. Вначале святой Ахунд трактовал предписания корана, изложенные в отдельных его частях - сурах. Сегодня он говорил о завещаниях и обязательствах об уплате долга:

- Всякое завещание и всякое обязательство о долге должно составляться при двух свидетелях, которые в случае сомнения подтверждают правдивость своих показаний клятвой. Лжесвидетельство является преступлением...

Потом Ахунд объяснял собравшимся, почему мусульманину запрещено употреблять в пищу скотину удавленную, умершую от удара, убившуюся при падении с высоты, задранную хищным зверем, а также мясо свиньи.

Тут посыпались со всех сторон вопросы, касающиеся того, почему одни народы употребляют в пищу мясо свиньи, а другие нет...

... В былые времена, в далеком детстве маленький Азим был свидетелем многих религиозных диспутов в приемной своего покойного деда. Вопросы зачастую были так наивны и глупы, что маленький Азим смеялся. Иногда деду не сразу удавалось ответить даже на самые простые вопросы, он долго обдумывал их, но никогда не хитрил перед верующими... Сеид Азим пытался сопоставить своего деда с Ахундом Агасеидали. «Он знающий, образованнейший ученый мусульманского права, он известный религиозный деятель. Почему же я не могу прочесть у него на лице отражения того, что у него в действительности на душе и в мыслях? Он не мошенник, не лицемер, не превратил свой пост религиозного лидера в источник собственного обогащения. Он имеет право, как сеид, как главный пастырь, на узаконенные многочисленные пожертвования, но все сборы он отдает в пользу бедных... Почему же меня коробит подчас его поведение, хотя он оказывает мне всяческое уважение, часто даже в ущерб себе? Надо во всем разобраться! Надо во всем разобраться!»

... Очередной вопрос задал бакалейщик Мешади Магеррам:

- Ахунд-ага, да буду я жертвой твоего предка, внук нашего соседа Ахмед-бека учится в Тифлисе в школе Урусов. Он ровесник моему внуку, в одном квартале вместе выросли. Внук Ахмед-бека приехал к деду на десять дней, увидел моего внука, обнял, поцеловал и угостил сладостями, привезенными из Тифлиса. Я заставил внука вымыть рот - сладости он уже съел. Но все же моя совесть не позволяет это дело оставить просто так... Да буду я жертвой твоего предка, что мне делать, Ахунд-ага? Разрешать ли мальчикам играть друг с другом?..

Мешади Магеррам хотел еще продолжать, но Ахунд прервал его:

- Достаточно, Мешади, вопрос твой ясен мне. Внук господина Ахмед-бека учится в русской школе, ест русский хлеб, живет рядом с русскими. Для мусульманина общение с христианами - большой грех. Внук господина Ахмед-бека осквернил себя, можно сказать,

стал похож на христианина. Своим поведением он наносит ущерб нашей вере. Что касается твоего внука, то ты правильно заставил его вымыть рот... Но, не дай аллах, он может под влиянием внука господина Ахмед-бека захотеть учиться в русской школе. Вот это совсем плохо...

- Избави аллах! Спаси нас от этих нечестивцев... - Мешади Магеррам был страшно напуган словами Ахунда. Он огладил ярко-рыжую бороду рукой и возопил: - О аллах всемогущий, спаси! Охрани от зла! Я так накажу этого сукиного сына, что он больше никогда не посмотрит в сторону ворот этих урусов, этих бабидов нечестивых, я у него глаза вырву... Я отведу его в баню для совершения трехкратного религиозного омовения... - Он еще долго причитал.

И снова, в который раз, Сеид Азим задался вопросом: как может просвещенный старик давать такие советы...

Мешади Рагим загодя готовил свой вопрос, он придвинулся на коленях поближе к Ахунду и заискивающе сказал:

- Ага, да буду я жертвой твоего предка...

Не было ни одного религиозного диспута, к которому Мешади Рагим не готовил бы свои вопросы. Ахунд Агасеидали сразу узнал его голос и согбенную фигуру. Мешади Рагим всегда елозил перед ним на коленях. На лице Ахунда появилась ласковая улыбка:

- Пожалуйста, Мешади, пожалуйста... Кажется, последний вопрос - твой.

Мешади Рагим облизнул пересохшие губы:

- Ага, да перейдут на меня твои горести и невзгоды... Так вот. Вода в мой двор попадает по арыку, идущему через сад Махмуда-аги. А там садовник господина Махмуда-аги посадил урусские красные баклажаны. Вода проходит мимо корней урусских красных баклажанов, а потом попадает в мой сад... Теперь я хочу знать, урожай на моем огороде можно считать праведным или неправедным?

Между Сеидом Азимом и Ахундом Агасеидали сидело множество людей, но при последнем вопросе глупого Мешади Рагима оба сеида посмотрели прямо друг другу в глаза, словно пики вонзились. Тотчас Ахунд прикрыл глаза, словно хотел скрыть от Сеида Азима свои мысли. С чувством острой жалости Ахунд Агасеидали слушал Мешади Рагима. Что делать?.. В нем боролись два ответа, первый рвался с языка: «Земля в воле аллаха, вода тоже принадлежит аллаху, растение, посаженное и выращенное, тоже аллаха, и солнце, которое заставляет круглые зеленые плоды становиться красными, подвластно воле аллаха. Что с того, что новый, ранее неведомый в этих местах овощ назвали русским баклажаном? Эй, сын покойного, не будь дураком, конечно же плоды твоего сада праведные...» Но другой голос подсказывал: «Нет, нет, не говори так! Этот вопрос потянет за собой ниточку других, на которые так просто не ответишь...» В этой борьбе одержал голос третий...

Ахунд будто очнулся от раздумья и медленно произнес:

- Это реши сам, Мешади Рагим, на твое усмотрение оставляю решение этого вопроса...

И он сам, и все присутствующие знали, что раз Ахунд не сказал своего решающего слова, то осторожный Мешади Рагим перестанет поливать свой сад водой, которую с этой минуты будет считать «полуправедной, как заячье мясо». Ему предстоят заботы, связанные с проведением нового арыка из другого родника, а в первое время бедняга будет покупать воду у водоносов.

Ахунд в сопровождении служителей мечети и его канцелярии покинул святое место молитвы. Сеид Азим сопровождал его чуть позади. Когда Ахунд краешком глаза удостоверился, что Сеид следует за ним, он остановился:

- Господа, извините меня, я должен расстаться с вами. Меня ожидает беседа с моим двоюродным братом. Простите, расстанемся. - Он поднял в молитве тонкие белые руки до уровня висков, воздел их к небу и распрощался со всеми.

Приветливая, ласковая улыбка на устах Ахунда Агасеидали угасла с последним прощанием:

- До свидания, да благословит вас аллах!

Сопровождающие остановились и в почтительном молчании ждали, пока духовный пастырь не удалится на значительное расстояние.

Ахунд снова и снова взвешивал свои ответы во время религиозного диспута. Он понимал, что правдивый и мужественный поэт, исключительный талант которого он высоко ценил, вправе требовать от духовного пастыря справедливости. Теперь он предстал перед проницательным взором Сеида Азима.

- Ахунд-ага, почему вы дали Мешади Рагиму такой неопределенный ответ?

- Если бы ты был на моем месте, как бы ты ответил?

- На вашем месте - вы, Ахунд-ага! Моего ответа они не ждали...

- Но если бы власть была в твоих руках, что бы ты сказал?

- Власть - в руках счастливца, Ахунд-ага... Я бы сказал так: «Земля аллаха, вода аллаха, плоды аллаха, сын покойного. Облака, ветер, луна и солнце по воле аллаха ждут, чтобы ты вырастил и съел свой хлеб... Появившееся у нас новое плодоносящее растение «русским» называют невежды, которые отрицают все, что им неведомо».

Они остановились. Ахунд с трудом дышал по мере того, как дорога поднималась вверх, а сейчас он просто задыхался. Он устремил внимательный, печальный взгляд на собеседника. В его глазах поэт увидел глубокую тоску. «О благородный старик! Разве ты не видишь, что твоя безграничная вера в догматы религии наносит вред делам любимого тобою народа?» - подумал он, а вслух добавил:

- Или по поводу того вопроса, который задал вам Мешади Магеррам... Извините меня, Ахунд-ага! Я не буду обсуждать ваше действительное мнение о русских школах, я не говорю, что ваш совет будет использован для надругательств над невинным мальчишкой... Вы еще больше укрепили фанатичного отца в его неистовстве... Я только хочу знать, из чего вы исходили? Ведь вы прекрасно понимаете, что великий творец, создавший на земле все живое, создал и русских, и армян, и грузин. И если бы он счел, что эти народы-

нечестивцы оскверняют землю, для него бы не составило труда послать ангела смерти Азраила, убрать их с земли сокрушающим ураганом, землетрясением, наводнением. Или наполнил бы клюв горной ласточки каплей расплавленного огненного камня из ада, способной убить все живое, и излил бы на их головы...

Поэт почтительно взял старика за локоть и повел его вверх к Минахору.

- Зная все это не хуже меня, вы способствуете невежеству этих несчастных, противоборствуя даже тем ничтожным крохам знания, которые проникают к ним, - продолжал Сеид Азим.

- Ты думаешь, что я не хочу, чтобы выучились и вышли в свет дети моего народа? Что я не желаю ему счастья?

Изучая богословские науки, Агасеидали мог с убежденностью утверждать, что всевышний един. И коран, и талмуд, и евангелие - это святые книги, посланные аллахом. А Моисей, Иисус и Мухаммед - пророки великого творца. Все эти религии, по его убеждению, призывали людей к добрым делам, к праведному пути. Старик не мог не признать, что новые люди из иноверцев выводят людей на дорогу знаний. Ну что ж, пусть открывают школы вместо медресе, пусть обучают детей мирским наукам. Однако его пугало и беспокоило другое: как бы молодые, вступив на этот путь новизны, не удалились от мусульманской веры, от аллахом завещанных законов шариата. Как тогда собрать всех мусульман воедино, когда и сейчас разгораются бои между суннитами и шиитами, бабидами, мултанийцами.

- Представители всех религий ведут борьбу за число своих приверженцев, почему я - пастырь мусульман - должен отказаться от борьбы? Аллах един, но пути достижения истины разнятся. Мы не можем свернуть с нашего пути, предначертанного нам с тобой великим пророком.

- Но почему, Ахунд-ага? Новое проникает в наш народ посредством иноверцев, так как среди них больше ученых. Каким было положение нашего народа в прошлом веке при хане? Была ли хоть одна школа? Законы религии укрепились, а дело просвещения стояло на месте. А в это время соседние народы овладевали светскими науками. Только немногие из наших соотечественников, уехавшие в другие страны или в Россию, познали исторические и естественные науки.

- Но некоторые из них изменили своей религии, отошли от веры отцов и приняли христианство, избави аллах! Стали нечестивцами, хуже рожденных в иноверии.

- Их толкнули на перемену убеждений те, кто противостоит просвещенности нашего народа, кто в светских науках видит только угрозу религии. Пока каждый отец, взяв за руку своего ребенка, не поведет его в школу, где можно получить лучшие знания, независимо от того, какая это школа: русская, армянская или татарская, прогресса не будет. Школа должна определять будущее ребенка, будет ли он образованным человеком или научится только отличать мусульманина от немусульманина. Духовные пастыри народа ставят перед народом националистические преграды.

- Ты не можешь упрекнуть меня в том, что я пристрастен в решении споров между мусульманами, молоканами или армянами. Для меня важна прежде всего истина!

- Я знаю, Ахунд-ага, ваше имя чисто и свято для всех, живущих в Ширване. Но не забывайте, что основная масса местных молл такие, как Молла Курбангулу!

- Дитя мое, берегись! Не боишься ли ты, что наши соотечественники, люди грядущих поколений вспомнят нас не с благодарностью, а с проклятиями? Новое несет с собой необратимые перемены, предусмотреть которые человек не может. Хорошему часто сопутствует дурное!

Ахунд говорил со страстной убежденностью о проклятии грядущих поколений, воздевал руки к небесам, будто стремясь предотвратить катастрофу. Поэта пугали страстность и пророческий тон его речи. «Почему он так убежден в своих пророчествах? Ошибаются ли такие просвещенные люди, как господин Мирза Фатали Ахундов, господин Гасан-бек Зардаби? Но если они ошибаются, то тогда правы Молла Курбангулу, Закрытый и Алыш? Неужели старику не ясно?»

Ахунду все труднее было дышать. Он задыхался, при каждом вздохе плечи его поднимались, грудь вздымалась, при выдохе он съеживался, из горла вырывался хриплый, надрывный кашель. С каждым шагом он все больше опирался на Сеида Азима, последние метры по дороге к дому он почти повис на руках поэта. Сеиду Азиму было очень жаль больного старика. «Несчастный толкователь законов шариата! Нет среди твоих приспешников толкователя и врачевателя твоей болезни! Если бы кто-нибудь из детей твоего народа выучился пораньше, он бы смог помочь тебе... А молитвы и жертвоприношения твоих последователей не очень-то помогают даже такому святому человеку, как ты...»

У ворот Ахунд раскашлялся, потом долго молчал, о чем-то задумавшись и глядя мимо Сеида Азима, чуть отдышавшись, он пригласил Сеида Азима в дом. Их встретили мюриды Ахунда Агасеидали, добровольно взявшие на себя обязанности слуг. В их сопровождении Ахунд и Сеид Азим прошли через двор к дому и вошли в крайнюю, угловую комнату, где поэт помог снять старику верхнюю одежду и тюрбан. Ахунд остался в легком белом арабском хитоне, он опустился на ковер, облокотился на подушки и мутаки. Сеид Азим колебался, уйти ли ему, но старик задержал его:

- Остановись, двоюродный брат мой, мы много спорили с тобой, не знаю, имело ли это смысл, но я не успел сообщить тебе кое-что чрезвычайно интересное... Поэтому я и задержал тебя...

Сеид Аэим опустился на колени на тюфячок, рядом с Ахундом. Агасеидали продолжал:

- У меня к тебе два дела, дитя мое. Начну с более неприятного, чтобы закончить приятным... Чтобы ты не ушел от меня обиженным, хотя кто станет обижаться на старика, который желает счастья своему народу, особенно одному из лучших его сынов... Да, так вот. С момента нашей последней беседы прошло много лет. Ты был тогда молод, но слово, данное мне, что не будешь притрагиваться к веселящим напиткам, ты сдержал. Этим ты спас свое имя от многих неприятностей... Теперь я снова хочу предостеречь тебя... Разговор пойдет о сатирах, которые ты пишешь на беков, господ, молл... Хочу обратить твое внимание на то, что и первые просветители нашего народа вышли не из среды голодранцев и бедняков, а были детьми ханов и беков... И те, кто вопреки моим наставлениям и нашим обычаям первым направлял своих и чужих детей за границу, жертвовал крупные суммы на образование и просвещение бедняков, были беки-аристократы... Я знаю, ты вправе сказать, что не охаиваешь всех подряд, не говоришь на хорошее, что оно дурное, но... Вот тебе мой совет: оберегай себя от злопамятных и

злонамеренных людей. Даже молла может ошибиться при совершении намаза, ты не имеешь на это права. Каждое пятнышко или тень на твоем имени в глазах недругов приобретают огромные размеры. Нет, нет, - поспешил вставить Ахунд, хотя Сеид Азим и не собирался ему перечить, а внимательно слушал, - стихи твои совершенны, язык твой меток и глаза видят зорко! Не о качестве твоих творений речь... - Ахунд умолк.

Решив, что старик закончил, Сеид Азим шутливо заметил:

- Укоры совести, гнев врага, упреки близких и укоризна любимой - это все равно что макать хлеб в мед, все это - жизнь...

Будто не слыша Сеида Азима, Ахунд продолжил:

- А вторая весть - радостная, дитя мое. К нам в Ширван приезжает господин Сеид Унсизаде, это очень просвещенный человек. Я ценю его ум. Я получил от него письмо, в котором он сообщил, что на собрании представителей мусульман обеих сект, и шиитской и суннитской, намерен обрадовать нас вестью об открытии в Ширване новых школ, в которых детей будет обучать светским наукам, рассказать об издании газет на родном языке и подписке на эти газеты, об организации библиотек и читален, где каждый сможет получить книгу. Господин Сеид Унсизаде объявит сбор пожертвований. Такое же письмо получил глава суннитской секты Ширвана господин Гаджи Меджид-эфенди. Господин Сеид Унсизаде известен своими твердыми религиозными убеждениями, и мы договорились с господином Гаджи Меджидом-эфенди, что соберем представителей своих сект в приемной нашей канцелярии...

Брат мой, я хочу, чтобы ты знал, что я написал господину Сеиду Унсизаде ответное письмо, в котором заверил его, что окажу ему всяческое содействие в его начинаниях. Написал о тебе и о твоей школе... Я думаю, что ты должен подготовиться вместе со своими единомышленниками к приезду гостя и от имени просвещенных представителей Ширвана сказать несколько слов...

Поэта потрясло сообщение Ахунда Агасеидали о готовящемся объединенном собрании суннитской и шиитской сект. Ему виделся фундамент будущего единства народа, заложенный этим собранием. Безусловно, он должен подготовиться к этому дню. Надо использовать этот случай, чтобы высказать свои мысли и сокровенные мечты. Единство и просвещение идут рядом, что может быть прекраснее! Будут издаваться газеты на родном языке, но наряду с этим будут изучать и русский, и другие языки. Как важно, что это не заклеймят как грех.

И молле и эфенди знать русский не грех...

Через несколько дней Сеиду Азиму довелось познакомиться с самим господином Унсизаде. Это были радостные часы в его жизни. Поэт с восторгом слушал его рассуждения о развитии науки, о физиологии человека и животных, о теологических спорах, которые велись на страницах газеты «Пахарь». Господин Унсизаде произвел огромное впечатление на поэта, ночью он написал стихотворение, посвященное гостю, и собрался прочесть его в мечети.

Он Ширван в храм науки решил превратить,

Завести просвещенье, читальню открыть...

Тот невежда и лжец, кто твердит, что аллах

Запретил говорить на других языках...

Вникни в смысл этих слов и в душе сохрани,

Что раскрыл нам в стихах сей второй Хагани:

Миллионы в России живут мусульман,

Но невежества их покрывает туман.

Путь к наукам Россия открыла и нам,

Вознесем же за это хвалу небесам...

... Служители Джума-мечети готовились к собранию мусульман исповеданий разного толка. Начисто вымели полы; место, где верующие оставляют обувь, покрыли свежим слоем глины. У стены, где будут сидеть господа и беки, разложили тюфяки и подушки. Все пространство мечети разделили на две половины, в той, где будут мусульмане-шииты, на молитвенные коврики положены специальные глиняные налобники, к которым во время молитвы шииты прикладывают лоб в поклоне, на каждом выгравированы стихи из сур корана. Их заранее принесли из мечети Сарыторпаг. На половине у суннитов этих небольших прямоугольников не было... Сегодня, наверно, впервые в истории Ширвана мусульмане суннитской и шиитской сект должны были одновременно совершить намаз в одной мечети. По просьбе главы суннитской секты Ширвана господина Гаджи Меджида-эфенди вершить молитву должен был глава шиитов - Ахунд Агасеидали. Гость - господин Сеид Унсизаде - должен был выступить после него.

Сеид Азим был в приподнятом настроении. Он пришел в Джума-мечеть задолго до начала молитвы. Мечеть была набита до отказа, с одной стороны - сунниты, с другой - шииты. «Не сон ли я вижу? Неужели это правда? Разве само по себе присутствие стольких людей, в былые времена враждовавших друг с другом по любому поводу, не свидетельствует о том, что наши труды не пропали даром?» - думал Сеид Азим и радовался. В договоре двух главных ревнителей шиитской и суннитской сект он видел начало будущего всеобщего

единения. С радостью, будто тесня ее, уживалось и сомнение: «Возможно ли то, к чему он стремится? Дождется ли он осуществления своих мечтаний?»

Ахунд Агасеидали совершал молитву перед алтарем, мукаббир повторял с кафедры.

... Речь господина Унсизаде была выслушана с должным вниманием. Но на лицах присутствующих ни он, ни Ахунд Агасеидали не могли ничего прочесть, и это настораживало поэта. Господин Унсизаде говорил с кафедры об открытии школ для детей мусульманской нации, о мусульманских газетах.

После того как выступил гость, слово предоставили поэту. Сам Ахунд Агасеидали назвал имя оратора: Гаджи Сеид Азим Ширвани. Не было единодушия в том, как встретили присутствующие это выступление: враги сдерживались только из страха перед влиятельными уважаемыми участниками собрания, друзья взирали с надеждой.

- Настало время, когда мы должны прислушаться к тем, кто призывает нас пробудиться от сна неведения. Неоценимые богатства, выработанные человечеством, лежат перед нами. Эти богатства составляют сокровища мировой науки. Только люди образованные смогут ими воспользоваться. Если восточные народы хотят проснуться, то они должны прислушаться к народам Севера, которые раньше нас встали на путь образования...

- Ну разумеется, до сего дня мы жили без петуха, солнце у нас не вставало... Север пусть остается со своей религией, а мы со своим исламом останемся! - прозвучал в тишине чей-то голос.

- Ислам... - И тут Сеида Азима взорвало: - Ислам, о котором толкуете вы, ведет нацию назад! Наш народ находится под влиянием молл, не знающих ничего, кроме своих молитв и проклятий всему новому... Страны, где ислам является основной религией, еще больше отстали, чем мы! Я много ездил по свету, многое повидал. - «Не горячись!» - говорил себе Сеид Азим, но не мог совладать с собой. - Да, я говорю резко, но зато истинную правду. Ислам всюду противостоит прогрессу... Если мы мечтаем о возрождении нашей нации, мы прежде всего должны положить конец разногласиям и раздорам, которые являются причиной пролития крови, должны перестать оплакивать давно прошедшие времена, когда арабские халифы боролись друг с другом за власть над первыми мусульманскими племенами и из-за этого убивали своих ни в чем не повинных братьев. Традиции и обычаи предков должны быть переосмыслены, чтобы старозаветные догмы не тянули наш народ назад!

Даже друзья Сеида Азима испугались, не зная, что предпринять: «Чем может закончиться подобное выступление? Зря!.. Зря он так! И Ахунд будет не в силах сдержать возмущение толпы, подогреваемой врагами поэта...»

Многие верующие не могли понять глубины антирелигиозного выступления поэта. Слишком они были невежественными и не сведущими в истории ислама. Да и много непонятных им, мудреных слов содержала его речь... Богохульство, звучавшее в словах Сеида Азима Ширвани, раньше всех и лучше всех понял именно Ахунд Агасеидали. «О всемилостивый аллах! Спаси и помилуй своих детей! О аллах! Не дай пролиться крови сеида, крови поэта в мечети! О аллах! Не окропи кровью порог священного дома!»

Возможно ли, что святым Ахундом руководило предчувствие, что он прочел на скрижалях судьбы поэта предопределение? Ответить на это, дорогой читатель, не в моих силах. Во

всяком случае, великий творец, которому так поклонялись и Ахунд и наш поэт, не сумел предотвратить трагедию, случившуюся через несколько лет после событий этого дня...

«О аллах! Мне не следовало давать Сеиду Азиму слово! Как я был слеп, если думал, что он крепок в своей вере! Несчастный слепец! Что он говорит? Он же подписывает самому себе смертный приговор! Хорошо, что я, Махмуд-ага и другие влиятельные люди рядом, в противном случае с ним расправились бы на месте... Довольно богохульства! Он же рубит самые корни. Пусть пеняет на себя. Этого нельзя допустить!»

Ахунд неожиданно вспомнил беседу с Сеидом Азимом.

Спор между ними начался в мечети Иманлы. Поэт утверждал, что многие духовные пастыри мусульман противостоят образованию, им достаточно того малого, что дает им изучение сур корана. Он привел слова святого халифа Али: «Я раб того, кто научил меня одной букве».

Ахунд, пренебрегая всегдашней своей сдержанностью, почему-то обиделся и прервал его:

- Что касается меня, то все открывающиеся в Ширване школы освещены моей рукой! Это раз! И два: твой всегдашний идол - Мирза Фатали Ахундов - разве не воспитанник Ахунда Гаджи Алескера? Он стал ему вторым отцом! Кто первым начал обучать своих дочерей? Моллы! Кто первым послал своих сыновей в русские земли учиться? Опять же моллы и беки!

- А что вы делаете для детей простого народа? Они даже не понимают смысла молитв, которым вы их учите!

- Каких молитв они не понимают? Тех, что записаны в коране!

- Пусть учатся!

- У многих ли из них найдутся средства для обучения арабскому языку в Наджафе?

- Какой же ты предлагаешь выход?

- Перевести коран на родной язык! Уже давно англичане, французы и немцы перевели коран на свои языки, знают смысл его сур лучше самих мусульман. Только понимая, во что веришь, - веришь искренне. Прочитав коран, люди сами разберутся, какие законы в нем устарели, какие живы и по сей день. Несчастные бедняки стонут под гнетом законов, смысла которых не понимают. Они вынуждены доверяться толкователям, которые стараются обвести их вокруг пальца...

- Тебе хорошо известно, что я никогда не обманывал прихожан!

- А много ли людей, подобных вам, Ахунд-ага?..

- О аллах! Возьми меня под свое покровительство! Не дай злобе овладеть моим сердцем!

Именно это вспомнилось Ахунду, но было уже поздно. «Как я мог дать ему слово! Я всегда возвеличивал его перед единоверцами... И этого человека беднота и просвещенные люди, купцы и беки уважительно называют «Ага»! Нет, Сеида Азима не остановишь».

А поэт продолжал:

- История человечества замешена на крови, покоится на костях и черепах. Если бы праотец человечества восстал из могилы и пришел к нам, детям Востока, он бы ничему не удивился, все осталось по-прежнему. Историю Ширвана я пишу, обращаясь к историческим трудам предшественников. Я увидел, как отцы, защищая свою единоличную власть, ослепляли родных сыновей. Как сыновья в борьбе за власть предавали своих отцов. Как братья становились жертвами своих же братьев. Не было в истории ни одного дня без траура, всегда находилось место на земле, где люди истребляли друг друга. Когда же мы, освободившись от мрака невежества, открыто взглянем на мир? Как другие народы, будем заботиться брат о брате, друг о друге, забыв религиозные распри?

- Ты послушай, как говорит этот нечестивец. Он осквернил могилы своих предков! Чтоб у него язык отсох, он враг нашей веры!

- Никого нет, кто бы заткнул ему рот!

В разговор вмешался Мешади Алыш, громким шепотом, чтобы слова донеслись к стоявшим поодаль, он говорил:

- Клянусь имамом, которому я поклонялся, если вру... Сын у него родился недавно, так как он его назвал? Никогда не поверите! Сеидом Османом! Ему было мало Айши-Фатьмы и Сеида Омара, так теперь еще появился Сеид Осман... Осквернил имя Сеидов... Да буду я жертвой их предков!

- Совсем забыл о чести! А где наша гордость?

- Ты только посмотри, кто с ним рядом стоит! Махмуд-ага, Керим-бек, Сеид Унсизаде... Сейчас еще не пришло время...

- А почему ты не называешь Ахунда Агасеидали?

- Мне кажется, Ахунд-ага обижен на него.

- Вряд ли после сегодняшнего выступления он будет поддерживать этого нечестивца...

- Я тоже так думаю...

К разговаривавшим направился служитель мечети:

- Прошу вас, тише, Ахунд-ага недоволен...

Ненадолго воцарилось молчание, прерванное чьим-то предостерегающим шепотом:

- Не шумите, на нас урядник и толмач Агаси-бек смотрят и жестами приказывают замолчать.

- С ними лучше не связываться.

- Что ж, пусть говорит нечестивец, мы - мусульмане!

- Дождется!

- Пока что держите язык за зубами, он жив, мы живы, дальше посмотрим.

В задних рядах мусульман-шиитов среди учеников и последователей Сеида Азима Ширвани сидел и молодой поэт Алекпер Сабир. Он, как и другие, слышал проклятья, призываемые на голову поэта Мешади Алышем и его приспешниками. Душу жгли слова возмущения. Но время еще не пришло обрушиться на мракобесов. Только позже, на страницах знаменитого журнала «Молла Насреддин», уже в начале нового века, он прогремит на весь мусульманский Восток своими революционными сатирами, в которых со всей решимостью продолжит борьбу своего великого учителя и предшественника. В его душе рождались строки, которые он сам еще не осознавал как стихи. «О аллах! Что это за стихотворение! Оно не подчиняется тем законам стихосложения, которые я изучал...» Эти строки дышали гневом и ненавистью, это было осуждение зла устами зла:

Стал гяуром, отступник!

Скорей же его погубите!

Узы дружбы с ним рвите!

Стихи его жгите!

Он корана не чтит -

Не пускайте его, не пускайте!

Он аллаха хулит -

Не пускайте его, не пускайте!

Казалось, что, как только Сеид Азим сойдет с кафедры, его тут же растерзает фанатичная толпа. Но в тот далекий день силы мрака еще не могли ничего сделать, слишком велик был противовес. К тому же их останавливал местный, ширванский «патриотизм», стремление не показать себя с дурной стороны перед гостями, которые сопровождали Унсизаде. Кроме того, за Сеидом Азимом Ширвани в этот день стояли многие уважаемые и влиятельные люди.

Подготовка к объединенному собранию представителей суннитской и шиитской сект Ширвана дала свои результаты. В те же дни в Джума-мечети были собраны значительные пожертвования для открытия школ. Многие беки, купцы, интеллигенты и даже духовные пастыри, стоящие во главе приходов, подписывались на газету, издаваемую братьями Унсизаде, чтобы не прослыть неучами, показать, что и они, мол, понимают пользу просвещения!

МОЛИТВА МАТЕРИ

Наступила весна. Поэт бродил по саду и любовался цветущими деревьями. Яблони и абрикосы, словно молодые невесты, были усыпаны маленькими бело-розовыми, снежно-белыми и светло-малиновыми цветами. На кустах шиповника розовели тугие душистые бутоны, время их цветения было еще впереди. Травы поднялись до пояса от обильных весенних дождей и горячо пригревшего землю солнца. Ветви деревьев, отяжеленные цветами, перегибались через ограду, свешивались до земли. Буйное цветение, словно снежный занос, заволокло всю Шемаху. В такой день казалось, что больше никогда тучи не закроют бирюзу небес, всегда солнце будет ласкать и лелеять землю. «О аллах! Где ты? Что ты?.. Пусть арабы называют тебя Аллах, армяне - аствац, русские - бог, тюрки - танры... Я не знаю, откуда ты наблюдаешь за нами, жителями земли, в какой точке небесной вышины находишься, в каком пребываешь состоянии. Но я преклоняюсь перед тобой, верю тебе, знаю, что ты - та высшая сила, которая сотворила этот прекрасный мир! Я склонен верить последователям еретической мистической теории - хуруфизму, который утверждает, что в каждом из нас - ты. Во мне отражается твое «я»! Ты и во мне. Ты и в армянине. Ты и в русском. Но как же тогда быть с Алышем и Моллой Курбангулу? Как может в них отражаться твое «я»? О аллах! Ответь мне! Меня мучают вопросы, на которые я не могу найти ответа... Почему ты придумал различия среди своих последователей: первый - пророк, потом имамы, есть сеиды, моллы, дервиши? Они обладают правами, которые получили не за собственные добродетели, а только по случайному везению в жизни и пользуются этими правами... Но есть такие люди, как Ширин Абдулла, Джинн Джавад, Мешади Гулам, не занимающие особого положения, хотя достойные уважения и поклонения...»

Эти мысли были вызваны вчерашней встречей...

... Широко распахнулись ворота и вошел кто-то.

- Во имя пророка! - завопил он что было мочи, и стало ясно, что пришел один из рода пророка, которому обыкновенные смертные должны подносить и подносить до конца жизни...

Сеид Азим спросил неожиданного гостя:

- Брат! Как можешь ты, прикрываясь тем, что ты происходишь от ветви пророка, выклянчивать себе пропитание? Ведь ты по происхождению - принц, не стыдно тебе быть нищим?

- Какой принц?

- Род пророка считается шахским, значит, его дети - принцы крови...

- А ты чем живешь? Разве не приношениями и подарками? Ведь ты - сеид...

- Ты прав, милостыней кормится моя семья, но я не обманываю народ: не требую ничего именем моего предка. Я говорю людям: «Я сочиняю стихи и книги для ваших детей, стихи - плод моих бессонных ночей, кто-нибудь должен воздать мне за этот труд...»

Не стоит вспоминать, что кричал в ответ Сеиду Азиму дервиш, нанося рану за раной сердцу поэта. Эта встреча внесла тревогу в душу поэта. Сомнения мучили его: «Может

быть, дервиш по-своему прав? Поистине в этом странном, удивительном мире все смешалось...»

Чтобы отвлечься, Сеид Азим решил спуститься в Мануфактурные ряды и пройти по Базару. «Взгляну, как там Джинн Джавад».

Сеид Азим шел по дороге, спускающейся от верхних кварталов к Базару. Дорога в этом году заросла травой, хотя движение по ней не прекращалось с утра и до вечера, по обочинам рос пырей и одуванчики. Еще издалека он услышал голос Сироты Гусейна: «Халва, халва, вкусная, приятная! Халва, халва...»

Под огромной шелковицей было, как всегда, многолюдно. Джинн Джавад сидел на своем камне. Народ толпился вокруг, глядя в рот рассказчику. Сеид Азим остановился за спинами слушателей, не желая прерывать Джинна Джавада. От Бакалейных рядов к камню Джавада шел продавец простокваши. Поэт залюбовался, как ловко парень нес на голове поднос, а на нем несколько кувшинов с простоквашей. Кувшины стояли друг на дружке - мал мала меньше, основанием следующему служил плоский деревянный кружок. В руках у продавца был черпак, которым он накладывал покупателю густой, жирной простокваши. Парень напевал танцевальную мелодию и двигался ей в такт. Можно было подумать, что и поднос и кувшин приклеены к его голове. Толпа расступилась, пропуская продавца простокваши, и тут Джинн Джавад увидел Сеида Азима:

- Ага к нам пришел! Проходи, дорогой!.. Он Сеид, у него наверняка найдется пять рублей в долг для меня!..

Поэт сразу сообразил, что его приход будет использован Джинном Джавадом для очередной шутки. Денег Джаваду не нужно, а если бы и понадобились всерьез, он не стал бы их просить у Аги, зная, что у него ничего нет. Сеид Азим прошел к центру и сел на один из камней рядом с Джавадом. Один из молодых людей снял с плеча свою чуху и хотел постелить ее, но поэт запротестовал:

- Нет, спасибо, сынок... Сейчас хоть и весна, но без чухи ты простудишься!

- Камень тоже холодный!

- От шуток Джавада и камню жарко!

Все собравшиеся подхватили смех. Джинн Джавад поднял руку:

- Ну, хорошо, а как же насчет пяти рублей, в долг, Ага? Да буду я жертвой твоего предка, ты мне не ответил.

- Что тебе сказать, Джавад? У нас говорят: «Если бы лысый знал средство от облысения, он прежде всего приложил бы его к своей голове».

Шутки посыпались со всех сторон:

- Арабы говорят: «Не советуйся с человеком, в доме которого нет годового запаса продуктов!»

- Бедность плетется на осле, а богатство скачет на лошади!

Поэт улыбнулся:

- Тогда пропитание - всадник, а я - пешеход...

На этот раз смеялись не так дружно, большинство присутствующих были такими же бедняками, как и поэт...

- Ага, давно ты ушел из дома? - неожиданно переменил тему Джавад.

- Давно, а что?

- Да я подумал, что если давно, то мы сейчас закажем у Алмухтара для каждого по горшочку пити...

Поэт улыбнулся:

- Друг мой Джавад, великий узбек Навои говорил: «Если хочешь быть здоровым, мало ешь, если хочешь, чтобы слово твое было весомым, мало говори...»

- Ах вот оно что!... То-то для наших ширванцев хурма - обед, а яичница из пяти яиц для семерых - целый праздник. Причем будут клясться: «Чтобы ты сдох! Чтоб я видел твой труп! Наелся на целую неделю!..»

Снова раздался хохот. Джавад попросил:

- Ага, прежде чем мы наедимся на целый месяц, расскажи нам что-нибудь интересное...

- Слушайте! Известно ли вам, что я нахожусь в переписке со многими выдающимися людьми Востока? Среди них есть и такие, с которыми я никогда не встречался в жизни... Один из таких заочных друзей живет в Иране, в городе Меренде. Это поэт-песенник - Молла Сулейман, песни свои он сочиняет на религиозные и исторические сюжеты... Так вот, в одном из путешествий путь мой проходил через Меренд, я хотел задержаться в городе на несколько дней, отдохнуть и повидаться с моим другом Моллой Сулейманом. В город я попал к полуночи. Поиски своего друга я оставил до утра - не хотел никого беспокоить. Направился в караван-сарай и, как только голова моя коснулась подушки, я тотчас сладко заснул. Проснувшись поутру, я обнаружил, что остался голым, как святой имам Рза, все мои вещи были украдены: я остался в нижнем белье. Что тут делать? Сторонясь людей и стыдясь своего вида, я спустился в чайхану, которая находилась в первом этаже караван-сарая, и устроился в укромном углу, чтобы не вызвать насмешки. Я обдумывал, как лучше выйти из создавшегося положения, найти ли Моллу Сулеймана и попросить у него помощи или искать ее у кого-нибудь другого.

Постепенно чайхана заполнялась народом. Среди прочих в чайхану вошел какой-то молла. Ученик чайханщика, как только увидел моллу, с почтением показал ему место на тахте, принес тюфячок. Посетители и хозяин заведения почтительно здоровались с гостем. Молла сел. По всей видимости, этот человек пользовался в городе авторитетом. Прошло немного времени, и один из клиентов попросил: «Молла! Пропел бы ты нам песню о погибших шиитских святых, ведь сегодня начало траурного месяца мухаррама... Совершить дело, угодное аллаху и его слугам...»

Молла тут же согласился. Прочистив горло, он запел. И каково было мое удивление: я узнал слова! Это была религиозная песня моего друга Моллы Сулеймана. «Неужели это

он?» - подумал я, но не стал выдавать своей неосведомленности. Молла продолжал свое пение, но неожиданно запнулся, наверно, забыл... Я не удержался и из угла, где прятался, громким голосом подсказал слова. Изумленные слушатели повернули ко мне головы, слова гнева готовы были сорваться с уст, всех возмутило мое вмешательство. Молла, получив неожиданную поддержку, пригляделся ко мне и, улыбаясь во весь рот, закричал: «Клянусь, клянусь аллахом, ты - Гаджи Сеид Азим Ширвани, только ты мог сочинить экспромтом продолжение песни, придуманной другим поэтом! Только ты, Сеид!»

Он устремился ко мне, наступая на ноги сидевшим. Мы поздоровались, расцеловались. Молла Сулейман пригласил меня к себе в дом и только тут обратил внимание на мой странный вид. Я рассказал, как было дело. Молла попросил хозяина дать мне что-нибудь, чтобы добраться до его дома...

Несколько дней я был гостем Моллы Сулеймана.

Однажды к нам пришел чайханщик и принес мои вещи, все было в целости и сохранности.

Я спросил чайханщика:

«Братец! Какую хитрость ты использовал, чтобы вор вернул мои вещи?»

Чайханщик ответил:

«Я дал знать предполагаемому вору слова Моллы Сулеймана: «Этот приезжий, клянусь своей жизнью, чужеземный знаменитый поэт Гаджи Сеид Аэим Ширвани. Если мы не найдем и не вернем ему вещи, он напишет о нашем городе такую сатиру, которая навечно опозорит Меренд!» И вот вор пришел сам, отдал мне вещи, но просил не называть вам своего имени... А Молле Сулейману вор велел сказать: «Я ошибся, пусть молла простит меня...»

Мы весело рассмеялись. Когда чайханщик ушел, Молла Сулейман сказал: «У нас даже воры - патриоты своего города! Не хотел, чтобы его проделка стала клеймом Меренда...»

Когда поэт закончил свой рассказ, Джинн Джавад вспомнил, что хотел что-то сообщить другу:

- Ага, тебя искал Мешади Гулам. Приехал Кербалаи Вели и хочет тебя видеть... А потом мне надо с тобой поговорить... К вам гость приехал...

- Раз ко мне приехал гость, я должен сейчас же идти домой...

- Тот гость и есть Кербалаи Вели, но он сейчас у Мешади Гулама.

Поэт всегда с нетерпением ожидал прихода Кербалаи Вели. Через него из Баку, Гянджи, Тавриза, Ардебиля и других мест Сеиду Азиму пересылали письма, редкие рукописи, ширазские пеналы, так необходимые ему, иногда присылали в подарок хорасанскую шубу, египетскую абу, самаркандскую бумагу и другие редкости.

Когда путешествие бывало удачным, караван прибыльным, Кербалаи Вели и от себя привозил подарок из дальних стран.

Они встречались в книжной лавке Мешади Гулама, где за большой пиалой с пити, янтарного цвета, заправленного шафраном и сушеной темно-вишневой алычой, с кусками жирной, тающей во рту баранины, он рассказывал, как тосковал по Ширвану в далеких странах, об Ардебиле и далекой Индии, куда он с трудом добирался за восемь недель... Он пил бархатный чай, принесенный от Алмухтара, и рассказывал, что он видел, о чем слышал в пути...

Кербалаи Вели был истинным поклонником поэзии, музыки. Уходя с караваном, он брал с собой стихи и газели Сеида Азима не только по поручению Мешади Гулама для книготорговцев в других городах, но и для себя. Если он узнавал о новых талантах, о новых произведениях восточной литературы, он рассказывал об этом, стараясь всех приобщить к прекрасному, уговаривая прочитать или послушать...

Распростившись с Джинном Джавадом, Сеид Азим поспешил к книжной лавке Мешади Гулама. Входя в комнату, он услышал голос книготорговца:

- Это испытанное средство, Кербалаи Вели, я удивлен, что ты до сих пор его не знал. Пиши: очищенные грецкие орехи, десять штук, четыре горошины горького перца разотри в порошок, четыре зерна имбиря, четыре кусочка корицы. Все надо тщательно растереть и замешать на четырех ложках сливочного масла. И только после этого добавить яичный желток и ложку меда. Принимать каждое утро горошину этой смеси на голодный желудок. Никогда усталость не одолеет тебя в пути.

Сеид Азим замер в дверях, чтоб не перебивать Мешади. Он с интересом выслушал рецепт, надо будет потом рассказать о нем Джейран.

Наконец рецепт был записан, и друзья подняли головы. Увидев поэта, и Мешади Гулам, и Кербалаи Вели очень обрадовались:

- Добро пожаловать, Ага, добро пожаловать! Твой приход для нас большая радость. Да буду я жертвой дороги, по которой ты пришел, Ага! Мы ждали тебя, я даже побывал у тебя дома. И Кербалаи разыскивал тебя... - Мешади Гулам подвинул Сеиду Азиму тюфячок, а потом вышел за дверь лавки.

Пока Сеид Азим здоровался с Кербалаи Вели, хозяин громко прокричал на улице:

- Рази-и! Рази-и! Один чайник чая и три пити...

В весеннее и летнее время хозяева лавок и магазинов часто устраивались со своими гостями на свежем воздухе, но Мешади Гулам предложил сесть на тюфячки в самой лавке, понимая, что предстоящий разговор не для чужих ушей, которых так много. Ведь и он, и Кербалаи Вели не зря разыскивали поэта. И Сеид Азим по озабоченному лицу Кербалаи понял, что разговор пойдет не о письме или подарке...

- Дорогой Кербалаи Вели! Беседа с другом - самое большое удовольствие на свете, но Джавад мне сказал, что у меня в доме гости. А у нас ничего для угощения нет. Я пришел прежде поговорить с тобой, а потом отправлюсь в Мясные ряды, затем за рисом и маслом, попрошу все отослать домой... Я слышал, ты меня искал? В чем дело? Беспокойство - ужасная штука...

Караванщик улыбнулся:

- Искал, Ага, да буду я жертвой твоего предка! Прошу тебя - не беспокойся! Я - тот самый гость, который приходил к тебе... Правда, кроме меня прибыли две особы, именно из-за них я так спешно искал тебя...

Разговор был прерван появлением Рази с медным подносом в руках, уставленным горшочками и тарелками.

Мешади Гулам расстелил скатерть, на которую Рази аккуратно переставил принесенные яства: нарезанный кольцами и залитый винным соусом темно-синий салатный репчатый лук, мелкорастертый сушеный барбарис темно-вишневого цвета, черный перец, мягкий белый хлеб и плоский чурек с поджаристой корочкой, выпеченный в специальной глиняной печи над огнем. Как только Мешади Гулам снял крышечки с горшочков, комната наполнилась аппетитным ароматом пити, заправленного шафраном.

- Приятного аппетита, - улыбнулся Рази.

- Как твои дела, Рази? Как ага Алмухтар?

Рази радостно улыбнулся, почтенный Ага никогда не забывает справиться о его здоровье.

- Спасибо, Ага, хорошо, молимся о твоем здоровье...

Кербалаи Вели и Сеид Азим незаметно переглянулись: «Да, молитва Алмухтара...»

Рази унес поднос, и Мешади Гулам пригласил гостей отведать пити:

- Пожалуйста, братья, начинайте! После еды легче думается и человек становится добрее.

- Во имя аллаха! - предшествовало трапезе. Мелкими кусочками Сеид Азим накрошил хлеб в питии и улыбнулся друзьям:

- Каждый раз, когда я прихожу сюда, Мешади угощает меня пити... И каждый раз я говорю ему: «Это не ты должен угощать меня, а я, потому что с каждым приходом сюда узнаю что-нибудь новое, интересное». Щедрость и гостеприимство нашего Мешади вгоняют меня в краску, и не знаю, как отблагодарить его.

- Пусть стыдятся наши враги! Я так тебя ценю, Ага, что, будь в моих руках все богатства мира, я бы усадил тебя, Ага, в тихой удобной комнате, поставил перед тобой самые вкусные вещи и сказал: «Да буду я твоей жертвой, Ага, ты свободен от всех забот, только пиши! Сколько сможешь, пиши! Радуй людей прекрасными стихами! Мы будем читать и наслаждаться...»

Кербалаи Вели рассмеялся:

- А почему, Мешади, ты не просишь аллаха дать те самые богатства мира самому Are, чтобы он не нуждался в чужом, даже твоем куске хлеба?

Все посмеялись над шуткой, но Мешади Гулам смутился, уловив долю истины в шутке старого друга...

- Да будут открыты врата небес, чтобы аллах услышал наши молитвы!

- Не смущайся, Мешади, врата небес в этом месяце еще закрыты, я знаю...

- Откуда тебе это известно, Кербалаи?

- Знаю! Все мои молитвы возвращались без ответа...

Посуда была убрана, вода для ополаскивания рук унесена. Сделав одну затяжку из кальяна, приготовленного по указанию Мешади Гулама, Кербалаи Вели начал свой рассказ:

- Собери все свое терпение, Ага, я поведу речь издалека. Пусть это не покажется тебе излишним, но лучше знать больше, чем меньше... Я недавно вел караван из Ардебиля в Баку. Путь мой лежал через равнину Кюдрю. Самое лучшее время для Кюдрю - весна, легко идет караван, светит солнце, поют птицы... Самое худшее - лето, безводная пустыня с тысячами змей, нет, летом бы я не рискнул вести караван через Кюдрю... Сейчас же Кюдрю занесена была снегом. Стоял мороз, ни птиц, ни зверей... Люди с яйлагов перебрались на стойбища, кругом ни души, скота нет, белый саван окутал все вокруг. От бесконечной белизны полей дорогу разобрать удается с трудом, от яркого света появляется резь в глазах. Путник в Кюдрю должен быть постоянно начеку жди ежечасно метели, бури, тогда и погибнуть легче всего.

Мы миновали Арабчелтыкчи, не останавливались там, а у Арабгияслы нас нагнали два всадника. «Не видели вы двух женщин, старую и молодую?» - спросили они нас. Мы ответили, что никого не встречали на своем пути, что в такой лютый мороз и в таком безлюдном страшном крае, как Кюдрю, какие могут быть женщины...

Всадники оказались слугами бека из Арабчелтыкчи, то ли от бека сбежали служанки, то ли кто-то украл их... Их искали... Я говорил правду: мы действительно никого не видели. Кругом, сколько хватал глаз, лежал плотный снежный покров, на котором не было ни одного следа. Слуги сами удостоверились, что по дороге никто не проходил, и вернулись в Арабчелтыкчи...

Кербалаи Вели сделал еще одну затяжку из кальяна, прервавшись на полуслове, он внимательно разглядывал мундштук...

Как только Сеид Азим услышал название равнины Кюдрю и села, у него заколотилось сердце. «Кто эти женщины? Почему им пришлось бежать? Если это...»

- Словом, мы снова двинулись в путь и довольно далеко отошли от того места, где нас нагнали парни из Арабчелтыкчи, как увидели лежащего в снегу верблюда и по обе стороны от него какие-то тени на снегу. Я тут же вспомнил давешнюю встречу и заторопился.

Верблюд доедал корм с лотка, который, видимо, стоял перед ним с ночи. Невдалеке от него чернело место, где раньше разводили костер. Справа от верблюда, в защищенном от ветра хурджинами, снятыми загодя с верблюда, месте, спали люди, завернувшиеся в дубленый тулуп, под ними была войлочная подстилка.

Мы спешились и обошли верблюда с другой стороны, и тут у нас волосы встали дыбом: несчастный хозяин верблюда был мертв, его открытые выпученные глаза уставились в небо. Я подошел, чтобы закрыть ему глаза, и узнал его. С этим погонщиком мы не раз встречались на караванных путях. Хозяин единственного верблюда, он ездил зачастую в

одиночестве, развозя по селам мазут и соль для бедняков. Только однажды случилось так, что он примкнул к моему каравану. Мы шли из Баку в Агадаш. Помню, наступил вечер, мы пустили верблюдов пастись, а сами развели костер, чтобы приготовить еду. Он развернул маленький узелок, в котором оказался сухой лаваш и кусок сыра, больше у бедняги ничего не было. Он сказал, что целый месяц уже не был дома... На мой вопрос, есть ли у него семья, дети, жена, он с улыбкой ответил: «Почему нет? Есть... Все есть. И сынок, который недавно начал ходить и говорить... Везу ему конфеты в красивой обертке...»

И вот этот парень из села Удулу был мертв. Но что-то беспокоило меня. Неестественная ли поза умершего? Или его странный вид? Если бы он замерз, хотя такой человек, как он, много повидавший на караванных путях, вряд ли не подготовился к морозной ночи, он бы лежал съежившись. Он бы прижался к боку верблюда, как те, что лежали с другой стороны. А он, словно задохнувшись, раскинул руки и раскрыл рот... Прочитав молитву над умершим, я закрыл ему глаза. В этот момент меня позвали, чтобы я взглянул, кого мои товарищи обнаружили с другой стороны.

Это были две женщины. Одна - немолодая, вторая - совсем ребенок, ей можно было дать лет тринадцать-четырнадцать. В них еле теплилась жизнь. Я подумал, что это те служанки, которые убежали из Арабчелтыкчи. Видимо, бедняжки нашли защиту под крылом бедняка из Удулу, он отдал им свою шубу, чтобы они ночью не замерзли. А сам остался в легкой одежде, совсем не приспособленной для ночевки в открытом поле.

Я занялся женщинами, пока молодые парни рыли могилу. Мы не могли ни обмыть его, ни обернуть в саван. Протерев руки снегом, заменившим нам воду, мы прочли над ним последнюю молитву и похоронили.

А женщины все не приходили в себя. Наконец девочка открыла глаза и, увидев незнакомых мужчин, с криком «мама» бросилась к старшей. Теперь она сама растирала матери руки и ноги, прикладывала снег ко лбу и растирала им лицо матери. К одежде девочки был прикреплен небольшой четырехугольный пакет, напоминавший то ли амулет от сглаза, то ли письмо. Признаюсь честно, это так заинтересовало меня, что я не удержался и развернул пакет. И каково было мое удивление, когда в нем оказались две твои газели, Ага, причем писанные твоей собственной рукой! Ты знаешь, твой почерк я узнаю из сотен других! В одном из листочков лежала засохшая роза... Как самую дорогую вещь, которую мне доводилось держать в руках, я поднес листочки к глазам, а потом поцеловал их...

От взгляда Кербалаи Вели не ускользнуло, что поэт изменился в лице, как только услышал о находке... «Значит, я не зря все это говорю тебе, Ага...»

- Где эта несчастная нашла твои газели, кто мог ей их отдать, я так и не узнал и до сей минуты не знаю, но она словно амулет от несчастья, словно заклинание моллы пришила их к одежде своей дочери, значит, для нее они были так же дороги и ценимы, как для меня. Я понял, что обязан помочь этим несчастным.

Постепенно наши усилия увенчались успехом: женщина пришла в себя, но она была измучена и ослаблена. На обеих женщинах были старые изношенные вещи, поверх одежды на плечах каждой вместо теплой шали был накинут обыкновенный мешок. Оставаться в открытом поле дольше было нельзя. Мы посадили мать и дочь друг за другом на верблюда, завернули обеих в тулуп, принадлежавший покойному погонщику, собрали его вещи в хурджины и тронулись в путь.

Наш караван задержался из-за непогоды: началась метель, ветер усиливался, я понимал, что в такую пургу везти измученных женщин с собой в Шеки, куда я должен был заехать, опасно для их жизни. Поэтому мы завернули в селение Гарамедли в дом тамошнего бека - Азай-бека, там и переночевали. Жена Азай-бека - Гюльджамал-беим - быстро распорядилась устроить бедняжек, дать им горячего молока с медом и маслом и отвар из душистых горных трав. Мы договорились, что верблюда и вещи покойного удулинца я на время оставлю в конюшне у Азай-бека. Наутро я обратился с просьбой к Гюльджамал-беим:

«Сестрица Гюльджамал! У меня к вам просьба! На то время, пока я съезжу в Шеки, не согласитесь ли вы оставить у себя мою сестру и племянницу?.. Вы сами видите, они больны, мне не довезти их. Через несколько дней я вернусь за ними и отвезу их в Шемаху к доктору Мирзамаммеду».

Возможно, что умудренные жизненным опытом Азайбек и Гюльджамалбеим понимали, что тут что-то не так, но они не стали допытываться правды и тут же согласились присмотреть за больными в мое отсутствие.

А караван с грузами пошел в Шеки. Удача сопутствовала нам; то, что собирались продать, продали, то, что собирались купить, купили. Не мешкая вернулись в Гарамедли за два дня до последней среды года. Хоть весна была на носу, но холода не отступали. А у моей больной «сестры» держалась высокая температура, нельзя было и думать трогаться с места...

И Гюльджамалбеим и Азай-бек успокоили меня:

«Кербалаи Вели, ты веди свой караван, занимайся делами, а как только потеплеет, погода установится, вернешься за ними. Аллах милостив, к твоему приезду больная встанет на ноги. У нас в селе знахарка живет, она за ней присмотрит...»

Но я рассудил иначе. Оставив караван на три дня в Гарамедли, я на коне отправился в Удулу, ведя за собой верблюда, - надо было выполнить тяжелый долг перед покойным погонщиком. Эх! Нет ничего на свете хуже, чем быть вестником смерти... Но отказаться от этого никто не может...

За дни моего отсутствия больной стало немного лучше. А на девочку нельзя было не заглядеться! Чистенькая, красивая, щебетунья. Жене бека она так понравилась, что Гюльджамалбеим стала меня уговаривать оставить девочку у них в доме:

«Да убережет аллах ее от дурного глаза! Какая работящая, ловкая, ко всем делам приученная! Я хотела ткать ковер. Гаратель лишь услышала, сразу же села за станок, я с силой ее оттащила...»

Я сказал, что хочу переговорить с «сестрой». Нас оставили вдвоем.

«Сестра, кто ты, откуда, я не спрашиваю тебя. Скажи мне, куда ты держишь путь? Если даже это будет мне в убыток, я довезу тебя до места, во имя памяти покойного погонщика, который хотел тебе помочь».

«О аллах! Лучше бы ты вместо него забрал меня! Сердце от жалости разрывается, братец, когда подумаю о нем!» - ее глаза наполнились слезами...

«И все-таки скажи мне, сестра, к кому мне тебя отвезти?»

«Почему аллах приводит к нужному человеку слишком поздно, братец?.. Но сейчас я думаю уже не о себе... Если я не доставлю тебе слишком больших неприятностей, я бы просила тебя отправить меня в Шемаху, к поэту Гаджи Сеиду Азиму Аге».

Я почему-то ждал этих слов, но все же полюбопытствовал:

«Ты кем ему приходишься, сестра, родственницей или?..»

«Я его сестра». - Она горько разрыдалась и закрыла лицо руками.

В душе я подумал: «Наверно, ты такая же сестра Аге, как и я ему брат... Значит, ты моя сестра... Клянусь аллахом, сестра, ради Аги, ради поэта Сеида Азима Ширвани я выполню любое твое желание».

«Будь совершенно спокойна. Путь в Шемаху никакого особого труда мне не доставит, потому что он и лежит в Шемаху!»

«О, как мне благодарить тебя?»

«Запомни! С этих пор ты мне сестра до гроба. Раз ты назвала имя Аги, человека, которому я поклоняюсь, имущество мое и жизнь принадлежат тебе».

И мы снова вышли в путь. И сегодня утром вошли в город. Я довел мать и дочь до ворот ваших. И здесь «сестра» стала упрашивать меня уйти; мол, они сами постучат в дверь. Может быть, опасалась, что обнаружится ее обман? Если она так уверенно просила отвезти к вам домой, значит, знала, что от ваших ворот, как говорит Мина-солтан, никто не уходит без надежды. Но все-таки я не ушел и издали смотрел, как эта несчастная женщина ждет у ваших ворот. Ворота отворили, их впустили, и только тогда я ушел искать тебя... Что ни говори, а твои газели действительно помогли им найти дорогу в твой дом. Во имя их я, как уже сказал, до гроба буду считать ее своей сестрой.

Сеид Азим не скрывал слез. Когда Кербалаи Вели закончил свой рассказ, поэт вынул платок из кармана архалука, вытер глаза и тихо сказал:

- Я всегда знал, что ты мне брат! Твоя забота об этой женщине неоценима! Она хоть и не родная сестра мне, но человек, который ближе, роднее сестры. С помощью аллаха я отплачу тебе...

- Я счастлив, если мог тебе услужить, Ага! Если хочешь доставить мне удовольствие, перепиши для меня своей рукой те две газели, что хранила она как амулет. Это сокровище осталось у нас.

Мешади Гулам слушал рассказ Кербалаи Вели, боясь пропустить хоть слово, но потом встал и со словами: «Ну и ну...» - пошел к двери, чтобы снова заказать чай...

Говорят, что история не повторяется. Но тогда что это? Взгляни, мой друг! Тот же квартал. Те же ворота. И в такой же ранний час в ворота стучится женщина... Разве это не

Сона?.. И снова, как тогда, из ворот своего дома выходит Мешади Ганбар - никогда не пропускающий религиозного омовения перед утренней молитвой, постаревший на пятнадцать лет, но по-прежнему свежий и бодрый, с бородой, выкрашенной хной. Как и тогда, он спешит в Галабазарскую баню, но успевает придержать шаг перед домом Сеида Азима Ширвани и задуматься над тем, кто это в такое неурочное время стучится в ворота поэта. «Ну и ну! Эти попрошайки, сукины дети, совсем обнаглели! О аллах! Как ты можешь спокойно взирать на это? Проклятые дервиши совсем заполонили город! Как может население одного города прокормить столько нищенствующих наследников пророка!» Он говорит громко, чтобы эти двое слышали... Но они не обращают на него внимания... Он с интересом рассматривает девочку. Будь он моложе, он бы не прочь взять ее в дом. Она была бы сыта... Жаль!... Старик давно уже забыл имя своей первой жены, а при виде молоденьких у него слюнки текут. Не волнуйся, дорогой читатель, ведь он на пути в Галабазарскую баню, где ритуальным омовением очистится от всех грешных мыслей.

На стук к воротам подошла Минасолтан, как и тогда... В первое мгновение она не могла сообразить, кто перед ней. Кто эта женщина в изношенном деревенском платье с растрепанными, выбивающимися из-под старенького бумажного платка волосами? У нее огрубевшие, со вздувшимися венами, почерневшие, жилистые руки. Она еле стоит на отяжелевших, распухших ногах. И тут Минасолтан узнала ее:

- Ой, какая радость, детка! - «О аллах! Что с ней стало!» - Входи, входи, откуда ты? А кто это с тобой?

Джейран раздувала угли в очаге, когда свекровь открыла ворота стучавшим. Она с любопытством посмотрела на вошедших, услышав слова Минасолтан. Джейран знала всех родственников мужа, но эту женщину видела впервые... Кто бы это мог быть?

- Проходи, Сона, проходи, детка!

И тут Джейран вспомнила! Однажды свекровь рассказала ей историю чанги, похожую на сказку... Это было так давно, и вот снова... Невозможно вообразить, что эта немолодая женщина когда-то пленяла сердца, что эти распухшие ноги несли ее в танце, что ее потухшие глаза мерцали и зажигались огнем... Свекровь заклинала никогда не говорить, что Ага спас ее, что она пряталась в их доме, когда ее искали разбойники... А тот парень, Ага Самед, который пощадил ее и не поднял руку на нее, с тех пор сгинул; говорили, что он уехал в Ашхабад и Мешхед... Потом им стало известно, что бежавшая чанги даже вышла замуж... Ну что ж, да наградит аллах ее счастьем! Да, судя по всему, это и есть Сона...

А Сона смотрела на Джейран. Она не могла на нее не смотреть. Говорила с Минасолтан, поцеловала руки, которые в тот, первый раз ухаживали за ней, и думала: «Конечно, это жена Аги... Какая красивая! Такой и должна быть жена поэта... Тихая и нежная... Ты самая счастливая на свете, о женщина! У тебя нет слуг, которые обхаживают тебя, как Шахбике-ханум покойную. У тебя нет поваров, ты сама варишь обед Аге. Ты сама разжигаешь очаг, моешь полы, стираешь белье. И все же ты счастливее жены самого богатого бека. Быть не только женой, даже служанкой такого человека, как Ага, великое счастье! Тебе он читает свои газели, с тобой делит хлеб и постель... Ты - счастливая женщина».

- Это твоя дочка, Сона? Да сохранит ее аллах!

- Да будет вашей жертвой, Минасолтан...

- Жертвой пусть баран будет! Неужели аллаху будет угодно взять в жертву живого человека, если на лугах пасутся жертвенные ягнята? Не приведи аллах! - Она погладила девочку по голове и поцеловала ее в лоб. - Словно это ты, Сона...

- Да будет твой дом полным, Минасолтан, а жизнь сладкой... - Сона с трудом переводила дыхание.

Минасолтан подвела Сону и Гаратель к веранде, где стояла Джейран.

- А это моя невестка...

Джейран наклонилась и поцеловала девочку в лоб:

- А как ее зовут?

- Гаратель... Из-за нее нам пришлось убежать из дома, из-за того, что она похожа на меня... Теперь, как и тогда, я пришла просить у вас прибежища, Минасолтан, больше никого у меня нет на всей земле. - Сона упала перед Минасолтан на колени.

Минасолтан и Джейран подхватили ее под руки и с трудом подняли на веранду. Сона на глазах теряла силы, едва разжимая сохнущие губы, она полушепотом говорила Минасолтан:

- Как мне мечталось, чтобы жизнь моей девочки была непохожа на мою... Но нет... Моя несчастная мать привела меня в Шемаху, как я свою девочку, перед самой смертью. Сегодня, Минасолтан, мой смертный день, мое сердце говорит мне, что я скоро умру.

- Не говори так, Сона, аллах милостив!

- Я прошу милости у вас, Минасолтан! Не отдавайте Гаратель в чужие руки, чтоб ее миновала моя судьба... Я умираю с надеждой.

Женщины уложили больную Сону в постель, Гаратель не отходила от нее. Когда пришел Сеид Азии, он сразу же захотел увидеться с Соной. В комнате был полумрак. На подушке разметались в беспорядке длинные волосы, потускневшие, поредевшие. Восковое лицо с темными кругами вокруг глаз, впалые щеки... Его глаза наполнились слезами. К нему в дом вернулась его фея вдохновения, чтобы снова уйти, на этот раз в мир иной... «Будь проклято время, не сжалившееся над царицей фей! И что со мной сделало время, чтобы сжалиться над моей феей?»

- Не плачь, Сона, пожалей дочку...

- Я плачу от счастья, что успела дойти...

- Я рад, что ты вспомнила о нас...

- Из этого дома никто не уходит без надежды, Ага, я всегда помнила об этих словах Минасолтан...

- И хорошо сделала! Вот сейчас Ага пойдет к доктору Мирзамаммеду за лекарством... Он знающий человек и поможет тебе... Ты, наверное, простудилась... Попьешь лекарство,

станет тебе лучше. - С этими словами Минасолтан подошла к двери: - Джейран, детка, если печь разожглась, согрей молока для Соны! - Потом обернулась к сыну: - Как удачно, нам привезли с кочевья молоко, сливки и творог! Сегодня у детей праздник!

«Как много добрых людей! Хорошо, что сегодня дома есть еда...»

Сона тихо заговорила, будто сама с собой:

- О аллах! Зачем я появилась на свет? Зачем?... Не увидев ничего хорошего в жизни, я уже ухожу из нее. О великий создатель, почему твоя кара настигла меня? За что? Одному ты даришь радости, а другому только страдания и мучения. В чем моя вина, что ты не дал мне вкусить ни одного из созданных тобою благ? Не узнав, зачем пришла, я ухожу. Ты создал меня, ты меня забираешь... Справедливо ли это? Смею ли я спрашивать тебя об этом? Я, обойденная тобою во всех моих мечтах... Нет бога, кроме аллаха... Ты всемогущ и справедлив, но не ко мне...

- Не плачь, Сона, во всем виновато время, в которое нам выпало жить...

Но она ничего не слышала, устремив глаза в потолок, она молила:

- О аллах! Во имя справедливости и правды исполни только одну мою просьбу! Только одну! И если ты выполнишь ее, я прощу людям все обиды и оскорбления, забуду обо всех невзгодах и лишениях, которыми меня оделила короткая жизнь на земле! О аллах! Прошу у тебя пощады для моего ребенка! В последние минуты своей жизни прошу тебя: защити мое дитя, я не говорю от земных и небесных бед, это в твоей власти тоже, но не это страшит меня больше всего, защити ее от бед, творимых созданными тобой людьми! Не дай ей мою судьбу! Не карай ее за несовершенные грехи! Не попрекай куском хлеба, пусть она заработает его своим праведным трудом!

О аллах! Я умираю с надеждой и прощаю тебе мучения, которым меня подвергали созданные тобой люди!

... Сона вернулась в дом Минасолтан, чтобы уйти из него в последний путь. В последние минуты ее окружали самые близкие для нее люди на земле: дочь, Ага, Минасолтан. Если бы только было возможно, я бы склонилась над ее постелью и прошептала бы ей на ухо: «Не бойся, Сона, не страшись за дочь, сестра! Твой род не погибнет. Твое дитя не пропадет. Первое время после твоей смерти она будет жить и учиться у Сеида Азима, а потом по настоятельной просьбе Тарлана он пошлет Гаратель к человеку, который мог быть ее отцом, в Ашхабад. Она получит образование в Тифлисской женской школе для детей мусульман и станет одной из первых учительниц в своем крае». Это знаю я, а несчастной Соне не довелось об этом услышать...

Ей казалось, что кто-то присел на край ее постели и взял ее руки в свои, поцеловал в закрытые глаза и шепнул: «Дорогая сестра, спи спокойно! Твоя жизнь кончает свой бег! Не грусти о ней. Не волнуйся за дочь! Спи спокойно...»

Мы вернулись в прошлое, чтобы увидеть прекрасного, не ко времени залетевшего в те края лебедя, царицу фей, чей талант и вдохновенное искусство рождали прекрасные стихи и газели нашего поэта, чья жизнь и неземная красота зажгли неутоленную жажду любви у одного из друзей поэта... Мы видели ее, но успокоить, утешить уходящую из жизни не смогли...

«Свет очей моих, ага Тарлан!

Все живое умирает...

Прочитав эту фразу, не подумай, что этой известной формой выражения соболезнования я хочу известить тебя о том, что смерть посетила дом твоих родных. Нет, это не так, брат мой! Покинула мир твоя несчастная Сона, да упокоит аллах ее душу! Закончились безмерные страдания, которые великий создатель послал самому красивому, самому нежному цветку из его сада. Время было несправедливо к ней!

От Соны на память в нашем доме осталась ее дочь, тринадцатилетняя девочка по имени Гаратель, точное воспроизведение Соны.

Как я тебе писал, Сона была служанкой в доме друга Махмуда-аги - Алияр-бека. По совету Алияр-бека и с собственного согласия Соны ее выдали замуж. Казалось бы, жизнь ее наладилась. Но несчастья не оставили ее в покое. Полтора года назад умер отец девочки, а спустя год хозяева Соны, один за другим, покинули этот мир. Полновластным хозяином дома стал злой, неправедный человек, и Сона вместе с девочкой были вынуждены в страхе покинуть дом. Случайная встреча Кербалаи Вели в дороге отсрочила ее смерть на несколько дней. Он доставил ее в наш дом, когда доктор Мирзамаммед уже ничем не мог ей помочь. Доктор сказал нам, что болезнь уже долгое время подтачивала ее силы, а сильная простуда и наступление весны ускорили течение болезни.

Я не хочу доставлять тебе излишние переживания описанием последних горестных дней Соны. До последнего мгновения она не теряла сознания и все ее мысли были о дочери, о Гаратель.

Сона увяла как роза, родилась как бутон на ветке в пору весеннего цветения и увяла при дуновении морозного ветра.

Протяни мне руку из чужой земли, согрей своим дыханием, Тарлан! Без тебя и друзей я совсем как в пустыне, ага Тарлан. Где ты, брат мой? Я в растерянности, смерть Соны нанесла моему сердцу неизлечимую рану.

Дорогой друг мой, брат мой Тарлан!

Дела в нашей школе могли бы быть лучше. Не хотел тебя огорчать, но должен сообщить, что меня отстранили от преподавания в городской школе, а наша школа едва светится, словно угасающая свеча, вот вот погаснет. Если бы не помощь друзей, все было бы кончено. Вокруг меня сжимается круг моих врагов. Тарлан, я и сам не знаю, почему эти недостойные слуги аллаха не понимают, что я стараюсь именно ради них, ради будущего их детей.

Хоть нам живется трудно, но мама говорит, что в память Соны вырастит Гаратель как собственную внучку и с помощью аллаха выдаст ее замуж за порядочного человека, вскормленного праведным молоком.

Будь здоров, мой брат Тарлан!

Привет тебе от Махмуда-аги и Рза-бека.

Всегда твой С е и д А з и м М у х а м м е д о г л у Ш и р в а н и.

Двадцать первого числа... месяца... года».

Подходил к концу пост. Минасолтан была приглашена в дом богобоязненного Мешади Ганбара на праздник окончания поста. Старший, Мирджафар, ушел в гости к матери Джейран - бабушке Беим. Младший спокойно посапывал в люльке, остальные дети поужинали и теперь слушали сказки, которые им рассказывала Гаратель.

Сегодняшний праздничный ужин в честь окончания поста Джейран готовила для двоих, для себя и Аги. Она расстелила старенькую скатерть, расставила на ней чашки, блюдца и тарелки. В середину поставила пиалу простокваши, приправленную растертым чесноком. Джейран приготовила мясной фарш с луком, рисом, сушеной зеленью, тщательно промыла засоленные на зиму виноградные листья и начала в них заворачивать фарш. Когда все голубцы были готовы, она залила их кипятком и поставила варить на небольшом огне. К приходу Аги его любимое блюдо - голубцы в виноградных листьях - долма будет готово. Душистую кашу из рисовой муки на молоке, присыпанную корицей, она прикрыла крышкой, чтобы не остыла. К чаю будут сладости - янтарного цвета ногул, приготовленный из сахарной пудры и крахмала. В маленьком блюдечке лежали несколько сухих фиников, почти черного цвета, ими следует начать трапезу после целого дня поста...

Джейран услышала звук открываемых ворот и шаги Сеида Азима. Сердце ее затрепетало. Испарина покрыла лоб, слабость одолевала ее. Несмотря на то что она кормила грудью ребенка, она не нарушала поста. Голод мучил ее, болью сводило желудок, она едва держалась на ногах, но, превозмогая дурноту, Джейран вышла на веранду встретить мужа.

При виде пожелтевшего, осунувшегося лица Джейран сердце поэта сжалось: «Как вырвать из ее сердца эти страшные, мучительные обычаи? Пост иссушает не только физически, в таком состоянии человек перестает мыслить... Семь долгих недель с восхода солнца и до появления на небосклоне первой звезды мусульманин должен соблюдать абсолютный пост: ни грамма пищи, ни глотка воды! Ничего! О аллах!» Но он ничего не сказал жене, а только спросил:

- А где мама?

- Ее пригласили к Мешади Ганбару на праздник окончания поста...

- Слава аллаху, что этот день наконец наступил!... Значит, мы ужинаем вдвоем?

Сеид Азим ласково прикоснулся к подбородку Джейран и, приподняв его, заглянул в ввалившиеся, измученные голодом и усталостью глаза. Джейран, улыбнувшись, мягко отвела взгляд. Хоть она уже давно была женой Аги, родила ему несколько детей, врожденная скромность и воспитание не позволяли ей смотреть прямо в глаза мужу и открыто говорить о своих желаниях.

- Да... Минасолтан сказала, чтоб мы не ждали ее, она поздно придет.

Они рука об руку вошли в дом. Сеид Азим, вынув из кармана несколько длинных тонких конфет в красочных обертках, разделил их между Гаратель и остальными детьми. Потом

снова вернулся к двери, отворил ее и беспокойным взглядом уставился в небеса... Но знака, что время пришло, он не нашел... «Скорее бы Джейран могла взять хоть кусочек хлеба...»

Его окликнула Джейран:

- Ага, Ширин принес тебе письмо!

Она подошла к нише и взяла с полки конверт. Сеид Азим ласково погладил ее по щеке и вскрыл конверт. Письмо было от Тарлана, он сразу увидел.

«Свет моих очей, мой дорогой поэт!

Как всегда, мой первый вопрос о твоем здоровье. Если же спрашиваешь о нашем житье - бытье, то сообщаю тебе, что у меня все по-прежнему.

Дорогой друг! Расскажу тебе здешние новости, которые, как это ни странно, связаны с нашим прошлым. Я встретился с одним из непосредственных участников той старой истории. Не буду забегать вперед, начну все по порядку... Уже довольно давно в этих краях появился один из наших соотечественников. Я встречал его на базаре, в лавках. Я узнал, что это Ага Самед - купец из Ширвана, открывший в здешних рядах базара свои лавки. Сначала мы только здоровались, потом стали часто беседовать... Мы ровесники, и хоть я не стремился к установлению близости ни с кем, я почувствовал, что Ага Самед искренне желает со мной подружиться. И наконец я прекратил свое вынужденное затворничество, причина которого тебе известна: я не хотел, чтобы какие-либо сведения обо мне просочились в родные места... Мы стали бывать друг у друга. Беседы и воспоминания связали нас. Одиночество и жизнь на чужбине превратили нас в братьев. И вот однажды, во время очередной беседы, он раскрыл мне душу, которую, как я предчувствовал, отягощают какие-то неприятности. Мне казалось, что не только землетрясение погнало его из родной Шемахи.

Дорогой брат! Он признался мне, что был одним из разбойников банды Алыша и - ну не чудо ли? - спас от смерти мою несчастную Сону.

Я расспросил его о подробностях убийства танцовщика Адиля. И вот что я узнал: самым главным подстрекателем убийства был мой отец! Он и платил наемным убийцам. Я и сам подозревал, что в этом деле была его рука. Дело не только в том, что он при свидетелях избил и унизил меня, он был главным виновником всех происшедших со мной несчастий. Рассказ Ага Самеда всколыхнул воспоминания и опасения.

Дорогой друг! Береги себя от беды! Остерегайся Моллу Курбангулу, Алыша и человека, который не достоин светлого имени отца. Пусть аллах милосердный хранит тебя от них! Как жаль, что ни меня, ни Ага Самеда нет рядом с тобой. Мы лучше других знаем этих черных людей. Хоть рядом с тобой немало друзей, все же беспокойство не оставляет нас.

Ага Самед очень изменился после той страшной истории. Возможно, на него больше всего подействовало мужественное поведение моей Соны перед лицом возможной гибели. Она предпочла смерть бесчестью. Ага Самед усиленно занимается самообразованием, изучает русский язык, читает книги по разным отраслям знаний, которые находит у здешних преподавателей. Он очень способный человек, жаль, свое образование он начал слишком

поздно, иначе он мог стать одним из служителей просвещения нашей бедной нации. Мы оба поддерживаем связи с представителями местной интеллигенции, участвуем в литературных спорах о прочитанных книгах. Помогаем вновь открытой школе для местных иранцев. Узнав, что я иногда вношу средства на нашу школу, Ага Самед изъявил желание участвовать в пожертвованиях на последующие годы. Более подробно о нашей жизни я смогу рассказать тебе, если с помощью аллаха мы встретимся!

Я уже заканчивал свое письмо, как получил твое. Что можно сделать, брат? Сейчас у нас нет другого выбора, кроме как надеяться на карманы великодушных людей.

Я подружился здесь с человеком, которого выслали из России, из самого Петербурга. Он рассказывает удивительные вещи! «Можно надеяться на то, что придет время, когда школы и дело просвещения не будут нуждаться в жертвователях, само государство будет содержать их!» - говорит он. Кто знает!..

Передай от меня привет Минасолтан и моей невестке Джейран.

С постоянным почтением.

Твой брат Т а р л а н.

Да, дорогой Ага! Сюда только сейчас дошла дурная весть о том, что Исмаил убил своего младшего брата Мухаммеда. Точно ли это? Я никак не мог поверить, потому что знал Исмаила с детства. Это кроткий и тихий человек, что могло толкнуть его на преступление?

Ага Самед говорит, что город, где такие, как Алыш, становятся «Мешади» и приобретают влияние, где брат убивает брата, должен разрушиться. Он все больше раскАйвается в совершенных им ранее преступлениях и говорит, что стыд не позволяет ему смотреть людям в глаза, что только помощь несчастным и бедным позволит ему жить дальше.

А теперь самое главное, Ага, теперь я обращаюсь к тебе с просьбой!

Я убежден, что ты поймешь меня, дорогой друг, и станешь на мою сторону... Я уже писал тебе, что любовь к Соне будет вечно жива в моем сердце и не даст мне ни полюбить кого-нибудь, ни жениться! Будет справедливо, если я возьму на себя заботы о ребенке моей любимой, которая на правах моей племянницы будет единственной моей наследницей. Я хочу помочь ей получить образование, хочу сделать ее счастливой в соответствии с моими взглядами и требованиями времени.

Дорогой брат! Прошу тебя каким-нибудь образом переправить девочку ко мне. Может быть, с одним из надежных купцов, едущим торговать в наши края. Или же привези ее в Баку и посади на судно, которое отправляется в Новый город на другом берегу моря, куда я и приеду за ней из Ашхабада. Любой путь, выбранный тобой, я сочту лучшим. Здесь есть преподавательницы, которые берутся выучить девочку необходимому курсу на русском языке. Я постараюсь выучить дочь моей Соны так, как бы это сделала сама ее мать, если бы могла! Я постараюсь, чтобы из девочки получилась учительница - первая в Ширване. Это будет моим подарком родине.

Если ты выполнишь мою просьбу, я буду обязан тебе до конца моих дней.

Хочу сообщить тебе, что по твоему совету я подписался на газету «Пахарь», мне ее пересылает один из бакинских купцов. Я был счастлив прочитать в одном из номеров твое стихотворение. Да принесет аллах силу твоему перу, свет твоим глазам. Теперь ты - опора для тех, кто думает о счастье своего народа, брат мой! Будь здоров и счастлив, аллах милостив! Радуй нас добрыми вестями о себе.

Твой брат Т а р л а н.

Ашхабад. Двенадцатое число... месяца... года».

Ужин был уже готов, но время прекращения поста еще не наступило. Джейран не находила себе места, старалась подальше обходить накрытую скатерть, азан все не начинался.

«Ах, Джейран, Джейран!» - сердце Сеида Азима сжималось от жалости. Он поднялся и выглянул в окно:

- Наверно, уже пора?

Тупая боль в желудке не прекращалась, но Джейран была неумолима:

- Нет, подождем, еще азан не начинался... От кого письмо, Ага?

Сеид Азим понял уловку жены отвлечь его внимание и улыбнулся:

- Из Ашхабада, от ага Тарлана... Джейран, как Гаратель? Не устаешь ты от лишнего человека в доме?

- Что ты! Только бедная девочка очень тоскует, все плачет о матери... Никак не могу успокоить ее.

Сеид Азим решил, что сейчас самое подходящее время сказать о просьбе Тарлана, только следует сделать так, чтобы ни Джейран, ни Минасолтан не обиделись.

- Оказывается, у Гаратель есть дядя... Узнав о смерти Соны и о том, что девочка после ее смерти осталась у нас, он написал мне письмо, в котором просит отправить девочку к нему. Ты постепенно подготовь ее к мысли, что лучше будет для нее переехать на жительство к дяде... И маме постарайся объяснить...

- Как жалко, Ага! А может быть, ей лучше остаться у нас?

- Нет, Джейран, у каждой птицы свое гнездо! Раз дядя изъявил желание забрать ее, мы не имеем права задерживать ее у себя. И потом, подумай сама, там она не будет стесняться, считая, что живет у своих... Да и дядя хочет сделать ее наследницей, своих детей у него нет...

- Ах, вот как?

Их беседу прервал чистый громкий голос Кебле Мурвата: «Нет бога, кроме аллаха!.. Идите к лучшему из дел... Аллах велик!»

С плеч будто упал тяжелый груз, никогда еще поэт не ждал этого крика с таким нетерпением.

- Ну давай скорее! - сказал он торопливо и быстро подсел к скатерти. Он протянул жене блюдечко с финиками и пиалу с родниковой водой.

Ласковая забота мужа, торопливость, с которой он желал поскорее закончить ее мучения, вызвали слезы на глазах Джейран, жаркая волна горячей признательности и любви покорила все ее существо. Она откусила кусочек сушеного финика и запила глотком воды...

- Джейран! Почему ты меня не слушаешь?

Женщина опустила глаза. Она ела с трудом, словно училась есть заново. Проглотив, она спросила:

- О чем ты?

- Ты сама прекрасно понимаешь, о чем... Тебе нельзя поститься! Поверь мне... Прежде всего потому, что ты кормишь грудью ребенка. Ты даже не представляешь, какой грех берешь на душу: ребенку достается меньше молока, потому что ты голодаешь. Да и себя ты изводишь этим изуверским постом, ты очень ослабела. Это больший грех, чем не поститься; ведь в коране сказано, что от поста освобождаются больные, кормящие грудью и путешествующие, словом, все те, для кого требуется большая затрата сил. Джейран! Поверь мне!

- Я тебе верю, Ага, но... я не могу есть в пост, боюсь... И без того о нас говорят такое... Узнают, что я не пощусь...

Больше, чем голод, Джейран угнетало сознание того, что о ее муже ходят недобрые слухи, ее страдания нельзя было ни с чем сравнить. До этой минуты Сеиду Азиму казалось, что изнуренность Джейран, постоянная тоска в глазах связаны с голодом, теперь же что-то необъяснимое во взгляде жены заставило его насторожиться. С необычайной теплотой в голосе он спросил:

- Джейран, родная моя, что случилось? Что за горе ты прячешь в своем сердце?

Ах, если бы всегда голос Аги был таким ласковым!... Ах, если бы чаще слышать эти нежные нотки в его голосе!... Чего бы она не отдала за это! Она боялась за свою любовь, за свою семью... Можно сказать Are о слухах, которые доходят до нее? Сплетни ли это? Она не знала, как приступить к разговору, который давно рвался с языка. Сколько дней она искала повода для беседы, случая остаться с ним наедине... Он целыми днями в школе, пишет до полуночи, часто засыпает с первыми петухами... Его часто не бывает в городе, он много ездит... При Минасолтан ей не хочется затевать тяжелый для всех разговор. Такого случая, как сегодня, может, скоро не представится. Уже давно Гаратель отговорила свои сказки и уложила детей спать и сама улеглась в постель. И младенца Джейран успела покормить грудью перед сном... Она снова посетовала на судьбу, что Ага дал такое имя ребенку...

Жизнь в квартале давно замерла. Скоро вернется от Мешади Ганбара Минасолтан, и снова она промолчала... Но Сеид Азим сам пошел навстречу разговору:

- Иди ко мне, Джейран! - Он лег на сложенное вдвое стеганное шерстью одеяло, усадил жену рядом и положил голову ей на колени. Ее лицо залилось краской, будто это была их первая брачная ночь. - Расскажи мне, родная, что тебя гложет... В чем дело?

Джейран положила руку на голову мужа и начала поглаживать волосы на висках. Он губами поймал ладонь, потом прижал руку жены к щеке:

- Ну, начинай!

Джейран заговорила... По мере того как Джейран выговаривала то, что скопилось у нее на сердце, что горькими уколами ранило ее душу, у Сеида Азима горестно сжимались губы... Он не мог видеть страдания Джейран. Как успокоить ее? Ведь она кормит ребенка, молоко будет горьким, если душа матери скорбит... Он повернулся лицом к коленям жены и прижался, схватив руки Джейран, покрыл их страстными поцелуями, в которых смешалось раскаяние и любовь...

- Джейран, дорогая! Разве моя жизнь не проходит перед твоими глазами? Видела ли ты меня пьяным или навеселе? К чему скрывать? В молодости это случалось... Но с тех пор, как я понял, чему я обязан посвятить свою жизнь, я полностью освободился от желания взбодриться напитками... Что же касается того, о чем ты говоришь... Ты сама знаешь, я человек, влюбленный в красоту, в любое ее проявление... В красоту поэзии и музыки, в красоту прекрасного танца и старинной книги... Я ищу прекрасное в человеке, в природе, разве ты этого не знаешь, дорогая, родная моя?

Джейран незаметно для себя поддавалась очарованию голоса возлюбленного и словно в полусне ответила:

- Знаю...

- Знаешь... Прекрасное заключено во всех формах жизни вселенной... В цветах и травах, в горах и ущельях, в мужчине и женщине... Разве первая улыбка младенца не доставляет такое же удовольствие и радость, как только что распустившийся бутон? Как прекрасна красота молодой женщины или изящные манеры и благородство молодого человека! Аромат рейхана, мугам или газель... Ты же знаешь это, Джейран?

- Знаю...

- И все же непристойные слова нашли ход к твоему сердцу... Поэт без полноты знаний жизни мертв... Пусть подозрения растают и улетучатся, как дым. Не обращай внимания на слова и сплетни невежественных, ничтожных людей. Моя любовь постоянно с тобой. С детьми...

- Знаю...

- И еще, родная... Для того чтобы тебя не могли коснуться разговоры досужих кумушек, в свободные часы старайся читать книги поэтов, имена которых тебе хорошо известны, вот они перед тобой на полке... С каким трудом мне удалось собрать эти прекрасные книги! Здесь и те, что я покупал в годы странствий, и те, что в наш дом попали при посредстве Мешади Гулама... Хагани и Низами, Фирдоуси и Саади, Хафиз и Физули... Если ты

вчитаешься в произведения великих поэтов прошлых веков, то поймешь, что поэзию всегда питает красота, что ею жив поэт, что именно красоту на все времена славит в своих творениях...

Слова мужа были бальзамом для измученного сердца

Джейран, хотя и не могли полностью успокоить ее: она рада была бы забыть обиды, но не могла... Какое ей дело до тех, кто жил сотни лет до нее? Рядом с ней любимый, и она не хочет ни с кем делить его любовь... Но вслух стыдливая женщина только сказала:

- Хорошо, Ага...

Послышался стук захлопнувшихся ворот, наверно, вернулась Минасолтан. Сеид Азим поднял голову с колен жены и облокотился на мутаки. Джейран пошла к двери, чтобы встретить свекровь. Взяла у нее из рук чадру и неторопливо сложила.

- Вы еще не спите, дети?... Джейран, детка, ты совсем измаялась, иди ложись... На утро я все сама приготовлю... Ну как, хорошо отметили окончание поста?

- Да, мама...

- Ага! Тебе понравилась долма?

- Да, мама... А как вы праздновали у Мешади Ганбара?

- Очень хорошо, только волновалась о вас...

- Почему?

- Сидели голодные...

- Так и ты ведь сидела до первой звезды голодная?.. А ужин, который приготовила твоя невестка, разве может оставить человека голодным?

Джейран услышала в похвале мужа продолжение предыдущего разговора; она уловила, что он не оставляет надежды успокоить ее, значит, понимает, что окончательно утешить не сумел... Она ушла в детскую покормить грудью Омара...

Сегодня поэту хотелось поработать ночью. Он поднялся и подошел к книжной полке. Здесь были собраны поистине прекрасные книги. Какие имена!.. Но порой сомнение вкрадывалось в душу: займут ли его сочинения книжные полки тех, кому доведется жить в будущем? Будут ли его читать?.. Он просматривал книги по истории, литературе и языку, выбирая, чем займется сегодня. Даже теперь, когда годы учебы так далеко позади, он ежедневно старался узнать что-нибудь новое, ранее неизвестное ему.

Но мысли о разговоре с женой не оставляли его ни на минуту в этот вечер... Нельзя ранить ее непорочное сердце ядом страха и сомнения, нельзя и заставить умолкнуть злые языки... Враги и недруги избрали сейчас мишенью его семью... «Нет, господа «закрытые», курбангулу и алыши. Я хорошо знаю ваши коварные намерения, но я не сдамся! Пока я жив, я буду трубить о вас на весь мир! Вам не удастся сломить мой дух, заставить меня молчать при виде ваших козней, вашей тупости, вашего стремления играть на невежестве людей.

Отношение людей друг к другу... Отчего столько злобы? Почему возникает вражда?.. Козни, гонения... Горько от сознания, что невежды порочат твой талант, предают проклятьям твое стремление просветить народ. Разовьется ли поэзия, если чернь и фанатичная толпа ждет лишь повода, чтоб расправиться с поэтом, уничтожить его?»

Он вспомнил, как пришла весть, всколыхнувшая поэтов Ширвана: русскому поэту устанавливают памятник! И устанавливают в самом центре России, в Москве! Как будто он генерал или царедворец.

Сеид Азии слышал о Пушкине, но мало читал его. Известие о том, что Пушкину поставлен памятник, так потрясло его, что он и не помнил, как потянулся к перу, и полились строки об «Александре, сыне Сергея, великом поэте», «мастере волшебного слова»...

Настанет ли день, когда и в его родном краю возвысятся памятники несравненным Хагани, Низами, Физули?.. Возможно ли такое?

Долго не давалась концовка стихотворения о Пушкине. Наверно, потому, что не очень знаком был он с творчеством поэта. Почитатели Сеида Азима Ширвани не поверили бы, что их кумир, мастер экспромтов, столкнулся с трудностями: эти стихи рождались долго, особенно финал... Вот она, заключительная строка, и стихи обрели законченность:

Он при жизни снискал и великий почет, и любовь,

Ныне славой стократной венчают народы его!12

Над домом поэта этой ночью снова взмахнула крылом фея вдохновения, рука без устали скользила по бумаге, ширазский пенал почти до самого утра стоял раскрытым перед поэтом. Новые мысли, доселе не испытанные чувства обуревали его...

Джейран прилегла рядом с малышом, чутко прислушиваясь к тому, что происходит в соседней комнате. Она, кажется, задремала, но ненадолго, повинуясь внезапному порыву, поднялась на ноги. Подойдя к очагу, она бросила в огонь щепотку соли и горсть высушенных трав, купленных у знахаря от сглаза, и начала молиться: «О аллах! Защити моего Агу от земных и небесных бед! О великий аллах! Спаси отца моих детей Мирджафара и Хаджар и моих младшеньких от злобы, клеветы, наветов и обвинений! Прояви к нему милосердие!» Имен Айши-Фатьмы и Сеида Омара она не называла. Она не могла называть девочку Фатьмой, как Минасолтан, ни Айшой, как Сеид Азим. Девочке она говорила «дочка», а Омару - «дитя».

В соседней комнате горела свеча, и как факел пылала душа поэта. «О аллах! Сделай так, чтобы любовь к моему народу никогда не ушла из моего сердца. Борясь за него, мне приходится испытывать все больше и больше мучений, но я их не боюсь! Ты можешь удесятерить мои страдания, чем сильнее они будут, тем крепче я буду держать в моих пальцах перо. Я иду навстречу страданиям, и невзгодам, раз они выбрали меня своей жертвой! Кто готов страдать за свой народ, тот воистину любит его! Пусть я сгорю, как свеча... Пусть сейчас меня понимают лишь единицы, но придет время, когда меня поймет

весь народ. Поймет, какие страдания и муки претерпел Сеид во имя его счастья и просвещения...»

Пусть на куски меня разрежут, не перестану я кричать,

Свирелью буду петь, пока в груди дыханье у меня.

Я - птица, сад мой - небеса, и клеткой стал мне тленный мир.

Не странно ль, как она тесна - все мирозданье - у меня?

Сейчас приют мой - небеса, но я, душа, не одинок,

Семья предшественников есть и есть призванье у меня.

Я в этом мире одинок, и, кроме горя по тебе,

Нет ни защитника, ни друга при расставанье у меня.

Пусть жизни караван прошел, душа, напрасно не кричи,

Пусть колокол судьбы - стихи - звенит в гортани у меня.

Звучит повсюду голос мой, и с ним, Сеид, я не умру,

Пусть в нем бессмертье обрету - одно желанье у меня.

Сеид Азим внезапно успокоился, он понял, что смерть его не пугает: «Нет, напрасно усердствуют те, кто угрожает мне смертью. Я не одинок: у меня были предшественники, есть и последователи. Жизнь не прекратится. Были и до меня поэты, будут и после меня. Не будет в живых меня, а мои газели будут звучать, люди не забудут имя Сеида. Но главное не в этом... Главное сейчас то, что я успею написать еще, вот это страшит моих врагов больше всего... Нельзя терять время, нельзя закрывать глаза на дурные дела... Алышей и «закрытых» пугают не газели. Только злая сатира способна заклеймить их!»

Когда Минасолтан вышла во двор для совершения ночного намаза, она увидела в комнате сына свет:

- Детка, ты еще не спишь? Да буду я жертвой твоего предка. Ты не устал разве?

- Я сейчас ложусь, мама, не беспокойся...

- Побереги себя, детка, силы уже не те...

- Да, вспомнил, мама, когда утром встанешь к намазу, скажи Ширину, пусть приготовит коня...

- Куда ты собираешься, детка? К добру ли...

- В Агамаммедли, мама...

- Зачем? И почему сейчас? Да будет мама твоей жертвой, детка!

Взяв материнские руки в свои, он ласково взглянул в лицо Минасолтан и понизил голос до шепота, чтобы Джейран в соседней комнате не услышала, что ее муж остался совсем без денег...

- Мама, Керим-бек из Агамаммедли обещал мне зерно и корову... Прошло много времени с тех пор; наверно, он забыл о своем обещании. А у нас зерна почти не осталось. Не хотелось ему напоминать, но сейчас другого выхода нет. Если я постесняюсь, может, он не постесняется, а если я не постесняюсь, съезжу, может быть, при личном свидании он и вспомнит о своем обещании. Тогда у детей и молоко и хлеб будет... Впереди зима, не поеду сейчас, в сухую осень, - похолодает, совсем не смогу из дома выбраться. Пока дорога хорошая...

- Да, детка, тогда совсем не сможешь поехать...

- Не волнуйся, мама.

- Аллах милостив, детка!.. Может быть, переждать немного?... Не спешить в путь?... С одной стороны завяжешь, с другой развяжется... Аллах милостив!

Губы поэта скривила ироническая улыбка: «Да, да, конечно, а как же? Аллах милостив! Аллах милостив! Но он так высоко и далеко, что часто его милость запаздывает... Аллах милостив... Аллах милостив...» Внезапно часто употребляемые матерью и всеми окружающими людьми слова стали отдаваться в нем ударами сердца, в такт с ним складывались стихи, он речитативом начал читать остолбеневшей матери:

Да, мама, милостив аллах!

А как же, милостив, конечно!

О, как он милостив, аллах!

Одно и то ж, одно и то ж!..

Минасолтан сначала ничего не могла понять, но потом, решив, что сын полон серьезных намерений и вовсе не собирается шутить, стала повторять за ним: «Аллах милостив!»

- Мама! Ты не волнуйся, на обратном пути из Агамаммедли я хочу заехать в Гаравелли. Приятным закрою неприятное: Гейбат из Гаравелли пригласил меня на свадьбу сына.

- Пусть аллах принесет счастья молодым!

- Я обязательно передам им твое пожелание, мама...

Минасолтан глубоко вздохнула и погладила сына по сутулой спине:

- Ну что же, детка, поезжай! Пусть аллах принесет удачу твоей поездке...

- Пусть лучше Керим-бек принесет ее мне, мама!

Минасолтан не поддержала шутку сына, она, как и Джейран, молила аллаха ежечасно за него и малышей...

- Уповай на аллаха, сынок, мы все в его власти... Пусть аллах вселит в сердце Керим-бека благую мысль вспомнить о семье его верного слуги, Сеида Азима, что тогда останется делать Керим-беку?

Она снова погладила согнутую спину, и будто какая-то сила перетекла от нее к сыну, так велика была ее любовь и преданность. Поэт собрал свой пенал, на рассвете он должен покинуть дом. Необходимо хоть немного поспать...

А Минасолтан не могла уснуть, в тревоге и беспокойстве уста ее шептали:

- Аллах всемогущий! Дай моему сыну удачи, облегчи его путь, помоги в делах! Не дай ему опозориться перед женой и детьми своим безденежьем, своим неумением принести в дом хлеб. Что делать? Ты сам создал его таким. О всемогущий! Всели праведные мысли в голову Керим-бека и доброту в его сердце, чтобы мой сын не вернулся домой с пустыми руками, чувствуя себя виноватым перед семьей.

Чуть свет она была уже на ногах, а когда поэт проснулся, во дворе его ждал конь, которого Ширин Абдулла накрыл попоной и привязал к воротам.

Он выезжал из дома, когда в конце улицы послышался голос Сироты Гусейна, который уже с лотком на голове шел к Базару.

Мать плеснула водой на дорогу из чаши, как это делают в каждой мусульманской семье, когда кто-нибудь из дома уходит, уезжает в путь. Поэт взглядом попрощался с Джейран, он бы с удовольствием поцеловал ее нежное лицо, но традиции не позволяли сделать ему это при матери. В сердце закралась печаль, когда он перевел взор на Минасолтан:

- Не болейте, мама! - И пришпорил коня.

Дороги... Ширванские дороги, по которым мы уже не раз проезжали с вами...

На пустынной дороге он был один... Утомляло ли его одиночество? Пугало? Нет, конечно, нет. Скорее, он любил оставаться один. Неистощимое воображение поэта создавало собеседника, с которым поэт коротал путь... То собеседник возникал из прошлого, то увлекал его в будущее... То воображаемый спутник был другом, то оказывался врагом... И

теперь, как всегда, Сеид Азим пустился в путь ради семьи, ради куска хлеба... Тяжелые, утомительные, горькие воспоминания о голодном дне «голодного года»...

... Чтобы отвлечь детей от мысли о еде, Сеид Азим рассказывал им сказки, вспоминал стихи детских лет. Но из его затеи ничего не вышло. Стоило ему прерваться, как дети спрашивали его: «Джейран сказала, что хлеб будет утром. Правда? Хлеб дядя Ширин принесет?» Или обращались прямо к нему: «Хлеб купит Ага? Пойдет и купит?» Старшие были тогда совсем маленькие... «О аллах! Какое страшное несчастье - голод. Не испытывай меня голодом, аллах всемогущий! Я не могу смотреть в лицо голодным малышам, не могу видеть осунувшееся лицо Джейран. Мама прячет глаза от меня, и я готов провалиться сквозь землю...» Он вспомнил давнишний разговор, тихо переговаривались Джейран и Минасолтан:

- Мама, давайте я приготовлю фасоль с тыквой, а если добавить сушеного кизила, будет очень вкусно...

- Нет, детка, - вздохнула Минасолтан, - кизил кислый и вызывает аппетит, дети захотят хлеба... Лучше свари фасоль на воде, а тыкву порежь кусочками и испеки на сковороде без масла. Фасолью они наполнят желудок, а сладкая тыква будет детям вместо лакомства.

«О аллах! Я всю свою жизнь молил тебя не вынуждать просить милостыню. Где же твоя хваленая справедливость? Зачем ты обрекаешь на голод безгрешных детей? Или мою мать, которая ни разу в жизни не пропустила ни одной молитвы? Или Джейран, которая одного за другим вскармливает детей грудью, не пропуская при этом установленных тобою молитв и поста, и каждый раз просит тебя о своих детях: «О аллах! Пожалей моих детей! Пошли им больше хлеба насущного!» Но разве ты ее слушаешь, аллах? Где же твое милосердие? Ты - высшая сила, могучая, неодолимая... К кому же мне еще обращаться?..»

Он и не заметил, как завыл, засвистел ветер, точно залаяла стая волков... Поднялся из-за гор смерч, мгновенно смешавший землю с небом, ураганной силой швыряя в лицо снежными хлопьями, все пространство заволокло мраком. Пронизывающий ветер проникал сквозь хорасанский дубленый тулуп и чуху под ним, калмыцкую мохнатую папаху срывало с головы. Папаху подарил шапочник Алигулукиши, бог знает с какой целью, возможно отдавая сеиду узаконенную подачку... Хорошо, что поэт не забыл под модные с недавних пор в этих краях штиблеты натянуть на ноги шерстяные носки, собственноручно связанные и присланные Дастагюль - старшей женой Гаджи Кадыма - хозяина зимовья Белоглан, к которой Ага заезжал по дороге в Арабчелтыкчи... Сеид Азим потуже завязал белый башлык, которым была обернута папаха, подарок родственника из Ягсая, где окончил жизнь покойный дед поэта... Подарки... Подарки...

Он представил себе дом, где Джейран, согревая дыханием замерзшие руки, засыпает в мангал угольную пыль, потому что крупные куски давно сожгли. Ей надо разжечь оставшуюся со вчерашнего дня угольную пыль до того, как проснутся дети, чтобы хоть немного согрелся дом и дети не простудились, потом покормить орущего от голода младенца, потом остальных, потом...

В богатых домах еще с вечера топились жаровни, раскаленные угли источали плотный, дающий постоянное тепло жар. Хозяева, удобно устроившись на тюфячках, подложив под голову мутаки и подушки, грели ноги у мангалов, поставленных под специальные металлические столики, поверх которых натягивали покрывала до самых подбородков. На столиках стояли подносы из меди, прекрасной лагичской работы, наполненные поджаренными зернами пшеницы, кукурузы или гороха, с кишмишом и финиками,

ядрышками фундука и грецкого ореха. Слуги подавали чай или жирный с разными приправами плов. Конечно же это были богатые, зажиточные дома. А что сейчас у них дома?..

Когда Минасолтан и Джейран увидели готового к путешествию Сеида Азима, мать задала свой обычный вопрос:

- Куда ты, детка, к добру ли?

Сеид Азим старался не встречаться взглядом с женщинами. Как положено, он вел разговор со старшей из них.

- А что может быть недоброго, будь проклято зло!... Мне необходимо отлучиться...

- Далеко ли, родной?

- Пока еще не знаю точно, мама, если немного задержусь, не волнуйся...

Минасолтан конечно же знала, куда едет сын. Но Джейран устыдилась спросить у мужа, куда он собрался, и потому свекровь подоспела на помощь:

- Хорошо, сынок, поезжай, да принесет тебе аллах удачу...

Как хорошо, что не надо еще раз объяснять, что в путь его гонит страх голода. «Молодец, мама, сама все понимаешь...»

- Будьте здоровы...

- Возвращайся здоровым... - Привычным взмахом она плеснула воду вслед сыну. - Пусть аллах будет с тобой!

... Мысли о матери не оставляли его ни на минуту, она всю дорогу была рядом. Щемило сердце: «Мама моя, трудолюбивая, неутомимая, отдавшая мне в жертву свою молодость, лучшие дни своей жизни! Сначала мама растила меня, теперь растит моих детей, она не жалеет своих сил, чтобы в доме всегда был мир. Самая благородная из женшин, самая самоотверженная из матерей, моя мама! Если бы я решил отвернуться от веры пророка Мухаммеда, моего великого предка - посланника аллаха на земле, то стоило мне вспомнить его слова о том, что рай на земле под ногами матерей, как я взял бы назад свое решение... Рай под ногами таких матерей, как ты, моя мама! Да буду я жертвой твоей, моя опора и поддержка!»

Мои мысли, дорогой читатель, о матери Сеида Азима, о матери поэта - Минасолтан. Когда я слышу песни, в которых звучит признательность матерям за их бескорыстие и долготерпение, мне кажется, что каждая о ней, о матери поэта...

Всегда провожает его из дома Минасолтан. В который раз провожает, в который раз выливает вслед ему воду, чтобы путь его был гладок. «Уеду и снова вернусь, а увижу твое лицо, и надежда вернется ко мне...»

Материнские глаза постоянно устремлены на дорогу, по которой уехал сын, томятся ожиданием и тоской, лучики морщин уходят от прищуренных, вглядывающихся в даль глаз. «Воды текут неустанно, и сердце не устанет ждать...»

Среди сотен шагов, среди тысяч звуков она старается уловить шаги сына; сердце готово разорваться на куски, только бы узнать, по какой дороге он вернется...

Что может быть дороже слова «дитя»? Сколько раз ее губы шептали «детка»? Сколько раз молили аллаха пощадить ее «детку»? Нет на земле святилищ и домов аллаха, где не возносились бы молитвы и не отдавались жертвы во имя счастья и жизни самого дорогого существа.

- О детях не беспокойся, детка, в доме осталось немного муки, накормим, и тыква есть... Ты занимайся своими делами, поезжай спокойно.

Мешади Ганбар, спешивший к утреннему омовению в баню Галабазара, счел доброй приметой раннюю встречу с потомком пророка:

- Да буду я жертвой твоего предка, Ага, как я рад тебя видеть! Что это ты так рано? Или тоже в баню собираешься?

Сеид Азим поздоровался с соседом, подумав с усмешкой про себя: «Лысому только расчески не хватает! В такую погоду и на пустой желудок только бани недоставало...»

А Мешади Ганбар не унимался:

- Да будет над тобой милость аллаха!.. Но, Ага, в такую погоду лучше из дома не выходить. Ты ведь поэт, лавки на базаре у тебя нет, значит, никакие заботы тебя не гонят, не то что у меня... После молитвы мне надо спешить в лавку, а ты можешь сидеть дома, греться у мангала, облокотясь на подушку...

Словоохотливость и болтливость Мешади Ганбара раздражала поэта, но Сеид Азим не мог ответить ему. «И он мне завидует! Если бы твой аллах, сосед, вместо пшеничной каши со сливками, имбирем и корицей, что ожидает тебя после молитвы, принес моим детям кусок хлеба, это было бы для меня праздником...»

- Веселый ты человек, Мешади Ганбар, клянусь аллахом...

- Хорошее настроение, Ага, - признак праведности духа...

«Что чувствует твой праведный дух, Мешади, когда ты заключаешь очередной временный брак у моллы?.. - с усмешкой подумал поэт. - Конечно же воды галабазарской бани смывают все грехи с человека, не пропускающего ни одного религиозного омовения, ни одной молитвы...»

- Извини меня, Мешади Ганбар, здесь мой путь расходится с твоим, мне сюда... Счастливого омовения, да укрепится твоя вера!

Мешади провел пальцами, выкрашенными хной, по окрашенной бороде, кивнул головой в островерхой папахе:

- Пусть аллах будет милостив к тебе, Ага. - И неторопливо зашагал в сторону Галабазара, до бани оставался один квартал.

«Посмотрим, принесет ли мне удачу праведная физиономия Мешади Ганбара? Проклятье дьяволу! Дорога все время идет вверх, ветер бьет в лицо. Но мне необходимо добраться до Агамаммедли. Сейчас мне больше не к кому обратиться. К Махмуду-аге? Нет, нет! С тех пор как я послал ему последнее стихотворение - подношение, прошло полтора месяца. Даже самому терпеливому может надоесть поэт-бедняк. В последнее время и настроения нет присутствовать на меджлисах в его доме. Я стараюсь и на глаза ему не попадаться. Одна надежда на Керим-бека и его обещание. Авось вспомнит...»

Когда рассвело, ветер ненадолго стих. В разрывах облаков на фиолетово-синем небосклоне, словно груды белого хлопка, высились вершины гор. В холодном горном воздухе дышалось полной грудью, но чем выше склон уходил вверх, тем больнее становилось дышать, словно льдинки проникали с каждым глотком воздуха в легкие. Потом Сеид Азим почувствовал, что задыхается, ему показалось, что башлык туго обхватил горло и стиснул его. Он развязал концы башлыка, но легче не стало. Лоб покрыла испарина, вынув из кармана хорасанского тулупа платок, он насухо вытер лоб. Но тут заметил, что бороду и усы обмело инеем: его горячее дыхание мельчайшими белыми льдинками оседало на лице и выбивающихся из-под папахи волосах. «Странно, мне одновременно и жарко и холодно. Голова вспотела, спина мокрая, а руки и лицо заледенели...» Он спешился, растер руки снегом, вытер их насухо платком, потом засунул руки в рукава тулупа. Маленькая передышка, казалось, восстановила его силы. Он шел, ведя коня на поводу, вонзая палку в глубокий снег, пытаясь определить дорогу, опасаясь ям и оврагов, коварно спрятавшихся под слоем снега. Он с частыми остановками медленно продвигался вперед. Ему казалось, что далеко, далеко внизу, в низинном ущелье, стелется дым над крышами домов, а может быть, серая мглистая пелена заволокла даль... Ни одного живого существа под этим белым покрывалом... Но вот снова завыла поземка, закрутила клубки по дороге, все круче, все выше вздымая снежное веретено, и вот уж сплошной стеной повалил, посыпал снег. Сразу потемнело. Ветер ворвался под полы тулупа, проник сквозь рукава и воротник. Сеид Азим задохнулся, закашлялся и, став спиной к ветру, прижался головой к боку коня.

- Ага, да буду я жертвой твоего предка, что ты делаешь здесь в такое время, когда не видно даже хвоста идущего впереди коня?

Сеид Азим с трудом оглянулся на голос. Какое счастье, что он встретил человека!.. Он узнал говорившего. Это был младший брат давнего знакомого Сеида Азима - Гаджи Нусреддина из Гейляра - Мехъяддин. Поэт глубоко вздохнул, ветер высек слезу из его глаз...

- Сынок! Погода поначалу не обещала быть такой жестокой... Да, давно я не видел моего друга Гаджи Нусреддина...

- Ага, видно, важное дело толкнуло вас на дорогу в такую непогоду? - сказал Мехъяддин, а сам подумал: «О аллах! К добру ли? Почему такому светлому и знающему человеку не помогает его предок?»

- Сынок! Мне очень нужно повидать твоего брата... «Он мне поможет, только ему я могу поведать о своем горе... Ты думаешь о моем предке, парень, я тоже... Если бы у моего предка была сила, то его детей не перебили бы как овец в Кербеле, а их жен не угнали бы в плен...» - подумал поэт и усмехнулся.

А Мехъяддин уже спрыгнул с коня, подошел к Сеиду Азиму и помог ему взобраться в седло, плотно подвязал подпругу, вскочил на своего коня, и они вместе заспешили к Гейляру...

Не здесь, так там... Гаджи Нусреддин спас Сеида Азима от беды: разделил поровну, что имел в доме, и, спасибо ему, дал ему возможность продержать семью, не дать голоду выкрасить лица шафраном. А господа, летом дававшие обещания поделиться с семьей поэта осенним урожаем, то ли забыли свои клятвы, то ли нарочно заставляют его ждать и надеяться, желая получить поэтические восхваления, которые, как они понимали, оставят их имена в сокровищнице поэзии народа... «Люди не обязаны содержать меня. Откуда им знать, что заработанные учительством деньги я отдаю на нужды моей школы?»

Возвращаясь в город, поэт все время пути думал об одном: он должен заранее готовить продукты на всю зиму, не ждать наступления холодов, чтобы они всегда были готовы на случай несчастья... Что бы с ним ни случилось, семья не должна погибнуть. Эти мысли часто приходили к Сеиду Азиму, но он понимал и то, что мысль мыслью, а запастись едой на зиму не удастся... Кто поможет? Откуда взяться запасам? Все труднее и труднее жить, на неделю вперед заглянуть страшно... «Аллах всемогущий! Пусть уйдет день голода и больше не вернется!»

А в городе поэта ждала недобрая весть. Так всегда: отлучишься на некоторое время, а приедешь - и непременно узнаешь что-то такое, отчего на душе делается горько.

Вот и теперь - не успел вступить в город, как ему сообщили: прошлой ночью мороз расправился с лоточником Сиротой Гусейном...

Как можно в это поверить? И сразу всплыло в памяти: «Да что ты, сосед, разве он заболеет? Разве кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтоб он охнул? Да он крепче камня!.. Над нами воля аллаха! Наверно, он у него в милости, избавил голого от хлопот со стиркой...»

Больше никто не услышит песенок Гусейна в Мануфактурных и Бакалейных рядах Базара. Осиротели кварталы Иманы, Минахор, Сарыторпаг, кто теперь будет разносить халву на лотке? И каждый, кто встретит нового лоточника, вспомнит Сироту Гусейна и его голос, распевающий о Ширване, о своей любимой...

Царица фей снова была с ним рядом. Он чувствовал это, когда возвращался домой. Ему даже казалось, что она отдавала ему, замерзавшему под ледяным ветром, свое тепло. Он каялся перед нею в необходимости писать оды-восхваления, вместо того чтобы кричать о злодействах своего времени.

- Но ты же пишешь стихи-назидания для школьников, в которых призываешь овладевать основами наук.

- Вместо того чтобы бросать вызов врагам?

- А газели о любви, о красоте?

Поэт снова ощутил прикосновение к своему лбу нежных пальцев, пахнущих цветами, ветром весны, дыханьем любимых губ...

- Я собой недоволен.

- Поэт не может быть довольным собой. Ты не первый и не последний... Поэт умирает в день, когда начинает любоваться собой.

- Я стыжусь стихотворений, которые писал с протянутой рукой, вымаливая хлеб для своих детей. О аллах! Как прав был, оказывается, мой дед, когда говорил мне, молодому: «Поэты всегда живут в большой нужде. Они вынуждены испытывать постоянный стыд перед женщиной, перед семьей, что не могут достать пропитание для детей. Они вынуждены унижаться перед сильными и богатыми...» Я не сумел выполнить его пожелание: никогда не просить, не ставить свою музу в зависимость от властителей мира... Ради одного мешка пшеницы, ради тулупа или абы я протягивал руку... Сквозь мои стихи проглядывает нищета. Я стыжусь грядущих поколений.

- Как же ты думаешь о своих преемниках? Ты что же, считаешь своих потомков неблагодарными, невежественными? Ценители поэзии и родной литературы, которым в дар ты оставил свою поэзию, которым старался внушить свои идеи, ради которых шел на муки и страдания, поймут тебя. Не тревожься, будь спокоен, они поймут тебя.

- Может быть. Но что мне сказать моим детям, моей семье? Могут ли они простить меня? Вся их жизнь проходит в лишениях, голоде и невзгодах, долги отягощают мою совесть. Я стыжусь моего старшего сына Джафара, стыжусь матери...

- Не тревожься! Они не осудят тебя... Если твой народ не умеет защитить своего поэта, то к детям он сострадает и защитит их!

- А если мне придется уйти навсегда? И скоро?

- Я уже сказала, не тревожься, если твой народ не сумел защитить тебя, то защитит твоих детей, не одна семья теряет отца... Со всеми так случается...

Из всех собеседников, которых рождало воображение поэта, самым лучшим была царица фей, беседы с ней наполняли сердце поэта надеждой, радостью, верой. Страх стал неведом ему, вернулась решимость, окрепло перо. Будто на его пути вновь забил свежий родник, будто он вновь увидел в изумрудных одеждах луга, залитые яблоневым цветом сады, поля распустившихся маков, прохладные, прозрачные ручьи.

Дороги, одиночество дороги...

Разве воображение поэта даст ему остаться в одиночестве?

СВАДЬБА В ГАРАВЕЛЛИ

Месяц назад из Гаравелли Сеиду Азиму передали приглашение на свадьбу. Давний знакомец поэта Кебле Гейбат женил внука Гулу, сына своего сына. Передавший приглашение гаравеллинец на вопрос, кто из ашугов будет петь на свадьбе, ответил, что

жениху повезло: «На счастье Гулу, Салтанали, гаравеллинский бек, пригласил на свадьбу своего сына ашуга из Абдал-гюлаба. Кебле Гейбат, познав о приезде ашуга из знаменитого Абдал-гюлаба, отправил сына к беку с просьбой прислать ашуга после свадьбы бекского сына в село, провести свадебное торжество у его внука... И бек разрешил. Иначе не видеть гаравеллинцам ашуга из Абдал-гюлаба...»

Поэту давно хотелось услышать ашуга из знаменитого на весь край Абдал-гюлаба, вот и возможность за один раз сделать два дела: оказать уважение хорошим людям и послушать народного поэта...

Еще подъезжая к осеннему стойбищу кочевников, где проводилось торжество, Сеид Азим услышал веселую музыку. Зурнач призывал гостей к сооруженной на широком лугу тойхане, похожей на яркий осенний букет на зеленом ковре. Старинная мелодия не оставляла в покое ни одно сердце, ноги сами шли в пляс.

Не успел поэт поравняться с первой кибиткой в ряду, как ему наперерез бросилась женщина-кочевница, чуть прикрыв подбородок платком. Она с ловкостью схватила повод коня, другой рукой придержала стремя:

- Ой, Ага, дорогой! Джан-джан, да буду я жертвой твоего предка! Добро пожаловать, джан-джан! Аада, Ага-мали, эй... - громко крикнула она, - эй, приехал Ага, наш родной, идите сюда, держите коня!

Сеид Азим узнал жену Кебле Гейбата Мансиму, бабушку жениха... Приветливое лицо, знакомая манера часто повторять «Аада, джан-джан» вселили в гостя успокоение. Он улыбнулся и спрыгнул с коня.

- Не утруждай себя, сестра Мансима, кто-нибудь присмотрит за конем... Рад видеть тебя!

Не дожидаясь помощи, женщина сама сняла седло с коня:

- Да будет радостной твоя жизнь, да перейдут на меня твои болезни, джан-джан, какой это труд? Мы - слуги твоего предка, маленькие люди, это ты дал себе труд: по такой дороге приехал к нам на свадьбу, возвысил нас в глазах людей... Да буду я жертвой твоего предка, Ага. - Она повернулась в сторону кибитки: - Аада, Урфат, Урфат, счастливица, иди вымой ноги Are, место приготовь, чтоб он смог отдохнуть с дороги, он издалека приехал, измучился...

Из кибитки показалась молоденькая девушка в свадебном наряде, на ее голове развивался красный свадебный шелковый платок, алый отсвет еще больше разрумянил ее щеки, которые она чуть прикрыла платком. Смущаясь, девушка поцеловала руку Сеида Азима и поставила перед ним на землю медный таз и кувшин с водой.

- Не утруждай себя, дочка...

Не слушая возражений, невеста грациозным движением закинула концы платка за спину, опустилась перед гостем на одно колено и наклонилась, ловкими пальцами развязала шнурки, сняла носки и чуть не насильно поставила ногу поэта в таз. Она вымыла и вытерла ему ноги, а тем временем в кибитке Мансима постелила гостю чистый тюфяк, бросила подушку и на разостланное перед тюфяком полотенце поставила сливочное масло, сливки, буйволиную густую сметану, овечий сыр, только что испеченный чурек.

Мансима налила в пиалу свежезаваренный чай из задымленной черной посудины, похожей на кувшин, и поставила перед поэтом:

- Джан-джан, пей, родной Ага, пусть усталость выйдет из твоего тела. А когда отдохнешь, благословишь моего Гулу... Сам он очень стеснительный, не подойдет...

Поэт хорошо знал обычаи кочевников, его восхищало, что женщины, не смущаясь тем, что дома отсутствуют мужчины, с достоинством и непринужденностью встречают гостей, не закутываясь в чадру, как горожанки, и платком прикрываются лишь для вида, да и то только совсем молодые женщины, недавно вышедшие замуж, стеснявшиеся перемен, которые произошли в их жизни.

Женщины-кочевницы наряду с мужчинами седлали коней, вскакивали в седло, навьючивали и перегоняли скот, готовили сыр и масло, сливки и сметану, кормили мужчин и воспитывали детей такими же умелыми и ловкими, как они сами.

Отсюда в город, в дом поэта, посылали сыр-мотал и сливочное масло. Сеида Азима уважали как «благородного сеида» и как хорошего человека, отличавшегося от попрошаек-дервишей, молл-самозванцев. Он приезжал сюда не часто, раза два в год, но с огромным удовольствием. Гаравеллинцы отличались сметливостью, умом, чувством юмора. Они любили хорошую шутку, к месту рассказанную притчу, вовремя найденное слово.

Назойливость и наглость дервишей наталкивалась здесь на смех и непримиримость, поэтому их постоянные дороги обычно лежали в стороне от Гаравелли. Местные жители не были безбожниками, но их вера в аллаха не была слепой и бездумной. Поэт много времени проводил в беседах с этими храбрыми и гордыми людьми, результатом его впечатлений были стихотворения «Поминки по псу» и «Молла и пастух». Обитатели кочевья любили слушать рассказы поэта, особенно в стихотворной форме, с ним любили советоваться, ждали от него благословения, начиная какое-нибудь важное дело. Его, наряду со стариками, считали аксакалом. Когда он приезжал, его наперебой звали в каждую кибитку. И где бы он ни останавливался с ночевкой, в тот дом собирались мужчины и женщины поговорить с умным и благородным сеидом...

Сеид Азим выпил чай, налитый ему Мансимой.

- Так где жених, сестра?

- Я ему ноги и руки выкрасила хной, он за кибиткой прячется...

- Пойдем к нему, сестра! Проводи меня...

- Да принесет тебе аллах счастья, Ага, джан-джан...

Женщина прошла вперед, показывая гостю дорогу. Они осторожно обогнули кибитку, чтобы не привлечь ничье внимание и не смущать жениха. Чернобровый двадцатилетний парень сидел поодаль на камне, рассматривая обнаженные до икр ноги. Его ступни и ладони рук были выкрашены свежей хной, отчего приобрели густо-золотистый оттенок., Парень был в новой домотканой шерстяной рубашке и таких же штанах. «Только бы твои руки всегда были в хне и никогда бы на них не было чужой крови», - подумал Сеид Азим и приложил палец к губам, предупреждая Мансиму не прерывать раздумья жениха.

Парень улыбаясь рассматривал свои руки и ноги, возможно, он представлял в этот миг выкрашенные хной руки и ноги своей невесты. «Только чистые, невинные люди могут так улыбаться, в этой улыбке надежда на радость, на счастье, предчувствие узнавания...»

Чуткое ухо парня уловило посторонний шорох, он обернулся. Смущение стерло с лица улыбку, шею и лицо залила краска стыда, он вскочил на ноги. Поэт положил руку на его голову в тюбетейке.

- Будь счастлив, сынок! Пусть аллах помирит ваши звезды! Чтобы вместе состарились, чтобы было у вас много дочерей и сыновей, внуков и правнуков! А мы, глядя на вас, радовались бы.

Старую Мансиму обрадовало доброе пожелание Сеида, истинного потомка великого пророка, не погнушавшегося приехать на свадьбу к ее внуку...

- Да буду я твоей жертвой, Ага, за такие добрые, приятные слова.

- Будь счастлива, сестра, вместе со своими внуками.

- Сеид Ага, Урфат постелила тебе, ты пойди немного отдохни... Гейбат еще не вернулся с пастбища, он отбирает баранов для завтрашнего дня, и ашуг еще не приехал. В тойхане зурнач и барабанщик развлекают молодежь. Я разбужу тебя, когда приедет ашуг...

Огромная тойхана была набита битком. Как всегда, во главе собравшихся сидели аксакалы, и среди них Кебле Гейбат и Сеид Азим. Рядом с ними приглашенный из Абдал-гюлаба ашуг, за ним мужчины помоложе, а в самом конце - молодые. Ашуг пил чай, остальные вели беседы о проведении праздников в Гяндже и Шеки, о народных танцах, об урожае, о пастбищах. Спокойные разговоры перемежались шутками.

- Слушай, когда поведешь овец в город сдавать в канцелярию?

- Над нами милость аллаха, я еще с беком не расплатился, только сыр и масло отвез к нему в дом.

Из другого угла доносилось:

- Скажи, друг, сколько мешков шерсти удалось тебе набить после лета?

- Верблюжьей шерсти на чуху хватит... А в кармане ни гроша, чтобы купить материю женщинам на юбки...

- Ума не приложу, где я возьму четыре рубля серебром, чтоб уплатить за пастбище для скота в этом году?

- И не говори, сколько придется продать овец, чтобы набрать эти четыре рубля...

Сеид Азим знал, что кочующие скотоводы платят владельцу земли за весь пасущийся на его земле скот и за кочевье, расположенное в его владениях...

А новоиспеченный Кебле Салех, только недавно прибавивший к своему имени священное «Кебле», рассказывал соседям о посещении святого города.

- Пришли мы в Кербелу чуть свет... Всех, кто пришел поклониться могиле имама Гусейна, которому Шумр отрезал голову, согнали как скотину в одно место. Мы долго ждали на жаре, потом пришел какой-то человек и начал кричать нам что-то по-арабски, но большинство ничего не поняли. Пришел еще один и повел нас к имаму... Скажу я вам, такого мавзолея я никогда не видел: минареты все из чистого золота, ворота и ограда из серебра... Все кинулись на колени и поползли внутрь святилища, каждый старался поцеловать цепь или приложиться лбом к ограде. И снова что-то кричал первый служитель. И еще через минуту нас вывели наружу, за ограду. Предводитель паломников, из наших соотечественников, сказал: «Да примет аллах! С этого момента ты стал Кебле...»

- Кебле Салех, а что тот человек говорил вам, ты узнал?

- А зачем?

Ирония и равнодушие, прозвучавшие в словах Кебле Салеха, так развеселили присутствующих, что многие даже прослезились...

Ашуг пил чай и наматывал на ус все, что слышал, чтобы потом в своих песнях напомнить о них. Наконец один из аксакалов, вытерев глаза, обратился к ашугу:

- Братец, а может быть, уже пришло время послушать тебя? Мы ждем...

Ашуг привел в порядок свою одежду, затянул пояс на талии и взял в руки саз. Проверил звучание, подтянул струну, снова послушал и пошел по кругу, настраивая саз на ходу, отвечая на приветствия собравшихся на праздничный меджлис. Потом остановился в центре тойханы, лицом к аксакалам.

- Господа, братья, какой дастан вы хотели бы послушать?

В тойхане неожиданно воцарилась тишина. И молодые, и старые ждали выступление ашуга, но никто не решался высказать свое желание прежде стариков. Мужчины солидные, среднего возраста перешептывались между собой, но и они не спешили вылезать вперед. Тогда свое слово сказал Сеид Азим:

- Мне кажется, братья, первым должен высказать свое желание уважаемый Кебле Гейбат...

- Разумное слово...

- Свадьба его внука, ему и говорить...

- Правильно сказал Ага! Кебле Гейбат приподнялся:

- Ну что ж, раз все хотят, я скажу, только потом не попрекайте, что на свадьбе своего внука первым вылез...

Все запротестовали:

- Говори, Кебле Гейбат!

- Братец ашуг, первым делом расскажи нам про Кероглу, про его храбрость и геройство, пусть молодые послушают, и нам, старшим, интересно.

И хоть молодежи хотелось услышать любовный дастан, но все сошлись во мнении, что дастан о Кероглу лучше всего молодому жениху в назидание. Все уселись поудобнее. Ашуг переждал одну-две минуты, пока в тойхане не прекратится возня и перешептывание, потом вскинул саз высоко над головой. Воцарилась тишина.

... Сеид Азим не уставал поражаться свежести и отточенности народного сказания. Сколько раз он слышал этот дастан, и всегда он, казалось, звучал по-новому. «В чем сила этой легенды? Чем она отличается от стихов-назиданий поэтов-классиков?..»

А народный сказитель перешел уже к следующему дастану. Но прежде всего - зачин, так всегда водится у ашугов. Зачин с каламбуром или с сопоставлением добра и зла, верности и коварства. Вот и сейчас в зачине сталкиваются бедность и богатство:

Один всегда в трудах и маете,

Другой томится, лежа на тахте.

Один всю жизнь проводит в нищете,

Другой владеет всем, что только есть.

«Ах, умница! Ах молодец! Ведь только что слышал толки и жалобы, и вот, пожалуйста...»

Один закончит все, что ни начнет,

Другому же все время не везет.

Один себе и хлеба не найдет,

Другой и меда не захочет есть.

«Завидую тебе, ашуг! Ты видишь горе, видишь беду, видишь нужду...» Перед глазами поэта прошли Ширин Абдулла, Сарча Багы, Сирота Гусейн. Он вспомнил о своей семье...

Один бы другом стать тебе сумел,

Другому глаз бы вырвать захотел.

Туфарганлы Аббас, ты постарел,

А все поешь. Пора бы знать и честь.

«Вот и имя названо - ашуг шестнадцатого века Туфарганлы Аббас, будь благословен, ашуг Туфарганлы Аббас! С твоих времен до наших прошло немало лет, но мало что изменилось...»

Ашуг передохнул и со словами: «Мастера не останавливаются на втором дастане, они поют и в третий раз!» - начал свой третий дастан.

... Усталый конь медленно взбирался в гору. Радость наполняла душу, поэт знал, откуда исходит это удивительное чувство счастья. Он снова встретился с настоящим художником. «Художник... каким бы только образом ни выражал свои мысли и чувства, в каком бы стиле ни творил, если только он истинный талант, его творения - вечны!» Да, два дня назад он слышал такого поэта. У них были свои предшественники, свои учителя. И созданная ими поэзия выдержала испытания веками... Как он пел?

Прилетели соловьи

И запели о любви,

Розы внемлют им вдали,

Чуть покачиваясь...

Голубь по небу летит,

Моя милая не спит,

В красной комнате стоит,

Чуть покачиваясь.

Сеида Азима восхищала манера исполнения, музыкальность и мужественная грация, с которой ашуг прохаживался по кругу.

Гуси по небу летят

И за коршуном следят,

В небо девушки глядят,

Чуть покачиваясь.

Сеид вспомнил кибитку невесты из белого войлока, откуда выглядывали украдкой прячущие свои наряды подруги невесты, в каждую из них поэт готов был влюбиться, каждая вызывала восхищение. «О аллах! Как они молоды! Как хороши! Молодостью каждый готов любоваться...» Он посетовал на то, что многие его произведения еще непонятны простым людям... «Придет ли время, когда и газели будут исполняться на подобных меджлисах? Только образованность поможет людям понимать сложные формы поэзии. Чтобы все могли читать, все! И гаравеллинец, и шемахинец, и горожанин, и кочевник. Нужны школы, много школ для народа - это самое главное... Неужели придет такое время, когда школы откроются не только в городе, но и в селе? Чтобы и богач и бедняк могли повести детей в школу...»

Его мечты мчались впереди коня. От Гаравелли он незаметно добрался до реки Русдарчай. Конь медленно вошел в воду и остановился, опустил голову к самой воде, бархатными темно-серыми губами стал осторожно втягивать прозрачную ледяную воду. Сверкающие капли падали с его губ в реку. Сеид Азим тронул поводья, подтянул, нельзя разгоряченному животному пить ледяную воду. На противоположном берегу пастух гнал отару овец и во все горло распевал ширванскую шикесту, не подозревая, что его слышит кто-то, кроме овец. Он пел о любимой, пел о том, что в череде черных дней бывает просвет... Сеид Азим улыбнулся: «Ох, хорошо поешь, брат пастух! Мир живет не без надежды, должен прийти и светлый день... Хорошо, когда у людей на сердце теплится вера, иначе не стоило б жить! Человек всегда живет надеждой на лучшие дни. И этим он счастлив».

Его мысли отвлекла фигура, удаляющаяся от берега. Какая-то женщина, видимо, с утра стирала и сушила белье на берегу и теперь возвращалась домой. Плотно завернувшись в чадру, она положила узел с бельем на голову и, покачивая бедрами, медленно уходила все дальше.

В тот же миг сердце затрепетало, задрожало. На мгновение показалось, что женщина - Сарабеим, которая давно ожидает его на старом месте у реки... Он вгляделся... Нет, это не она...

О Сара, две твои косы благоуханны, как цветник,

А с запахом твоих волос и лучший мускус не сравнится.

Игривую танцующую походку Сарабеим нельзя спутать ни с одной другой. Эта же ступала тяжело, плотно ставила ступню. Походка могла принадлежать или немолодой, или беременной женщине, она не покачивала бедрами, а скорее переваливалась, как гусыня... У поэта сжалось сердце, с утра звеневшая в душе радость улетучилась с последними сомнениями, что женщина - не Сарабеим. Вот и это ушло...

Он взял повод покрепче, тронул уздечку, и конь, словно ждал этого, веером расстелил брызги по реке, галопом преодолел крутизну противоположного берега и пошел иноходью по мягкой пыли.

Женщина сошла с дороги, услышав за собой конский топот. Она не оборачиваясь продолжала идти по обочине, заросшей высохшей полынью и колючками. Поравнявшись с ней, всадник придержал коня и в сердце женщины закрался страх: «Кто это? Что ему от меня нужно?» Она обернулась и посмотрела на всадника. «О аллах! Так это Ага, слава аллаху!» Сердце сразу успокоилось. А Сеид Азим наклонился и забрал с головы женщины тяжелый узел с бельем:

- Сестра, ты не спеши, иди спокойно, белье твое я оставлю при въезде в город, под ивами, не торопись...

Устроив узел перед собой, он тронул коня. Женщина ничего не ответила, лишь кивнула головой. Сердце ее переполнилось благодарностью: «Пусть наградит тебя аллах, Ага, да буду я жертвой твоего предка!» Разве может ширванская женщина ответить чужому мужчине? Не должна! Даже если ее будут резать на куски, не издаст ни звука. Только в думах своих она еще долго будет к нему обращаться: «Да возлюбит аллах тебя, Ага, да оградит от бед твоего сыночка Мирджафара-агу, да будет долгой твоя жизнь! Откуда послал тебя невидимый взору аллах? Да буду я жертвой твоего предка, Ага!»

ЧИСТИЛИЩЕ

Был четвертый день месяца рамазана 1305 года по мусульманскому летосчислению, которое начинается не с рождества Христова, а с 622 года, когда пророк Мухаммед бежал из Мекки в Медину от преследователей вновь созданного им вероучения...

Прошло всего четыре дня с начала поста. Но наиболее фанатичные соблюдали пост уже третий месяц, начиная с месяца раджаб. Названия месяцев мусульманского календаря не соответствуют юлианскому, и я не буду, дорогой читатель, пытаться внести ясность, в каком месяце происходили описываемые в этой главе события. Скажу только, что мусульманский пост жесток по отношению к верующим: от самого восхода до появления на небе первой звезды нельзя съесть ни кусочка хлеба, ни выпить глотка воды, ни затянуться разок из кальяна. Особенно рьяные ревнители ислама целыми днями молились в мечетях, выясняли тонкости и различия между молитвами, заучивали новые, кое-как коротали время до момента, когда можно будет преломить хлеб.

Итак, четвертый день месяца рамазана... Шесть дней назад Сеида Азима наградили за деятельность на ниве просвещения. Правительство в лице губернского начальства оценило труды первого учителя. Враги ничего не могли сделать. А хотели, тем более что умер один из самых главных заступников и покровителей поэта - Ахунд Агасеидали. Имя поэта пользовалось любовью у ширванцев, и это рождало уверенность, будто неприятности позади. Имя его известно всем; когда произносится «Ага», все знают, о ком идет речь; если он входит в собрание, то все из почтения встают. Газеты печатают его произведения. Однако недоброжелатели и враги не сложили своего оружия... Я уже не говорю о Закрытом - Гаджи Асаде, хоть ему перевалило за восемьдесят, осанка его столь же надменна; как говорят ширванцы, острые на язык, слез с верблюда и его высокомерие с

собой взял. Нечего говорить и о Молле Курбангулу, который со своим зятем - разбойником Алышем - готовит очередную пакость Are. Этих мы знаем хорошо.

Кто же еще подспудно готовит козни нашему поэту?

Черные люди... черные дела...

Был четвертый день девятого лунного месяца, четвертый день священного поста. Мечеть была набита до отказа. Полуденный намаз сегодня должен был проходить с особенной торжественностью. Место, освободившееся после смерти Ахунда Агасеидали, занял высокоученый пастырь с того берега реки Аракса. Верующие, ожидавшие назначения нового главы шиитской секты, повалили в мечеть. Вот почему сегодня в мечети было значительно многолюднее, чем в обычные дни. Среди пришедших были даже молодые сунниты. Сюда пришли и бывшие мюриды Абида-эфенди, и Молла Курбангулу, и Мешади Алыш, и Закрытый. Они высматривали в толпе своих единомышленников, чтобы быть наготове, а вдруг подвернется удобный случай расправиться с неугодным поэтом.

Сеид Азим сегодня тоже присоединился к общему намазу. Он хотел после молитвы познакомиться поближе с Моллой Худавераном, приехавшим из Ардебиля. Интересно было послушать, как он читает молитву, как отвечает на вопросы верующих во время религиозного диспута. Сеида Азима интересовало, как он относится к проблеме просвещения, будет ли новый пастырь отдавать часть пожертвований на школы. Будет ли поддерживать его в борьбе против невежд.

Молящиеся расположились правильными рядами, обратив взоры на Моллу Худаверана. Он поднял руки до уровня плеч и произнес: «Аллах превелик», и тут же все прихожане повторили за ним и движение и слово, потом следом за ним вложили левую руку в правую и, соблюдая ритм и строй, забормотали слова первой суры корана. Голоса гулко отдавались под сводами мечети, опирающимися на колонны. Молла Худаверан склонился так, что его ладони коснулись колен, и все многочисленное собрание склонилось в едином поклоне вслед за ним. Папахи, тюрбаны и островерхие шапки спрятались за согнутыми спинами. И уже в следующее мгновение со словами: «Аллах слушает того, кто воздает ему хвалу» - все опустились на колени, приложили ладони к земле и наконец распростерлись на земле. Словно могучие волны пробегали по мечети: снова все поднялись и снова все опустились, воздели руки к небесам и склонили головы в поклоне. Наконец молящиеся уселись на своих молитвенных ковриках, поджав под себя ноги, и произнесли особую молитву во славу пророка.

Проповедь, произнесенная Моллой Худавераном, понравилась всем. Сразу же после полуденного намаза купцы отослали своих приказчиков в лавки, чтобы во время их отсутствия не прекращалась торговля с кочевниками, скотоводами, уходящими на яйлаги - горные пастбища.,

Все уселись поудобнее в ожидании первых вопросов, намереваясь провести здесь время до вечернего и ночного намазов.

Молла Худаверан во время религиозного диспута хотел поговорить о сборе налога в пользу мечети в предстоящий праздник. Он начал с рассказа о роли сеидов в деле распространения исламской религии, о значении потомков великого пророка, о их высоком происхождении. Как видно, Молла Худаверан хотел использовать свое звание сеида, убеждая единоверцев. Из дальних рядов прозвучал вопрос, заданный с целью разжечь спор:

- Вы говорите о всех сеидах?

Молла Худаверан не уловил иронии и скрытых страстей:

- Конечно, место сеидов рядом с пророком, они возвышаются над всеми людьми...

- А вы не слышали о таких, которые религию рубят под корень?

- И праведных мусульман с пути сбивают...

- Среди них есть такие, что любой бабид лучше…

- Такой среди нас...

- Он суннит!

- Бабид...

- Мултаниец, клянусь пророком!

- Он призывает к тому, чтобы каждый пил несколько чаш вина ежедневно, мол, только вино способно согреть слабое тело...

Управление прихожанами было не под силу Молле Худаверану, здесь требовался авторитет покойного Ахунда Агасеидали. Каждый говорил свое:

- Вспомните его слова: «А особенно нужен нам русский язык...» Каково? «... И молле и эфенди знать русский не грех...»

- О люди, пусть сам пьет, но он детей наших портит! Завтра все станут пьяницами...

- Дети будут похожи на этих урусов, забудут религию отцов!

- Э-э, нехорошо! Постыдился бы так говорить о потомке пророка...

- Если бы он был истинным потомком пророка из рода Гусейна, разве он бы позволил себе пить вино?..

- Слушай, а! Он правильно говорит... конечно же... не пил бы...

- Да не пьет он вовсе... Не пьет...

- Праведный путь отцов не признает. Для него лучше нас урусы, армяне, молокане... О мужчина! Разве подобает сеиду с нечестивцем урусом дружбу водить? Сам покойный Ахунд Агасеидали, да примет его рай, говорил, что, общаясь с иноверцами, человек сам становится осквернённым...

Все громче раздавались в мечети голоса тех, кто поносил Сеида Азима, среди них глохли высказывания сторонников поэта. Рядом с ним оказался книготорговец Мешади Гулам. Ширин Абдулла виднелся в задних рядах. Ни Махмуда-аги, ни Керим-бека, ни других друзей. И Джинн Джавад, видно, остался под своей шелковицей.

«Такого случая больше не будет, нельзя упускать момент. Подлец я буду, если не отомщу за веру, не выполню то, что обещал Молле Курбангулу и Закрытому», - думал Алыш, понимая, что только сегодня он сможет отработать свой долг Закрытому...

И Молла Курбангулу радовался в душе, что сегодня в мечети, кроме Мешади Гулама, нет сторонников у проклятого Сеида. При таком столпотворении никто и не увидит, что происходит с каким-то человеком, пока кто-нибудь бросится ему на помощь, все будет кончено... Он обшарил глазами мечеть, стараясь обнаружить сторонников Сеида Азима, и не находил их, это наполняло его трусливую душу решимостью покончить с поэтом сегодня.

Приспешники Моллы Курбангулу и Закрытого зорко следили за действиями своего руководителя. Как только Молла Курбангулу приподнялся на коленях и вскинул вверх руку, в мечети наступила тишина. Хоть он и постарел, но привычным громким голосом моллы прихода заговорил:

- Господа! Покойный Ахунд Агасеидали, нынешний обитатель рая, был правдивым, добрым человеком. - Мечеть наполнилась бормотанием молитвы по усопшему: «За упокой его души...» - Его доброта заставляла прощать нечестивцу грехи и обманы, пороки и богохульство... Вы все знаете, кого я имею в виду. Сейчас я на нескольких примерах докажу всем присутствующим, как нечестивец обманывал такого святого человека, каким был покойный Ахунд Агасеидали.

И снова прошелестело по рядам: «Упокой его душу, аллах...» Молла Курбангулу обладал незаурядной памятью, когда же он желал быть более убедительным в своих назиданиях, то не побегал ни к каким бумажкам. Он на мгновение умолк, чтобы затем снова начать. Лишь убедившись, что в мечети все взгляды устремлены на него, он откашлялся и продолжал:

- Заклинаю вас великим создателем! Слушайте и вынесите справедливое решение:

Сожалею теперь, что, словам проповедника вняв,

В пору юности пить я надолго оставил вино.

Что это означает? Какой ширванец не знает, что зарок от пьянства он дал по настоянию именно Ахунда Агасеидали! - И снова пронесся шепот молитвы. - Совершенно очевидно, что автор этих строк признается в том, что зря послушал проповедника. Прекрасно, если только жалеет... А так ли это? Вы можете сказать: «Ну что же, что жалеет, клятвы он не нарушал!» Но я прошу обратить внимание на эти стихи:

Но целебным вином вновь омылась, как светом, душа,

А надежду, что в рай попаду, я оставил давно.

Если и это не убедит вас, тогда я найду в его стишках такие строки, которые докажут вам, кто он есть на самом деле...

Молла, наверно, готовился давно к разоблачению своего противника. Его голос гремел под сводами мечети, слова вырывались изо рта вместе со слюной.

- Ну что ж. Отвернулся от аллаха - ему виднее, ему лучше знать, но и аллаху виднее, и аллаху лучше знать! Если он пьет, пусть его накажет пророк великий, завещавший нашему народу воздержание от вина! Но он противопоставляет дом аллаха питейному заведению, духовников-аскетов называет лицемерами и ханжами... Но и этого ему мало, он отказывается от великого родства с пророком, говоря, что он не сеид!

Ангел мой - виночерпий, нектар мой бесценный - вино.

Обольется пусть кровью от зависти сердце святош.

Если разум тебя не покинул, напиться спеши,

Торопись: жизнь пройдет - ничего уж тогда не вернешь.

Я не верю пустым обещаниям, я не сеид,

Все отдам я за чашу вина, что в залог ни возьмешь.

У Сеида Азима возникла мысль, что каждое слово вошедшего в раж Моллы Курбангулу словно из легенды о горной ласточке, которая из ада приносит в своем клюве огненные капли расплавленных камней и низвергает их на врагов ислама... Каждая строка из его произведений звучала богохульством под высокими сводами мечети. Противник правильно рассчитал, как подействуют на невежественных слушателей строки, полные поэтических символов.

Многим присутствующим казалось, что после слов, уличающих Сеида Азима в столь страшных грехах, разразится ураган, разверзнется земля, над поэтом сию минуту начнется суд аллаха. Но ничего не произошло, фанатики, казалось, обманулись в своих ожиданиях. И новый пастырь - Молла Худаверан - молчал.

Воспользовавшись напряженным ожиданием молчавшей толпы, к поэту пришел на помощь один из старых верных друзей. Мешади Гулам поднялся и негромким голосом сказал ясно и отчетливо:

- Клянусь аллахом, в этом могли убедиться все присутствующие: какая могучая сила заключена в поэзии нашего Аги, что даже ее ненавистник Молла Курбангулу, которого

мы слушали, выучил наизусть стихи Сеида Азима. И как ни странно, повторяя эти строки, его язык не отсох...

Мешади Гулам понимал, что делает. «Этот негодяй Курбангулу нарочно читал стихи Аги так, чтобы те, кто ничего не понимает в поэзии, смогли уловить их неправедный характер, чтобы те, кто не слышал, услышали, а те, кто не знал, узнали...»

Атмосфера несколько разрядилась. Мешади Гулам пользовался уважением и известностью за свою ученость и торговые связи с купцами разных городов и стран. Многие моллы, находившиеся в этот час в мечети, покупали у него лучшие произведения каллиграфов - рукописные кораны, привезенные из святых мест - Мекки, Мешхеда, Кербелы, Наджафа. Он славился своей правдивостью и честностью. Не так-то легко было опровергнуть Мешади Гулама. Но Молла Курбангулу был не таков, чтобы после первого отпора сдаться. Он не намеревался упускать из рук только что завоеванные позиции. Как будто не расслышав выпада против него, он продолжил:

- Может, напомнить вам еретические его стихи «Поминки по псу»? Видано ли где, чтобы молла...

- Но речь идет о шарлатане, который прикрывается именем моллы! - перебил его Мешади Гулам.

- Чтобы молла причел молитву над мертвым псом? Это ли не кощунство! - голос Моллы Курбангулу перекрывал все другие в мечети. - А издевательские стихи об ученом богослове! Он оскорбил духовный сан человека, чьи ноги ступали по священной земле! Изобразил мошенником и лжецом! А стихи о ширванских беках?... Вы только послушайте, каким видит этот грешный человек наш край:

Здесь разум легко заменяет большая чалма,

В ней гением можно прослыть у иных мусульман13.

Более того! Я особенно хону подчеркнуть, что произведения этого писаки сводят с пути тех, кто недавно был еще далек от совершения греха. Для примера приведу вам его газель... Не эпиграмму, а именно газель. Она не направлена против меня лично, чтобы вы не думали, что я пристрастен. Ее читают все, особенно молодежь. Пусть и наш новый Молла Худаверан послушает:

Только запах обмана нам в нос ударяет в мечети.

Ни о чем благородном никто не мечтает в мечети.

Как циновка, в ней по полу стелется низко аскет,

Жаль, что этот обман до сих пор пребывает в мечети.

Сам с собой говорит проповедник, как будто лишился ума.

Больше, кроме него, никого не бывает в мечети.

Виночерпий, наполни мне чашу остатком вина,

Утешения в горе всегда не хватает в мечети.

О Сеид, если так ненавидят поэты мечеть,

Что ж они там нашли, раз весь день пропадают в мечети?

Строки, прочитанные Моллой Курбангулу, дышали греховностью, пороком. Проповедник знал, что читать. В мечети поднялась злоба, росло раздражение, стоило только кликнуть клич... И снова под куполом мечети зазвенел голос Мешади Гулама:

- Все хорошо знают, что каждое деяние, совершаемое людьми, предначертано великим творцом и, разумеется, известно ему... Аллах велик и всемогущ, и не нам, простым смертным, указывать ему, что праведно, а что греховно! Но так как уважаемое собрание не знает всего, что написал уважаемый поэт Ага Гаджи Сеид Азим Ширвани, а сегодняшняя трибуна, как я вижу, предназначена для чтения его стихов, я позволю себе с вашего разрешения прочитать еще одно стихотворение поэта:

О аллах всемогущий, поскольку я близок к тебе,

Тебе ведомо все, что я делал в сей жизни земной.

О аллах, осчастливь же Сеида вниманьем своим

В краткий миг, как предстанет душа его перед тобой.

Аллах велик, и никто не может возвыситься над ним; осведомленный в делах своих рабов, он дарует каждому то, что считает сообразным. Сам создатель вселил в Сеида вдохновение, чтобы он смог вот так выразить мысли истинно верующего мусульманина. Если же учесть, что прочитанное Моллой Курбангулу стихотворение поэт писал в

молодости, а то, что прочел я, в зрелом, то станет ясно, что сам великий аллах простил ему заблуждения юных лет. Вправе ли мы пересуживать веление аллаха?

Друзья вздохнули с облегчением: «Да упокоит аллах дух твоего отца, Мешади Гулам! Лучшего заступника Аге не могло и быть!»

А враги негодовали: «Ну, погоди, сукин сын, чтобы тебя наказал святой имам Рза, которому ты поклонился в Мешхеде!..»

Сеид Азим решил, что дольше оставаться в мечети не стоит, спор не может привести ни к чему хорошему, стороны никогда не придут к соглашению. Сеид Азим поднялся, за ним Мешади Гулам и еще несколько друзей. Когда они вышли в небольшой коридорчик, где верующие оставляют свою обувь, Алыш незаметно дал знак своим помощникам и мюридам Абида-эфенди. Как только толпа увидела, что некоторые расходятся по домам, большинство поднялось на ноги и сразу двинулось к дверям, многие спешили забрать свою обувь. В толчее и суматохе Мешади Гулама оттеснили от Сеида Азима. Поэт ощутил, что попал в плотное кольцо чьих-то тел, попробовал высвободиться, но не тут-то было. Ему даже не удавалось оглянуться и определить, куда толпа отбросила от него Мешади Гулама. Его несло общим движением помимо воли. Странное, неизведанное чувство охватило его душу, так уже было когда-то давно, у дома, где его поджидали дружки Абида-эфенди, вскоре после написания им эпиграммы на эфенди. Тогда его спас Керим-бек... Его несли плотно сдвинувшиеся вокруг него плечи чужих людей с равнодушными, холодными глазами. Ему показалось, что рядом он услышал шепот Алыша: «Ты получишь по заслугам...», злоба и ненависть горели в глазах бывшего разбойника, красная от хны борода почти касалась лица Сеида Азима.

Толпа все напирала, сжимая его все теснее и теснее.

- Эй, осторожно, задавите...

- Не толкайтесь, так недолго и задушить человека...

А сзади чей-то голос молил:

- Эй, правоверный, поосторожней, впереди Ага...

- Да буду я жертвой его предка, как он попал сюда?..- Это был голос Алыша...

Друзей охватил страх, предчувствие беды. Мешади Гулам оказался далеко позади Аги, Ширина Абдуллу толпа вытолкнула на улицу. Ширин горько вздыхал: «Ага, Ага...» Мешади Гуламу из-за скопища голов ничего не было видно. Он напрасно пытался протиснуться к поэту, невидимые клещи тянули его назад.

Внезапно руки Алыша, которые Сеид Азим чувствовал на своем теле, отпустили его. Сеид воспользовался моментом и резко повернулся спиной к стене. Он оказался лицом к лицу с враждебными, озлобленными лицами, врагов это не остановило: они плотной стеной придавили его.

Служка, в обязанности которого входило следить за обувью, в страхе взобрался на полки.

- Эй! Остановитесь! Что вы делаете?!.. Эй, люди, помогите! Ага! Дорогой!.. Ага задыхается...

Может быть, именно крик и слезы служки остановили убийц. Руки мюридов, вцепившиеся в одежду поэта, сдавливающие его грудь, тянущиеся к его горлу, чуть ослабили хватку. Те, кто стремился прийти на помощь поэту, надавили, старая дверь не выдержала, застонала, заскрипела, Алыш и его приспешники с грохотом вылетели на улицу.

- Назад, не толкайтесь...

- Дайте дорогу, освободите Агу...

- Эй, злодеи, что вы делаете? Не стыдно?!

- Ой, его совсем задушили.

Рыдал старый хранитель обуви, поддерживая под локоть Сеида Азима, который был чуть живой. К нему наконец смог пробраться Мешади Гулам. Они вдвоем вывели поэта во двор мечети, где их встретил Ширин Абдулла. Очевидцы и участники происходившего в мечети поспешили разойтись по домам. Через несколько минут огромный двор опустел.

Сеид Азим едва стоял на ногах, грудь его часто вздымалась, словно ему и теперь не хватало воздуха, лицо его было пепельно-серым. Он растерянно молчал. Друзья, взяв его под руки, повели домой.

Постель поэта все время окружали друзья, один сменял другого. Но сегодня он захотел остаться один, предчувствуя скорый конец, он испытывал необходимость собраться с мыслями... Сегодня он подводил итог прожитой жизни, итог того, чего он достиг в борьбе за свои идеалы, которые были смыслом его пребывания на земле. Он сам себе возвел в душе «чистилище» и пропускал сквозь него поступки, хорошие и дурные, отчетливо запомнившиеся и стершиеся в памяти, победные и принесшие поражения. Жизнь дарила ему наслаждения, не все из них были безгрешны, и он мучился невозможностью что-нибудь исправить. Бывало, он ошибался, но опыт приходит с возрастом, и нельзя с уверенностью сказать, что лучше - ошибки юности или мудрость старости. И все-таки, кажется, добрых дел в его жизни было больше. Его поэзия... Он надеялся, что будущие поэты вспомнят о нем, как и ученики, которым он отдал часть своей жизни...

Десять дней назад, в двадцать седьмой день месяца шабана 1305 года по мусульманскому летосчислению, или 10 мая 1888 года по христианскому календарю, ему вручили медаль за труды на ниве просвещения. Это была заслуженная награда, он знал это. Поздно пришла она... Через два дня в мечети враги дали ему бой...

На улице перед домом собирались люди. Они взирали с надеждой на каждого выходившего из дома: а вдруг что-нибудь изменилось к лучшему? Но улучшения не наступало.

Здесь собрались друзья и соседи: опечаленный Ширин Абдулла, который верил, что Аге уготовано место в раю. Он стоял рядом со старшим сыном поэта Мирджафаром, постаревший Махмуд-ага, Джинн Джавад, не похожий на себя всегдашнего, Гаджи Кадыр, отец Рамазана, нынешнего семинариста, бывшего ученика Сеида Азима, молодые поэты Алекпер Сабир и Агаали-бек Насех, даже Мешади Ганбар, забывший отнести

домой узелок, с которым поутру ходил в галабазарскую баню для ритуального омовения перед молитвой.

- Как Ага? - спросил Мешади Ганбар.

- В агонии...

Минасолтан не отходила от постели сына. Время от времени она смачивала дрожащими руками его воспаленные сухие губы. Глаза туманили беспрерывно льющиеся слезы, она предчувствовала неумолимость судьбы, но еще не осознавала, как близка смерть. Он по-прежнему был для нее дитя, которое не может раньше матери покинуть этот мир... На ее веку ей довелось увидеть много смертей, но это слово она не могла даже произнести рядом с именем сына. «Когда ты пришел в этот мир, все радовались, а ты плакал, мой сыночек... Ты был честным человеком, поэтому не страшись последнего часа, мой родной. Только бы мне не дожить, чтобы оплакивать тебя!.. Матери должны умирать раньше сыновей!...»

- Спасибо тебе за все, мама!

- Да буду я твоей жертвой, сынок...

- Спасибо за твое молоко, мама...

- А ты прости мне твой хлеб, мой родной... - зарыдала Минасолтан.

Джейран беззвучно плакала в углу, она готова была отдать свою жизнь, лишь бы Ага остался жить...

Мать думала, что ее сын шепчет молитву, ей было невдомек, что с ним была его фея вдохновения, уловившая, что жизненные силы оставляют его. Всю жизнь она шла рядом и в эти последние мгновения явилась, чтобы облегчить ему уход.

- Я думал, что ты уже никогда не придешь, моя фея...

- Разве я тебя покину? Разве в самые тревожные минуты я расставалась с тобой?

- Никогда... Я предчувствую свой конец, моя фея... Я расстаюсь с этим прекрасным миром, с поэзией, с моим пером, с тобой...

- Тебе трудно?

- Очень... Тяжело расставаться с близкими: мамой, семьей, детьми, друзьями... с Шемахой и Ширваном...

Чистое и нежное дыхание царицы фей лишь коснулось его лба:

- Ты не бойся, мой поэт, ты ведь не умираешь: с земли родины, куда погребут твое тело, ты никуда не уйдешь, а над Ширваном все так же будут витать твои мысли и мечты... Твоя душа останется в твоих произведениях, строки твоих газелей будут у всех на устах...

- В этих строках останутся и мои враги...

- Вспомни, мой поэт, однажды ты сказал мне: «Мир прекрасен, жаль только, что его портят такие, как Закрытый и Алыш...» И я ответила тебе: «Разве в зеленых полях и тенистых лесах не случается, что в ногу ненароком вопьется колючка, заноза?» Разве возможно, чтобы на жизненном пути человека не встретилось ни одного врага? Сдается мне, что ты не для такой жизни был создан, мой поэт. Тебя влекло не застойное болото, а стремительное течение прозрачной реки.

Улыбка засветилась на лице умирающего. Минасолтан сочла это добрым знаком: «О аллах! Может быть, ему поможет его великий предок?» А он унесся мыслями в тот день, когда вместе с гянджинским поэтом Наджи они ехали поклониться могиле великого шейха Низами - могиле царя поэтов... Сеида Азима повергло в смятение место захоронения: любой шемахинский купец мог надеяться на более достойное почитание... «Неужто и меня люди позабудут? Чем я лучше Низами?.. А впрочем, могила Хагани затерялась в Сурхабе, никто не ведает, где захоронен в Алеппо Насими, с которого живьем содрали кожу...»

Но тут размышления прервала его фея:

- Нельзя терять надежду, мой поэт! Те великие поэты жили в мрачные, жестокие века, не сравнимые с современностью. Разве не взойдут посеянные тобою семена?

- Семена добра не всегда дают всходы... Как быстро шемахинцы забыли своего певца Сироту Гусейна, а раньше дня не могли прожить без его песенок... Был бы он жив, сочинил бы песню о моей смерти...

- Это свойство человеческой памяти - забывать, мой поэт...

- Но я не в силах забыть Тарлана и его горькую судьбу, я ухожу с мыслями о несчастье Мухаммеда Сафы... Я унесу с собой память о Соне и ее неутоленном чувстве... Сколько людей рядом со мной расцветали, чтобы увянуть раньше времени...

- Время безжалостно, мой поэт, нельзя вернуть назад ни часу...

- Только истинная любовь переживет века, как любовь Лейли и Меджнуна...

- А ты сам, мой поэт?... Ведь случалось, что ты возвращался домой на рассвете, оставляя холодной постель Джейран, и мать встречала тебя словами: «Ты позоришь себя и свое доброе имя, дитя!» Разве можно было изменять такой женщине, как Джейран?

- И мама и Джейран простили меня...

- Пусть аллах простит!

- Я боюсь...

- Что аллах не простит тебе грехов прелюбодеяния?

- Я боюсь, что люди сами начнут прощать себе грехи, будут подражать дурному, станут рабами своих страстей...

- Пророк Мухаммед сказал: «Аллах прощает грехи тому, кто не упорствовал в том, что совершил их, зная, что грешит...» Ты знал, что делаешь, мой поэт?

- В коране сказано: «Не облекайте истину ложью, чтобы скрыть истину». Я знал, что делаю зло...

- Да простится тебе оно.

- Ты еще здесь, царица фей?

- А где я еще могу быть в эти минуты?

- Там, где рождается радость...

- Тебе, мой поэт, я не смогла ее подарить...

- А вот и ошибаешься. Были в моей жизни мгновения счастья, которые я не обменял бы даже на судьбу султана... Не отдал бы свои пятьдесят три года жизни за долголетие скопца и неуча...

- Аллах всемогущий дарует разум и счастье тому, кто обладает разумом.

Ему казалось, что фея вдохновения прощается с ним перед дальней дорогой.

Откуда-то к нему протянулась рука... Кто-то его повел... Куда? Он чувствовал, что оттуда нет возврата... У него лились слезы... «Я ухожу... Прощайте, родные, мой Джафар... моя мама... моя Джейран. Я покидаю вас, не оставив имущества и надежды на будущее, да буду я вашей жертвой...»

Он силился открыть глаза, но веки были такими тяжелыми, грузными.

Жизнь словно нехотя покидала его, сквозь шум в ушах до него доносились знакомые голоса:

- Клянусь духом Ахмеда-аги, каждое его слово - истина! Потомки не забудут его! - Это Махмуд-ага...

- Он богохульствовал и грешил, и этим сам вынес себе приговор! - В голосе Моллы Курбангулу звучала злоба...

- Он нечестивец и лгун, да простит мне такие слова его предок! Честное слово, бабид он, а что вы думаете? Не рога же у них растут, такие же люди, но только бабиды! - рассуждал Закрытый.

Голос Ахунда Агасеидали:

- Сказано в коране: «Пусть верующие не берут себе близкими неверных. А кто сделает это, у того с аллахом нет ничего общего, если только к этому их не принудят страхом». Перед лицом творца теперь мы разрешим наш спор, двоюродный брат...

Неожиданно умирающему вспомнился огнепоклонник, которого он видел в храме в Сураханах... Несчастный, оборванный, изможденный далекими переходами из самой Индии, он пришел сюда умирать и перед смертью молился своим богам, опустившись на сухую, покрытую коркой землю, сквозь щели которой вырывалось пламя. «Ты задолго до

меня распростился с жизнью и предстал перед создателем, огнепоклонник... Куда направил тебя, неверного, аллах, вниз или вверх? Перед вечностью все равны... Неизвестный брат мой, если всех создал единый творец, почему он допустил различия между религиями живущих на земле?»

- С освоением чужого языка к нам проникнут и чужие обычаи, двоюродный брат, пьянство.

Он пытался ответить Ахунду Агасеидали, что Ширвану необходимо сближение с такой страной, как Россия, чтобы с ее помощью пойти вперед, к просвещению, но губы уже не слушались его.

- Люди забудут свой язык, если будут учиться чужому, брат мой.

«Любовь к родине не допустит этого, ты вспомни Физули, который и вдали от родины оберегал свой родной язык...» - рвалось с языка, но губы оставались сомкнутыми.

- Да буду я твоей жертвой, Ага, память о тебе останется навсегда среди моих слушателей, - улыбнулся поэту весельчак Джинн Джавад, сидя на своем камне под гигантской шелковицей.

- Свет моих очей, Ага! Ты ушел, оставив меня одного в этом мире... О Гаратель не беспокойся! Она учится в Тифлисе в школе. Гаратель Тарланова будет первой учительницей для наших обездоленных сестер и дочерей. Не волнуйся за дитя моей Соны...

- Кто еще сумеет любить так свой народ, чтобы во имя его будущего жертвовать собой?.. О люди! Он жил ради вас, и вы заставили его мучиться перед смертью! - зазвенел голос любимого ученика Алекпера Сабира. - В чем его вина? В том ли, что он намеревался открыть глаза детям своего народа, улучшить их жизнь?!

- Кто будет сражаться с миром алышей и «закрытых», моя фея? Неужели они будут праздновать мою смерть как победу?

- Спи спокойно, Ага! Пусть ширванская земля примет тебя... Твоя смерть всколыхнет весь Ширван, твое знамя подхватят молодые твои ученики, ты же сам сказал:

Звучит повсюду голос мой, и с ним, Сеид, я не умру.

Пусть в нем бессмертье обрету - одно желанье у меня.

Наступил восьмой день месяца рамазана 1305 года мусульманского летосчисления, или 20 мая 1888 года по христианскому календарю...

По ширванскому обычаю умершего хоронили в тот же день. Так велел пророк: отныне умерший принадлежит всевышнему, и живым следует как можно скорее проститься с ним.

К дому стекались толпы народа. Вынесли тело и сопровождали его на кладбище Шахандан, где желал быть похороненным поэт, его ближайшие друзья: Махмуд-ага, Керим-бек, Гаджи Омар-бек, Гаджи Самед-бек, поэты Зарухи, Рагиб, Агаали-бек Насех...

В окрестностях Шемахи есть три холма, и все они отданы усопшим. Три кладбища - Шахандан, Лалазар и Еддигюмбез - семь куполов. Эти холмы - самые живописные места моего Ширвана, будто мои соотечественники и после смерти хотели любоваться красотой родной земли.

Сегодня Шахандан принял моего поэта, моего Сеида, моего Агу...

Провожая своего учителя, молодой поэт Агаали-бек Насех гневно предостерегал врагов поэта: «Не радуйтесь, не веселитесь, господа! Сеид Азим умер, но не умерла его поэзия, не умерли его идеи! При жизни вы боялись его самого и потому расправились с его телом, но больше всего вам следовало бояться его духа. Ваши собственные дети будут читать его стихотворения, слушать Джинна Джавада, читающего его сатирические произведения, и певцов, поющих его газели, и вы задохнетесь от злобы, но сделать ничего не сможете!»

У свежезасыпанной могилы Махмуд-ага снова вспомнил слова Сеида Азима:

Звучит повсюду голос мой, и с ним, Сеид, я не умру,

Пусть в нем бессмертье обрету - одно желанье у меня.

Печальный голос скорбел об утраченном друге. Меценат и покровитель лучших талантов родного народа, знаток азербайджанской музыки своего века не ведал, что вскоре сам будет погребен на другом холме Шемахи - в Лалазаре. А спустя десятилетия, в 1911 году, ученик Сеида Азима Ширвани - Алекпер Сабир, великий азербайджанский поэт, будет похоронен на третьем холме Шемахи - в Еддигюмбез - у семи куполов. Три великих сына покоятся в родной земле.

Дорогие потомки, для вас они явились на этот свет, для вас писали и творили добро...

... Шемаха начинается с дорог... Бескрайние, бесконечные дороги... Ведущие в Ширван дороги с незапамятных времен известны торговцам всего мира. И поныне на Востоке вспоминают о караванных путях в Шемаху - сердце Ширвана. Живы до сих пор выражения: «караванная дорога в Ширван», «Шемахинская дорога», «Ширванское ханство», «Шемахинский султанат», «дворец Ширваншахов»...

Пройдет еще много веков, а женщины Востока будут укрываться шелковыми платками-келагаи под названием «шемаха», в далекой Индии и сейчас мужчины носят белую одежду, называемую «ширвани»...

Ширван пересечен дорогами. Идущие по дорогам путники останавливаются на привалы у источников Сеюдлю, Нанели, Гюллю, Минахор, расположившихся с четырех сторон света вокруг Шемахи...

Идущие из Шемахи дороги уводят сыновей ширванских в другие края. Один едет торговать, другой едет за наукой и славой, становится украшением чужих дворцов - поэтом, ученым. Что ж... Во имя славы родины не грех и послужить на стороне... Только пусть вовремя возвращаются домой... Пусть не оставляют Ширван без поэзии, музыки, без сыновей...

Пришло время расставания, друзья... Если доведется вам быть в моем Ширване, не поленитесь подняться к нашему пантеону памяти - и путь ваш обязательно приведет к трем шемахинским холмам. Приглядитесь к памятнику моего Сеида Азима Ширвани - и вы прочтете его собственные строки: «Звучит повсюду голос мой...»

Баку, 1970-1972 гг.

---

1 Переводы стихов, кроме особо оговоренных, выполнены В. Коллегорским.

2 Редиф - повторяющиеся после рифмы слова или фраза.

3 Перевод В. Кафарова.

4 Перевод Л. Пеньковского.

5 Ваиз - проповедник.

6 Бабиды - последователи учения бабизма, ставили своей задачей дальнейшее развитие ислама.

7 Переводы В. Кафарова.

8 Переводы В. Кафарова.

9 Перевод Д. Виноградова.

10 Перевод Т. Стрешневой.

11 Перевод Г. Асанина.

12 Перевод А. Клещенко.

13 Перевод А. Клещенко.

E-mənbə / link:
http://www.azeribook.com/history/aziza_jafarzade/zvuchit_povsyudu_golos_moy.htm